

Гулмира Кожокеева

ПО ТУ СТОРОНУ СУДЬБЫ

«Бийиктик Плюс»
Бишкек-2012

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-4
К 58

Кожокеева Гулмира.

К 58 По ту сторону судьбы. Повесть. – Б.: «Бийиктик плюс», 2012.
– 488 с.

ISBN 978-9967-13-879-0

История, описанная автором, реальна в нашей современной жизни.

Она об истинных семейных ценностях: любви, преданности, взаимоуважении и высокой духовности, готовности к самопожертвованию ради близкого человека.

Эта книга об истинной дружбе, верность которой проявляется в самые тяжелые минуты жизни.

Перед нами встают по-настоящему красивые герои со своими красивыми поступками, которые заставляют читателя задуматься о собственной жизненной позиции и своем месте в мире других людей.

К 4702300100-12

ISBN 978-9967-13-878-0

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-4

© Кожокеева Г., 2012.

Посвящается моей маме

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

*То, что за нами, и то, что впереди, мелочи
по сравнению с тем, что внутри нас.*

Ральф Эмерсон

ЗНАКОВАЯ ВСТРЕЧА

Мое знакомство с семьей Айгель началось еще в восьмом классе, когда после переезда из Алма-Аты во Фрунзе, я поступила учиться в ее школу. Мама после развода с папой сочла необходимым полностью сменить обстановку, саму жизнь и страну. С первой же встречи между мной и Айгель завязалась дружба. Надо признаться, что по большей части это была ее заслуга: доброжелательная и коммуникабельная, она сразу приняла меня, знакомя с традициями класса и школы, что для меня как новичка было особенно важно. Так мы начали дружить. Через две недели я впервые была приглашена в дом моей одноклассницы и новой подруги. Ее семья проживала недалеко от школы в трехкомнатной квартире. Первое, что бросилось в глаза, когда я переступила порог ее дома, это чистота и уют, улыбчивые лица ее родных. Их семья состояла из семи человек: родителей и пятерых детей. Старшим ребенком была Айгель, младшим – ее сестра Арлен, еще ходившая в подготовительную группу садика. Отец подруги, дядя Бакыт, был человеком рослым и красивым, с правильными чертами узкого лица. Как потом

выяснилось, он был человеком правдивым, не терпящим фальши ни в чем, не способным прислуживаться, торгуя своей честью. Прямолинейность его была настолько выражена, что по молодости даже мешала ему жить в мире со своим окружением. Но, тем не менее, его все считали глубоко порядочным человеком и специалистом с большой буквы, уважительно говоря о нем «хирург от Бога». Так сложилось в этой семье, что преданный своему делу дядя Бакыт большую часть времени проводил в клинике рядом со своими прооперированными пациентами, почти не давая себе возможности активно заниматься воспитанием детей. Это было привилегией тети Жени – мамы Айгель, впрочем, как и все остальное, что касалось домашних дел. Отец был добытчиком, кормильцем семьи. Она же была хранительницей очага, мира и благополучия дома, «Мамой» до последней микрофибры своей души, даже страна отметила это главное ее качество, наградив медалью «Мать-героиня».

Статная и красивая, с огромными миндалевидными карими глазами, эта женщина вся светилась улыбкой, озарявшей ее лицо. Белые, от природы ровные зубы придавали прелесть ее улыбке. Легкая в общении, она всегда была окружена людьми, с которыми у нее складывались глубокие доверительные отношения. Дети ее боготворили. Это улавливалось в их взглядах, словах, трепетном отношении. И она заслуживала все это, мудрая и добрая, создавшая в доме уют и необыкновенную притягательность для каждого, кто хоть однажды посетил его. Еще тогда, будучи подростком, я четко ощутила силу духа и невероятную нежность, исходившие от этой удивительной женщины. В моей семье отношения с мамой были несколько иными. Мама сама по себе была очень строгим человеком, скупой на нежности, и хотя я знала, что она меня любила, горячих проявлений этой любви мне недо-

ставало. То ли мама была вечно занята чем-то непонятным в стремлении устроить свою личную жизнь, то ли я была недостойна ее первейшего внимания, но взаимопонимания между матерью и дочерью, которое я увидела в семье Айгель, у нас не получалось. Поэтому, когда я бывала в доме подруги, в моей душе шевелился червячок зависти к Айгель. Я утешала себя тем, что каждый раз клялась в будущем обязательно стать такой же матерью как тетя Женя.

Дети подрастали, финансовые затраты ползли вверх, и потребности уже не укладывались в советский семейный бюджет. Сегодня, став матерью двоих сыновей, я начинаю понимать, как же тяжело тогда приходилось родителям Айгель, вечно решающим проблемы полноценного питания, да и одевания пятерых детей в условиях столичного быта, втиснутого в трехкомнатную квартиру. Отсутствие какого-либо дополнительного источника финансирования большой семьи сильно утяжеляли положение родителей. И все же, несмотря на сложности жизни, в их доме всегда царили не только мир и порядок, но и чувство настоящего счастья. Это по праву было заслугой тети Жени как жены, матери и хранительницы домашнего очага. И спустя годы, теперь, когда все мы стали взрослыми, говоря о родителях, Айгель никогда не забывает отметить:

– Дстойные чести и уважения мужчина и женщина, поднявшие своих детей, не обделив их ни в чем, вложившие в детские сердца совесть, сострадание и любовь, наделив их чистыми помыслами, дав каждому ребенку высшее образование как путевку в жизнь, да будут благословенны! Я говорю о моих родителях!

А я, слушая ее, всякий раз, соглашаясь, мысленно вторю: – Будьте благословенны!

Итак, дети выросли. Айгель стала психологом, следующий за ней брат – Эрбол, как и его отец, стал хи-

ругом, младший брат Амир, окончивший технический вуз, не стал работать по профилю, а занялся личным бизнесом, начав свою коммерческую деятельность у самых истоков рыночных отношений нашей страны в начале девяностых.

Средняя сестра Айгерим получила диплом юриста и успешно работает адвокатом. Младшая из детей – папина любимица Арлен решила посвятить свою жизнь науке и, став микробиологом, одна из немногих ученых, в двадцать шесть лет защитила кандидатскую, а сейчас, в тридцать лет начала свою докторскую диссертацию, став большой гордостью не только родителей, братьев и сестер, но и друзей.

Нужно отметить, что в десятом классе наши пути с Айгель разошлись, так как я уехала в Уфу к маминой сестре для получения российского аттестата и дальнейшего поступления в технический университет. Первые полгода мы еще как-то переписывались, но потом расстояния между нами и новый круг интересов и знакомых уже во взрослой студенческой жизни закрутили каждую из нас в бурлящем водовороте событий. На втором курсе я вышла замуж за военного человека, старше меня на девять лет. Потом родился мой первенец Никитка. Было сложно совмещать роль мамы и студентки, но я справилась. После окончания университета я осталась по месту службы мужа еще на пять лет. Но случилась трагедия, и Игорь, мой муж, во время боевых учений получил тяжелую травму и был демобилизован из армии. Сам он – в пятом колене россиянин, но предложение переехать в Киргизию воспринял без особых протестов. Через одиннадцать лет отсутствия я возвращалась домой. Единственный нюанс, несколько коробивший меня, это то, что уезжала я из Советской Киргизии со столицей городом Фрунзе, а возвращалась в суверенную страну Кыргызстан, в столичный город Бишкек. Итак, я вернулась домой уже взрослой женщиной,

матерью двоих сыновей: восьмилетнего Никиты и годовалого Кирышки. Игорь занялся развитием собственного бизнеса, я же, едва младшему сынишке исполнилось три года, вышла на работу в юридическую фирму. Все как будто устроилось, но заболела моя мама и жизнь снова долго не выпускала меня из своих тисков. Несмотря на то, что я в Бишкеке вот уже больше четырех лет, наши с Айгель пути так и не пересеклись. Сразу же по приезду я направилась к ее родителям по старому адресу. Но мне сказали, что они еще десять лет назад переехали, а куда, никто не знал. На том мои попытки разыскать подружку закончились. И вот однажды...

Это было утро мартовского дня, стоя на остановке в ожидании своей маршрутки, я увидела выходящую из подъехавшего такси молодую женщину с девочкой-подростком. Что-то в ее голосе мне показалось знакомым. Я внимательней присмотрелась и узнала в ней свою школьную подружку.

– Айгель! – воскликнула я.

Женщина остановилась и, посмотрев в мою сторону, на пару секунд застыла в изумлении, потом в ее глазах зажглась радость, и она заулыбалась.

– Аленка?!

Подойдя друг к другу быстрым шагом, мы обнялись.

– Это невероятно, что мы встретились, – сказала Айгель.

– Как жизнь нас закрутила. Ты всегда была здесь или жила где-то в другом месте?

– Я много ездила по миру, но это были лишь командировки по службе, и я всегда возвращалась домой, в свой любимый город.

– Как тетя Женя, отец, Айгерим и Арлен? Девчонки, наверное, стали красавицами, уже замужем?

– Да, спасибо, все слава Богу. Лишь папа.., мы его потеряли девять лет назад.

Я, ничего не зная о смерти дяди Бакыта, искренне расстроилась, осознавая весь масштаб трагедии.

– Прости, я не знала, – печально произнесла я.

– Спасибо за участие.

– Это твоя дочь? Как ее зовут?

Айгель взглянула на девочку.

– Даана, – промолвила та.

– Какое необычное имя, – заметила я, – а что оно означает?

– Косточка, – пояснила девочка и улыбнулась.

– У тебя улыбка бабушки, – отметила я и, взглянув на Айгель, уточнила, – тети Женина улыбка.

– Да, все говорят, – подтвердила она, – хотя во всем остальном она похожа на своего папу.

– Слушай, ты торопишься? Может, посидим где-нибудь, кофе попьем, – предложила я.

– Я бы с удовольствием, но мне необходимо решить кое-какие вопросы до начала уроков в школе. Даана учится во вторую смену с часу дня. Давай завтра запланируем встречу после обеда. Как ты на это смотришь?

– Без проблем. Давай обменяемся телефонами и созвонимся после обеда.

На том и расстались.

Первая половина следующего дня ничем особенно не отличалась от предыдущего. Я работаю, согласно второму образованию, юристом в одной частной нотариальной фирме. Отпросившись после обеда с чувством выполненного трудового долга, я ушла на встречу с Айгель.

Мы сидели в небольшом уютном кафе на семь столиков. То ли из-за того, что расценки здесь были высокими, как и подобает в элитных кафешках, то ли из-за раннего времени, зал был почти пустым. Кроме нашего столика лишь еще один в углу был занят молодой парочкой, о чем-то тихо воркующей за бокалами красного вина.

– Здесь уютно, – заметила я.

– И всегда немногочисленно в это время дня, – добавила Айгель.

– Возьмем martini? – вопрошающе глядя на меня, поинтересовалась она.

– И легкие закуски, я, по правде сказать, еще не обедала.

– С удовольствием.

– Ну, рассказывай, как сложилась твоя жизнь, где работаешь, вообще все рассказывай.

– Я психолог, после окончания медицинского института уехала в Москву, в ординатуру. Там же прошла трехгодичные курсы по практической психологии, по своей специальности кардиохирурга почти не работала, если не считать двухгодичную ординатуру. Вернувшись в Бишкек, не нашла работу психолога, в те годы эта сфера деятельности не пользовалась спросом, не то, что сейчас: просто воздуха нет от работы.

– Да, все эти бесконечные перевороты и революции в нашей стране настолько надорвали духовное и душевное равновесие народа, столько людей оказалось за бортом благополучия из-за всех этих житейских передряг с безработицей, вечным ростом цен и моральным распадом общества, что потеря работы тебе долго не будет грозить, – отметила я.

Айгель внимательно посмотрела на меня, подумав о чем-то своем.

– Ты не меняешься. Так же смотришь в суть вещей и говоришь без обиняков, – улыбнувшись, сказала она и, протянув свой бокал, предложила тост, – давай выпьем за эту встречу.

Martini был с кусочками льда и великолепно освежал.

– Замужем? – продолжая разговор, поинтересовалась я.

– Была. Он погиб в аварии много лет назад вместе с нашим пятилетним сыном.

– Прости, я не знала. Горе-то какое. Прости.

– Ничего. У меня есть Дааночка, очень похожая на отца, – глядя куда-то в пространство, с грустью сказала она, – только благодаря ей смогла я выжить тогда. А сегодня рана в душе зарубцевалась и болит лишь изредка, если потревожишь.

– Мне жаль, что так случилось.

Айгель понимающе кивнула и сделала глоток из бокала.

– Ну а у тебя как? Как сложилась твоя судьба?

– Мамы уже нет, пять лет назад ее разбил обширный инсульт, и она не выжила. Я замужем, у меня двое сыновей – Кирилл и Никита. Старшему сыну скоро пятнадцать, Кирюшке семь. Муж имеет свой бизнес – несколько швейных цехов, выпускающих верхнюю одежду, в основном для российского потребителя. Имеем несколько контейнеров на вещевом базаре «Дордой». Я работаю в нотариальной конторе. Живем в спальном районе в частном доме. Из Союза не выезжала, осталась верной нашей стране, – переводя свое повествование на шутивную волну, закончила я.

– Ты же, насколько мне помнится, поступала в Политехнический институт, кажется на инженера-конструктора? – затрудняясь в формулировке моего тогдашнего выбора профессии замялась она.

– ...космического оборудования, – пришла я ей на помощь. – Это была детская мечта, не имевшая под собой реальной почвы, так как на базе уфимского университета нельзя было стать космическим конструктором, и я стала инженером по ЭВМ. Но вскоре Союз распался, и моя профессия стала невостребованной. Просидев четыре года дома, я освоила новую сферу деятельности и окончила юридическую академию. С тех пор и работаю юрисконсульт.

Взгляд Айгель несколько потеплел, улыбнувшись лишь уголками губ, она произнесла:

– Я рада за тебя. Ты молодец.

– Ну, а тетя Женья как? Не болеет? Наверное, такая же красивая и добрая. Тебе очень повезло с мамой, я всегда тебе в этом плане завидовала, – прерывая возникшую паузу, сказала я.

– Спасибо, она к тебе тоже была сильно привязана в те годы. Долго интересовалась тем, как сложилась твоя судьба, куда ты пропала, почему перестала писать? Я сказала, что ты уехала к тете в Россию. Да, давно это было....

Мама сильно сдала после смерти папы. Я даже побаивалась, что его потеря окончательно подорвет ее здоровье. Родители очень любили друг друга и, прожив более двадцати девяти лет вместе, так и не растратили этого чувства... Думаю, поэтому им удалось вырастить нас с такой душевной привязанностью друг к другу.

О чем-то задумавшись, Айгель замолчала. Выражение ее лица приобрело некую грусть.

– Я до сих пор помню ваши четверговые откровения. Когда я впервые стала участницей ваших семейных собраний и увидела, как собравшись за накрытым столом, обсуждаете наболевшие проблемы каждого из присутствующих: и детей и родителей, как свободно делитесь своими обидами и тревогами, возникшими за неделю. Я была потрясена. Меня удивил сам процесс доверительных откровений и атмосфера взаимопонимания и поддержки, в которой все происходило. И что самое интересное, обсуждались любые вопросы, будь то учеба или отношения между детьми, и даже обиды на родителей. В моей семье такого не было.

– Да, эту традицию родители заложили в нас с детства. Мама считала, что родные души не должны носить в себе затаенные обиды друг на друга, а должны дове-

рительно разбираться в возникшей ситуации сразу, при этом уметь спокойно выслушать каждую сторону. Это правило, установленное мамой, помогало нам – детям, учиться осознавать свои ошибки, уметь просить прощение за проступки и, что немаловажно, уметь прощать. В течение многих десятилетий каждый четверг мы собирались за маминым столом и делились наболевшим и вместе решали, как преодолеть наши проблемы. За долгие годы это стало так же привычно, как дыхание или смех. И сегодня, когда мы выросли и обзавелись своими семьями, четверг остается для нас маминым днем открытий. Этот опыт я перенесла в свою семью. Мамин стол остался прежним, но вот круг присутствующих за ним сильно расширился, потому что в наших рядах теперь сидят и наши дети – мамы внуки. И это здорово. Конечно, бывают моменты, такие как свадьба или похороны в нашей семье, или у родни и друзей, и просто знакомых, когда мамы четверги выпадают. Но мы компенсируем их при первой возможности.

– Да, тетя Женя очень мудрая женщина и мать, – отметила я, поднимая свой бокал, – давай выпьем за нее!

– С удовольствием.

– А кем стала Айгерим? Как у нее сложилось в жизни?

– Она адвокат. Член коллегии, защитилась по кандидатскому минимуму. Преподает в Национальном университете право будущим юристам. Замужем, имеет дочь. В этом году она пойдет в первый класс.

– Кто ее муж?

– Мужчина, – засмеялась Айгель, словно не поняла вопроса.

Я, лукаво улыбнувшись, выжидательно смотрела на нее.

– Он врач, сосудистый хирург. Работает в ысык-атинской районной больнице.

– Это Кант?

– Да, районный центр.

– Он каждый день ездит туда?

– Тут же рядом, на машине дорога занимает у него двадцать минут. В городе в часы пробок больше времени уходит, чтобы добраться на работу.

– Айка второго не планирует рожать?

– Да пока молчат. Хотя мама активно агитирует.

– Как дела у братьев? Амир остался таким же подвижным, так же попадает в вечные смешные приключения? А Эрбол, наверное, такой же серьезный, вдумчивый?

– Амиру, как младшему из мальчишек, всегда доставалось больше любви родителей, но и журили его больше из-за его непоседливости. Ты же помнишь, у него не осталось ни одного места на теле, где не было бы шрамов или переломов. Одну только правую руку он ломал трижды и все на катке, то с горки летел, то на роликах врезался в дерево. Амир всегда был близок к исследованию жизни, к авантюрам. Его пытливым умом еще с раннего детства был в вечном поиске открытий. Он верил в клады и пиратов. Теперь же, повзрослев, он стал поспокойнее, но его воображение рисует невероятные приключения, о которых мой брат рассказывает своим детям на ночь.

– Сколько у него детей?

– Четверо.

– Сколько?!

– Три дочери и сын.

– Какой молодец! Как же он справляется с ними в наше-то сложное время. Их же нужно одеть, обуть, накормить, дать им образование?

Айгель в ответ лишь понимающе улыбнулась.

– Нет, молодец все-таки, – в задумчивости сказала я, – не то что некоторые, родят одного и носятся с ним, дрожа за его жизнь.

– Ты права, детей должно быть много, как у моих родителей. Конечно, им было трудно, но они вырастили нас, и как нам хорошо, что нас пятеро. С женами и мужьями десять, а с детьми более двадцати человек. Когда садимся за мамин стол, целая гвардия получается и чужих людей для массы не надо. Кстати, у Эрбола тоже трое детей: два сына и дочь. Старший уже заканчивает девятый класс. Мальчишки у нас молодцы, пополняют количественную мощь рода. Ну а мы, девчонки, оплошали: у всех троих по одной дочери.

– Что так?

– Да вот, видимо, мужья не уверены в своих возможностях, – переводя все в шутку, закрыла тему Айгель.

– Давно потеряли дядю Бакыта? Мне кажется, он еще в наши школьные годы болел?

– Да, мы с тобой были как раз в девятом классе, когда папа заболел.

– Кажется, была врачебная ошибка, или я что-то путаю? – уточнила я.

– Был выставлен неверный диагноз: инфаркт миокарда. А оказалась острая почечная недостаточность. Соответственно неправильное лечение. Сколько тогда мама потеряла здоровья и нервов, когда ей объявили, что нужно готовиться к худшему исходу, и что запас времени у отца практически не остался. Распродав все имеющиеся на тот момент ценности, все свои золотые украшения, обняв истощенного, обреченного мужа, мама вылетела в Москву. Отец уже не ходил. Все родственники и друзья родителей тогда считали, что мамины старания по спасению отца безнадежны. И только мы, дети, еще толком ничего не смыслящие в истинном трагизме случившегося, искренне верили, что папа излечится в столице, и все будет по-прежнему, как до его болезни. Родителей не было больше двух месяцев, мы, никогда не остававшиеся до

этого больше суток без их присмотра и заботы, в тот год прошли суровую школу жизни и взросления. Особенно я и Эрбол, трое младших так до конца и не осознали, как нам тогда было туго и не только морально, но в первую очередь материально. Тогда я извлекла свой первый урок родства: сытый голодного не разумеет. И когда родители вернулись, хотя папа так и не выздоровел, и даже выглядел намного хуже с огромным животом из-за жидкости на исхудавшем теле, словно выходец из концлагеря, мы, дети, были невероятно счастливы своим подростковым умом от осознания, что мама рядом. И теперь ничего уже не страшно, и никто нас не обидит, и мы снова будем обласканы и защищены. Золотая наша мамуля, как же она сильна духом: не сломившись под гнетом потери кормильца при еще малых детях, не опустила руки и, устроившись на две работы, пыталась удержать хрупкий мир семейного бюджета в стабильности. И ей это удалось. Мы были сыты, одеты не хуже других детей в школе.

Даже тогда, когда Москва объявила свой прогноз, увеличив гарантированное время жизни отца лишь на один месяц сверх того, что обещали местные доктора, и отец, смирившись с мыслью, что конец жизни подошел к нему вплотную, начал готовить маму к своим предстоящим похоронам, она не сдалась. Даже тогда, когда все вокруг – и родственники, и друзья, начали опускать или отводить глаза при ней, понимая, что вдовый платок уже неизбежно опускается на ее плечи, она не смирилась.

Мама не могла допустить даже мысли о том, что отец ее детей, с которым было пережито столько счастливых мгновений, месяцев и лет, мужчина, которого она любит, может уйти из ее жизни. Она не могла отдать его смерти. Начались поиски народных целителей, ясновидцев и знахарей. Каждый день мама напоминала нам:

– Ложась спать, засыпая, видя сны и просыпаясь, умываясь и кушая, в школе на переменах молите бога об

исцелении отца. Люди говорят, ни к кому так Всевышний не снисходителен, как к молитвам детей, неустанно просящих о благе родителя.

И мы без усталости молились.

Сейчас трудно сказать, что именно помогало моим родителям находить силы для подкрепления надежды, но отец пережил прогноз московских врачей на целых четыре месяца. Видимо, настолько велика была его воля к жизни и настолько безбрежна была любовь моей матери, что даже Бог встал на их сторону. Помощь пришла в начале пятого месяца, после приезда из Москвы. Старший сын моей тети женился. Новоявленные сваты в одном из разговоров сообщили, что наслышаны о женщине, немке по происхождению, недавно прибывшей в нашу страну из Дюссельдорфа. Согласно их информации, целительница обладает магическими способностями, в которых убедился их родственник с тяжелым неизлечимым заболеванием. И каково же было удивление, когда спустя четыре месяца после ее лечения, он полностью поправился. Сваты участливо предложили раздобыть адрес этой немки.

В тот же вечер тетя донесла эту информацию до моих родителей.

– Конечно, – обрадовалась мама, – это было бы здорово, может и нам она поможет. Возможно, именно в ее руках лежит исцеление Бақыта.

Как потом часто любил повторять отец, эта женщина старше семидесяти лет, плохо говорившая на русском языке, и изо дня в день поившая его снадобьями из ядовитых для человека растений, стала для него Божьим благословением. Уже через месяц после лечения отеки у папы спали, он начал садиться. А еще через два месяца он начал ходить. Анализы показывали явную резко положительную динамику. Наши мольбы были услышаны. После этого отец прожил еще семь лет и, возможно, жил бы еще, если бы не ошибка теперь уже медсестры.

- А она что сделала?
- Перепутала фамилии пациентов.
- В смысле «перепутала»?

– В соседней с отцом палате лежал другой человек по фамилии Аламанов, у которого ко всему прочему был еще тяжелой формы диабет. Он получал огромные дозы инсулина. Папа тогда грипповал, мы положили его чисто для профилактики во избежание возможных осложнений, способных спровоцировать его болезнь. Просто для профилактики, понимаешь? – голос Айгель дрогнул, – я убедила отца лечь в эту проклятую больницу, я...

– Ну, ты-то тут причем?

– Мне казалось, что, если папа будет в больнице, его друзья и родственники хотя бы из чувства такта чаще будут навещать его, проявляя заботу, и он почувствует себя нужным не только своей семье, но и другим. За годы болезни, чего уж лукавить, ему пришлось нелегко. Обладая пытливым умом, всегда востребованный своими пациентами, коллективом, душа компании, он в одночасье стал изолированным от всего этого. И даже, когда начал поправляться и смог частично возобновить свое участие в жизни родственников и поредевших в количестве некогда близких, как ему казалось, друзей, он все равно не смог вернуться к прежней полноте жизни. Все-таки здоровье его так до конца и не оправилось. Но несмотря на инвалидность второй группы, он жил, смеялся, любил и был любим женой и детьми. При этом, я думаю, он глубоко страдал от своей неполноценности как кормильца семьи. Папа изменился, стал более раздражительным, замкнутым. Однако тяжелее всех приходилось маме. Гордая и сильная, она ни разу не пожаловалась на судьбу, не позволила ни одному человеку проявить унижающую жалость к себе как к несчастной. Мамуля всегда улыбалась людям, отшучивалась и пела песни, как бы тяжело не

было. Даже в те трудные годы она оставалась для своих подруг, сестер и коллектива советчицей и защитницей. От нее всегда ждали помощи. И для каждого из них мама находила и время, и участие, и поддержку. Как женщина она всегда выглядела ухоженной, равной каждой из них по счастью и благополучию. И как только ей это удавалось, до сих пор не пойму. Умение держать форму, впрочем, как и удары судьбы, всегда было маминой визитной карточкой. Я другая. У меня так не получается...

Я слушала, затаив дыхание, свою подругу, с такой гордостью и теплом в голосе говорившую о своей маме. Все ее лицо было озарено чувством нежности. Оно словно светилось изнутри.

– Да, – сказала я, вздохнув, – ты рассказываешь о ней, как о божестве каком-то, и я позавидовала и тебе, и твоей маме.

Айгель смутилась.

– Ну, скажешь тоже. Правда излагается всегда легко и складно. А мамуля у меня действительно святая. Самая лучшая из матерей земли!

Она улыбнулась:

– Ну вот, без умолку рассказала почти всю историю отца. Не знаю, почему я все тебе рассказываю. Ты, наверное, обладаешь гипнозом? – рассмеялась Айгель.

– Угу, прям Кашпировская, – подтвердила я, расплываясь в широкой улыбке.

– Ты сказала, что была ошибка медсестры, – возвращаясь к прежней теме, уточнила я, – что-то связанное с лекарством или какой-то процедурой?

– Большая доза инсулина. Отец прямо на игле впал в кому и, пробыв в этом состоянии трое суток, так больше и не оправился. Через неделю мама забрала его домой, так хотел папа. Он больше не поднялся на ноги. Через месяц его не стало.

– Кошмар! Мне жаль, мне очень жаль...

– Мне тоже, – почти шепотом, упавшим голосом сказала она.

Мы обе молчали. Почему-то заломило в висках, я провела пальцами, пытаюсь унять боль.

Пауза затянулась. Подошел официант.

– Вам еще что-нибудь подать?

– Да, – сказала я, – кофе, один со сливками.

Когда мы остались одни я уточнила:

– Что стало с этой медсестрой?

– Ничего, возможно, все еще работает. Не знаю. Конечно, первая реакция была прибить ее и всех врачей в этом отделении, но потом спустя годы я успокоилась. Когда папа пришел в сознание, то потребовал от мамы и детей не поднимать шума.

– Я сам врач, – сказал он тогда, – и хорошо знаю, как сложна работа медсестры. Наша работа ходить по острию ножа.... Все равно уже ничего не исправить, а она сделала это не специально, не ломайте ей жизнь. Я требую, пообещайте мне.

И мама обещала. И я тоже.

Айгель взглянула на часы.

– Мы уже сидим здесь три часа. Вот время летит! Но начало прерванной дружбе положено, телефонами мы обменялись, живем в одном городе, думаю, больше не потеряемся. У отца моего зятя сегодня юбилей. Вечером мы приглашены туда. А еще надо привести себя в порядок...

– Да ты и так в порядке, великолепно выглядишь!

– Нет, надо уже идти. Даана со школы пришла. Пока поест, пока соберется.

– Ладно, – сдалась я, хотя уходить совсем не хотелось.

– Давай возьмем за правило, раз в неделю встречаться здесь, пообщаемся, – предложила я.

– С удовольствием. Но это не означает, что стоит только этим ограничиваться, звони хоть каждый день. Буду рада слышать тебя.

Уже стоя у такси, она долгим взглядом посмотрела на меня и сказала:

– Мне почему-то стало легко на душе, спасибо тебе за это.

– Не за что, – ответила я, улыбаясь, хотя сразу не сообразила, за что было сказано спасибо.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

С нашей новой встречи с Айгель прошло более года. За это время мы очень сблизились. Я стала часто бывать не только в ее доме, но и в квартире тети Жени. Конечно, после долгого перерыва в нашем общении, при первой встрече с ней мне сразу бросились в глаза перемены в ее внешности. В огромных миндалевидных глазах я увидела глубокую усталость, особенный свет, всегда живший в ее взгляде, совсем потускнел, готовый почти погаснуть. Глубокие сеточки морщин вокруг глаз навсегда поселились здесь. Передо мной была погрубевшая женщина. Всегда такая статная, красивая и лучезарная, какой запомнилась мне с детства, она теперь была мало похожа на себя. Потери и тяготы жизни, как бы нестигаемо высоко не держала она голову, не уронив себя, все же сделали свое черное дело, слишком скоро отобрав молодость и яркую красоту. Хотя и сегодня она оставалась видной дородной женщиной, но бывшая свежесть почти покинула ее. Однако первое же общение, показало ошибочность моего восприятия. Да, она изменилась внешне, но душа ее осталась такой же светлой, молодой и жизнерадостной. Уже много позже я поняла, насколько обманчива бывает внешность. Тетя Женья была и оставалась центром надежды и источником света для всех своих знакомых и друзей, но самое главное для детей, в число которых теперь была зачислена и я.

Это был вечер понедельника. Зазвонил городской телефон. Подняв трубку, я произнесла:

– Алло, слушаю вас.

– Аллен, мамина сестра умерла. Мы все едем туда. Детей не с кем оставить. Не могла бы ты приехать и побыть с ними?

– Ужасно, какое горе. Тетя Медина оборвалась? Когда?

– Час назад. Ее повезут в деревню. На родину ее мужа. Мы все выезжаем туда.

– Конечно, я присмотрю за детьми, если нужно, я попрошу золовку побыть с ними, а сама помогу вам на похоронах.

– Нет, спасибо. Ты нужнее здесь. Когда сможешь подъехать?

– Да вот оденусь и приеду, а куда?

– Их всех привезут ко мне домой. Дааночка одна не справится с ними. Особенно с дочерью Арлен Камиллой. Ты же знаешь ее ситуацию.

Да, ситуацию девочки я знала хорошо. Ками родилась с тяжелым диагнозом «Детский церебральный паралич, локомоторная форма». Как потом выяснилось, причиной болезни явилась родовая травма. Неправильная тактика ведения родов, выбранная акушер-гинекологом навсегда сломала жизнь девочки и не только ее. Кардинально поменялась и судьба самой Арлен и ее мужа – Армана. Тетя Женя все эти годы была рядом с Арлен, пытаясь поддержать и защитить ее от боли, которая сопровождает ее и по сей день. Куда только не возили Камиллочку, каким только профессорам не показывали, но вердикт был непреклонным и безжалостным: болезнь неизлечима, ребенок никогда не будет ходить и останется глухим навсегда. Доктора опускали глаза и советовали смириться. Но как могло материнское сердце без борьбы принять это. Сколько было пролито слез, сколько было молитв, обращенных к Богу, сколько было вложено сил в поисках исцеления. И не было ни одного дня, когда бы Арлен опустила руки,

потеряв надежду. И тетя Женя бесценно была рядом с дочерью, сопровождая ее повсюду и разделив с ней эту горе пополам.

Айгель в разговорах о ней всегда отмечала:

– ...насколько же сильна духом моя младшая сестренка, с таким достоинством несущая свою боль, как же она похожа в этом на маму, такая же сильная, такая же гордая и, как бы трудно ей не приходилось, всегда улыбающаяся.

Пятнадцать лет перерыва в нашем общении исключили мою возможность наблюдать, как выросла Арлен. Я ее помнила совсем маленькой девочкой, а когда мы вновь встретились, предо мной предстала красивая молодая замужняя женщина, совсем еще юная, с невероятно светлой улыбкой, вдумчивым взглядом, в котором где-то глубоко жила печаль, так старательно запрятанная, что неопытным глазом не сразу и различимая. Насколько я теперь знаю ее, все, что о ней говорит Айгель, правда. Все эти годы тяжелого испытания она не только не озлобилась, но стала еще милосердней, в ее сердце уместилось столько света и добра, что хватило бы на сотни людей, окажись они на ее месте. В течение всех этих лет, каждые два месяца Ками проходила сложнейшее дорогостоящее лечение, одной зарплаты Арлен и Армана не хватало, поэтому тетя Женя и Айгель всегда оказывали ей посильную материальную помощь. Арлеша, как ласкательно звали ее домашние, после окончания медицинского института с красным дипломом, осталась в ординатуре и по окончании ее поступила в аспирантуру. И в двадцать шесть лет успешно защитила кандидатскую диссертацию. На момент возобновления моих отношений с семьей подруги, она уже преподавала на кафедре микробиологии в медицинской Академии, читая лекции студентам, и параллельно практиковала в клинике инфекционных

болезней. Рабочий день ее начинался с восходом солнца и заканчивался далеко после заката. И откуда только черпал силы этот стойкий оловянный солдатик?!

Когда я подъехала к дому подруги, Айгель уже не было. Дети остались одни, лишь под попечительством Дааны.

– Добрый вечер, тетя Алена, – поприветствовала меня девушка.

– Здравствуй, солнышко.

Из зала слышались спорящие голоса детей, шумно обсуждавших смерть своей тети.

– Она умерла два часа назад, – слышался голос мальчика-подростка.

– Да нет же, – оспаривал голос девочки.

Я прошла в комнату, где громко работал телевизор, а сын и дочь Эрбола, прекратив свой спор, уставились на меня.

– Привет всем. Дааночка, вы кушали? – поинтересовалась я.

– Нет еще, я тушу картошку. Скоро уже будет готова.

– Ну, пойдем на кухню, посмотрим, что еще есть для ужина.

Было десять вечера, когда уложив детей спать, я расположилась на диване перед телевизором в поисках какого-нибудь фильма. Подошла Даана.

– Можно я посижу с вами. Не спится, – обратилась она ко мне.

– Конечно, если это не помешает тебе завтра вовремя встать в школу.

– Наверное, я завтра не пойду на учебу. Диана и Канат, дети Эрбол тайакешки сами не доедут, их школа в другом конце города, Айдай – дочь дяди Амира, приехала к нам на каникулы, у них в Америке сейчас почему-то двухнедельный отдых, вот везет им. Правда? Айгерим

эжешка разрешила Алюке не ходить в садик. Она ходит в младшую группу. А Ками надо везти только на машине, у нее же плохо ходят ноги. Но голова работает хорошо, за прошлый учебный год она даже медаль получила.

Тетя Медина сильно болела. У нее был рак, мама говорила, это очень мучительно, – почему-то меняя тему, произнесла дочь Айгель, – когда мы ходили проводить ее, она даже сидеть не могла, была вся желтая, как лимон, и все стонала. Бабушка ее очень любила, кажется больше всех остальных сестер. И тетя Медина была больше всех к тайэнешке привязана. Как вы думаете, когда человек умирает, ему страшно? Когда смерть приходит за ним, ему сильно больно? – подумав о чем-то своем, вдруг спросила она.

– Считается, что смерть, как и рождение, сопровождается болью. Но Бог сделал так, чтобы человек не помнил об этом и не боялся рождаться и умирать. Эти процессы неизбежны как день и ночь и не зависят от нашей воли или желания. Все рожденные когда-нибудь умирают, это касается всего живого на земле.

– Я думаю, ее душа попадет в рай, как и душа моего дедушки, – словно размышляя, произнесла она.

– А как ты это поняла?

– Она много страдала. Мама говорит, что бабушка уже в раю, потому что никому не делал ничего плохого и много лет тяжело болел, поэтому успел отработать все свои грехи. Бабушка же говорит, что тетя Медина очень добрый и щедрый человек, многим людям она помогла в трудную минуту. Я видела, как она похудела и жила на уколах, такие сильные боли ее мучили. Думаю, она заслужила жизнь в раю.

– Мама верно сказала, хорошие люди всегда попадают в рай. А у вас есть фотография маминей тети?

– Да, в фотоальбоме должна быть. Сейчас поищу.

Медина была милостивой женщиной. На всех имеющихся фото разных лет она улыбалась. В отличие от тети Жени, похожей на свою маму, ее сестра имела иные черты.

«Наверное, похожа на отца», – подумалось мне.

Теплая энергетика исходила от снимков с ее изображением.

– Хорошая женщина, – уже вслух сказала я.

Продолжая листать альбом, я увидела фотографию Камиллы в белой рубашке и темных брючках с огромным букетом в руках. Глаза ее светились от счастья, широкая улыбка озаряла лицо.

– Какая она здесь красивая, – не удержалась я.

Глядя на изображение сестренки, Даана с нежностью произнесла:

– Да, очень красивая здесь. Она так хотела пойти в школу, так готовилась, что даже уснуть не могла. Утром кое-как подняли с постели. Мы все в тот день были на школьной линейке, чтобы поздравить Ками с ее первым учебным днем. А после школы пошли в кафе, чтобы отпраздновать это событие, купили большой торт и разноцветные шары. Камилла была счастлива...

Голос Дааны приобрел нотки грусти, девочка тяжело вздохнула и, помолчав, добавила:

– Сначала она с такой радостью ходила в школу, но уже через неделю каждое утро плакала, упрашивая тетю Арлен пропустить занятия. И мне она сколько раз жаловалась...

– Жаловалась на что?

– На одноклассников, да и на всех школьников.

– Почему?

– Они смеялись над ней и вечно толкали, чтобы она упала. Обзывали, унижая ее.

Она же тогда плохо ходила. Но математику письменно решает лучше всех в классе. А устные предметы

даются тяжело из-за того, что их нужно пересказывать. Она стесняется своей картавости. Но так было раньше, сейчас она, как и мы, все слова произносит нормально. Это все благодаря ее упорным стараниям.

– А в какую она школу ходит?

– В обычную, возле их дома в третьем микрорайоне.

– Она сейчас в каком классе?

– Уже в шестом. Ками сильная и очень добрая. Добрее, чем я, или кто-то другой из моих братьев и сестер. И никогда не помнит зла. Наверное, поэтому у нее всегда есть подружки. Одна из них дочь ее классного руководителя. Когда Ками была поменьше, она не понимала, что дети смеются над ее большими ногами, обзывают ее калеккой. Камилла принимала это за игру, догоняла их, стараясь из всех сил плохо работающими ногами не отставать от убегающих. И когда дети начинали кружить над ней, как вороны, корча рожи и смеясь над ее очередным падением, она, не понимая смысла этого издевательства, смеялась вместе с ними, считая это веселой игрой. И сегодня Камиллочка часто смеется, когда падает или ее толкнут чаще специально, чем нечаянно, несмотря на боль смеется, а на ресницах дрожат слезы. Мне иногда кажется, что она все понимает, просто ей так легче выжить среди жестоких детей, так и не принявших ее.

У меня сжалось сердце. Я не знала этих подробностей. Арлен всегда улыбалась, не показывая свою боль, и никогда не жаловалась на жестокость мира по отношению к ее ребенку. А Камилла при наших редких встречах на вопрос, как твои дела, всегда отвечала:

– Все хорошо.

– А ты откуда знаешь, что дети так поступают? – спросила я у Дааны.

– Тетя Арлен жаловалась маме и бабушке и не раз. Мама предлагала ей поговорить с детьми во дворе и в школе, но тетя запретила ей, сказав, что сама поговорит.

– И что, поговорила?

– Да, и с детьми, и с их родителями. Бабушка ходила в школу и беседовала с учителями и даже с директором. Потом были школьные и классные собрания, где ученикам говорили про Камиллочку. Старшеклассники вроде не обижают, понимают и поддерживают ее. Но сверстники не изменили своего отношения. Видела я этих злыдней. Ходила в школу. Им что-то говоришь, а они ржут, как лошади. Я им пригрозила тогда, что приду и надеру уши всем, кто обидит мою сестренку. Помогло лишь на пару недель. После я еще раза три ходила в школу после занятий. Одному из старшеклассников даже по башке дала за то, что он на переменах толкал Ками. Так он, дурак, побежал маме жаловаться, а сам на два класса старше моей сестренки... Трус несчастный, – почти с ненавистью закончила Даана.

– А почему ее не перевели в другую школу?

– Мама говорит, что дети везде одинаковы. Жестокие и нетерпимые. Говорит, что нет гарантии, что и там ее не будут обижать. А мама никогда не ошибается. К ней все приходят за советом – и знакомые, и чужие. Она ведь психолог. Мама сказала, что проблему надо решать на месте.

– И как, решили?

– Думаю, да. Потому что Ками говорит, что в классе к ней стали лучше относиться. Видимо, наконец-то разглядели ее доброе и щедрое сердце. Хотя во дворе особенно ни с кем не дружит. Но она повзрослела, уже как раньше не бегаёт за теми, кто от нее убегает. А еще она научилась давать сдачи, когда на нее нападают, если, конечно, обидчики не намного старше и сильнее. Теперь она не боится их. Недавно по секрету сказала мне, что чувствует в себе силы воды и ветра, и ее теперь никто не сможет обидеть. Я так удивилась этим словам. Но, чтобы под-

держат ее, согласилась с ней. Почему она так сказала, я так и не поняла.

Даана о чем-то задумалась. Я тоже молчала, не мешая ей. Но пауза слишком затянулась.

– А хотите, я вам покажу свои стихи?

– Конечно, хочу.

Девушка встала и направилась в свою комнату, где, мирно расположившись на кровати, спал Канат и младший, полуторагодовалый сын Эрбола Эрмек.

Не включая света, Даана нашла нужную тетрадь и тихонько вернулась в зал.

Послышался стон из спальни, где расположились девочки. Я прошла туда и, подойдя к кровати, прислушалась. Двухспальная кровать гостеприимно разместила Камиллочку, Диану, Айдай и Алию – дочь Айгерим, которую все именовали не иначе как Алюка.

Я стояла и слушала посапывание их носиков, когда снова послышался стон.

Это была Камилла.

– Не надо, – почти плача простонала она, – мне же больно. Пожалуйста, нанешка, не надо.

Открытым ртом она шумно дышала.

– Камиллочка, что случилось? У тебя что-то болит? – спросила я, коснувшись ее плеча.

Девочка продолжала спать. Вошла Даана и пояснила:

– Она всегда так спит. Часто плачет во сне. Я когда утром спрашиваю, что тебе снилось, ты плакала, она говорит, что плохие ребята ее толкали, били и издевались над ней. А иногда она даже не помнит, что ей снится.

– Кого она зовет нанешкой?

– Тайэнешку, мамину маму. Когда она только училась говорить, слово тайэне давалось ей с трудом, и Ками стала называть бабушку нане, а после и я стала так называть тайэнешку. Мне кажется, так даже ближе и роднее

звучит. Ведь ни у кого больше нет нанешки, кроме меня и Ками, – с нотками удовольствия в голосе пояснила она.

– Вот стихи, – несколько стесняясь, продолжила Даана. Это была тетрадь в девяносто шесть страниц.

На первой странице в стиле анимэ было изображение девушки на ветру, держащей в своих ладонях земной шар. Рисунок был великолепен по качеству исполнения и красочности, неся в себе какой-то философский смысл.

– Это ты сама рисовала?

– Да.

– Я знаю, что ты несколько лет посещала студию изобразительных искусств. Айгель говорила, что даже несколько твоих работ выиграла республиканский конкурс, заняв первое место среди рисунков детей до двенадцати лет. И международный конкурс, заняв четвертое место среди юниоров.

– Это было давно. Я тогда училась в шестом классе, – смущенно проговорила она.

– Все равно, это же твои победы. А какие работы вошли в конкурсную программу, наверное, пейзажи какие-нибудь?

– Было отобрано шесть работ на темы: «Мир моими глазами», «История одного человека», «Город, в котором я живу», «Дети мира за мир на земле». Два моих рисунка были отмечены дипломами.

– Ты продолжаешь ходить в изостудию?

– Нет, я уже два года как бросила.

– Почему?

– Времени не хватает на учебу. Программа сложная, мы же по московской программе учимся. Да еще попали в экспериментальный проект обучения. По восемь уроков каждый день. Учеба в школе занимает большую часть дня, плюс домашние задания. Остается время лишь на обед и ужин, еще полчаса можно подышать вечерним воз-

духом. Лишь по выходным могу позволить себе тренировки по «айкидо».

– Почему именно айкидо?

– Чтобы уметь защищать себя и маму, если понадобится. Я занимаюсь боевым айкидо.

– А танцы не привлекают тебя?

– Привлекают. Я даже четыре года ходила на хореографию, посещала студию современного танца. Но из-за нехватки времени пришлось выбирать между айкидо и танцами. Я сделала свой выбор. Мама согласилась.

Я перевернула страницу и увидела написанные ровным аккуратным почерком стихи.

– Можно я пойду спать? – спросила Даана.

– Конечно, – ответила я, взглянув на нее. Легкое смущение сквозило в ее взгляде.

«Стесняется, – подумалось мне, – возможно, я первая из посторонних, кому дозволено читать ее стихи».

Я сидела часа два, не отрываясь от строк, несущих в себе столько раздумий, задающих столько правильных вопросов, что обычно не является свойственным детскому и подростковому уму. Дааночка открывалась мне заново как глубоко мыслящий, с аналитическим складом восприятия мира человек. В ней глубоко сидела вера в Бога, в его справедливость и милосердие. И хотя стихи были не совсем литературно отработанными, но несли в себе глубокие наблюдения и размышления о жизни. Казалось, это стихи взрослого человека, прошедшего долгий и очень сложный путь.

Если б только могла я унять твою боль,

И принять на себя часть страданий твоих.

И ошибку Вселенной, допустившей

Страданья твои, я могла бы исправить.

И за это пришлось бы платить мне

Ценою больших для меня испытаний,

Я готова принять их, не уронив и слезинки,
Стиснув зубы, чтоб не было слышно и стопа,
Если вдруг он прорваться захочет из сердца, не вы-
держав боли.

Я согласна. Только б мне удалось изменить твою горь-
кую долю.

Только б мне удалось подарить тебе исцеленье.

* * *

Стихи не были посвящены кому-либо. Но я и без этого
поняла о ком шла речь.

«Как же глубоко сидит в тебе боль Камиллы, – подумала я, – как же горько должно быть ей самой, если даже тебя ее участь так ранит».

Кроме стихотворений в тетради было много кратких размышлений, словно фрагменты, вырванные из разных жизненных ситуаций.

Вот некоторые из них:

«... Когда смерть забирает кого-то очень дорогого и любимого, то люди говорят о нем, что он был настолько хорошим человеком, что Бог сам нуждался в его присутствии и забрал к себе. Не значит ли это, что смерть не так страшна как ее описывают, и есть лишь порог, за которым умершего человека непременно ждет что-то хорошее, ведь он сам хороший? Получается, что все, кто остается жить, есть плохие люди, которых Бог не хочет забирать, а значит, не любит их, может, даже ненавидит.... Тогда как же быть со мной, мамой и многими другими людьми, которых я люблю и знаю, что они очень хорошие?»

«...Почему столько детей рождается больными и обречены на страдания? Ведь они не успели сделать что-то дурное. Тогда за чьи грехи они платят такую цену? Если за чужие ошибки, пусть даже их родителей, это ведь несправедливо. Куда смотрит всевидящий Бог?»

«...Вчера к нам приходили тетя Арлен, и Ками. Они приехали после процедуры, которую мама назвала операцией. Камилла была заплаканной, не могла стоять на ногах. Как я поняла из разговора тети с мамой, ей перерезали сухожилия на ногах, потому что они были очень короткими и не позволяли выпрямиться ее ногам. Колени сестренки были толстым слоем забинтованы, и все равно на них была видна подсыхающая кровь. Ками долго плакала, рассказывая мне, как ей было больно, что ей делали много уколов в спину и голову. Вечером я спросила у мамы:

– Зачем ей делали уколы в голову? Это же больно?

– Видишь ли, при такой болезни причина недуга сидит в голове больного, поэтому врачи вводят лекарства непосредственно в активные точки, расположенные на коже головы и по бокам позвоночника. Таких точек много. Сегодня Камилле сделали сразу двенадцать уколов. Но другого лечения, способного помочь ей, пока нет. Этот метод новый, так сказать экспериментальный, и широкого применения еще не имеет. Но он нам помогает. Вспомни, как Камилла не могла передвигаться, ноги совсем не распрямлялись. Она плохо говорила. Если бы тетя Арлен, жалея дочь, не проводила курсами такое лечение, и тайэнешка несмотря на слезы и просьбы Камилочки вот уже девять лет не делала растягивающий ее связки и сухожилия ног массаж, разве Ками сегодня ходила бы в школу? Многие из родителей, кто вместе с нами начинал тогда лечение своих больных детей, не достигли такого результата лишь потому, что боясь детских слез и стонов бросили лечение, и их дети так и остались с парализованными ногами. А наша девочка вопреки всему не только поднялась и пошла, но учится в нормальной школе на четверки и пятерки. Это ли не чудо! Это ли не результат каждодневного труда бабушки, вот уже девять лет сопро-

вождающей ее на эти самые болезненные лечебные процедуры. И пусть она не совсем красиво ходит, она все равно уже победила свой недуг, доказав в первую очередь себе и маме, что их труды не напрасны и надежда на дальнейшее улучшение имеет под собой реальную почву. А для этого нужно сегодня потерпеть.

– А вы думаете, она полностью излечится от своей болезни?

– Нет, полностью не получится, такая уж эта болезнь. Но вопреки козням судьбы она окончит школу. Потом овладеет всеми навыками компьютерного мастерства, она же об этом мечтает. А Арлен поможет ей и откроет небольшое интернет-кафе, где она будет хозяйничать и станет наша Камиллочка преуспевающей бизнес-леди. Голова у нее работает хорошо. Вон смотри, как она решает задачи по математике, одна из лучших в классе.

– И в компьютерах она разбирается лучше меня, хотя и младше. Если потренируется, даже хакером может стать, – отметила Даана.

– Вот и хорошо. Значит, профессия ей обеспечена.

«Я вот думаю, – далее писала Даана, – может, Ками будет гениальным программистом, может, Бог специально ее сделал такой. Говорят же, что талантливые люди всегда сильно отличаются от нас. Может быть, ее болезнь, есть плата за дар божий, который мы еще увидим?».

Я перелистнула последнюю страничку тетради. Там было всего три умозаключения.

«...Никто так не восторгается твоими даже самыми крохотными победами, как мама и бабушка».

«...Несмотря на свой возраст, тайэнешка осталась самой молодой и веселой, с ней можно говорить на любые темы как с подругой. Это здорово!»

«Боже, если можно разделить огромную боль в душе одного человека на многих людей, и если есть такие

люди, готовые взять на себя часть этой боли, прошу тебя, сделай это. Я знаю, такие люди есть – это моя семья: бабушка, мамины братья и сестры, и мы, их дети».

Закрыв тетрадь, я еще долго сидела в раздумье. Из спальни снова послышался стон.

Я прошла в комнату.

– Это Ками стонет. С кем-то во сне спорит, – тихо сказала Даана.

– Ты еще не спишь?

– Сейчас усну, – коротко ответила девушка.

Я подошла к краю кровати и, наклонившись, взяла руку Камиллы и поцеловала. Девочка не отреагировала.

«Спокойной ночи», – сказала я ей мысленно и вышла в зал.

Вот уже более часа я ворочалась на диване. Разные мысли роем кишели в моей голове.

«Нужно сосчитать до тысячи», – заметила себе я и мысленно начала:

«один, два, три...четыреста сорок шесть, четыреста сорок семь...».

На каком счете я уснула, не знаю, только проснулась я утром, когда услышала шумный разговор детей из детской.

Я взглянула на часы. Было восемь утра.

Набрав номер приемной моей фирмы, поставила в известность руководство о причине своего отсутствия сроком в три дня.

Стоял январь, и за окном было морозно. Даана в столовой накрывала на стол, готовя завтрак. Дети, включив телевизор, увлеченно спорили о каком-то фильме. Им было не до траура, смысла которого они до конца так и не понимали. Жизнь вокруг продолжалась, и для них этот день был лишь поводом пропустить школьные занятия.

ПОДРУГИ

Весна удалась на славу. Яркая сочная молодая зелень как-то особенно густо покрывала землю и деревья. Мои любимые березы принарядились. Казалось бы, посеревшие от грязи и копоти их стволы словно обновили не только крону, но и саму кору, сделав ее лучезарно-белоснежной с узорчатыми черными крапинками. Деревья словно заневестились, гордо обрамляя обочины дорог. У меня произошли некоторые перемены в жизни: смена места работы. Теперь я возглавляла свою нотариальную контору, в которой работали четыре юриста. На данном этапе я готовлю документы для расширения своего дела, открыв еще и адвокатскую контору. Трое моих хороших знакомых, работающих в сфере частного сыска, готовы объединиться со мной. Меня всегда привлекала адвокатура. Вот и сейчас я везу документы в Минюст для регистрации.

Настроение хорошее. Погода изумительная. Сквозь боковое стекло автомобиля просачиваются лучи теплого солнца и ласкают мне лицо.

Зазвонил сотовый:

– Алло, слушаю.

Это была Марина, близкая подруга Айгель. За три года наших возобновленных отношений я не раз встречалась с ней: в доме подруги и тети Жени она была частым гостем и, по-моему, к ней относились как к члену семьи. Эта связь укрепилась за долгие пятнадцать лет дружбы, еще с институтских дней. Она практически всегда была в курсе многих событий этого дома. Работала Марина в социальном отделе Жогорку Кенеша заместителем начальника отдела и имела троих детей. Старшего сына от первого брака и двух младших от второго мужа. Так уж вышло, что платой за вторую попытку счастья, установ-

ленной нынешним супругом, стала отправка старшего сына на постоянное проживание к ее родителям. Дед не только принял внука под свое крыло, но и усыновил, дав ему свою фамилию. Мальчику тогда было шесть лет. В детстве он сильно нуждался в матери и не скрывал этого, но со временем привык к своему новому положению, одобренному щедрой любовью деда, всегда ровным отношением бабушки и бесконечными придирками дяди – младшего брата матери, жившего в одном доме с ними. Дядя был женат больше трех лет, но детей не имел. То ли бог наказывал его за вредность, то ли его жена, люто ненавидевшая всех вокруг, по мнению самого мальчика, не заслужила большего, и детей у них не предвиделось. Сегодня старшему сыну Марины исполнилось семнадцать лет. Он вырос со сложным характером, но учитывая обстоятельства его жизни, было бы несправедливо винить в этом только его. Все это постоянно тяготило Марину, делая ее своенравной и эгоистичной, но как убеждала меня Айгель, она никогда не была пакостливой.

– Просто она родилась такой, может, это даже хорошо, когда человек на первый план выставляет свои интересы и считает, что мир должен вращаться вокруг него, его детей и его выгоды. По крайней мере, представь, как повезло ее семье, ведь она на страже их интересов, – шутя, успокаивала меня Айгель, когда поначалу нашего общения с Мариной я подмечала не совсем корректное ее поведение в кругу людей, собравшихся за одним столом. Но узнав ее ближе, я привыкла к ее недостаткам и даже оценила достоинства. Ее спасали юмор и самоирония: язвительно подмечая недостатки других, она нередко высмеивала и свои промахи, тем самым уравновешивая созданную ею же напряженную обстановку. Возможно, в душе она была достаточно сердобольна, но своенравие и эгоизм портили всю картину. Хотя на помощь при необ-

ходимости она приходила одной из первых. Постепенно и мы с ней сдружились. Меня она назвала Ленкой, Айгель – Гелькой, так уж сложилось. В конце концов, как подметила Айгель: все мы не безгрешны, и какая разница, как нас именуют друзья.

Итак, это была Марина.

– Привет, Ленка. Как твои дела на работе? Дома в целом? Что с адвокатской конторой. Открыла?

– Привет, все слава Богу. Вот в Минюст еду, документы для регистрации везу. У тебя как?

– Нормально. Геля тебе говорила о том, что я недавно в Малайзию слетала.

– Слышала. Все путешествуешь.

– Как там здорово. Ну, климат и все такое. Кстати, платки привезла, шелковые, для презентов. Тебе такого нежно лазурного цвета с белыми лотосами по краям. Думаю, понравится.

– Ой, спасибо. Это мой любимый цвет.

– Знаю. Поэтому и искала его, очень популярный цвет у туристов.

Я чего звоню, хочу сегодня собрать девчонок, чтоб одно дело обмыть. Я уже предупредила Гельку и остальных. Ты как, часам к пяти освободишься?

– А что обмывать-то будем?

– Меня сделали начальником отдела. Так сказать, карьерный рост!

– Поздравляю, молодец. Все будут?

– Обижает, могла бы и не уточнять, – наигранно обиженным тоном ответила Марина.

Под словом все имелись в виду шесть женщин, включая меня и Айгель. В основном это были многолетние подруги Гели, в круг которых влилась и я.

Помимо нас троих были еще: Гульнара, работающая директором в поликлинике, Калемкас, которую мы упро-

щенно звали Катя, работающая главным редактором в одной частной общественно-политической газете, и Любовь по фамилии Шевцова, за что мы в узком кругу подруг называли ее «наш комсомольский вожак». Впрочем, если учесть, что в прошлом – она работник горкома комсомола и до сей поры хранит свой билет, то мы не сильно ошиблись в ее определении. Все девчонки, кроме меня, разумеется, дружили уже более десяти-двенадцати лет. Их дружба не единожды была проверена разными испытаниями жизни. Стержнем нашей шестерки, конечно же, была Айгель.

– Куда подъезжать? – уточнила я.

– В «Баласагын» – ресторан возле кинотеатра «Россия».

– Хорошо, буду.

– Ну, до встречи.

Несколько секунд подумав, я набрала номер Айгель.

– Привет, Ален! – раздался голос в мобильнике.

– Привет, как дела?

– Пока все в обычном ритме, без особых новостей.

Тебе Марина звонила по поводу сегодняшней встречи?

– Только что. Как поздравлять будем?

– Наверное, деньгами. Ты как думаешь?

– Согласна, все мы уже достаточно обеспечены сувенирами. Картину мы ей дарили в прежний кабинет, гарнитур из золота на именины. А так... купит себе, что душа пожелает, и нам беготни меньше.

– Хорошо. До встречи.

Я уже подъехала на работу, где быстро разобравшись с делами, заторопилась в салон красоты «Этуаль».

Уже более пятнадцати минут я восседала в кресле своего мастера.

Шесть лет я стриглась и укладывала волосы у одного и того же парикмахера. Это была всегда улыбчивая женщина, что немаловажно для клиента, лет тридцати. Она ни разу не испортила мне прическу. Звали ее Янина.

– Вы несколько обросли, – заметила она, оглядывая мою голову. – Стрижка с укладкой?

– Да, как обычно, единственное – уложи мне сегодня волосы как-нибудь пооригинальней. Иду в ресторан.

– Здорово. А что за мероприятие?

– С подругами встречаюсь.

– Тогда можно поэкспериментировать?

– Попробуй, но не слишком кардинально.

Она согласно кивнула головой и, взяв в руки ножницы, приступила к стрижке, вращая кресло в разные стороны. Видеть себя в зеркало я не могла, кресло стояло спиной к нему.

Спустя сорок минут колдовства Яночка развернула меня.

Представший передо мной образ несколько удивил, но хорошо рассмотрев себя в зеркале, я осталась довольной. Стрижка на этот раз была намного короче, чем обычно, но как заметили все мастера, много лет наблюдавшие за мной во время посещения их салона, она меня молодила. Это я заметила и сама. Концы волос были расчесаны наружу от лица и шеи, и словно густые лучи солнышка торчали во все стороны, придавая прическе своеобразный творческий хаос. Получилось довольно креативно.

– Ну как? – выжидательно поинтересовалась Янина.

– Смело, – сказала я и улыбнулась.

– Вам нравится?

– Конечно.

– Короткие стрижки вам идут больше. Вы же всегда держались старой прически.

– Зато при ней можно было собрать волосы заколкой. И уход за ними требовался немудреный. А тут..., я не справлюсь сама.

– Справитесь, я научу. Необязательно направлять волосы от лица, можно зачесать их в обратном направлении и, обработав пенкой, смазать концы воском, смотреться будете совершенно по-иному. А если еще и макияж подберете под каждую прическу, то вообще будет отпад, – довольная собой, расплылась в широкой улыбке мастер.

Я посмотрела на свои ногти. Они были еще в божеском виде, хотя можно было наложить свежий лак более яркого тона, но времени совсем не оставалось. Еще нужно было по пути зайти в банкомат и взять деньги.

Ресторан был небольшим, на двадцать столиков, но очень уютным. Белоснежные скатерти и накидки на стульях с шелковыми золотистого цвета бантами придавали особенную торжественность залу. Большие, низко висящие люстры были включены через раз, что несколько приглушало свет. На столиках горели плавающие в прозрачных невысоких вазочках свечи. Я огляделась. Подошел молоденький элегантно одетый официант, приветствуя меня, и поинтересовался, на какое из мероприятий я приглашена.

– У нас тут девичник запланирован...

– Понимаю, о чем идет речь, вас уже ждут. Пройдите, пожалуйста, вот в ту кабинку, я провожу вас.

– У вас еще кабинки есть? Никогда не знала.

– Вы наш частый гость?

– Да нет. Пару раз была.

– Вы пришли, – открывая дверь комнаты в восточной стороне зала, сказал он, пропуская меня вперед.

– А вот и Ленка, – громко объявляя мое появление, отметила Марина, вставая мне навстречу. Все уже собрались за столом.

– Ты, как всегда, последняя приходишь, – улыбаясь, заметила Катя.

– Пытаюсь соответствовать сложившемуся амплуа, –

парировала я, подходя к ней. Она встала из-за стола, приветствуя меня, мы, по традиции, чмокнули друг друга в щеку. Этот же ритуал я повторила с каждой из подруг.

– Ну что, – взяла слово Айгель, когда все расселись по местам, – начнем поздравления! Вечер, посвященный искрометной карьере нашей Мариночки, прошу считать открытым. И на правах самозваного тамады беру первое слово.

– Тамаде и флаг в руки, – вставила Гульнара.

– Желательно, стихами, – внесла предложение Катя.

– А чего мелочиться, давай сразу песней, – сказала я.

– Всячески пытаетесь отбить у меня охоту говорить, ох, завидуете моим полномочиям, наверное, – засмеявшись, сказала Айгель.

Потом доброжелательно посмотрев на Марину, произнесла в шутливой форме:

– Ты молодец! Самая политизированная из нас, в курсе всех интриг кулуарной жизни наших депутатов. Однако при этом умеешь держать язык за зубами так, чтоб твое руководство замечало столь ценного сотрудника, стоящего на страже секретности их интересов. Но и это не главное. Ты очень ответственная и исполнительная. И как профессионалу тебе нет цены. Что уж лукавить, в наше время каждое рабочее кресло стоит определенных капиталовложений. Причем, чем выше кресло, тем больше сумма. И все же в отличие от многих других политиков, ты всегда достигала своих карьерных высот только своими знаниями и профессионализмом. Без блата и без денег. Каким бы продажным не был наш общественный мир, знания и опыт были востребованы всегда. Я горжусь тобой и искренне рада за тебя. Пусть новое твое кресло будет прочным, понапрасну не скрипит и принесет тебе много благ. Надеюсь, и нам послужат в трудную минуту твои возможности, которые, конечно же, возрастут.

Хотя не надо нам этих трудностей. За тебя, моя подружка! Всех тебе земных благ!

– Ура-а-а, – закричали мы, поддерживая тост, и начали чокаяться бокалами...

Потом было сказано много хороших пожеланий остальными участницами посиделок, но радостные чувства так распирали нас даже после пятого бокала шампанского, что мы решили говорить тосты по второму, а понадобится и по третьему кругу.

Во время своеобразного антракта Катя и Марина сидели и дымили длинными тонкими сигаретами, как заядлые курильщицы с десятилетним стажем. Люба, как истинная Шевцова, уже с кем-то из зала танцевала медленный танец. И когда она только успела его подцепить?

Я с Айгель, не подпадающие ни под одну из категорий группировок танцоров и курильщиков, после посещения дамской комнаты, так и не дойдя до своей VIP-кабинки, застряли на диване в общем холле возле открытой двери на улицу и пополняли запасы кислорода в легких, дабы сбить легкую хмель.

– Нужно выпить по чашечке черного кофе, – предложила Айгель.

– «Капучино», – уточнила я, – и мороженое нужно заказать. Хотя горячее еще не подавали.

– Да, закусок много. Все сытые. А что на горячее?

– Рыба с овощами.

– Это хорошо. Моя нормальная доза шампанского два бокала. Пять уже давит на голову. Ты как?

– О, я шампанское вообще легко переношу. Могу одна выпить пять-шесть бокалов в хорошей компании. Ты же знаешь, как я люблю его.

– Да, – отметила Айгель, – у каждого своя норма, мой оптимум – три бокала. Дальше вроде и хмель проходит, но начинают болеть виски. И весь праздник заканчивается сразу.

– Кажется, Маринка хорошо запаслась им на сегодня, там, в коробке еще три бутылки стоят. Гульнара, вроде бы, веселая. У нее с мужем все утряслось? Он больше не поднимал на нее руки?

– Вроде, нет. По крайней мере, мне она не жаловалась.

– Да козел он. И чего она цепляется за него, такая красивая, добрая. Да любого мужика помани, не то, что пойдет, вприпрыжку поскачет за ней. Ой, не понимаю я ее. Если б мой Игорь хоть раз замахнулся на меня, я бы уже давно ушла от него и напоследок голову ему разбила, – вспыхнула я вгорячах.

– Любит она его и все верит его очередным клятвам. Да и мужика хорошего найти нынче сложно. Все только побаловаться готовы, а на серьезные отношения охотников мало. Вот и боится остаться одна. Я ее понимаю.

– Ну, тебе-то что жаловаться. Самая видная среди нас. Не считая, Любви, конечно, она тоже яркая дива, вон не успела выйти в зал, как уже прилип кто-то. Все-таки молодец она! – с какой-то гордостью за подругу высказалась я.

– Да, она молодец! Но это всего лишь флирт, на продолжение он может не надеяться...

– Ну прям, что, Любу не знаешь, что ли? Помнишь, как в прошлом году у тебя на дне рождения она закрутила. Я тогда вообще ошарашена была, когда она с этим Володей с соседнего столика уединилась в машине, и мы бы не узнали про грешок, если бы ее колготки не торчали из кармана его пиджака.

Айгель добродушно заулыбалась.

Подумав немного, я добавила:

– Хотя с мужиками так, наверное, и надо. Только крепче любить будут. Да и укреплению семьи это помогает. Узнаешь про измены мужа, так хоть не обидно, и скандала особо не закатаешь, ведь свое рыльце в пушку, а дома мир да лад.

– Подруга, я не поняла, – сказала, посерьезнев Айгель. – Ты это вообще рассуждаешь или намекаешь на что-то. У тебя все в порядке с Игорем?

– Да что с ним может быть? Я так, вообще, в целом про отношения между мужиками и женщинами...

Но взгляд Гели остался настороженным.

– Да у меня-то все нормально, что «моего» не знаешь что ли? Семья для него главное, даже главнее, чем сами члены семьи, – как-то слишком зло вырвалось у меня, но я быстро взяла себя в руки и, улыбнувшись, попыталась перевести разговор на другую тему.

– Мы тут собрались с девчонками зайти к тете Жене и еще раз помянуть ее сестру. Ты узнай, когда она сможет принять нас. Желательно, вечером.

– Прямо как на аудиенцию записывается. Да в любое время, только за два дня предупредите меня, чтобы мамины планы особо не менять. А так, мама всегда рада вас видеть.

– Наши дамы, наверное, потеряли нас. А вон и Люба оттанцевала, пойдем уже.

Мы встали и прошли в общий зал ресторана. Музыканты взяли перекур, и помещение сразу наполнилось многоголосьем посетителей.

– Куда вы исчезли? – с деланной ноткой обиды поинтересовалась Марина.

В комнате стоял сигаретный угар.

– Девчонки, вы бы о нас, некурящих, подумали, – без злобы заметила Люба.

– Пардон, но курить в тамбуре я как-то не привыкла, – виновато сказала Марина и засмеялась. Почему-то и мы все расхохотались. Наверное, играло шампанское.

Уже дома, лежа в постели и прокручивая события вечера, я подумала о превратностях судьбы.

« Айгель – такая видная женщина, и умом бог не обделил и щедростью. А счастья женского особо и не было.

И почему ее жизнь так сложилась. В тридцать шесть лет овдовела, потеряв в аварии и мужа, и сына. Хорошо, что у нее есть еще и дочь...».

АЙГЕРИМ

Года полтора назад в один из дождливых дней, я без предупреждения приехала к Айгель. Мы с ней собирались открыть небольшой совместный бизнес, и у меня к ней была масса вопросов. Я поднялась на этаж и уже собралась позвонить в звонок, как заметила, что дверь в дом слегка приоткрыта. Это меня насторожило, легонько толкнув дверь, я прошла в прихожую и тут же услышала шумную сбивчивую речь Айгерим. Она плакала.

– Как мне все надоело. Вечная его ревность. На ровном месте закатывает скандал, потом уходит и напивается, словно повод ищет, – всхлипывая, говорила она.

– Успокойся, первый раз что ли? Говорила же тебе, гони его. Сама прощаешь...

Тут из кухни вышла Дааночка.

– Ой, тетя Лена, когда вы пришли, я и не услышала звонка..., а кто открыл вам дверь? – одновременно приветствуя и задавая вопросы, спросила она.

– Дверь была открыта, я сама сначала подумала о плохом, но потом все же решилась войти.

– Да? Наверное, бабушка забыла закрыть, когда вошла. Мама, – повернув голову в сторону спален, громко позвала она, – тетя Алена пришла. Проходите, они там, – указывая мне головой направление, добавила девушка.

– Что-то случилось? – пытаюсь не попасть впросак, поинтересовалась я.

– Мама, наверное, сама расскажет вам. Проходите.

Из глубины коридора, где располагались две спальни, показалась Айгель. Некоторое недоумение сквозило в ее взгляде.

– Привет, – сказала она как-то сдержанно.

Мне стало неловко.

– Прости, я не знала, что у тебя гости.

– Все нормально, это мама с Айгеримкой приехали. Сейчас они выйдут. Даана, поставь чай.

– Не надо, я забежала лишь на несколько минут, чтобы обсудить некоторые детали по нашему делу. Но в принципе это терпит до завтра, тогда и поговорим, – затараторила я.

– Что за глупости, проходи. А вот и мама.

К нам приближалась тетя Женя.

– Здравствуйте, – заулыбалась я, – как ваши дела? Я немного не вовремя?

– Ты всегда вовремя. Как Игорь, дети?

– Спасибо, все хорошо.

Зависла пауза.

– Чай поставила? – вопросительно поглядев на дочь, поинтересовалась тетя Женя.

– Да, мамуль, Дааночка уже накрывает на стол. Она как раз сегодня испекла мясной пирог. Как будто знала, что вечером соберутся гости.

– Вы пока пообщайтесь, а я помогу дочери, – предложила Айгель и скрылась на кухне.

Мы расположились на диване в холле. Айгерим не показывалась. Спустя двадцать минут уже сидели за чайным столом. Айка – так звали Айгерим все домашние, так и не присоединилась к нам. Я сделала вид, что не подозреваю о ее присутствии.

– Слышала от Айгель, ты открываешь адвокатскую контору? Расширяешься... это хорошо! Я рада за тебя, – сказала тетя Женя, в чьей искренности я никогда не сомневалась, но сейчас я почувствовала особенную теплоту в ее голосе. Смутившись, я улыбнулась.

Ни словом, ни взглядом, тетя Женя не показала и намека на то, что я стала невольным свидетелем их разговора. Она улыбалась и шутила, словно не было повода для беспокойств и переживаний. Айгель не отставала от мамы в деликатности, расплываясь в улыбке и поддерживая шутку тети Жени, когда та заметила Дааночке по поводу пересоленного пирога.

– Ты, наверное, влюбилась, внученька, кто он, признавайся? Познакомишь нас? – смеясь, сказала она.

– Ну, тайэнешка, что выдумываете, – зарумянившись от смущения, пролепетала девушка, – скажете тоже. Нет у меня никого. Просто соль новая, какая-то другая. Вроде как всегда положила, а пирог такой вышел.

– Очень даже вкусный, и мне совсем не чувствуется пересол, – пришла я на помощь.

– Я же шучу, – полным любви голосом произнесла бабушка, – разве я ела бы, если б он не вкусным был.

Даана понимающе улыбнулась.

– Ты хотела обсудить прејскурант? – уточнила цель моего визита Геля после чаепития.

– У-гу.

– Ладно, пойду я, полежу, телевизор посмотрю, сейчас мой любимый сериал начнется, – сказала тетя Женя, тактично найдя причину оставить нас наедине с подругой.

– Мама обожает корейские сериалы, смотрит их, не отрываясь. Даже поесть забывает, – шутливо заметила Айгель, но столько было в ее голосе обожания в этот момент!..

– Также скажешь, Алена же поверит тебе, придумает же, – поддерживая шутку дочери, уже поднимаясь со стола, с улыбкой ответила тетя Женя.

Я смотрела на них и думала, какое это счастье, когда мать и дочь духовно являются единым целым и в жизни, и в любви, и в беде. Понимают друг друга с полуслова, с

полувзгляда и чувствуют внутренне состояние близкого человека даже на больших расстояниях.

– Мне неловко, что пришла не вовремя, – еще раз попыталась объяснить я, когда мы остались одни за столом, – наверное, неправильно притворяться, что я ничего не слышала, поэтому спрошу прямо. Что-то случилось? Почему Айгерим плакала?

Геля внимательно посмотрела на меня, и лукаво улыбувшись, сказала:

– Ничего от тебя не скроешь.

Тон ее голоса был игривым, но усталым.

– Мне было суждено стать случайным свидетелем части вашего разговора, – в том же тоне парировала я.

– Айка, по всей видимости, расходится с мужем, – выдержав паузу, сказала Айгель, потом почти шепотом добавила, – стал выпивать часто, и ревнует к каждому столбу без повода и тем более без причины. Это как неизлечимая болезнь. Своей ревностью он разрушает не только себя, но в первую очередь ее, учиняя каждодневные скандалы. Дочери всего четыре года, а ребенок уже совсем нервный, по ночам вскрикивает, отца боится. Разве это жизнь? Уже и мама с ним говорила, и я, и его сестры, ничего не помогает. Посмотри на Айгерим, вся измотана, нервная, чуть что, плачет. Когда она такой была? Самая спокойная из нас, самая красивая, а не повезло. Так он, дурак, взял привычку, закатив ссору, уходить из дома на трое-четверо суток, а в последнее время и на неделю. Потом приходит, падает в ноги, просит прощение, и она его принимает. Достал всех, знаешь, готова его прибить. Беда в том, что моя сестра не готова к расставанию, любит его, что ли?

– А он?

– Он? Ой, не знаю, если и любит, то любовь у него какая-то нездоровая, как у морального садиста, изводит ее своей ревностью. Одна радость – не сидит на ее шее.

– Ты же говорила, что он работает врачом?

– А толку что? Он же не содержит ее, как заведено в других семьях.

– Совсем не приносит денег домой?

– Если ты имеешь в виду зарплату, то нет. Тратит по своему усмотрению. Даже говорить не хочу о нем... Сейчас ей стало легче, с декретного вышла на работу. А пока сидела дома с ребенком, сложно Айке было. Мы с Арлен помогали.

Представляешь, мало того, что женишься на одной из красивейших женщин, еще и в приданое все готовое получаешь. Не надо зарабатывать жилье, обстановку, да и содержание не проблема, жена сама себя может одеть, обуть, да еще и его накормить. Сидит дома как в тюрьме из-за ревности мужа, никуда не ходит, ни с кем не общается, так он и тут умудряется подвох увидеть. Нет, что не говори, ревность – это тяжелое психическое расстройство. И требует серьезнейшего лечения.

– Айгель, – раздался из спальни теть Женин зов.

– Да, мама, иду.

Я сидела и думала, что все-таки внешность человека не так обманчива, как говорят люди. Он мне всегда не нравился. Не потому, что был некрасив, ведь с лица воду не пить, а было в нем что-то деспотичное в рассуждениях и взглядах, о которых мне довелось судить в наши редкие встречи в доме Айгель. Помнится, я еще при первом знакомстве заметила подруге:

– Айка – такая яркая женщина, не могла найти красивше принца? Даже обидно за нее. И потом, какой-то он феодально настроенный, тебе не показалось? Что он имел в виду, говоря, что жена должна сидеть дома, растить детей и готовить ужин мужу. Он хочет усадить ее в клетку?

– У всех свои недостатки и достоинства. На самом деле он более раскрепощенный человек и достаточно адекват-

ный, идущий в ногу со временем. Просто у каждой семьи свои каноны. И потом она счастлива с ним, если вышла за него замуж. А мне, как сестре, большего и не надо, особенно, если учесть, что она его любит, – ответила тогда Айгель.

Теперь, я думаю, моя подруга просто закрыла уже тогда больную для нее тему. И так убедительно закрыла, что я на самом деле поверила, что Айка довольна своим браком.

Вернулась Геля.

– Мама беспокоится о том, что Айке нужно собираться домой. Давай мы встретимся завтра после обеда, заедешь ко мне на работу, там все и обсудим? Сейчас просто не до этого, извини.

– Без проблем. У меня есть часок с двух до трех.

– У меня тоже окно в это время. Как раз пообедаем вместе.

– Ну, пока, – встав с места, сказала я и направилась к выходу.

– До завтра.

ПАУТИНА БУДНЕЙ

– Я думаю, эти модели более актуальны, так как качественной одежды на полных женщин на нашем рынке нет. Завозят всякий ширпотреб с Китая под видом турецкого товара. Цены высокие, а качество совсем никчемное. Если уж мы полезли в этот бизнес, то надо постараться завоевать хотя бы собственную страну, а для этого необходимо хорошее современное оборудование, пусть его будет у нас пока мало. Но дело времени.

Быть еще одним совершенно неоригинальным производством, наверное, не стоит, – заключила подруга.

– Но для этого нужны очень большие деньги, того, что мы имеем, не хватит. Пятьдесят тысяч слишком малая сумма для такого оборудования. И потом, я думала, мы открываем швейный цех по пошиву верхней одежды?

– У меня есть хорошие знакомые, уже десять лет работающие в этом бизнесе. Они шьют брюки и куртки для России, шьют и постельное белье. Даже у них, стоящих почти у истоков швейного бизнеса, ситуация банкротства, так как российский предприниматель уже давно перешел на свои цеха. Спрос падает, некуда девать готовый товар...

А мы в столь позднем вливании в эту сферу и вовсе не имеем шанса выжить. У меня есть связи с бизнесменами из Дюссельдорфа, Бонна, с ними сложились хорошие доверительные отношения. Гюнтер из Дюссельдорфа имеет выходы на швейную фабрику и может помочь нам с куплей оборудования G-класса. Это предпоследняя модификация швейных станков, находившихся в эксплуатации не более пяти лет. Руководство фабрики планирует приобретение технологически новейшего оборудования, а это они готовы продать с определенными скидками участникам аукциона.

– И что, мы будем участвовать в аукционе? Откуда средства?

– Гюнтер может нам помочь получить эти станки в рассрочку, к примеру, на пять лет. Более того, мы заключаем договор с фабрикой на частичную реализацию их товара, а это ветровки, спортивная одежда и прочие ходовые вещи. Мы просто станем представителями не только в нашей республике, но, возможно, и в Узбекистане. Казахи, я думаю, будут идти параллельно с нами, они предприимчивые. Может быть, если мы хорошо развернемся, то немцам не будет необходимости открывать свое фабричное представительство в каждой азиатской республике. Надо нам быть первыми, чтобы попасть в струю удачи.

– Немецкий товар очень дорогой, найдем ли мы здесь его сбыт?

– К нам он будет приходиться по фабричной цене, то есть от производителя, без розничных наценок, и потом часть мы будем оплачивать сразу, часть брать под реал.

– Кем работает твой Гюнтер?

– Он из совета директоров этой фабрики.

– Какая же ему выгода от таких отношений?

– Видимо, никакая, он просто мой должник. Несколько раз приглашал к себе поработать в частной клинике. Я отказалась. Тогда он предложил мне помощь такого рода.

– Интересно, что такого ты ему сделала, что он так расщедрился?

– Спасла жизнь.

– Как, когда?

– Давно это было. Все быльем поросло.

Мне нужно связаться с ним и переговорить, все-таки его предложение было сделано год назад, может планы уже изменились или условия стали другими. В общем, все узнаю, и потом решим, где достать деньги. Кстати, нам будет нужен еще свой штат: бухгалтер, технолог, управляющий цехом, швей, расходов потребуют патенты, проверяющие всех рангов и мастей. Их зарплаты так же надо просчитать и внести в калькуляцию, плюс аренда помещения, хотя с этим повременим, возможно, если нам повезет, фабрика приобретет для своего представительства необходимое помещение. Все упирается в немцев, надо сперва с ними решить.

– Может, для начала обойдемся без управляющих, сами как-нибудь справимся? Лучше больше возьмем швей.

– Как? Ни ты, ни я не владем этой сферой деятельности, да и потом каждая из нас имеет свое постоянное место работы, к которому мы привязаны до вечера.

А частный бизнес требует много времени, тем более на начальном этапе. Ты согласна?

– Наверное, – тяжело вздохнув, ответила я.

Наше время было на исходе. Но я все же поинтересовалась:

– Как там с Айгеримкой? Что решили?

Теперь тяжело вздохнула Айгель.

– Да не совсем благополучно. Мы никому не говорили из близких родственников об истинном состоянии ее брака. Какой ее муж нервотреп. Когда Айка только встречалась с ним, он хорошо маскировал свои отрицательные стороны. Мало и редко пил, был нежен и даже щедр на подарки. В его прошлом уже имелся опыт несчастливого брака. По его словам, первая жена была полным чудовищем. Каждой женщине в такой ситуации хочется верить, что вся прошлая жизнь ее мужчины являлись полным кошмаром и ошибкой, и что именно она та единственная и лучшая из всех женщин, способная его осчастливить. Так случилось и с моей сестрой. Никакие доводы против его кандидатуры не имели успеха. Пред нами он предстал влюбленным и доброжелательным. Лишь один Амир, уже находившийся за рубежом, узнав о предстоящей свадьбе Айки, был против ее брака с Сабыром.

– Вы знаете, почему он разошелся с первой женой? Нет! А я знаю, – говорил он мне по телефону, – пил и ни в грош не ставил жену, изводя свой ревностью. Она не выдержала и разошлась с ним.

– Но с тех пор прошло больше пяти лет. Жизнь многому его научила. И потом, мне кажется, Айка любит его. Это ее выбор и мы должны его уважать, – высказалась Айгель.

– Не знаю, эжешка, послушал вас и не знаю, как правильно поступить. А что говорит мама?

– Что она может сказать, если дочь твердит про любовь. Ты же знаешь нашу мамулю, она всегда на сто-

роне своего ребенка, даже если этот ребенок против всего мира.

– Золотая наша мамочка, – вздохнув, с умилением произнес Амир.

– Да, в этом ты абсолютно прав, – полностью согласилась с ним тогда Геля.

Я смотрела на нее, внимательно слушая ее рассказ.

Она о чем-то задумалась. На ее лице царило умиротворение. После затянувшейся паузы, Айгель произнесла:

– Да, такие матери, как моя мамуля, приходят в эту жизнь на сотню тысяч одна, и нам – моим братьям и сестрам, в этом плане сильно повезло!

Я улыбнулась и сказала:

– Знаю, вам выпал счастливый жребий.

– Спасибо, – довольная моими словами, ответила она.

– Так что вы решили с Айкой?

– Амир был прав, пьющий человек – это полчеловека.

В последний раз, приревновав ее к своим же семейным друзьям, закатил скандал и смотался из дому. Вот уже больше двух недель отсутствует. У других в случае чего глупые жены бегают из дому, а у нас он.

– Вот козел! Вот урод! – не сдержав возмущения, громко высказалась я

– Тише, люди смотрят, – шепотом одернула меня Геля.

Я утихомирилась. Но гнев во мне все еще кипел, хоть и сбавлял пар.

– Что говорит сама Айка? – более спокойным тоном уточнила я.

– Плачет, больно ей, тяжело на душе. Обманутые надежды, растоптанные чувства, видимо, еще любит. Ей надо решиться и разрубить связывающий их узел, а потом пережить это как дурной сон. Она молодая, встретит еще свое счастье.

– Может, он из дому бегаёт от того, что квартира принадлежит ей, выгнать то он её не может, вот и бегаёт, – предположила я.

– Может, но было бы идеально, если б он так и пропал из её жизни, не возвращаясь больше.

– Мне пора, – сказала Геля, взглянув на часы, – уже надо бежать. У меня по записи два клиента. Должно быть, они на подходе к моему кабинету. Ты на машине, или тебя подвезти?

– Не надо, опоздаешь. Вызову такси. Я сама рассчитаюсь с официантом.

– Тогда пока, – сказала, вставая с места, Айгель и, подойдя ко мне, поцеловала в щечку.

– Счастливо, созвонимся, – попрощалась я.

Заказав себе чашечку черного кофе, я еще с полчаса размышляла над ситуацией в жизни Айки:

«Бедная девочка, и угораздило же тебя влюбиться в такого кретина. Бедная тетя Женя, почему так сложилось у ее дочерей: Айгель одна поднимает дочь, теперь вот Айка останется с ребенком на руках, надеюсь, что не надолго. Хорошо, что у Арлен все в порядке в семейном плане».

С того разговора прошло больше полугода. Айгерим благополучно рассталась с Сабыром. Душевные раны начали затягиваться. Алюка собирается в школу, недавно ей исполнилось пять лет. Девочка смышленная, с хорошо развитой логикой и чувством юмора. Чтобы как-то подержать дочь и помочь ей поднять Алюку, тетя Женя живет с Айгерим одной семьей. И это мудро с ее стороны, ведь Айке сейчас нужно максимально загрузить себя работой, чтобы не оставалось времени для тяжелых раздумий. Это способствует ее безболезненному восстановлению душевной гармонии после развода. Неделю назад произошло еще одно хорошее событие в жизни Айки. Ее

пригласили в генеральную прокуратуру на должность заведующего отделом. Спустя три дня после работы, мы, Айгель, я и Арлен, сидели у нее дома и поздравляли ее.

– Доченька, – говорила тетя Женя, – пусть в твоей жизни это будет началом не только больших перемен в карьере, но и в личной жизни. Ты молода, красива и самодостаточна, если встретишь хорошего человека, не бойся попытаться счастья еще раз. Я тебя очень люблю и хотела бы видеть радость в твоих глазах и благополучие в жизни. И ни на секунду не сомневаюсь в том, что Бог создал тебя для огромного счастья и чистой любви.

– Спасибо, мамочка, – с теплом в голосе ответила Айгерим, – вы всегда со мной рядом в трудную минуту. Я даже не знаю, чтобы я без вас делала. Я вас очень люблю! Все вы мне помогли, поддержали. И вы, эжешка, и вы, тетя Алена, и ты, Арлеш. Спасибо, я этого никогда не забуду.

После того, как Айгель и я высказали свои пожелания процветания и счастья, слово взяла Арлен.

– Ну, теперь моя очередь говорить, – сказала она, улыбаясь, – как всегда: пока до меня очередь доходит, все хорошие слова уже бывают сказаны. Эжешка, тетя Лен, ну, хоть чуть-чуть оставили бы для меня, – пошутила Арлен, вызывая у всех улыбки на лицах.

– Аечка, то, что я люблю тебя как старшую сестру ты и так знаешь, а вот о том, что я дорожу тобой как самой верной подружкой, ближе которой никого нет, – выдержав паузу после последнего слова, – ты тоже знаешь, – быстро проговорила она и засмеялась.

На лице Айгерим расцвела широкая улыбка, переходящая в смех, глаза ее искрились довольством и счастьем.

– Это все, что я хотела сказать, – придавая лицу напущенную серьезность, сказала Арлен.

– Арлеш, давай уже без шуток, говори серьезно, –

сказала ей теть Женя, хотя тон ее голоса говорил о том, что и она сама не настроена на это.

– Ну ладно, – без улыбки, уже строгим голосом произнесла Арлен, – так пойдет, мамуль?

Все опять расхохотались.

– Итак, Айгерим, я от всего сердца поздравляю тебя с повышением и желаю тебе дальнейшего карьерного роста, – нарочито официально проговорила Арлеша, потом посмотрела на теть Женю и, подмигивая ей, тихо спросила, – теперь правильно, мамуль?

Все опять рассмеялись. Утирая выступившие от смеха слезы, теть Женя сказала:

– Ой, говори, как хочешь.

– Правда?! Вы разрешаете? – с нотками глубокого удивления уточнила Арлен, вызывая новый взрыв смеха.

Когда все успокоились, она предложила:

– Давайте я вам лучше расскажу анекдот.

Должен пройти съезд Союза писателей СССР, каждая республика делегирует своего писателя в Москву. Чукотка также должна представить своего посланника, а писателей нет. Думали-думали, как быть, и решили отправить самого грамотно говорящего в их регионе. Долго его уговаривали, наконец, он прибыл в столицу.

Перед съездом все делегаты проходят регистрацию. Дошла очередь и до чукчи.

Ему задают вопрос:

– Вы Толстого читали?

– Нет. Я писатель.

– А Гоголя?

– Нет.

– Чернышевского?

– Нет, я же говорю вам, что я писатель, а не читатель!

На этот раз все расхохотались надолго...

Уже поздно вечером я возвращалась домой в приподнятом настроении и поймала себя на том, что легкая улыбка все еще играет на моем лице.

НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

– Это нужно упаковать в коробку, предварительно завернув хрусталь в газету, затем в вафельные полотенчики. А где посуда, где «Мадонна», Люба, ты же упаковывала ее? – пытаюсь разобраться среди бардака и упакованных коробок разных форм и размеров, Айгель старалась перекричать включенный телевизор, по которому транслировался концерт, и одновременно с ним громко подпевающих Ирине Аллегровой своих подруг, Марину и Гульнару, а так же сестру Арлен.

– Даана, сделай телик потише, хотя бы чуть-чуть, ничего не слышно, – громко обратилась она к дочери.

– Хорошо, мамуль.

– Не трогай, – весело завопила Маринка, внутри которой уже играло сто пятьдесят граммов коньяка, – мою Аллегову. Видишь, какое замечательное трио мы с Гулькой ей составили. Правда? – обращаясь уже к Гульнаре, пошутила она.

– Да, – лаконично подтвердила та.

Обе женщины расхохотались.

– Ленусь, – ласкательно обратилась она ко мне, – присоединяйся к нам, и мы уже будем зваться квартетом.

– Ой, спасибо за приглашение, но бог не наделил меня голосом и слухом еще с рождения. Куда мне тягаться с вами, – улыбаясь, ответила я.

– Тогда ты будешь разливающей. Наливай нам всем по тридцать капель Hennessy, – радостно внесла она свое предложение. – Где наши апельсины? Где кофе с лимоном для закуси?

– Так, девочки, – занимая позу кувшина, шутливо строгим тоном громогласно произнесла Геля, – все посмотрели на меня!

Женщины прекратили свое занятие по сворачиванию в бумагу хрустальных «висючек» от чешской люстры и, замолчав, уставились на Айгель.

Временно возникло затишье, если не считать телевизора, громкость которого так же была убавлена.

– Где коробка с сервизом «Мадонна»? – растягивая слова, медленно спросила Геля.

– Откуда мы знаем, – так же медленно ответила Марина, игриво выпучив глаза.

– Что значит, откуда, я же просила подписывать каждую коробку. Девчонки, при переезде все побьется, отнеситесь серьезней. Самим же потом восстанавливать придется. А у меня настоящая «Мадонна», оригинал. У вас денег не хватит на его восстановление, – пытаюсь придать себе серьезный вид, строго заметила она, но, не сдержавшись, улыбнулась.

– Не бойсь, хватит, – включилась в диалог Гуля, – уж как-нибудь общими усилиями, в складчину купим.

– Лучше не разбивайте. Люба, ты же самая ответственная среди нас, где сервиз? – уже наигранно жалобно спросила Айгель.

– Да вон он в углу под подушками стоит. Я его сразу убрала в сторону. Там все коробки, которые поедут отдельно от мебели и бытовой техники на твоей машине. А что ты хотела?

– Да там кое-какие бумаги были в чайнике, ты случайно их не убрала?

– Нет, в чайник я не заглядывала. И что теперь снова распаковывать будешь? Я там все так замечательно уложила...

– Мне нужны эти бумаги, – пояснила хозяйка дома и приступила к вскрытию короба.

– А все-таки молодец ты, Гелька, – сказала Марина, – не боишься переездов. Это уже какой по счету?

– Третий.

– Вот и я о том же. Мне что ли мужа убедить, переехать куда-нибудь..

– Зачем тебе, – заметила Люба, – живешь в своем двухэтажном доме, имеешь сад, беседку, бассейн. Чего тебе не хватает? Даже коттедж в элитном пансионате имеешь.

– Не завидуй, – игриво подметила Марина, – можно подумать, что вы там не отдыхаете.

– Слушай, точно, – включилась в разговор Гуля, – что-то в прошлом году кроме твоей семьи там никто не отдыхал, – сказала она, обращаясь к Любе.

– А кто виноват, вам же всем было предложено: отдыхайте, весь август коттедж свободен. Но вы почему-то не захотели. Понятно, Маринка деловая, нынче тащится только по египетским пляжам, А ты, Гель, тоже отказалась, видите ли у тебя отдых с мамой и сестрами, совсем от нас отбилась, Аленка с Игорем вообще в Питер уехали, могли бы и нас позвать, мы бы с радостью составили компанию, правда, девчонки?

– Слушайте, – словно поймав озарение, прокричала Гуля, – а давайте сами, без мужей поедem куда-нибудь. В этом году, к примеру, в Питер, я там не была, на следующий год в Индию, или Японию, или еще куда-нибудь.. Неважно куда, главное вместе, дней эдак на десять. А что, жизнь-то проходит. Так и постареем, ни разу вместе не побывав за границей.

– Заграница, заграница, и чего тебе не спится? – протяжным голосом затулила Маринка.

– Ой, да ну вас, – состроив обиженную физиономию, – сказала Гульнара.

– А что, мне нравится эта идея, – поддержала я подругу, – лично я с удовольствием поеду с вами. Дети взрослые, когда, если не сейчас, потом свадьбы начнутся, внуки пойдут...

– Это у кого взрослые, а у кого-то еще и школьники, – резонно заметила Айгель.

– Твоя красавица уже в десятом классе. Такая дива выросла – высокая, видная, топ-модель прямо, – сказала Марина.

– Высокая-то она высокая, да мозги пока еще маленькие. Ребенок же совсем, только четырнадцать лет.

– Не скажи, – не согласилась я, – тут недавно мне довелось прочесть ее стихи и некоторые размышления, так я до сих пор под впечатлением хожу. Не всякий взрослый имеет такую наблюдательность, глубину ума и сострадание. Она у тебя не по годам взрослая и скромная.

– У такой строгой мамы других детей не бывает! – вклинилась Любовь, с хитринкой в глазах глядя на подругу, а увидев Дааночку, проходящую мимо, встала и обняла ее, приговаривая, – я всегда говорила, мачеха она настоящая, мою любимицу совсем затерроризировала. Убери, подай, помой, сделай то, сделай это...

– Вот именно, – сказала Даана, широко улыбаясь и как бы поддерживая ее нападки на маму. Девушка не первый раз являлась участницей шутливых перебранок двух подруг.

– Детства совсем ребенка лишила, – никак не могла уgomониться Люба, – в четыре года отдала девочку в первый класс, ради чего спрашивается? Мачеха!

– Теперь и сама не знаю, что я так поторопилась. Няня у нас была бывшим педагогом. Вот и подготовила ребенка к школе. В два года она у меня знала буквы и считала до двадцати, в три читала слова и начала писать слоги, к четырем годам она свободно читала детские книжки и газетные вырезки, решала несложные задачи на вычитание и сложение. Счет цифр дошел до ста. К тому времени, у Любовь Васильевны случилось горе, погиб муж. После похорон она переехала в Россию. Мы оста-

лись без няни. Новую гувернантку дочь совсем не воспринимала. Появились сложности. И я решила отвести ее в подготовительную группу садика. Опрос показал, что она полностью владеет знаниями первого класса. Нам порекомендовали попробовать пройти тестирование в лучшей школе города, и она его с успехом прошла. Руководство школы сделало для нее исключение, и Даана стала первоклассницей.

– Она у тебя перепрыгивала из класса в класс? – уточнила Марина.

– Нет, не первый раз уже спрашиваешь.

– Просто во многих школах это практикуют.

– Мы попали в программу, где этого не было.

– Дааночка, сколько сейчас твоим одноклассникам? – спросила Гульнара.

– По шестнадцать лет, но есть и трое учеников, которым по семнадцать.

– Наверное, классно быть самой маленькой, все тебя жалеют, все помогают?

– Я сама помогаю многим. Ничего хорошего.

– Почему? – поинтересовалась я, безучастная до этого момента.

– Потому что, как говорит ребенок, – взяла слово Айгель, – они уже большие девочки и мальчики. Ходят по клубам и дискотекам. Им можно, они уже почти взрослые. А нам пока нет.

– У-гу, учиться с ними, экзамены сдавать мне не рано, а вот в кино вечером пойти или в клуб нельзя, – недовольно отметила девушка.

– Конечно, рано! Когда исполнится тебе семнадцать, ты по вечерам будешь ходить в кино. А пока рано, – сказала, как отрезала Айгель.

– Вот видите, какая несправедливая жизнь, – шутливо надув губки, пожаловалась Даана.

– Иди, обиженная моя и угнетенная, поставь чайник на огонь. Нам пора попить кофе, – добродушно улыбаясь, сказала ей мама.

– А давайте торт возьмем. Гелька у тебя же здесь магазин через дорогу – «куликовские торты», – внесла предложение Марина.

– Думаешь, остались торты в продаже, время-то уже позднее – девять вечера, – засомневалась Айгель.

– Это же супермаркет, там все должно быть.

– Я могу сходить, и мороженое как раз возьму для Дааночки. Верно? – поднимаясь с места, предложила Гуля.

– Я не хочу мороженое, мне лучше чипсы возьмите, – внесла коррективы девушка.

– Ну вот, Геля, кажется, и все. Вещи упакованы и готовы к переезду. Во сколько завтра машина подъедет?

– К десяти часам, кстати, Игорь подъедет?

– Обязательно!

– Наши мальчишки тоже, – подчеркнуто сообщила Люба.

– Вот спасибо. Думаю, за час управимся.

– Ты уже в той квартире ремонт закончила?

– Да, полностью. Осталось только разложить вещи. А потом будет новоселье.

– Это хорошо, когда новоселье, – сказала мечтательно Марина.

– Ну, все, девчонки, пошли обмывать окончание упаковки, плов уже готов и пирог подоспел.

– И Гулька с тортом уже на подходе, – не меняя мечтательного тона, вставила Марина. Потом было чаепитие. Посидели от души. Вспоминали, сколько раз этот дом привечал их щедрым застольем, сколько раз служил ночным кровом, обо всех праздниках, отмеченных здесь.

– Светлый дом, жалко даже оставлять его. Слушай, Гель, как ты так легко меняешь квартиры? Мне вот отец на свадьбу подарил трехкомнатную кооперативную квартиру,

лет семнадцать назад, так я до сих пор в ней живу. Мне как-то жалко ее бросать, там все свое, родное, дети родились?

– А ты бери такую, как у Гели, в сто шестьдесят квадратных метров и не жалко будет. Простор, красота, новоселье, в конце концов, – сказала я, – все поместятся: и дети, и внуки.

– Так-то оно так, да отцовского подарка жалко.

– Ладно, жалостливая наша, скажи тост, – попросила ее Марина.

– Чтобы легко и быстро завтра переехать. Пусть новый дом примет нас так же тепло, как этот, чтобы нам хорошо там пилось и елось! – радостно произнесла Люба.

– Слушай, а Катя так и не вернулась из Италии? Что-то сильно задерживается, ты не знаешь, почему? – спросила я Гелю.

– Я знаю, почему, – поспешила с ответом Марина, – недавно говорила с ней. Ее не будет еще месяц. Между прочим, как мне показалось, у Калемкас там закручивается любовный роман, – придавая загадочность своему голосу, сообщила Марина.

– Да ты что? – одновременно радостно и недоверчиво произнесла Люба, – у всех какие-то любовные дела за рождаются, одна я невезучая.

– Ой, тебе ли жаловаться на судьбу? Мужики вон как вьются вокруг тебя, аж слюни пускают, – прерывая ее притворные стенания, парировала Гульнара.

– Вот в том то и беда, что кроме слюней больше ничего и нет, – не осталась в долгу Любовь.

– Ладно, девочки, вернемся к Кате, – прекращая милую перебранку подруг, вставила Марина, – так вот, он тоже журналист, итальянец из Милана, разведен, вроде бы как-то с интересом смотрит на нее. Калемкас говорит, что они там очень падки на экзотику в образе азиаток. Может, что путное и выйдет у них.

– Было бы здорово, она бы в Италии осталась жить, а мы бы каждое лето ездили к ней в гости на пару недель, – мечтательно сказала Люба, – итальянцы вообще мужики горячие, темпераментные...

– У тебя как всегда одно на уме, – подкалывая подругу, засмеялась Марина.

– А что еще должно быть на уме молодой, красивой и что самое главное, свободной и любвеобильной женщины? – сладко потягиваясь, ответила Любаша.

Подруги дружно рассмеялись.

– Да, девчонки, какими мы будем лет через пятнадцать? – оглядывая родные лица добрым любящим взглядом, спросила Айгель.

– Надеюсь, что такими же останемся, – заметила я.

– Иначе от скуки помрем, не дожив до девяноста лет, – сказала Гуля.

– Почему именно до девяноста, ни больше, ни меньше? – уточнила Айгель.

– А дальше маразм начнется, обузой детям станешь, а я не хочу. Уходить нужно красиво и достойно.

– Я с тобой согласна, – поддержала я подругу.

– Мама говорит, проси у Бога всегда много, тогда получишь половину. Я бы хотела дожить до глубокой-глубокой старости, увидеть своих взрослых внуков, а если повезет – посидеть на свадьбах у правнуков. Вот моя мама видит, как растут и взрослеют ее одиннадцать внуков. Скоро начнутся внучатые свадьбы. Лет через пять и моя дочь засобирается замуж, и мама будет стоять рядом со мной на почетном месте главной сватки, как начало начал нашего рода, продолженное во внуках и правнуках. Я одену ее во все молочно-бежевое и сама оденусь так же, и мы будем танцевать с ней на виду у всех приглашенных, – уйдя в свои мечты, с нежностью в голосе сказала Геля.

Я с теплом восприняла слова подруги. Она не раз мне говорила:

– Когда придет время выдавать Даану замуж, пусть бы мне попались достойные сваты. Не обижали бы мою дочь. Все же отца рядом не будет. Одна буду стоять вдовой. Хотя нет, что я говорю, у меня мамочка рядом будет стоять плечом к плечу. Гордо будем стоять и красиво. А по обеим сторонам от меня будут две моих сестры и два брата. Вот какая сила будет. А еще тети и дяди...

«Ах, моя Геля», – подумала я и улыбнулась ей.

– Что-то мы совсем о далеком размышлялись, давайте жить сегодняшним днем, мы только что поднимали бокалы за завтрашний день в новом твоём доме. Люб, что ты там говорила в своём тосте? – уточнила Марина.

– Пусть новый дом примет нас так же тепло, как этот, чтобы нам хорошо в нём гулялось и елось! – повторила та.

– И любилось, это тоже очень важно! – подметила Гуля.

– У-ра, девчонки, у-ра-а!

Утро следующего дня встретило нас ярким солнцем. Посчитав, что мои мальчишки уже достаточно взрослые, чтобы приготовить себе и отцу ужин, и с учетом того, что Игорек все равно завтра утром прибудет сюда, я осталась ночевать у подружки. О чем сейчас жалела, так как это послужило еще одним поводом девчонкам для задержки «на часик». Марина была в ударе!

Итак, я проснулась. Вчерашнее прощание с Гелиной квартирой отзывалось во мне гулкой головной болью. Из соседней комнаты донесся скрежет чего-то металлического и звон посуды.

«Прямо по мозгам», – про себя с недовольством отметила я.

– Вставай, красота, – словно прочитав мои мысли, сказала из кухни Айгель, – скоро завтракать будем. Я успела шорпо приготовить.

– Ой, какое шорпо. Ничего не хочу.

– А, плохо, – в голосе звучали нотки иронии, – говорила я вам, помните: насколько хорошо вам сегодня, настолько плохо вам будет завтра! Не слушались.

– Это не я, это Люба с Маринкой никак угомониться не могли.

– Да, но и мы с тобой не жертвы насилия, – все в том же тоне продолжала Геля, – в рот никто не заливал. Сами смешали сначала шампанское, затем мартини.

– Ой, не трави душу, – взмолилась я, – и без того тошно.

– Вставай, я кофе приготовила с лимоном, враз поправишься.

– Слушай, я же немного выпила, всего по бокалу или нет?

– Ты просто намешала.

– Вот ты молодец, сказала не буду и никто тебя не смог заставить, а я безвольная какая-то, тряпка, – с разочарованием закончила я.

– Вставай, не заговаривай зубы, – появляясь на пороге моей спальни, сказала Геля, – Маринка с утречка уже звонила, представляешь с полвосьмого на работе, в восемь совещание провела, вот как надо. Вот кто молодец!

– А другие молодцы как себя чувствуют?

– Не знаю, не отзванивались еще. Ну, Любовь, думаю, в полном порядке, она у нас всегда на пике северного сияния, организм привычный. А Гуля тоже предпочитает более крепкие напитки, чем вино, так что, думаю, не должна болеть. Это мы с тобой такие хилые, больше пятнадцати градусов не осилим....

– Ой, да на фиг эти градусы, – потягиваясь в постели, простонала я, – без них как-то спокойнее, ни тебе головной боли, ни тошноты.

– Ладно, вставай, уже девять часов, скоро муж твой подъедет, зачем ему знать о твоих слабостях.

Кофе был отменным, его Геля варила умело.

– А Дааночка в школе? – спросила я, не обнаружив присутствия девочки дома.

– Она отпросилась на сегодня. Помогать переезжать будет. Я ее за молоком послала.

– Кашу будешь варить?

– Тебя лечить, – улыбаясь, сказала подруга.

– А что, поможет?

– Непременно. Молоко нейтрализует остатки алкоголя в желудке и восстанавливает кислотность. Молочный белок связывает остатки непереваренной пищи и продукты распада и выводит их из организма естественным путем.

– Ого, подруга, дорогая, какая же ты умная...

Переезд занял весь день. Более двух часов шесть мужиков выносили вещи из прежней квартиры на пятом этаже, причем дом не имел лифта. Они их затем еще час грузили в машину для перевоза, и еще три часа выгружали и вносили в новый дом тоже на пятом уровне. Благо здесь был не только пассажирский лифт, но и грузовой.

Однако то, что открылось моим глазам за порогом нового жилища Гели, развеяло все мои сомнения в целесообразности таких физических и моральных перегрузок.

Квартира стоила того, и дело было не только в площадях, а их было немало: сто шестьдесят квадратов, но и в дизайнерской отделке жилья. Все было изысканно, светло и просторно. Каждая деталь была продумана и гармонировала в целом со всей квартирой. Стены нежно-кремовых оттенков широкого коридора плавно переходили в оранжевый тон детской комнаты, меланжевый с золотистым отливом большой спальни, изумрудный с люрексовым узором в малой спальне и малахитовым окрасом в холле с большим камином. Как я потом выяснила, с электрическим камином, рядом с ним с двух сторон, словно огромные окна, возвышались стеклянные стены, по по-

верхности которых стекали струи дождя. Это было невероятно красиво. С первого взгляда я восприняла струи за реальный дождь, не поверив свои глазам, автоматически подошла к окну, на улице было солнечно. На ясном небе висели редкие пушистые облака. Вернувшись к плачущей стене, провела рукой и почувствовала прохладу стекла. Сооружение состояло из двух стеклянных пластин шириной два и высотой три метра, запаянных между собой по бокам. Таким образом создавалась плоская стеклянная емкость, внутри которой и циркулировала вода. Это был один из вариантов домашних водопадов. Но думаю, один из современнейших и самых красивых. Ванная комната и туалет, расположенные в большом коридоре, были выложены одного цвета кафелем. Молочно-серого оттенка под мрамор. Туалетные принадлежности дополняли всю композицию. Вторая ванная, большая по площади, рядом с большой спальней была бело-золотистой и выглядела воздушной.

– Я тоже хочу здесь жить, – сказала я, наигранно хныча, обращаясь к Игорю.

– А кто тебе мешает, живи. Подруга же не выгонит, надеюсь. Гель, прими на подселение Аленку, можешь взять даже с детьми, ничего не жалко ради ее комфорта, – сказал он, устанавливая внесенную им же тумбу на пол спальни.

– Да запросто. Хоть с этой минуты.

– Нет, ты только посмотри на него. Не знает, как от меня избавиться, да еще сразу и с детьми. Ты на что это намекаешь, а? – поддерживая шутку мужа, деланно возмутилась я.

– Смотри у меня, а то и впрямь с детьми уйду, оставив тебя с твоей свободой наедине. Ох, не поплачь тогда.

– Уже и пошутить нельзя. Ну вас, пойду таскать вещи, – сказал он, махнув рукой, и вышел из квартиры.

Молча взглянув друг на друга, мы с Гелей как по договоренности громко рассмеялись.

– Слушай, совсем затерроризировала мужика, – вытирая выступившие от смеха слезы, сказала Айгель.

– Ничего, для профилактики необходимо держать его в таком тонусе, – успокаиваясь, парировала я.

– Тебе видней, – заметила уже спокойно она.

К концу переезда, когда вся мебель, бытовая техника, и большая часть больших коробов с посудой были уже внесены и на улице оставались лишь коробки под мелочи, объявились Маринка с мужем и наш комсомольский вожак Любовь Шевцова.

– А что это вы так рано проявились, еще вон коробки таскать надо? – хитро улыбаясь, съехидничал Игорь. – Через полчаса как раз вовремя было бы. Что ж ты так оплошал-то Сергей?

Мужчина, к которому были обращены его слова, являлся мужем Марины и уже десять лет тесно дружил с Игорем. Много лет назад впервые встретившись в доме Айгель на каком-то мероприятии, они сдружились, и все эти годы их отношения оставались добрыми, хотя подтрунивать и подшучивать друг над другом было обычным явлением. И все к этому привыкли.

– Да вот, говорил я Маринке, рано еще ехать, чувствует мое сердце, не все еще внесено в дом... таскать придется... так нет, знаешь же женщин, не слушаются. Поехали... Поехали..., вот тебе и приехали, – с нарочитым неудовольствием высказался Сережа.

– Геля, а ты не пускай их в дом, пока свою норму не выполнят, – продолжая шутить, попросил Игорь.

– Точно, Игорек, как их теперь назвать, даже не знаю, – как бы в поисках нужного слова замялась Геля.

– Сачки, – пришел на помощь Игорь.

– Вот именно, – подтвердила Геля, – как вы теперь будете исправлять свою провинность, даже не знаю?

– Эх, Марин, придется тебе с Любовью теперь все из дома назад нести, а я уж вновь занесу вещи в дом, – с тяжелым вздохом обратился Сергей к сопровождающим его женщинам.

– Есть другое предложение, – вновь взял слово Игорь, – вы можете откупиться. С вас хороший шашлык и отдых на природе, – делая акцент на последнем слове, сказал Игорь, – все согласны?

Мы все проголосовали только «за».

– Принимается, – ответил Сергей.

– Шашлык можно организовать и сегодня, – выступила с предложением Любаша.

– Только не сегодня, – взмолилась Айгель, – все такие уставшие, и потом я уже жаркое из молодого ягненка сготовила. Все, как вы любите. Сегодня останемся дома.

– Я тоже за это предложение, – сказал Игорь, – природу назначим на ближайшую субботу.

На том и порешили. Спустя пару часов, когда основные коробки были разобраны и в столовой установлен стол, девочки начали расставлять вазы с салатами и фруктами, а мужчины устанавливали мебель в спальне и на кухне. Потом уже шумной компанией все ели жаркое, которое получилось отменным, закусывали салатами и говорили добрые тосты.

Утром, сидя в кабинете с открытым окном, я чувствовала себя не совсем свежо.

«Так тебе и надо, два дня подряд пьешь мартини, – мысленно говорила я себе, – хотя сегодня мне не так плохо, как вчера, это, наверное, потому что Геля залила в меня молоко, почти пол-литра. Вот ведь секреты какие: «век пей, век учись»», – перефразировала я народную мудрость сообразно ситуации.

– Ниночка, принеси мне дело Каримова, – сказала я по селектору секретарше и начала просматривать ежедневник.

День был насыщен трудовыми подвигами, и я, с честью выполнив их, поздно вечером еле волочила ноги по лестнице, поднималась домой.

«Завтра нужно подготовить документы по делу гражданки Кунцевой», – мысленно задала я себе программу на следующий день, – противное будет дело. Дележ имущества с хулиганскими нападками всегда был чреват взаимными гадостями».

– Ох, – громко вздохнула я в ожидании неприятной работы, и позвонила в дверь.

– Кто там? – раздался голос Никиты.

– Открывай, это я, мама, – устало сказала я.

На дворе уже стоял октябрь. Прошло больше трех месяцев с новоселья Айгель. Бабье лето в этом году, судя по погоде, было затяжным. Везде летали паутинки, теплое ласковое солнце, покрывшее багрянцем верхушки деревьев, все еще нежило природу. Прошел месяц, как были открыты наши швейные цеха. Готовился к презентации немецкий магазин верхней одежды. Адвокатская контора вела свои трудовые будни, и без куска хлеба мы не сидели. Неделю назад Геля сообщила мне, что Арлен приглашена научным обществом Дрездена на трехмесячную стажировку по программе обмена опытом. К этому моменту она уже была на этапе завершения докторской диссертации. Я всегда удивлялась ее жизнестойкости и собранности. При загруженности заведующей кафедрой она еще находила время заниматься наукой. Она была не только стойким, но целеустремленным человеком. В отличие от других подруг Айгель у нас с Арлен завязались очень тесные, почти сестринские отношения. Я была привязана к ней, искренне сопереживала ее проблемам, каждый раз пытаясь поддержать. Айгель очень гордый человек и никого не подпускала слишком близко к своим родным, на все вопросы посторонних о жизни ее семьи отвечала, что

у братьев и сестер все хорошо, живы, здоровы, пользуются успехом. Ответ всегда был однозначным и дополнительных пояснений не позволяли никому. Исключения не составили и подруги. Нет, она не то, что не доверяла нам, просто не любила распространяться об этом.

– Мои проблемы, это мои проблемы, зачем ими обременять других, – говорила она всегда, когда я интересовалась причиной ее позиции.

В конце концов все окружающие ее люди привыкли к этому и перестали совать свой нос в ее семью, личную и родительскую.

Но я оказалась в особом положении, не потому, что мне сделали исключение, выбрав из всех, а лишь потому, что я сама проявляла активность участия, сочувствия и поддержки, несмотря на то, что и для меня поначалу были установлены общие правила. Возможно, со стороны это было навязчиво, но я искренне с самого нашего детства питала особую привязанность и уважение через Айгель к тете Жене, а затем и ко всем родным моей подруги. Я словно выросла в них душой, и отрывать ее было бы не только больно, но и жестоко, легче было принять меня. И тетя Женя знала об этом, она чувствовала.

Итак, Арлен готовилась к отъезду в Германию. Она всегда мечтала о путешествиях, хотела посмотреть другие страны, в особенности старую Европу, в будущем планировала посетить Японию. И вот ее мечты начали сбываться. Все ее родные и я были рады за нее. Она активно готовилась к отъезду. Во время ее отсутствия Камилла должна была жить с тетей Женей, так как и Арман уезжал в командировку по работе. В свое время он окончил медицинский институт, где и познакомился с Арлен, но после распада Союза, когда воцарились безработица и временный экономический хаос, он оказался не у дел и вынужден был искать себе новое место работы. Так Арман

стал медицинским представителем одной индийской фармацевтической фирмы. Он разъезжал по всем клиникам и поликлиникам, рекламируя препараты, реализуемые данной фирмой. Денег он стал зарабатывать больше, чем когда был урологом, что явилось некоторым подспорьем в лечении Камиллы, но дома он стал бывать реже. Раз в месяц он выезжал по регионам страны, чтобы читать лекции врачам больниц и амбулаторий о тех или иных лекарственных формах рекламируемых медикаментов. Это создавало некоторые неудобства в семейных отношениях, так как вся нагрузка по лечению и реабилитации Камиллы падала на плечи Арлен. Благо, что тетя Женя всегда была рядом и во всем помогала дочери, разгружая ее, насколько это было возможно, чтобы Арлен могла заниматься своей диссертацией. С первого дня и по сей день тетя Женя вложила в свою внучку не только безмерную любовь, но и силы и терпение, сопровождая ее во все клиники, где Камилла получала многочисленные лечебные процедуры. Когда же девочка подросла, то подготовила ее к школе и бесшумно шла рядом с ней, провожая на занятия и встречая после уроков.

Итак, все было распланировано. До отъезда Арлен оставалось два дня. Это был вторник, десять утра, когда позвонила Айгель.

– Мне нужна твоя консультация, – с тревогой в голосе сказала она, – давай встретимся, ты через полчаса сможешь?

– Что случилось? Все живы, здоровы?

– Все. Камиллочку обидели в школе... плачет, отказывается ходить туда. Мне нужна юридическая консультация.

– Да, господи, что случилось? Ты пугаешь меня.

– При встрече поговорим, – сказала сухо Геля и отключила связь.

Я сидела в растерянности, не зная, что и предположить.

«Может, ее оскорбили, вряд ли Геля тогда бы обратилась ко мне, может, деньги у девчонки вымогают? Не побили же?»

Сегодня планировалось заседание суда, на котором должно было слушаться дело моей клиентки – гражданский иск по разделу имущества. Начаться оно должно было как раз через час. Когда позвонила Айгель, я просматривала необходимые для суда бумаги. Вызвав по селектору Вадима, старшего юриста фирмы, передала ему документы, на случай, если сама не смогу присутствовать на заседании.

– Хорошо, я все понял. В случае чего, попрошу о недельном перерыве.

– Дело несложное, практически уже на завершении. Если успею, присоединюсь к тебе на процессе.

Я отдавала поручения секретарше, когда в двери появилась Айгель.

– Проходи, – сказала я ей, рукой указывая на кресло у журнального столика, – я уже заканчиваю.

И обращаясь к сотруднику, продолжила:

– Отпечатай письмо на официальном бланке, заверь его, потом проинструктируй курьера, чтобы он лично передал письмо секретарю Лопатина в руки. И попросил ее сразу же занести руководству. Нам необходим ответ сегодня вечером, в крайнем случае, завтра утром. Я позвонила Петру Павловичу и попросила об услуге. Так что они не затянут с ответом.

– Мне можно идти? – уточнила секретарша Верочка.

– Да. И предупреди Каныбека, чтобы подготовил документы Сидорцовой по производственной травме. Пусть проверит, все ли документы представлены пострадавшей стороной, и соберет недостающие. Срок у него три дня.

Да, – вспомнив, добавила я, – и пусть не забывает о свидетеле. Как там ее?

– Кузьмина, – напомнила Верочка.

– Верно.

Выйдя из-за стола, я присела на соседнее кресло рядом с Гелей.

– Что случилось?

– Да в школе, – расстроено начала Айгель, – Ками обидели. Две дуры из старшего класса, не первый раз терроризирующие ее, окончательно сдурели. Они у всех младшекласниц отнимали карманные деньги. Дошла очередь и до Камиллы. А она отказалась подчиняться и таскать им деньги. После двух угроз, эти... не знаю даже как назвать их, две ... решили публично наказать ее. Ты ведь знаешь, школа Камиллы расположена рядом с их домом, через дорогу, поэтому вот уже год она ходит на занятия самостоятельно без бабушкиного сопровождения. Ее подловили на обратном пути и побили.

Я слушала Гелю, и чувство гнева закипало во мне.

– Сильно побили? – сдавленным голосом спросила я.

– Изваляли в грязи и понаставили синяков на лице, видимо, с силой хлестали по щекам, а когда она упала, то несколько раз пнули по животу. Выродки, – в сердцах вырвалось у Айгель, – прости, но других слов просто найти не могу.

– Когда это случилось?

– Вчера после уроков. Ками не стала звонить родителям, чтобы не расстраивать их. Представляешь, даже в этой ситуации она не хотела причинять боль близким. Дождалась их прихода с работы вечером.

Я была потрясена, слушала подругу, не проронив и слова.

– Не все по-людски в нашем государстве, – почему-то произнесла Геля, – ты представляешь, пока одна была ее,

другая снимала на видео в сотке. А уходя, они пригрозили ей, что убьют, если она расскажет обо всем родителям и не принесет назавтра им денег.

– Что с Камиллой?

– Ты имеешь в виду здоровье?

Я кивнула.

– Ссадины на лице. С утра сделали УЗИ всех органов. Вроде повреждений нет.

Понимаешь, они изувечили ее не физически, а морально. Более того, они грозились ей распечатать эти снимки ее избиения и распространить по школе, если она их не выкупит.

Как можно такое проглотить и ничего не предпринять для защиты ребенка?

– Знаешь, медицинское освидетельствование ничего не покажет. Необходимо заключение психолога, хорошего психолога. Ты для этой роли не подойдешь, так как являешься близким родственником. У тебя есть такой психолог? Желательно нейтральный человек, не связанный с тобой по работе.

– Есть. Доцент кафедры психологии подойдет?

Я кивнула головой.

Геля мрачно замолчала. Зависшая пауза затянулась.

– Мне хочется по полной наказать этих,.. – Геля замаялась, посмотрев мне прямо в глаза, она продолжила:

– И особенно их родителей, вырастивших таких чудовищ. Ты представляешь, Ками и без того досталось от судьбы по вине акушер-гинеколога. Как они только посмели поднять руку на больного ребенка.

– Они трудные подростки из неблагополучных семей?

– Да нет, хорошистки, одна даже из семьи педагогов. Родители в техникуме преподают. И учителя твердят, что они неплохие девочки, и свидетели молчат, набрав в рот воды. Запуганы. Ты знаешь, когда мама вместе с Арлен

прибыли в школу и узнали об этом, сразу вызвали этих школьниц и потребовали извинений. Так они так нагло вели себя, чуть ли не в лицо смеялись. Говорят, она сама упала...

– Мы даже помочь ей хотели подняться. Отказалась. Не навязываться же, – сказала одна из них, – может, она специально так делает, на жалость давит.

Арлен не выдержала и вырвала у нее из рук сотовый телефон, который та вертела в руках.

И что ты думаешь, она нашла клип о Камилле. И даже их ржание записано.

– А где эта сотка?

– У Арлен. Она не отдала ее. Сказала, что вернет только ее родителям после того, как покажет в милиции. Мама была у директора, конечно, они извинялись за случившееся, но очень просили не выносить сор из избы. Говорят, сами разберутся с этими девочками. Публично извинятся перед Камиллочкой. Напекают, что мы должны быть снисходительнее и не равняться на этих двух, ведь руководство школы тоже пошло нам на встречу и приняло Ками в свои ряды, несмотря на ее не совсем физически здоровое состояние. Представляешь! Это шантаж. Я уверена, если сейчас мы проглотим это из ряда вон выходящее издевательство над ребенком и не дадим отпора, призвав к ответственности и этих двоих и их родителей, они не оставят в покое нашу девочку, а, возможно, и другие возьмут это на вооружение. Что посоветуешь ты?

– Как хотят поступить тетя Женя и Арлен?

– Они полагаются на нас. Конечно, они негодуют. Представляешь, каково сейчас Арлен?

– Что говорит сама Камиллочка?

– Плачет. Не хочет больше учиться в этой школе.

– Их можно призвать к уголовной ответственности. Но помни об их возрасте, малолетки. Тем более, что у

них, как ты сама отметила неплохие характеристики в школе, не было приводов в милицию, на учете там они не состоят. И несмотря на то, что колония по ним плачет, туда они по данному инциденту вряд ли попадут. Это, если смотреть юридическую сторону, а по-человечески проучить их надо обязательно. Только продумать надо хорошо. Чтобы все было в рамках закона. Нужно заявление от Арлен о возбуждении уголовного дела. Я займусь им. Посадить мы их не посадим, но нервы потрепим.

Подумав, спросила:

– Что с поездкой Арлен? Все так некстати.

– Когда такое бывает кстати. Расстроена, у нее уже билеты на руках. Послезавтра улетать, теперь даже не знаю, как поступит.

– Значит, будем решать проблему за эти два дня, хотя бы определимся с позициями. А ей надо лететь. Мы сами все это завершим.

– Тут я не могу диктовать, только малышонок может решить, как ей быть с Германией. Хотя, конечно, считаю правильным лететь в Дрезден.

Мы ехали в школу. Арлен с тетей Женей были уже там. Ждали родителей восьмиклассниц.

– Привет, тетя Лен, – сказала Арлен, целуя меня в щеку, – видите, какая беда случилась с Камиллой. Эжешка, наверное, рассказала?

– Да, я в курсе. Не переживай, все сделаем, как надо. Ты должна написать заявление в милицию, к какому району ты относишься?

– К Октябрьскому.

– Идем в машину, я тебе продиктую текст. А здесь побудет Айгель. Мне нужно успеть заверить его в РОВД сегодня. Потом мы отпустим Гелю с Ками к психологу. Это тоже надо сделать сегодня. С родителями буду говорить я как твой адвокат. Сотовый телефон у тебя?

– Вот он, – протягивая мне мобильник сказала Арлен, – жаль, что свидетелей нет.

– И без них им придется туго. Вот главная улика, – сказала я, просматривая жестокий клип в отнятом телефоне.

Вечером, сидя у телевизора, я все прокручивала события сегодняшнего дня.

Родители виновных девиц, те, что преподавали в торговом техникуме, полностью признали вину дочери и с надеждой просили Арлен забрать заявление из милиции и принять их извинения. Грозилась сурово наказать дочь за содеянное. Родители второй девочки попросту не явились в школу. А посему их должны вместе с дочерью вызвать повесткой в РОВД на допрос. Медицинское освидетельствование с заключением психологов и психиатров было приобщено к делу. На душе было противно. Никогда не предполагала, что придется столкнуться с такого рода проблемой. Детская жестокость, бездуховность, преступность.

Ночью мне снились тяжелые сны. С припухшими глазами, с чувством разбитости я встречала рассвет. Небо только начинало светлеть.

Сварив себе кофе, я взялась перечитывать старые газеты, раскиданные на диване.

«Наверное, дети просматривали», – почему-то решила я. Включать телевизор было рано, все еще спали. Ранний подъем сказался вялостью рабочего дня. Работа шла как-то тяжело, я никак не могла раскататься. Досидев до двенадцати, я договорилась о встрече с Арлен.

Спустя час я уже беседовала с ней.

– Теть Лен, мы посоветовались и приняли решение забрать заявление из милиции.

– Почему?

– Вчера вечером мне звонил директор школы и просил подойти сегодня к восьми часам, для разговора.

– Ну и?..

– Поговорили. Он убедительно просит не давать хода делу в милиции. Аргументирует свою просьбу обещанием публичного извинения обеих старшеклассниц на общей линейке. И взятием под личный контроль их дальнейшее поведение в школе. Гарантирует, что больше не повторится никаких выпадов в адрес моей дочери.

Мы посоветовались дома с мамой и Айгель эжешкой и решили принять его предложение, удовлетворив его просьбу. По большому счету я не желаю судебного наказания этих девочек, понимая горе их родителей. Более того, они достаточно убедились в том, что любые выпады в адрес Камилочки будут чреваты для них тяжкими последствиями. Сегодня обе девочки, плача просили прощения в кабинете директора. Родители одной из них стояли в коридоре с таким обреченным видом, что просто жаль их. Я поговорила с Ками, она готова простить их и вернуться в школу. Вы же знаете, у нее доброе сердце.

– Я поговорю с ребятами из РОВД, девочки все равно останутся в картотеке, коль уже засветились. Но дальнейшее развитие дела приостановлю, – сказала я, соглашаясь с их решением, думаю, по человеческим канонам тетя Женя была, как всегда, права.

– Вы считаете, мы не правы?

– Как адвокат пострадавшей стороны я бы довела дело до суда. Но как друг я согласна с принятым решением. Это станет для девочек уроком. И, возможно, они навсегда изменят свое отношение к людям и миру, тем самым изменив свою судьбу.

– Как подготовка к отъезду?

– Вчера же не было и предположения о таком исходе дела, и я позвонила в Дрезден, взяла отсрочку на две недели в связи с болезнью. У них так не принято. Проект, в который меня пригласили, очень актуален и научно нов,

поэтому у немецкой стороны всегда есть резерв для замены приглашенных участников.

– Тебе что делать нечего? Многие мечтают попасть туда, а эта девушка отсрочку просит. Нет, вы только посмотрите на нее. Срочно позвони им и поставь в известность, что тебе стало лучше, и ты вылетаешь завтра по графику.

– Я же не могла оставить дочь при такой ситуации, – отвечая на мой выпад, эмоционально жарко выпалила она, потом спохватившись, уже более ровным тоном закончила, – теперь, когда дело приняло иной оборот, и все становится на свои места, я поеду в Германию со спокойной душой.

– Во сколько у тебя вылет с нашего аэропорта?

– В четыре утра. Сегодня вечером приезжайте ко мне домой, сделаем небольшие проводы. Буду ждать.

– Обязательно приеду. Во сколько?

– Давайте часам к шести. Я попросила маму всех предупредить.

Под словом «всех» она имела в виду ее брата Эрбола, сестер и близких друзей. Амир в это время уже много лет жил с семьей в Америке.

На этот раз опоздавших гостей не было. Все, как один, прибыли к шести часам, не считая теть Жени, которая была здесь с двух часов дня и уже приготовила жаркое из ягненка по специальному рецепту – ее коронное блюдо. Арлен уже успела охладить шампанское. Грибной салат, приготовленный собственноручно самой хозяйкой, был великолепен, впрочем, как и ее выпечка.

– Ну что, начнем, – предложила Айгель, глядя на маму вопросительно, – скажите свой тост дочери, а мы, – оглядывая нас, сидящих за столом, продолжила она, – уже пойдем по часовой стрелке. Никто не против предложения?

Настроение у всех было хорошим, и даже Камиллочка, сидя рядом с бабушкой, широко улыбалась. Я невольно задержала взгляд на ней, подумав:

«Какая она все-таки лучезарная. Словно ее и не обижали. Счастья тебе, девочка моя!»

Словно уловив мои мысли, она перехватила мой взгляд, смущенно опустила глаза, и уже не размыкая губ, скромно улыбнулась. Я улыбнулась ей в ответ.

– Я очень горжусь, доченька, твоими успехами. Ты со школы была умницей, училась только на отлично, и институт закончила с красным дипломом, и кандидатскую написала в очень раннем для науки возрасте, теперь вот заканчиваешь докторскую.

Тут она обратилась к присутствующим:

– Вы знаете, что уже назначена дата апробации ее диссертации?

– Нет, – ответила за всех нас Айгель, – когда?

– Двадцатого февраля нового года. А там недалеко и до защиты. Так вот, доченька, мы с папой всегда гордились тобой, папа мечтал, что ты раздвинешь горизонты знаний и выведешь кыргызскую науку на мировой уровень и не ошибся в своих ожиданиях. И хотя его сейчас нет рядом с нами, он все равно незримо присутствует здесь и гордится тобой. Я это чувствую. И мне приятно осознавать, что твои научные изыскания имеют признание и за рубежом нашей страны, и доказательством тому это приглашение в Дрезден. Я не сомневаюсь, что ты покоришь не только вершины знаний, но и сердца тех людей, которые встретятся тебе далеко от дома. Потому что ты очень добрый человек, светлый, щедрый на любовь и помощь. Не зря же тебя все зовут солнышком, – у тетя Жени дрогнул голос от волнения, сделав вдох, она продолжила, – благополучно тебе добраться, доченька, до Германии, и самое главное, когда придет время, живой и здоровой вернуться к нам, домой. Мы с Камиллочкой будем ждать тебя здесь. За нас не волнуйся, все будет хорошо, я тебе обещаю.

Мы все протянули бокалы к центру стола и чокнулись. Арлен незаметно для многих смахнула слезу. Айгель встала и подошла к маме.

– Родная моя мамулечка, разволновались-то как, словно на фронт дочь провожаете, – переводя все в шутку, сказала она матери, обнимая ее, – поверьте мне, ей там будет хорошо. Как говорится, мир повидает, себя покажет. Это же здорово. А вы расстроились. Это нас всех надо жалеть, что мы в серости прозябаем, только и видим бесконечные революции, да народные стенания. А там, мамуля, Европа, совсем другая жизнь. Еще и не захочется вернуться нашей младшенькой, что будем тогда делать?

Все присутствующие во главе с тетей Женей рассмеялись. Арлен встала из-за стола и тоже подошла к маме и поцеловала ее.

– Куда я денусь. Мне везде будет плохо, если рядом вас нет, – сказала она и, подняв свой бокал, произнесла:

– За мамочку!

– Ура! – в один голос закричали мы все и со звоном чокнулись бокалами.

Потом слово дали Айгель.

– Родной мой малышонок, – начала она, – я так тебя люблю, так дорожу тобой, что все твои печали автоматически переходят на меня, и все твои радости тоже становятся моими. У меня к тебе двойное чувство: с одной стороны сестры, с другой матери, хоть я таковой и не являюсь. Это заслуга нашей мамы, так воспитавшей нас, слив воедино, как нечто не делимое на части, что теперь врозь мы дышать долго уже не сможем. Мама всегда говорит: вы все пять пальцев одной руки, и чем старше я становлюсь, тем больше начинаю понимать всю глубину смысла этих слов. И за это, мамочка, огромное вам спасибо! Я говорю это к тому, что горжусь тобой всегда и везде и гордилась бы, даже, если бы ты не стала тем, кем стала, не достигла бы этих высот, а была бы просто моей маленькой сестренкой. Но сказать по правде, вдвойне приятно, от осознания твоих достижений. Согласитесь, все же лучше

быть сестрой значимого человека, всеми уважаемого, без двух секунд доктора наук, заведующей кафедрой практической микробиологии, чьи научные труды признаны мировым сообществом. А доказательством тому – участие в данном зарубежном проекте ученых медиков, куда приглашены только доктора наук и авторы значимых открытий. Легкого тебе взлета и мягкой посадки! И пусть эта поездка станет началом твоего мирового путешествия как великого ученого! За тебя, малышонок!

Этим ласковым словом Айгель с детства именовала младшую сестру. Это стало неписанным законом в их отношениях. Иначе в глазах сестры Арлен себя и не воспринимала.

Потом было высказано множество тостов и пожеланий, и заказов, сдабриваемых хорошей порцией смеха, порою даже до слез. Уходить гостям не хотелось, но надо было дать время Арлен и тетя Жене собраться с мыслями, проверить напоследок собранность чемодана и наличие в дамской сумочке билета и паспорта. Поэтому к часам десяти ночи мы разошлись по домам. Было решено, что Айгель и Эрбол отвезут Арлен в аэропорт и помашут вслед улетающей сестренке. На том и расстались.

ОЖИДАНИЕ

– Новый год приближается, через две недели уже тридцать первое. Время так летит. Когда Арлен возвращается, где-то в двадцатых числах? – уточнила я у подруги, сидя на диване в ее квартире в ожидании чая. За три часа до этого я обзвонила всех подруг, поставив их в известность о предстоящей встрече.

– По какому поводу собираемся? – поинтересовалась Любовь, когда я передала ей приглашение Айгель.

– Она устраивает поминки отцу. Девчонок я уже обзвонила. Сбор через два часа без мужей. Все будет на скорую руку.

Итак, мы сидели за столом, и Даана уже расставила сладости и фрукты и даже принесла чайный сервиз.

– Ее попросили дочитать лекции. Я не говорила тебе о том, что она читает лекции студентам второго курса Дрезденского университета, с начала ноября.

– Вот молодец! На каком языке она читает их?

– На английском, хотя достаточно свободно владеет и разговорным немецким, правда, не так виртуозно как английским. Между прочим, из всего числа приглашенных докторов из семи стран, в том числе Англии, Китая и России, лишь ей было предложено читать лекции. Тема ее кандидатской диссертации тесно переплетается с циклом лекций по микробиологии для студентов университета. Более того, ее метод культивирования вирулентных видов некоторых микроорганизмов, созданный и запатентованный ею еще при работе над кандидатской, заинтересовал местных ученых биологов и вирусологов, поэтому ее сотрудничество с немцами, возможно, будет продолжено и в дальнейшем. Скорее всего, более на длительный, чем на этот раз, срок.

– Тогда ей придется брать Ками с собой?

– Не знаю. Думаю, скорее всего, так и будет. Вот из-за этих лекций она не успевает вернуться, как планировалось, к двадцатому числу. Хорошо, если вернется к новому году, хотя бы тридцать первого, пусть даже вечером, лишь бы вместе встретить 2011 год, тем более, что это будет ее год, она у нас тигр. Настоящий тигр – несгибаемый боец.

– Ты уже была в мечети? – поинтересовалась Гульнар.

– Да, сегодня утром заезжала, папе поминальную службу заказывала, а что?

– Хотела тоже сходить туда, помянуть маму, отца и бабушку.

– Снятся?

– Мама снится. Уже несколько ночей.

– Когда последний раз устраивала поминки родителям?

– Да вот, на курбан айт.

Геля понимающе кивнула.

– Я тоже тогда провела поминальный обед для папы и всех усопших родственников, – сказала она.

– Какой ароматный чай, – заметила я, уже потягивая его.

– А мне пироженки понравились, – сказала Марина, – обычно они приторно жирные и невыносимо сладкие, а эти ничего себе.

– Сэкономили, наверное, на сахаре, – вставила Люба, – мне сладости не хватает немного.

– Гель, где ты их взяла? – поинтересовалась Марина, – тоже заеду.

– В «Триаде». У них всегда свежая сдоба и торты. И вообще неплохой магазин.

– Мне он тоже нравится.

– Арлен только в Германии все это время была? – спросила Гульнара.

– Нет, она посетила Париж, Прагу, Вену, Варшаву и Амстердам, а в самой Германии – Бонн и Берлин.

– Вот молодец! А как ей удалось так много поехать по проекту?

– По работе она посетила лишь Вену и Амстердам по три дня, участвуя в научных конференциях. Остальные города по выходным дням в субботу и воскресенье туристом на общих правах за свой счет. Недавно прислала фотографии с исторических мест этих стран по интернету. В Париже побывала на Эйфелевой башне, на улице Красных фонарей, Елисейских полях, кстати, это вовсе не поля, а район города, элитный район. Посетила Собор парижской Богородицы, там принято покупать специальные листы-вкладыши и записывать на них свое желание, просьбы и молитвы и оставлять в специальном месте. И, по по-

верью, эти просьбы полностью исполняются. Малышонок пять раз отстояла в очереди, чтобы записать молитвы за каждого из нас – братьев и сестер.

– А что, за раз купить эти листы было нельзя? Какая разница, ведь все равно деньги платишь, – удивилась Марина.

– У них свои правила. Возможно, в том, что заново отстаиваешь очередь, тоже есть своя волшебная сила, возможно, видя твои очередные усердия, богоматерь более благосклонна к твоим просьбам.

– А разве нам, мусульманам, можно прибегать к иной вере и иконам? Это действует? – спросила Гульнара.

– Да какая разница, на каком языке ты молишь Бога, главное, чтобы вера твоя была искренней и глубокой, идущей из самой души. Бог един, и неважно, в каком облике люди видят его, от этого он не становится национализированным. Верно? – обращая свой вопрос в пространство, высказалась Люба.

– Верно, – подтвердила Айгель.

– Ой, прямо ополчились. Спасибо за просвещение, а то не ведала, как веровать в Бога, – почему-то болезненно отреагировала Гуля, нотки иронии явно звучали в ее голосе.

Айгель вопросительно посмотрела на подругу.

– Не за что! Сама же спросила, – не унималась Любовь.

Гульнара лишь снисходительно посмотрела на нее и, не разжимая губ, улыбнулась.

– Нет, без коньяка нам никак нельзя, вон даже разговор не клеится, – переводя перепалку в шутку, высказалась Марина.

Шутка не удалась. За столом зависла долгая пауза.

– Ну что, девчонки, пора разбежаться, завтра трудовой день, пока еще доберемся до дому, – прерывая затягивающееся молчание, предложила я. – Марин, ты на «служебной»? Захватишь меня? Я сегодня пешком. Нам по пути?

– Да, без проблем. Девочки, вас могу подбросить до Моссовета, а там уже на любом транспорте уедете.

На том и порешили.

– Ты не знаешь, что случилось с девчонками? Какое-то они сегодня взвинченные, цеплялись друг к другу, – спросила Марина, когда Любовь и Гуля сошли на пересечении улиц Московской и Советской, и мы остались одни.

– Да уставшие все, и потом Люба явно была не права. Вечно ее назидательный тон, – предположила я.

– Она же всегда такая. Пора привыкнуть уже. Лично я не реагирую на нее. Не со зла же, в конце концов. Нет, тут что-то другое. Геля тебе ничего не говорила?

– Насчет чего?

– Кажется, у Гульнаны дело идет к разводу. Лезть в душу не хочется, коли сама молчит, а предложить помощь без ее приглашения, выглядит как-то навязчиво.

– А что, Айгель разговаривала с ней на эту тему?

– Не знаю, вот у тебя интересуюсь. Чуть что мы же все к ней бежим, вот и подумала, что, может, она в курсе.

– Если и был разговор, то вряд ли Геля нам что-либо скажет. Ты же знаешь она как партизан, не выдаст ни одной чужой тайны, если только сама хозяйка секрета не попросит об этом. А с чего ты взяла, что Гуле грозит развод?

– Да так, предположила.

– Тебе что, делать нечего, на ровном месте предполагать такое? Выкладывай, откуда мысли.

– Ты не заметила заретушированного свежего синяка у нее на щеке у левого уха? Довольно большого. Тоналка хоть и замазала ее, а все под бликами люстры просвечивается.

– Нет, я даже внимания не обратила.

– Ее Акыл загулял с одной фифой из департамента здравоохранения. И видать, совсем голову потерял, козел.

– А ты откуда это знаешь?

– Эта фифа сестра моей секретарши. Я случайно увидела, как они ее ждали в машине, целуясь. Представляешь? Хоть бы окна затонировал, козел.

– И давно ты об этом знаешь?

– Уже больше двух месяцев. И не знаю, как себя вести по отношению к Гульнаре. Я на следующий день выпросила секретаршу, мол, кто эти люди, что тебя подвозили? Прикинулась, что женщина симпатичная, похожа на мою давнюю знакомую по имени Асель. Выдумала, конечно, все про нее. Но секретарша клюнула.

– Это моя сестра. Зовут ее Замира. Она медик, работает в городском департаменте здравоохранения, – пояснила она.

– Мужчина за рулем, видный такой, наверное, ее муж? – уточнила я.

– Вроде того, – как-то замялась моя секретарша, потом подумала и сказала, – она не замужем, но, видимо, скоро выйдет. Он в ней души не чаёт. Все ее капризы выполняет.

– Да, не всем так везет, как твоей сестре, – не удержалась я от сарказма.

Секретарша недоуменно взглянула на меня, не поняв причины моего тона.

– Она заслужила это. Одна растит двоих детей, – попыталась она прояснить ситуацию.

– А что случилось с ее мужем?

– Он погиб в автомобильной аварии, уже пять лет.

Я понимающе кивнула головой.

– А этот ее поклонник женат?

– Пока еще да, но готов развестись. Жена у него страхолюдина и неряха.

– А ты откуда знаешь ее?

– Он так говорит.

Тут Марина не сдержалась и смачно выругалась. Потом немного помолчав, добавила.

– Нет, ты представляешь, – глядя на меня, с возмущением выпалила она, – этот козел, нашу Гульку обозвать неряхой? Это при ее болезненной чистоплотности и порядочности. И потом она очень даже красивая женщина. Вот только мало времени уделяет себе, экономит на маникюре там, педикюре. И даже на одежде для себя. Все больше печется об этом козле, да о детях. Вот дура.

– Ты с Айгель говорила на эту тему? О том, что знаешь о его похождениях?

– Звонила ей. Рассказала все.

– И что?

– Да ничего. Говорит, пока сама не узнает, молчать. Аргументирует тем, что, возможно, все еще образуется, и Акыл бросит свою мымру, так и не дав почувствовать свою измену Гуле. Она где-то права, в конце концов, он же кобель, не первый раз в загуле, но семью все же не бросил. Гульнара, зная обо всех его похождениях, прощает мужа, делая вид, что не знает о них. Может в этом и есть житейская мудрость, хотя я, наверное, своего придумала бы сразу. Раз подруга молчит, и я не хочу показывать, что знаю об измене Акыла, не хочу быть свидетелем и уж тем более причиной ее развода.

– Я была не в курсе. Ужасная ситуация и действительно сложно определиться с правильностью поступка. Главное не навредить. Вот за этим поворотом, – переключаясь на водителя, указала я подъезд к дому. Машина остановилась.

– Спасибо, что подвезли, – обращаясь одновременно и к водителю и к Марине, поблагодарила я.

Уже лежа в постели и слыша сопение Игоря, давно ушедшего в сон, я все думала о Гульнаре.

«С другой стороны, может, правильнее открыть ей глаза. Сколько можно прощать этого козла. И потом от-

куда у нее синяк. Возможно, сама ударилась, а возможно и ...», – продолжать свою мысль даже не хотелось, тем более, что и раньше у нее бывали синяки на разных частях тела, явно неслучайного происхождения.

«Кобель ненасытный!», – выругалась я про себя, и зло посмотрев на похрапывающего мужа, стукнула его по плечу.

– Что? – сонным голосом спросил он.

– Перевернись на бок, храпишь слишком громко.

Хорошо, что он крепко спал и не уловил моего раздражения, причиной которого был явно не он. Мне стало жаль его, и я, придвинувшись к нему вплотную, просунула руку под его одеяло и обняла. Чисто механически, по привычке, он положил свою ладонь на мою руку и засопел дальше.

Я улыбнулась и довольная закрыла глаза.

Верно говорят, время летит стремглав, после сорока пяти особенно быстро.

Наступил и долгожданный суетный день тридцать первого декабря. Я отпустила всех на работе еще в обед и сама, пробежавшись по супермаркетам с пакетами, полными еды, возвращалась домой. Уже в подъезде зазвонил телефон.

– Алло, слушаю.

– Ален, привет, с наступающим! Во сколько собираетесь ко мне? Ты созвонись с девчонками и определитесь. Потому что после я тоже уеду к маме.

– А разве не у тебя они будут встречать Новый год? Изменяете традиции, с чего вдруг?

Дело в том, что вот уже более десяти лет все праздники и уж тем более Новый год родные Айгель во главе с мамой встречали у нее дома. Так было заведено. Просто каждый, украсив елку у себя дома и накрыв стол к восьми часам, всегда приезжал к Айгель, оставаясь у нее на все

праздничные дни. И вот вдруг неожиданно для меня они сменили место празднования. Поэтому мой вопрос был уместен.

Айгель улыбнулась, понимая смысл недосказанных мною слов.

– Арлен прилетела. Все-таки успела к Новому году. Мама решила изменить заведенное правило и встретить этот год тигра в ее доме. Так что проводим старый год у меня, а после вы меня подвезете к мамуле.

– Хорошо, раз так. Как раз и тетя Женю и остальных поздравим, – найдя и в этом приятные стороны, отметила я, – и вообще по Арлене соскучилась. Изменилась, небось?

– Если только в мировоззрении, – отшутилась Геля.

Провожать старый год у Айгель было многолетней традицией, заведенной еще при жизни Ариса, ее мужа. За много лет до трагической гибели. День его рождения датировался тридцать первым декабрем. Поэтому, объединив его именины и проводы старого года в один праздник, родственники и друзья собирались в их доме. И хотя уже шесть лет Ариса с нами не было, традиция осталась неизменной. Поэтому и уходящий год не стал для друзей исключением. Мы все шумной компанией собрались к семи часам в доме Айгель.

– За столом царило веселье. Каждый из присутствующих был уже подшафе. Кто-то, например, как мой Игорь, был после кафешки, где отмечали корпоративное празднование Нового года.

– Итак, тост! – взял снова слово тамада, в роли которого сегодня был Акыл. С момента нашей последней встречи на дне рождения Гульнары пять месяцев назад, он немного пообтрепался. Какой-то был мятый, как после недельной попойки, и постаревший. Я внимательно пригляделась к нему, пытаясь определить причины таких перемен. Но, не являясь, ни Вангой, ни Кашпировским не

смогла преуспеть в своих изысканиях и автоматически перевела взгляд на Гулю. Подруга была сегодня при параде, красивая, помолодевшая, изысканно одетая. Поймав мой взгляд на себе, она мягко улыбнулась, лишь уголками губ. Я приподняла бокал.

– Ты сегодня такая красивая, за тебя! – сказала я и отпила глоток вина.

– Спасибо, – слегка склонив голову, ответила она и, взяв свой бокал, также отпила глоток.

Все было хорошо в ней кроме взгляда. Он был тусклым, и хотя Гуля старалась быть веселой, но при пристальном изучении в глазах ее обнаруживалась печаль.

«Значит, не все ладится у них», – отметила я про себя, и от этой мысли внутри меня возникло чувство неприязни к Акылу.

Еще раз, скользнув по нему взглядом, я порадовалась какой-то изношенности его внешнего вида, и злорадно улыбнувшись в душе, мысленно сказала:

«Так тебе и надо, кобель». На этом мое участие в жизни подружки завершилось, и я с чувством выполненного долга продолжила проводы старого года.

Во время перерыва, когда мужчины пошли в библиотеку поиграть в карты, что было одним из любимых развлечений во время наших собирушек, мы – представительницы слабого пола, остались в столовой одни. Маринка, как всегда, задыхалась сигаретами, напуская на себя загадочность, Айгель, потягивая апельсиновый сок, периодически кивала головой, слушая Гулю, которая сосредоточенно о чем-то тихо ей говорила. Вдруг брови Гели взметнулись вверх, и она вопросительно взглянула на подружку. Постепенно выражение ее лица сменилось от умиротворенного до тревожного, затем и вовсе опечалилось. Она покачала головой, что-то отрицая, и тяжело вздохнула. Потом снова пристально посмотрела на Гульнару и вслух сказала:

- И вы хотите прямо сейчас об этом объявить?
- А что скрывать, факт состоявшийся, назад пути нет.
- Может еще все образуется? Мало ли что бывает в жизни и потом, ты ведь и до этого раза закрывала глаза на его похождения.
- Тогда дети были маленькие, выбора не было.
- А сейчас что, такие уж взрослые? Они в курсе?
- Давно.
- Не знаю, может, пока только девочкам сообщишь?
- В чем дело? – встряла в разговор наш комсомольский вожак.

Марина, не менее удивленная разговором подруг, развернулась всем корпусом, выжидательно уставившись на Гульнару.

– Мы с Акылом расходимся, сегодня подали заявление. Вернее я подала.

За столом зависла тишина.

Никто из нас не вскричал с возгласом: «да ты что?»

Все сидели, словно набрав в рот воды. Гуля прервала молчание первой:

– Он уже больше месяца периодически не ночует дома. Живем мы с ним в разных комнатах. Три дня назад он признался мне, что уходит к другой. Просил расстаться мирно, без истерик. Напомнил, что между нами стоят дети, и он будет о них заботиться, беря на себя их учебу в институте, свадьбы и ежемесячные карманные расходы, если я его отпущу по-доброму. Свою долю в квартире он оставляет детям. Ну вот, наверное, и все, – сказала спокойно Гульнара и залпом выпила рюмку коньяка.

Мы продолжали молча смотреть на нее. Раньше, когда открывались его измены, подруга тяжело переживала их, и каждый раз делясь с нами своей болью, плакала и много курила. Теперь же что-то изменилось в ней, взгляд стал суше и тверже, но злобы не было. Какая-то глубинная

усталость и безысходность появились в ее глазах. Словно она сломалась, там, внутри, где живет душа.

– А он в курсе твоего решения? – поинтересовалась Люба, переводя взгляд от Гульнаны на Айгель и снова на Гулю.

– Конечно. Я сообщила ему об этом.

– И что он?

– Ничего, уточнил дату суда.

– Вот сволочь! – не сдержалась Марина, – кобелина несчастный, а мы еще с ним за одним столом сидим... Гнать его надо взащей!

Гуля с некоторым удивлением, молча посмотрела на нее. То ли не ожидала такого искреннего негодования подруги и была благодарна ей, то ли наоборот была изумлена ее бурно выраженной позицией, которую возможно считала не совсем верной. Но вопрос, зависший в ее взгляде, словно говорил:

«тебе-то он ничего не сделал плохого, чтобы так негодовать. Все же дружили больше пятнадцати лет». Однако ее мысли так и остались тайной за невысказанностью.

– Тише, Марин, мужчины услышат.

– Ну и пусть слышат, – никак не могла унять свое возмущение Марина, – пусть бойкот ему объявят, исключат из наших рядов – все же убавляя голос на полтона, закончила она.

– Я думаю, Гулечка, сегодняшней вечер не самый лучший из дней, когда можно будет объявить всем о вашем,.. – замаялась Геля, подбирая нужное слово, – ... решении. В преддверии Нового года не стоит делать этого. Все же до развода, если он состоится, еще целый месяц. И потом, даже если такое и произойдет, мы должны четко определиться в своей позиции по отношению к Акылу. И она должна быть общей точкой зрения для всех нас.

– Что значит определиться? Ты допускаешь мысль, что мы при встрече после их развода сможем с ним общаться? – недоумевая, уточнила Марина.

– Тебя никто не заставляет общаться с ним как прежде, но делать из него прокаженного изгоя, думаю, будет неверно. Здраваться и протянуть руку помощи в трудную для него минуту не только человечно, но и по-божески. В конце концов, никто из нас ни от чего не застрахован. И еще, Гулечка, именно ты должна определить, как нам быть с Акылом. Это полностью лежит на тебе. Если скажешь порвать все контакты и окатить его презрением, мы, конечно же, выполним это, но мне горько осознавать, что такое решение с твоей стороны возможно. Думаю, оно будет выполнено с тяжелым сердцем, по крайней мере, у меня. Он не делал никому из нас подлости, был дружелюбен и уважителен с нами со всеми эти десять лет, и то, что он предает тебя, очень больно для меня как подруги, но это внутренняя кухня. Конечно, мы поддержим тебя и будем с тобой, но, возможно, вы обойдетесь без войны и морального уничтожения друг друга.

Айгель с любовью посмотрела на Гульнару и с теплом в голосе добавила:

– Родная моя, я знаю, что тебе сейчас очень тяжело и больно, но подумай еще раз, ни теперь, позже, через три-четыре дня, а еще лучше через одну-две недели. Ведь есть время. Не решай судьбу сгоряча.

За столом опять повисла долгая пауза. Марина вновь нервно закурила, благо была открыта форточка, не то все бы задохнулись от дыма. Вернулись мужчины, о чем-то жарко споря.

Прислушавшись, я поняла о чем:

– Да уговорились они, еще до выборов, распределив места. Вот премьер наш сейчас в должности исполняющего обязанности второго лица. Это же для отвода глаз. Каждый действующий министр и метящий на это место четко знают тусовку кадров и ждут лишь даты назначения. Это же политика. И потом не первую же революцию мы переживаем. Они для того и делаются, чтобы заново

перетусовать колоду чиновников. Простому народу эти игры являются запредельными, им не до них, у них других злободневных проблем по выживанию много, – разглагольствовал Акыл.

– По-твоему, все продажные и все продано, – буркнул Игорь.

– Успокойтесь, политические дебаты объявляю закрытыми, – перебивая мужчин, взяла слово Люба Шевцова, – переходим к продолжению банкета. Итак, на ком мы остановились до антракта?

– На мне, – сказала Айгель, – остался мой тост.

– Нет, так не интересно, – заявил Игорь, – только-только разогрелись и на тебе, пора расходиться. Хозяйка всегда говорит последней. Мы уже привыкли быть здесь до одиннадцати вечера, сейчас всего лишь восемь.

– Хорошего помаленьку, привыкли на халяву встречать Новый год. Ничего не готовить, стол не накрывать, гостей не встречать. Все делала Геля, все салаты, все закуски, горячее, – подчеркнула я.

– Мы же тоже принимали участие, – вкрадчиво как кошка, тихим голосом заметила Марина, – вот, например, мы, – при этом она взглянула на мужа, – всегда приходим с горячительными напитками, и не с одной бутылкой шампанского.

Получилось как-то вызывающе, словно попрек.

– Ну все, девочки, шутка какая-то неудачная выходит, – сказала Геля, – тост!

Однако гости не хотели успокаиваться.

– Я вообще предлагаю отмечать проводы старого года по новому графику. К примеру, в этом году мы собрались у Айгель, следующий год у меня, и так далее. Помимо этого Новый год, который мы всегда отмечаем первого или второго, и опять же у Гели, так же нуждается в корректировке.

– Да мне не трудно встречать вас. Я лишь рада буду, – заметила хозяйка дома, – и потом, я еду к маме лишь

в этом году. На следующий год все будет по-прежнему. И в Новый год мама, сестры, племянники и вы, друзья, вновь встретитесь здесь. Я же с радостью приму вас и наготовлю всяких вкусностей. А теперь тост:

– В жизни бывает много испытаний, падений и взлетов, разных ошибок. Чтобы с нами не случилось, каких бы высот мы не достигли, или в какие бы пропасти в пути не падали, я желаю всем нам в новом году быть едиными, одним целым! Наша дружба проверена годами и нет ей сомнения, и все же я еще раз хочу пожелать нам единства и преданности, здоровья и долголетия до глубокой старости. Я очень люблю вас всех вместе взятых, но и дорожу каждым в отдельности. С наступающим Новым, щедрым, милосердным годом!

– Ура, – закричали присутствующие и начали чокаться бокалами и рюмками.

Проводы близились к концу. Все разбежались по домам. Мы с Игорем, ответственные за доставку Гели, смогли ей собрать со стола и только потом вызвали такси.

– Чего ты тут набрала? – спросил Игорь у подруги, спускаясь по лестнице с ее тяжелыми пакетами в руках.

– Салаты, пирог, подарки и всякая всячина на мамин стол. Давай помогу, – ответила Геля, протягивая к нему свободную руку.

– Ты сама еле идешь со своим грузом, а там что? – недовольно спросил Игорь.

– Все тебе расскажи да покажи, – вмешалась я, неся свою сумку, набитую подарками от друзей, и пакет с двумя бутылками шампанского для тетя Жени, которые спасли от своего застолья, то есть «от нашего стола – вашему».

На улице большими пушистыми хлопьями валил снег, от чего мой восторг вылился в радостный возглас:

– Хорошо, что пошел снег, да такой пушистый, начался лишь к вечеру, а все же успел покрыть ковром землю и крыши, сделал городу по-настоящему Новый год! Правда, Гель?

– Чего ж хорошего, сейчас дороги станут скользкими, столько аварий случится, – не согласился Игорь, открывая багажник такси для наших пакетов.

– И чего ты все бурчишь недовольно. Пусть пьяными за руль не садятся, и аварий не будет. Верно, Айгель? Вот, к примеру, ты знал, что выпьешь, и поставил свою машину в гараж, молодец! За это я тебя люблю.

– Верно, не все ж такие, как твой Игорь. Акыл вот не послушался и сел за руль, хотя и выпил.

– Так он выпил две кружки пива, – заступился за друга Игорь.

– И что? – возмутилась я.

– С двух кружек не окосеешь.

– А гайшники? – поинтересовалась Айгель, – или они не в счет.

– А что ему бояться, у него брат полковник. Кто его остановит?

– Поехали, – устало сказала я, садясь на заднее сиденье машины рядом с подругой. На правительственной трассе, по которой мы ехали, машин почти уже не было, хотя на часах пробило всего лишь девять вечера. Пушистый снег крупными хлопьями все падал, особо искрясь, под лучами зажженных фонарей. Какое-то особенное великолепие присутствовало во всем этом.

«Что нас ждет в этом году? Каким он будет? – подумалось мне, – дай Бог быть ему добрым и милостивым! И счастливым!»

ЭРБОЛ

Был март, на улицах первой порослью местами пробивалась молодая трава, видно, назло изменчивой погоде. Деревья с набухшими почками, готовые вот-вот разродиться настоящей листвой, застыли в ожидании, все еще утомленные зимней стужей. Люди, сбросившие теплые

шубы и дубленки, в большинстве своем перешли на весенние курточки. Юная часть населения и вовсе разделась, оставшись в кофточках и свитерах.

День сегодня был какой-то квелый, несмотря на солнечность. Я же была апатичной, а виной всему был весенний авитаминоз и сезонная депрессия. Как-то особенно остро хотелось праздника, веселья, фейерверков.

Я сидела в кабинете, абсолютно не желая работать. Зазвонил мобильник.

– Слушаю, – вяло произнесла я.

– Что голос такой упавший, или заболела?

Это была Айгель.

– Не знаю, наверное, депрессию поймала.

– Где, если не секрет, – пытаюсь перевести разговор в шутку, поинтересовалась Геля.

– В жизни, – лаконично ответила я.

– Я гляжу, ты совсем захандрила. Давай встретимся, – предложила она, – я могу уйти с работы через полчаса.

– А я хоть сейчас. Где встретимся?

– Как обычно.

Это означало, что в кафе на углу Чуйского проспекта и улицы Тоголока Молдо.

Японская кухня.

Через полчаса мы уже заказывали ролы и на десерт тирамису.

– У тебя точно все нормально? – изучающе разглядывая меня за едой, спросила Геля.

– Да надоело все.

– Что именно?

– Работа, дом, город. Уехать хочется куда-нибудь... Дней эдак на двадцать.

– Что мешает?

– Работа, дом. Не бросишь же. У меня еще несколько судебных слушаний. Клиенты какие-то мелочные пошли,

судятся из-за дюжины ложек и другого барахла. Раздражает все.

– Не нравится мне твое настроение.

– Мне тоже.

– Так все-таки, что случилось? – уже придав настойчивости голосу, вновь поинтересовалась Айгель.

– Да, – махнула я рукой, – Никита чужую машину разбил, вернее две машины.

– В каком смысле разбил, он же не имеет машины? – искренне недоумевая, высказалась подруга.

– У друга взял, покатасть девочек. Докатался, идиот.

– А права?.. Он имеет права?

– Да откуда. Только начал учиться, третью неделю ходит на вождение.

– Смертей нет?

– Слава богу, нет. Но девочка пострадала. Перелом ключицы, двух ребер и плеча. Лежит в больнице.

– Да ты что, ужасно, – расстроено сказала Геля, – остальные целы?

– Целы.

– Чем помочь? Я знаю хороших травматологов и нейрохирургов в четвертой больнице. Подключить их к лечению? Или что-то еще надо, говори.

– Лишними не будут, правда, там профессор лично взял ее под контроль. Папа девочки крупный бизнесмен – банкир, сама понимаешь всех и все подключил, в том числе и милицию.

Деньги нужны месяца на три-четыре, лучше на полгода, пока машину продадим и дачу, время нужно.

– Сколько?

– Тысяч пятнадцать, мы собрали столько же.

– У меня есть пять, ты их можешь взять сегодня, остальные я тебе соберу за день или два. Брошу клич девчонкам, кто сколько сможет. Соберем. Что еще нужно?

– Ты говорила, у тебя знакомые автослесари есть, что сделают качественно и быстро, а возьмут не очень дорого. Хозяин пострадавшей машины потащил свою тачку на оценку стоимости ремонта в самое дорогое СТО, видите ли, там качество соответствует нормативам. Я предупредила его, что восстановление его машины произведу в другом месте, где цены приемлемы и качество хорошее. Вроде согласился.

– Есть, я позвоню им сейчас, договорюсь.

Она тут же набрала номер ребят и объяснила ситуацию, договорившись о встрече со мной.

– Сейчас заедем в банк, и я сниму тебе деньги, – сказала она, допив вино и попросив счет.

– Телефон Нурбека, заведующего нейротравмой, остался в кабинете, я найду его сотку и созвонюсь с ним. Нужно будет, проедем к нему в больницу. А эта девочка, я имею в виду пострадавшую, кто она? Почему оказалась в машине?

– Как выяснилось, она – девушка моего сына. Правда, дружат всего месяц. Все пока вилами на воде писано. Однако от ее показаний зависит главный обвинительный приговор.

– Как ее фамилия?

– Воронцова Анастасия.

– Не знаю такого банкира. А что за банк?

– Понятия не имею, не успела еще выяснить. Сегодня вечером встречаемся с ним там в больнице и обговорим ситуацию в полном объеме.

– Если хочешь, я буду рядом.

– Ты лучше помоги с деньгами. Перед девочками неудобно.

– Чего неудобно. От беды никто не застрахован. И когда они помогут, если не сейчас? Не переживай, все будет нормально. Я решу этот вопрос. Пошли, – расплатившись с официантом, сказала она, поднимаясь с места.

Я поплелась следом. Хотя денежная сторона проблемы решалась, легче на душе не стало.

В девять вечера того же дня Айгель вновь связалась со мной.

– Я собрала нужную тебе сумму. Девчонки откликнулись с готовностью, мы собрали тебе четыре тысячи долларов как помощь. Их отдавать не нужно. Остальные деньги я заняла до августа, как ты и просила. Кстати, как прошла встреча с отцом девушки?

– В принципе, доброжелательно. Он оказался не кровожадным человеком, сказал, что отзовет свое заявление из милиции. Пообещал в скором времени решить эту проблему. В свою очередь и я взяла обязательства оплатить все расходы по лечению Вики, так зовут девушку, и по реабилитации в восстановительном периоде. Геннадий Павлович – отец Виктории, так же сообщил, что встречался с отцом второго юноши, сидевшего в автомобиле вместе со всеми, и являющегося хозяином пятисотого «Мерседеса». Так вот, он также не будет иметь претензий, если мы без волокиты восстановим машину в прежнем состоянии, а еще лучше, если выкупим ее. Кстати, его сын также лежит в больнице с сотрясением мозга и ушибом мягких тканей лица и головы. После обеда госпитализировали. Его лечение нам тоже надо оплатить.

– И сколько они хотят за машину?

– Двадцать тысяч.

– Не хило. Какого ж года она?

– Две тысячи седьмого.

– А ремонт во сколько обойдется, примерно подсчитали?

– Тысяч в семь. Там еще есть вторая пострадавшая машина со скандальным водителем, у него тоже Мерс, только трехсотый. Он же вызвал гаишников и завел дело.

– У меня есть знакомый в руководстве городского ГАИ. Может, к нему съездим, поговорим?

– Да, Игорь уже решил с гаишниками. Нашел посредников, заплатил нужную сумму. Но все равно спасибо. Ты знаешь, голова раскалывается, таблетки не помогают.

– Еще бы, такой стресс пережить.

– Не пережила еще. Можно, мы завтра заберем деньги?

– В любое удобное для тебя время. Ты давление померь, может, подскочило. Так анальгетики не помогут, нужно пить гипотензивные препараты. Измерь и перезвони мне.

Делать ничего не хотелось, но головная боль и шум в ушах заставили меня все-таки найти тонометр. Давление действительно зашкаливало: сто восемьдесят на сто миллиметров ртутного столба. Даже мне, юристу, было понятно, что это верный криз на фоне моих обычных – сто тридцать на восемьдесят. Сказать по правде, я сама перепугалась, тем более, что такое со мной было впервые.

– Какие лекарства есть? – спросила Геля, когда двадцатью минутами позже я поставила ее в известность, – например, коринфар или атенолол, или нормодипин? Что-нибудь из этого есть?

– Откуда, у нас у всех нормальное давление, кроме антибиотиков и валерьянки ничего нет.

– Вызывай скорую. Нет, я сама вызову. Ложись в постель и старайся не двигаться. Ты меня поняла?

– Поняла, – недовольно буркнула я, – а может таблетки Игорь купит. Не хочу я скорую вызывать, еще в больницу заберут. А мне никак нельзя.

– У тебя может развиться инсульт, ты это понимаешь? Надо будет, поедешь и в больницу, но думаю, все обойдется. Сделают тебе капельницу или внутривенное введение лекарств и собьют давление. А там отлежишься. Через день будешь огурчиком. Все, я вызываю скорую помощь. Уточни номер квартиры, сорок...?

– Три.

– Угу. Ну все, давай ложись, – и Айгель отключилась.

Скорая прибыла минут через тридцать. К тому времени шум в голове спал, но интенсивность болей оставалась прежней.

Как и говорила Геля, мне сделали капельницу, два внутримышечных укола и предложили госпитализацию, я отказалась. Очень скоро я заснула, однако ночь была беспокойной благодаря мочегонному лекарству, вынудившему меня бегать в туалет каждый час. Под утро совсем изможденная я наконец-то заснула крепким сном. В какой-то момент я почувствовала прикосновение прохладной руки к моему запястью. Приподняв тяжелые веки, я увидела Айгель, сидящую на стуле рядом с кроватью и считающую мой пульс.

– Привет, – сказала я, удивленно глядя на нее, – ты давно приехала?

– В восемь утра.

– А сейчас сколько?

– Уже девять тридцать, пора вставать. Надо умыться и поесть, потом, вновь вернешься в постель. Но перед этим я померю давление, – сказала она, просовывая манжет тонометра под мое предплечье.

Я молча ждала. Она выпустила воздух, и внимательно посмотрев на меня, озвучила показания аппарата:

– Сто сорок на девяносто миллиметров ртутного столба. Для тебя это высоковато. А с учетом вчерашнего криза и вовсе является прямым показанием для строгого постельного режима.

– Но я не могу лежать. Ты ведь знаешь, какая у нас ситуация. Мне надо в больницу.

– Туда съезжу я и к автослесарям тоже. В конце концов, они мои знакомые и сделают скидки. Я уже взяла телефон склочного водителя. Кстати, Игорь сказал, что это служебная машина, значит, не он владелец. Нужно

узнать, кому конкретно принадлежит автомобиль. Я узнаю через своих знакомых гаишников. Может проблему надо решать с хозяином? А ты лежи. Это все мелочи, будут деньги, все решится и без тебя. А не дай Бог, что случится с тобой, тогда что будем делать? Лежи, – опережая мой дальнейший протест, безапелляционно, словно вынося вердикт, сказала подруга.

– Хорошо, но только сегодня, – с тяжелым вздохом согласилась я, – Игорь где?

– Он ушел за лекарствами, скоро уже будет. Я расписала, как принимать их. Ну, я пойду, покажусь на работе, отдам распоряжения и поеду в больницу к Виктории. Потом отзвонюсь тебе по результатам.

Уже поднявшись со стула, она вдруг сжала мою руку и очень уверенно сказала:

– Все будет хорошо, верь мне.

И я поверила. «Все-таки хорошо, что она у меня есть», – подумала я. И не ошиблась.

Спустя месяц все встало на свои места, если, конечно, не считать долги, но ведь это было уже мелочью. Тем более, что наша дача удачно продалась, и мы уже успели вернуть часть долга. Остальные согласились ждать до августа, согласно первой договоренности.

Виктория выписалась из больницы и теперь пребывала на амбулаторном лечении дома. Их дружба с моим сыном, проверенная таким ужасным образом, переросла в более глубокие отношения, и теперь они считались парой. Была ли рада я этому? Не знаю. Но вмешиваться в чувства сына я не собиралась. «Время покажет дальнейшее течение дел», – решила я, на том и успокоилась.

На улице был апрель. Погода была жаркой, горожане давно перешли почти на летние одежды. Молодежь гуляла в красочных футболках и батниках с короткими рукавами. Все вокруг было зелено и по-весеннему молодо.

Сегодня Дааночке исполнилось шестнадцать лет, и через месяц она заканчивала школу, вступая во взрослую, Бог даст, студенческую жизнь. Конечно, еще предстояли выпускные экзамены и достаточно много переживаний по поводу вступительных экзаменов, но все это было мелочью. Девочка она умная, все сложится, как нужно, не сомневалась я. Главное, сегодня у нее день рождения!

Желая быть в числе первых поздравляющих, я еще в семь утра отправила ей эсмэску с кучей добрых пожеланий.

За два дня до этого, покупая продукты на базаре, я случайно встретила Салкын, жену Эрбола. Приветствуя друг друга, мы расцеловались.

– Как дети? – спросила я, – как дела у Эрбола? Нашел работу?

Дело в том, что после революции многие потеряли работу по принципу – «новая метла метет по-новому». Пришедшие к власти новоявленные руководители сменили старые кадры предыдущих директоров своими, которых привели с собою. Не избежали этого на местах представители среднего эшелона власти, такие как заместители руководителя и заведующие отделениями, в числе которых был и Эрбол. Не согласившись с ситуацией, брат Айгель высказал публичный протест против произвола, результат не заставил себя долго ждать и, как принято в нашей стране, ему сделали «ушел по собственному желанию». Что называется, нашла коса на камень. Итак, я встретила Салкын, на мой вопрос она ответила:

– А что, эжешка вам не сказала? Мы переезжаем в Казахстан. Эрболу предложили возглавить отделение сосудистой хирургии. Мы подумали и согласились. Конечно, уже не будем видаться так часто. Но у всего есть свои плюсы. Во-первых, зарплата. Во-вторых, перспективы для детей в будущем. Все же экономически стабильная

страна. И революций столь частых, как в нашей республике, не бывает. Народ сыт и обут. А самое главное, мир и уверенность, что тебя завтра с работы не выкинут, только потому, что произошла смена власти. Там кадры ценят.

Это явилось полнейшей неожиданностью для меня.

– Давно решили переехать?

– Уже как две недели.

– Что ж рада за вас, конечно, жаль, что теперь будете далеко от нас, но с другой стороны будет повод посещать чаще Казахстан. В каком городе вы теперь будете обитать?

– В Таразе.

– Это бывший Шимкент?

– Да. Я пойду... мне еще в садик надо зайти за сыном, да и дочь со школы уже пришла. Скоро же встретимся на дне рождения Дааны. Вы будете там?

– Конечно. Ну, пока.

Она ушла уверенно своей дорогой.

Айгель не посвятила меня в перемены жизни брата, видимо, у нее на то были свои причины.

Наступил день именин моей любимицы. Я набрала номер Айгель.

– Привет, как подготовка к празднованию?

– В гонке, – кратко ответила подруга, но настроение у нее было хорошее.

– А что так?

– Да вот фрукты беру, еще надо в кондитерскую заехать. Я заказала большой именной торт для вечера.

– Помощь нужна?

– Да нет, сама успею. Кстати, собираемся в шесть вечера в ресторане «Пекин».

Рядом с домом, далеко ходить не надо, центр города, всем удобно будет разъехаться после празднования.

– Я что звоню, хотела узнать по секрету, что бы Дааночка хотела получить от меня на день рождения, она не делилась с тобой?

– Любому твоему подарку она будет рада, – тактично ответила подруга.

– Да брось, что за партизанские варианты. Я ведь все равно буду покупать, так зачем брать вещь вслепую, которую она примет лишь из чувства такта, без особого восторга в душе, лучше возьму то, что она на самом деле хотела бы иметь. Так что брать? Кстати, а что даришь ты?

– Кожаный плащ. Она давно его просит.

– Плащ, это хорошо, – задумалась я, и вдруг меня осенило, – может мне сотку купить, ту модель, что она хотела, помнишь? Ее «мобильник», наверное, уже состарился?

– Ничего себе состарился, ему всего год, – возмутилась Геля.

– Ну и что, сейчас новые модели появились, молодежь, знаешь, какая нынче, чуть ли не каждые полгода обновляют свои телефоны. Мода ведь на месте не стоит. Все, я определилась с подарком.

– Это очень дорогой подарок, не стоит и говорить об этом, – категорически запротестовала подруга.

– А сколько он стоит?

– Больше двадцати пяти тысяч сомов...

– Тогда сделаем так, я созвонюсь с девчонками и подбью их на покупку этой сотки, – довольная найденным решением сказала я.

– Боюсь, поставишь меня в глупое положение, это ведь неудобно диктовать им, что дарить Даане, – осторожно заметила Айгель.

– Это тебе неудобно, а мне в самый раз, – весело ответила я.

– Смотри сама. До вечера.

– Подожди, у меня к тебе еще разговор есть, – перебивая подругу, быстро сказала я.

Геля молча ждала.

– Я недавно на базаре встретила Салкын.

Подруга выжидательно молчала.

– И она сообщила мне о том, что они всей семьей переезжают в Тараз. Я рада за них, если это их выбор.

– Ему сделали хорошее предложение. Он будет заведовать большим отделением. А самое главное заниматься любимым делом, оперировать. За год безработицы он так сильно изменился. Стал раздражительным, срывается по поводу и без повода. Да и Салкын проявила себя не с лучшей стороны. Вечно пилила его, попрекая положением безработного. Начались конфликты. А теперь, слава Богу, все станет на свои места. Мама конечно, не особо рада. Ведь один сын больше семи лет живет за границей, вдали от нее. Первый раз приехал гостем на родину спустя шесть лет после отъезда, и то на месяц. А теперь вот и второй сын уезжает. Все это тяготит ее. Но что делать, если на родине выживать стало почти подвигом.

– Да, – только и сказала я.

Мне почему-то стало жаль тетя Женю, зная, как она привязана к своим детям, как «квочка» к цыпляткам, переезд Эрбола в другую страну был для нее, конечно, болезнен. Я думаю, она отчетливо понимала, что и второй сын отдаляется от нее.

Когда Амир улетал в другую страну и убеждал маму, что будет звонить, чуть ли не каждый день, и прилетит при первой же возможности, тетя Женя с грустью произнесла:

– Это только сейчас ты так говоришь, а закрутит тебя жизнь в своем водовороте, хорошо бы, если б ты, хотя бы раз в десять дней звонил, сынок. Мне так тебя будет не хватать.

– Мамочка, ну что вы, рядом с вами остаются эжешка, Эрбол, Айка и Арлеша. Вы даже не почувствуете мое отсутствие. И потом, я же говорю, я буду очень часто вам звонить. Правда.

– У каждого из вас свое место в моем сердце, то, где живешь ты, будет одиноким от того, что я не смогу видеть тебя, как раньше, и при желании обнять или побыть с тобой, – с тяжелым вздохом сказала она.

– Мы будем общаться по скайпу. Это значит, вы всегда сможете меня увидеть во время разговора.

Время рассудило их, расставив все на свои места. Как и предполагала тетя Женя адаптация семьи сына в чужой стране, с совершенно иным менталитетом заняло у него большую часть времени. Все его помыслы и силы были направлены на вживание в ритмы и традиции жизни иного, совершенно отличного от советской республики государства. Великая держава процветающего капитализма со всеми его плюсами и минусами давала территориальное убежище всем страждущим в ее покровительстве, но не торопилась признавать за своих людей. Первые два года были особенно сложными. Ни Амир, ни его жена не могли устроиться на хорошую работу по профессии. К этому моменту, помимо дочери, с которой они выехали за границу, у них родился сын. Потребности возросли. Думая о завтрашнем дне, Амиру пришлось получить второе образование и овладеть навыками медицинского техника для работы с реабилитационным оборудованием при госпиталях и медицинских центрах. Его супруга, имевшая диплом филолога, так же окончила трехгодичные курсы по юриспруденции и стала помощником адвоката. На устройство профессиональной стороны жизни у Амира ушло четыре года. И лишь еще через два года он смог впервые после отъезда приехать к себе на родину навестить маму.

И хотя Казахстан – это не Америка, тетя Женя прекрасно понимала, что и Эрбол уезжает от нее далеко не только в плане расстояния, но и общения. Конечно, ей хотелось бы, что бы все ее детки были рядом с ней, в поле

ее видимости, чтобы сердце было спокойным за них, и еще, чтобы она всегда имела возможность укрыть их собой в случае необходимости. Но ее дети выросли и уже самостоятельно решали свои судьбы. Ей оставалось только благословлять их.

СЮРПРИЗЫ

Стояли последние дни апреля. После проводов Эрбола и его семьи прошла неделя. Арлен с Арманом как самые младшие из Арлановых поехали с ними, чтобы помочь семье старшего брата с переездом, распаковкой вещей на новом месте проживания. Остальные родственники, в том числе и мы с Игорем, распрощались с Эрболом и Салкын дома у тети Жени. В душе у меня происходило нечто непонятное, одновременно присутствовала и радость за отъезжающих и глубокая грусть, словно вместе с Эрболом нас покидало нечто привычное, устои, которые были общими для всех, в том числе и для меня. Не покидало ощущение, будто часть чего-то единого, важного и непоколебимого в стабильности отламывается и уже никогда не воссоединится с нами. Странное это было чувство.

Когда я поделилась своими мыслями с Айгель, она сказала:

– Именно так и происходит. Нас в едином кулаке было пятеро, вместе с женами и мужьями десять. Потом погибли мои, нас осталось девять, потом Айка осталась одна. Амир с женой уехали, еще больше сократив наши ряды. Что стало особенно заметно в дни больших мероприятий. Теперь Эрбол покидает нас. Конечно, территориально он будет ближе, чем Амир. Но все же... жизнь закрутит и его, мы станем реже встречаться и, в конце концов, научимся обходиться друг без друга. Лишь большие события в виде юбилеев или свадеб будут собирать нас за общим

столом. Машины четверги, покинутые сначала младшим братом, теперь поредеют и вовсе. Это грустно и больно. Я думаю особенно мамулечке. Но выбора нет.

– Я надеюсь, Эрбол будет проведывать тетя Женю чаще, чем Амир, ведь Тараз не так уж далеко и расположен. По-моему, город Ош находится дальше.

– До Тараза шесть часов езды на машине. Но ведь дело не только в этом, – сказала Геля, с грустью глядя на меня.

Я понимала, что она имела в виду.

Нужно отметить, что в жизни тетя Жени произошли и приятные события, Амир прислал гостевое приглашение в Америку для нее и сестры. Поэтому Айгерим с дочерью будут сопровождать маму в этом путешествии. Тетя Женя впервые выезжала в страну, где вот уже девять лет живут ее сын и внуки, поэтому готовилась к отъезду со всей ответственностью, тщательно подбирая себе гардероб и подарки невестке, сыну и внукам. Ее сестры, брат и подруги уже были в курсе предстоящего отбытия тетя Жени и подготовили свои списки по покупкам, которые та должна была приобрести для них. До отлета оставалось два дня. Айгель упаковала свои подарки брату и племяннику, у которых месяц назад были дни рождения с разницей в один день, и небольшие презенты невестке и племянницам. Я так же подготовила некоторые сувениры как знак внимания Амиру и его семье. Все подготовительные хлопоты держали меня в состоянии какого-то возбуждения, словно это я собиралась съездить к сыну в Америку. Наконец-то наступил последний вечер перед отлетом. Айгель, Арлен, Арман, Айгерим и мы с Игорем сидели за накрытым столом в доме тетя Жени.

– Мамулечка, я так рада за вас, – восторженно сказала Айгель, – Америку повидаете. Как говорится «мир посмотрите, себя покажете». Амир подготовил специаль-

ную программу, поездите по всем достопримечательностям Соединенных Штатов, океан увидите. В Нью-Йорке вы будете всего неделю, а потом Амир хочет отвезти вас в Калифорнию к друзьям, потом в Лос-Анджелес. В общем, культурная часть поездки насыщенная. Главное, чтобы ваше давление выдержало перелеты и эмоциональные нагрузки.

– Айгель эже, а мы в «Дисней-Лэнд» поедем, – не сдержав радости, выпалила Алюка, встречая в разговор взрослых.

– Да ты что?! Это же здорово! – на той же эмоциональной волне изумилась Геля.

– А еще мы поедем в Америку, – не унималась Алия.

– Ой, как я вам завидую, – деланно грустным голосом, обиженно надув губы, сказала Айгель.

– Ну все, иди в детскую, посмотри, что там Ками и Даана делают, – предложила она девочке, готовой бесперебойно сообщать распирающие ее новости.

Теть Женя добродушно улыбалась.

– Айка, налей мне чаю, – попросила Алена.

– И мне тоже, мой остыл.

– Может, и вам, дядя Игорь, чаю налить, горячий, только что вскипел.

– Нет, спасибо. Я и напился, и наелся. Вот только поспать нужно, чтобы ночью вас благополучно в аэропорт довести.

– Я бы тоже хотела проводить вас до самолета, – попросила Арлен.

– Малышенок, мест нет. Если только вы на своей машине поедете, – предложила Айгель.

– Конечно, Арман поведет машину.

Тот несколько недовольно посмотрел на жену, словно говоря: «я еще после Тараза в себя не пришел».

– Мы тоже поедем, – многозначительно глядя на него, с нажимом произнесла Арлен.

Заметив это, тетя Женя сказала:

– Для чего вы собираетесь среди ночи сопровождать меня. Я не люблю, когда такой ажиотаж создают перед дальней дорогой. Достаточно и Айгель. Она старшая из вас, вот и проводит меня. Алена, тебе тоже, я думаю, не стоит ездить в аэропорт. Мне так будет лучше. Спокойнее.

Я с недоумением посмотрела на тетя Женю, не зная истинных причин ее тактичного запрета.

– Ну хорошо, если вы так считаете, – сказала я.

– Ты же не обиделась на меня? – поинтересовалась тетя Женя.

– Нет, конечно. Я просто думала, что помашу вам вслед, когда ваш самолет взлетит.

– Вот и определились, – закрывая тему, произнесла Гелина мама.

Следующий день был нацелен на трудовые подвиги, под этим я подразумеваю судебские тяжбы моих клиентов по бракоразводному процессу, поэтому с Гелей мне удалось поговорить лишь вечером.

– Ну как ты? Тетя Женя еще не отзванивалась? – поинтересовалась я, позвонив к ней.

– Нет, еще рано. Они же через Москву полетели. Кажется, еще в Калифорнии транзит у них есть. Амир почему-то взял билеты с несколькими остановками. Видимо, так дешевле.

– И когда они должны отзвониться о прибытии?

– Завтра утром. А может, ближе к обеду. Ты знаешь, такое странное чувство без мамы. Ее нет в городе всего день, а я уже остро ощущаю ее отсутствие. Утром поймала себя на том, что придя на работу, автоматически набрала номер домашнего телефона мамы, чтобы спросить, как прошла ночь, и чем она будет завтракать. Это при том, что сама отвозила ее ночью в аэропорт. Как я буду без нее целый месяц? Даже не представляю. На от-

существование Айгерим я как-то спокойно реагирую, хотя дня через два и по ней затоскую.

Я только теперь поняла, насколько мы привязаны друг к другу.

– У тебя же рядом Арлен есть, пока с ней вдвоем побудете, – подбодрила я подругу.

– Знаешь, когда я уезжаю куда-нибудь по работе, то не так остро чувствую свою отрезанность от них, видимо, дела и заботы как-то отвлекают меня в командировках. Только теперь понимаю, каково мамулечке, когда провожает одного из нас за пределы города, страны. Не зря же говорят, всегда тяжелее на душе тому, кто остается...

– Ты вообще уникальная, так реагируешь, словно тетя Женя уехала навсегда от тебя. Месяц быстро пролетит, не успеешь даже толком соскучиться по ним. Наоборот радоваться надо, что такая возможность выпала ей, часть мира повидать. Считается, лучшую ее часть.

– Я радуюсь, – как-то грустно произнесла Геля.

Оговоренный месяц выдался тяжким. Духота росла с каждым днем, изнуряя и без того подкосившиеся силы после зимнего авитаминоза и весенней депрессии. Давно не было такой жары. Деревья выглядели жалко под слоем пыли. Природа жаждала дождей. Небо несколько раз хмурилось, темнея от неожиданно налетевших туч, но не успевало разродиться хорошим ливнем, так как ветер уносил их дальше. Два раза за весь месяц, как подаяние с небес покropило кратковременным грибным дождиком, что не только не утолило жажду, а еще больше подчеркнуло ее. Работа так завертела меня, что не удавалось выкроить время для встреч не только с подругами, но даже с Айгель. Все возникающие вопросы по тем или иным жизненным ситуациям, включая наш совместный бизнес, я решала с ней по телефону. У Гели график жизни был так же заполнен событиями, за это

время она дважды съездила в Питер, сначала на трехдневную международную конференцию и затем, спустя неделю, еще и на десятидневные тренинги по психологии и парапсихологии. Дни мелькали с такой скоростью, что я не успевала отрывать календарные листки на рабочем столе. Игорь вот уже неделю пребывал в Алма-Ате по вопросам бизнеса. Казахские партнеры пригласили его для обсуждения проекта слияния производств. Что, конечно, было выгодно обеим сторонам.

Сегодня была суббота. Освободившись часам к двум, я созвонилась с Гелей.

– Привет, – сказала я, когда она подняла трубку телефона.

– А, Алэн, рада слышать тебя. Ну что, Игорь вернулся?

– Нет еще. Должен прибыть сегодня вечером. Я эту неделю отдохнула от кухни. Ты же знаешь, Игорь без плотного домашнего ужина не может обойтись. Поэтому приходилось готовить каждый вечер. А так в его отсутствие у меня с мальчишками получилась отличная разгрузочная неделя. Мы питались пиццей, соками и салатами, которые готовили по очереди сыновья. Красота, а не жизнь. Придешь вечером домой уставшая, а тебе уже и стол накрыт, и посуду после тебя помоют.

– Да, дети у тебя хорошие. Всему ты их научила. Любой девушке по ведению хозяйства фору дадут. Их женам сильно повезет в будущем.

– Если они, конечно, и в своих семьях будут такими же самостоятельными, не как их отец, – отметила я.

– А что, их отец? Игорь у тебя вон, какой хозяйственный. Все в дом тащит. Не гуляет, не рукоприкладствует, не сквернословит. Мечта, а не мужик.

– Это ты заметила верно, что не бьет, то не бьет. Но и по дому никогда ничем не помогал. Видишь ли, не мужское это дело.

– И прав. Он добытчик. Кормилец. Слушай, ты так страдаешь, словно у тебя огромное хозяйство со скотным двором и семеро детей по лавкам, – засмеялась Геля, – избаловал он тебя, избаловал.

– Ага, – согласилась я. – Я что звоню, может, сегодня девичник организуем. Давно не встречались. Маринку вообще сто лет не видела. На днях звонила по работе спросить, так не дозвонилась. Ты давно с ней говорила? Как там у нее дела?

– Она же была в Швеции. С правительственной делегацией. Только вчера прилетела домой. Вечером звонила мне.

– Классная у нее работа, раз в два месяца по границам выезжать.

– Это уж точно. Но для такой работы надо быть Мариной. Выдержать все этапы борьбы за кресло, и переплюнуть своих конкурентов. У нас с тобой так не получится. Сколько нервов она положила к подножью сегодняшней должности. Сколько сил, средств. Я горжусь ею.

– Да, она боевая. В обиду себя не даст. Ну так что насчет девичника?

– Я не против. Завтра воскресенье, можно и расслабиться. Ты уже обзвонила девочек? Кстати, позавчера Калемкас прилетела с очередного итальянского рандеву.

– Что там у нее на личном фронте?

– Разочарование. Думаю, при встрече сама расскажет. Ладно, я сейчас прозондирую обстановку у девчонок, потом перезвоню, – предложила Геля.

Спустя полчаса Айгель вновь была со мной на связи.

– Люба освободится к шести часам. Остальные уже в пять будут готовы. Я предложила китайскую кухню. Ты как, не возражаешь?

– С удовольствием. А где встречаемся?

– В «Баласагыне».

– Тогда до встречи.

В оговоренное время все собрались без опоздания, даже Любаша подошла к пяти часам.

– А у нас начальство еще в четыре часа смылось с работы, ну и я не стала задерживаться, через двадцать минут покинула рабочее место, – со смехом пояснила она.

– Вот и молодец! Родина все равно наших трудовых подвигов не оценит, – с умным видом заметила Гуля.

– Привет всем, – громогласно сказал Катя, – так соскучилась! Сколько мы уже не виделись?

– Больше трех месяцев. Ты же у нас теперь деловая, в Италии бываешь чаще, чем в Кыргызстане. Совсем от нас отбилась, – подкалывая подругу, улыбаясь, сказала Гульнара.

– Можно подумать, вы каждую неделю встречаетесь, – демонстративно недовольно мотая головой, огрызнулась она.

– Конечно. Мы тут все пучком.

– Девчонки, что я вам привезла из-за границы? Как вы думаете? – спросила Марина, потянувшись к пакету, стоящему на соседнем стуле, набитому до краев небольшими коробками.

Все взоры устремились на нее.

– Ты в Швейцарии была? – уточнила Любаша.

– В Швеции. Слушай, как там люди живут, я аж слюни пускала, – с нотками зависти произнесла Марина.

– Фотографии привезла?

– Кучу. А еще я каждой из вас вазочки из разноцветного стекла привезла с изображением достопримечательностей страны. Сейчас достану из пакета.

Она протянула мне ярко окрашенную коробку. И стала доставать следующие, протягивая девчонкам одну за другой.

– Они подписаны. Кому какая коробка. Там, сбоку.

Я покрутила ее со всех сторон и на крышке упаковки нашла надпись «Любаша».

– Это твое, – протянула я презент подруге.

Она тут же обрадованно взяла коробку и стала распаковывать. Через секунду в ее руке находилась изящная вазочка в форме высокого усеченного конуса из толстого стекла цвета морской волны, по которому мелкими вкраплениями были разбрызганы серебристые капли. Изделие выглядело изящным. Все тут же стали вытаскивать из коробочек свои вазочки. Они оказались разных форм и расцветок. Мне досталась из изумрудного стекла в виде пузатого бутона тюльпана, на поверхности которого было изображение какого-то Собора в стиле ампир. Края лепестков были позолочены, словно раскрывшийся бутон цветка обмакнули в золотистую краску. Причем даже удлиненные подтеки золота придавали ей своеобразный шарм. Айгель досталась вазочка, очень похожая на вытянутый в высоту колокольчик василькового цвета с застывшими каплями росы из прозрачного стекла. На ней был рисунок водопада. Подарки были столь необычны и изысканны, что все были в восторге. Когда пыл радости по полученным подаркам улегся, Люба спросила Катю:

– Ну как ты съездила в Милан?

– Что ты имеешь в виду? – уточнила Калемкас.

– Твой роман. Микеле сделал тебе предложение?

– Нет, – невозмутимо ответила Катя, – мы с ним расстались.

За столом зависла тишина. Все смотрели на Калемкас в ожидании пояснений. Дело в том, что больше трех месяцев назад при последней нашей встрече на дне рождения Марины Катя сообщила нам приятную новость о своем, вероятно, скором замужестве и переезде в Италию. Помню, тогда мы шумно обсуждали, как поедем на ее свадьбу всей нашей компанией, в лице гостей со стороны невесты. Даже детали нарядов были продуманы. Пауза затягивалась. Первой ее не выдержала Марина.

– Почему? У вас же все было решено, – с нескрываемым недоумением спросила она.

– Он передумал, – коротко ответила Катя, – я не хочу об этом говорить. По-крайней мере, сейчас.

И пытаясь сменить тему и отвести от себя внимание подруг, так и продолжавших молча смотреть на нее, она спросила у Гели:

– Теть Женя с Айкой уже вернулись из Америки?

– Завтра на рассвете поеду встречать в аэропорт. Алена была права, месяц пролетел быстро.

– Я же говорила, – улыбаясь, заметила я.

– Сегодня утром созванивалась с мамой, – сказала Айгель, – радуется, что возвращается домой.

– А что так, Соединенные Штаты не понравились? – уточнила Гульнара.

– Нью-Йорк – мегаполис шумный. Непривычному человеку тяжело там, а тем более нам с нашим менталитетом, – словно знаток той жизни, с умным видом заключила Катя.

Никто не стал оспаривать ее слова. Подошел официант. Все сделали свои заказы.

– Какой необычный салат из золотистых грибов, – сказала Марина, – довольно вкусно, попробуй, – предложила мне она.

Я положила себе ложечку и попробовала.

– Очень вкусный, – заключила я, – специи необычные. Умеют они все-таки заправлять свои закуски.

Под словом «они» я имела в виду китайских кулинаров.

– Ну что, девочки, перед хорошей закуской по маленькой, – подняв свою рюмку с коньяком, предложила Марина.

Все чокнулись.

– Хорошо пошла, – сказала Марина, причмокнув языком. – Девчонки, положите мне вон той рыбы.

– Сейчас, крутану стеклянный круг стола, и рыба сама приплывет к тебе, – заигрывая с подругой, сказала я, вращая средний стеклянный ярус. В кабинках были установлены столы круглой формы, чьи столешницы состояли из трех уровней, установленных одна над другой и зафиксированных в центре стержнем. Это давало возможность вращения каждого уровня вокруг своей оси независимо от двух других. Столешница была накрыта белоснежной льняной скатертью. Меньшие по диаметру второй и третий круги были стеклянными. Причем третий, самый верхний был не больше тридцати сантиметров в диаметре, что ровно на двадцать сантиметров меньше второго круга, на котором были расположены все салаты и горячие закуски. Верхний круг предназначался для соусов и десерта.

Вечером, в девять часов, мы разошлись по домам. По приезду я созвонилась с Гелей.

– Доехала. Слушай, я не поняла реплики Любы, насчет дочери. Она что у нее замуж собралась? Ей же всего шестнадцать лет?

– Так получилось. Хочет замуж, – как-то неопределенно сказала Айгель.

– Что значит хочет? Она что, залетела что ли?

– Вроде того.

– И от кого?

– От парня, торгующего на авторынке, так говорит Люба. Ты же знаешь, у Олеси сложный характер. И потом подростковый период всегда имеет свои сложности. А тут еще дурная компания, в которую она попала.

– И что, ничего нельзя сделать?

– Олеся стала сбегать из дому. И на этот раз ушла на пять дней. Люба уже устала от ее выходок. Говорит, если так сильно хочет жить взрослой жизнью, пусть выходит замуж. Тем более, что аборт делать она Олесе не

позволит. У девочки реzus отрицательный. Вдруг потом вообще не сможет рожать. А матерью-одиночкой быть дочери Люба не позволит. А тут еще и парень, старше Олеси на девять лет. Все-таки она ведь малолетка, вот он и боится нести уголовную ответственность за соращение подростка. Просит руки и сердца Олеси. Люба раздавлена случившимся, но надо как-то выходить из ситуации и она приняла решение выдать дочь замуж.

– Какой у нее срок?

– Больше двух месяцев.

– Парень-то хоть хороший? Откуда он?

– Из Мерке. К брату приехал жить. У них многодетная семья, он четвертый ребенок. После него еще три брата.

– Надо же, сейчас еще есть такие семьи по семь-девять детей?

– В деревне, у азиатов всегда их много.

– Не поняла. Он что, не русский?

– Уйгур.

Я не знала, что сказать. Конечно же, мы все в дружбе интернационалисты, но когда речь заходит о браке твоих детей, все-таки хочется, чтобы избранники наших дочерей и сыновей были бы одной с нами нации. И дело не в чистоте крови, просто у межнациональных семейных союзов слишком много сложностей из-за различий в мировоззрениях и традициях.

– Ален, – подала голос Айгель, – ты еще на связи?

– Да, я просто... задумалась...

– Понятно.

– Жалко Любу. Она сильная и вида же не подала, что у нее такая беда.

Айгель не проронила и слова.

– И когда они собираются свадьбу сыграть?

– Семья жениха не в состоянии сделать свадьбу. Материальное положение не позволяет. Думаю, они так же

не в восторге от предстоящего родства. Отец хотел женить его на девушке своей национальности, какой-то там дальней родственнице. А тут такое. Люба так же не планирует пышной свадьбы. Зла на дочь. Скорее всего, будет небольшая вечеринка для самых близких родственников и мы, наверное, будем включены в список приглашенных. Она не определилась до конца с датой проведения свадебной церемонии.

– Люба же говорила нам, что она приемная дочь. Кажется, дочь погибшего младшего брата?

– Да, Николая.

– Как он погиб?

– Жена застрелила.

– Серьезно? – потрясенно спросила я.

– Вторая жена. Они плохо жили. Он попивал после развода с первой женой, от которой имел дочь. Николай был зубным техником. Всегда водились деньги, мужик холостой, видный. Ну, вот и встретила ему на жизненном пути вторая жена Наташа. Она уже дважды побывала замужем и к моменту их встречи была разведена и имела троих сыновей от трех отцов. Он стал третьим мужем и четвертым отцом теперь уже дочери. Так родилась наша Олеся. Наташа попивала. Николай тоже. При очередном конфликте она застрелила его из ружья, была в подпитии. Потом был суд. Ей дали условно три года, так как дети были дошкольного возраста, самой маленькой Олесе исполнилось всего четыре месяца. Люба оплатила адвокатов и все расходы по содержанию детей на период отсутствия матери, пока она пребывала в СИЗО. А потом поставила условие, что если Наташа отдаст ей на удочерение Олеся, то она поможет ей устроиться на работу и устроит детей в садики, даст денег для их нужд на первое время. Наташа, не раздумывая, приняла предложение, написав отказную от дочери. Лишний рот и обу-

за ей были не нужны. Так Люба стала мамой годовалой Олеси. У нее уже был сын Руслан, теперь появилась и дочь. Пока Олеся была маленькой, более славной девочки я не видела. Проблемы начались в год ее четырнадцатилетия, когда она связалась с девочками из соседнего двора старше ее на два-три года. Научилась курить, а после и пить. И что только Люба не делала, и по-хорошему говорила, и по-плохому. Ничто не помогло. Потом сбежать из дому начала. Люба скрывает эти факты даже от своих родственников.

– А у нее что, кто-то из родных есть, кроме матери?

– Их было всего двое детей – она да Коля. Но куча двоюродной родни.

– Ясно, – сказала я в задумчивости, – ... гены все-таки срабатывают. Видишь у Олеси и мама родная такой была, теперь вот она... А Рустик-то, совсем другой, такой послушный и добр к матери, хотя парень уже взрослый. Все-таки гены...

Айгель ничего не сказала. Позже, лежа в постели, я долго ворочалась, думая над превратностями судьбы.

– Да и не знаешь, как оно лучше было бы, удочерять ее или нет, – сказала я себе вслух и, перевернувшись на другой бок, закрыла глаза в попытке уснуть. Спустя полчаса мне это удалось.

В понедельник после обеда я снова созвонилась с Айгель.

– Привет, во сколько своих поедешь встречать? – спросила я с ходу.

– Самолет приземлится в полпятого. Значит, где-то в три тридцать утра выйду из дома. А что?

– Я бы тоже хотела встретить тетя Женю у выхода из терминала, с розами. Игорь будет с дороги, вряд ли повезет меня в аэропорт. Хочу присоединиться к тебе. Не против?

– Да с радостью. И мне не скучно одной на трассе. За тобой заехать?

– Если не сложно.

– В полчетвертого будь готова. Я позвоню тебе, когда буду выезжать из дому.

Несмотря на то, что днем была жара и духота, ночь оказалась довольно прохладной. Город из-за плохой освещенности не выглядел сказочным. Редкие иллюминации у фасадов некоторых зданий выглядели куце и не могли исправить эту ситуацию. Мы благополучно миновали центр города и выехали на трассу «Манас». Редкие машины пролетали мимо нас в обоих направлениях. Зная, что в это время суток цветочные магазины еще закрыты, я с вечера купила девять пунцово-красных роз, которые теперь возлежали на заднем сидении джипа Айгель.

– Так бы ехала куда-нибудь. Долго-долго, – сказала я, рассматривая мелькавшие за окном зеленые поля.

– Я бы тоже не прочь попутешествовать. Мне нравятся поезда. Хотя всегда перемещаюсь в самолете.

– Потому что так быстрее?

– Поэтому. Когда-нибудь я возьму билет в вагон-купе и поеду, куда глаза глядят...

– А куда твои глаза глядят?

– Не знаю. Но хочу, чтоб по пути было много красивых пейзажей. И чтоб ехать, дней эдак десять.

– А меня возьмешь за компанию? – уйдя в Гелины мечты, так же мечтательно спросила я.

– С удовольствием. Арлен предлагает осенью слетать в Египет, присоединяйся, если хочешь?

– Кто поедет?

– Как и заведено всем девичьим составом – мамуля, я, Айка, Арлен. Возможно, возьмем и девочек. Даана всегда мечтала увидеть пирамиды.

– А Арман?

– Я же говорю девичьим составом. Мальчики в счет не берутся.

– В каком месяце хотите слетать?

– В конце ноября, после защиты малышонком докторской диссертации.

– А что, у нее в этом году уже защита?

– Ну да, семнадцатого ноября.

– Так быстро три года пролетели?

– Нет два года. Через полгода защита. Она ведь умничка.

В зале ожидания было многолюдно. Только что приземлился самолет из Лондона. Через двадцать минут должен был приземлиться самолет из Москвы. Возвращались Гелины родные с пересадкой в Шереметьево. Я смотрела на толпу ожидающих, внимательно выглядывающих появления в дверях терминала своих знакомых и родственников. Одни встречи были бурными с горячими объятиями и поцелуями, другие сдержанными, сопровождающимися лишь рукопожатием. Третьи просто стояли с табличками в руках, на которых были имена встречаемых людей, возможно, гостей, или участников различных форумов, конференций, проектов сотрудничества.

– Московский самолет только что приземлился, – сообщила мне Айгель, продвигаясь к перекладине из нержавеющей стали, служившей ограждением между прибывшими людьми и ожидающими. Я также стала продвигаться вслед за подругой, стараясь не помять розы. Спустя полчаса появились первые прибывшие из Москвы. Геля заглянула через дверь, где виднелись таможенники, проводящие последний досмотр. В зал ожидания вышло уже более двадцати человек, а тетя Жени и Айки все еще не было видно. Геля порядком нервничала, выглядывая своих родных. Прошло еще человек десять, прежде чем мы увидели тетя Женю, подошедшую к контрольно-пропускному пункту.

Геля расплылась в улыбке и помахала, но тетя Женя этого не увидела, так как была занята поиском своей дорожной сумки. Минут через пять в поле видимости появились Айка с Люкой. Айгерим была увешена пакетами, и сумками, и еще тащила за ручку кожаный чемодан на колесиках. Наконец и наши родные вышли в зал ожидания.

– Мамуля! – закричала Айгель и начала приветственно махать рукой.

Тетя Женя огляделась в поисках дочери и наконец увидела ее. Она радостно заулыбалась и, наклонившись к Люке, державшей ее за свободную от вещей руку, что-то сказала, указывая кивком головы в сторону, где стояли мы. Люка восторженно завизжала. И побежала к концу прохода, навстречу Айгель, поджидавшей ее, раскинув руки для объятий.

– Айгеля эжеке, когда мы на самолете летели, он сломался, так сильно дрожал, что мы чуть не упали, – без приветствия, затараторила девочка, захлебываясь переполнявшими ее эмоциями, – все испугались и тайэнешка тоже. И даже мама и все люди.

– Да ты что? Правда?! – изобразив на лице явный испуг, воскликнула Геля.

– Да! – победоносно произнесла Люка, довольная ответной реакцией своей тети.

– Мамулечка, – сказала Айгель, выпустив из объятий племянницу и потянувшись для поцелуя к подошедшей тетя Жене.

– Я так соскучилась, мне было так одиноко. Никто не может заменить вас в моем сердце, мамулечка, – сказала она ласковым голосом, целуя тетя Женю. Мама Гели прослезилась.

– Я тоже по всем детям скучала, по тебе особенно, – сказала она.

– Айгерим, привет! – сказала я, целуя сестренку подруги.

– Здравствуйте, тетя Лена, эжешка здравствуйте! – ответила Айка.

– Привет, солнышко, – сказала Айгель, беря пакеты из рук сестры. Они поцеловались.

– Алена, и ты встречаешь нас? Как приятно, – сказала тетя Женя, целуя меня в щеку.

Я крепко обняла ее, забыв при этом вручить цветы. Опомнившись, я протянула ей розы.

– Это вам.

– Спасибо, мне очень приятно, – дрогнувшим от переполнивших ее чувств голосом произнесла тетя Женя.

– А мне почему не дарите цветов? – деланно обиженным голосом спросила Айка.

– Ой, прости, не подумала, – извинилась я за оплошность.

– Сэкономила она на тебе, – улыбаясь, подтрунила Геля.

– М-м, судишь по себе, – осуждающе игриво мотая головой, парировала я.

Все рассмеялись и направились к машине. Рассвет уже вовсю играл на небосводе, зародив новый день как новую надежду. Тетя Женя возвращалась домой с чувством умиротворенности в душе.

Вечером этого дня мы все собрались в доме матери Айгель.

– Аллочка, тебе гостинец из Америки, – сказала тетя Женя, протягивая мне кожаную сумку с ручной вышивкой. Это были желтые хризантемы на темно-синей коже. Выглядела сумка необычно и роскошно.

– Спасибо, тетя Женя, очень красивая сумка.

– Там внутри есть еще косметичка и кошелек, тоже из кожи. Это тебе Игорь, – уже протягивая портмоне из

крокодиловой кожи, окрашенной в бордовый цвет, сказала теть Женя, – и вот еще ремень такой же.

– Это же очень дорого стоит, – принимая подарок, произнес мой муж, – мне сгодился бы и носовой платок, – попытался он пошутить.

Но было видно, вопреки его вялому протесту, подарок ему очень понравился.

– Я еще привезла презенты, Айгель, твоим подругам: Марине, Любе и Гульнаре. Вот передашь им сама, – доставая из пакета плоские коробки, очень похожие на таковые от мужских рубашек и кладя их перед дочерью, добавила теть Женя.

– А что это, мамуль, – поинтересовалась Айгель, – можно мне посмотреть?

– Конечно.

Быстро распаковав одну из коробок, Геля достала кашемировый шарф темно-зеленого, почти бутылочного цвета. Шарф был шириной в полметра с меховой опушкой по двум концам.

– Какая прелесть, – сказала Геля, поглаживая ладонью кашемир, – Алэн, пощупай какая мягкая ткань.

Я провела пальцами по шарфу и действительно, словно лебединый пух, невероятно мягкая ткань оставила тепло под моими пальцами. Я восторженно улыбнулась.

– Теть Жень, это пух или кашемировая ткань. Она почти воздушна.

– Это кашемир, но вот такое у них качество. Я такие же шарфы привезла и своим подругам. Разных расцветок. Но твой подарок, Алена, самый лучший. Не только потому, что стоит в три раза дороже, но по качеству выделки кожи. Это ручная работа. Угодила я тебе?

– Я даже не ожидала получить от вас что-нибудь как сувенир из Америки, а тут такая вещь. Спасибо вам большое. Мне очень приятно, – сказала я и, не сдержавшись

от нахлынувшего чувства благодарности, подошла к тете Жене и поцеловала ее.

– Я рада, что тебе понравилось, – сказала довольным тоном Гелина мама.

После того, как все подарки были розданы, мы пили чай с трюфельным тортом, густо облитым шоколадом. Самсы, приготовленные Арлен специально к приезду матери, были вкусными, впрочем, как и индейка, запеченная в духовке с черносливом и курагой, коронный рецепт Айгель. Разъехались по домам мы уже после девяти вечера. Настроение у всех было приподнятым, у моего Игоря в особенности.

Уже подъезжая домой, он сказала мне:

– Хорошая женщина тетя Женя, щедрая и очень мудрая. На моей памяти она единственная, кто собирает раз в полгода за своим столом матерей близких друзей ее детей. Это двадцать пять женщин, которых она объединила, сделав традицией, продолжающейся вот уже больше десяти лет. Или, к примеру, сегодняшние подарки Гелиным подружкам. Это ведь не просто знак внимания. Она носила это в сердце, специально выбирала подарки...

– Я же всегда тебе говорила, что она очень мудрая женщина, стоящая на страже жизни и интересов своих детей. Этими подарками она негласно подчеркнула внимательность и щедрость ее дочери. Это ли не показатель глубокого житейского ума и опыта.

– Причем тут Геля?

– Как причем. Это ведь она дала матери деньги в дорогу на ее личные, я имею в виду тетя Женины нужды. Геля хотела, чтобы ее мама ни в чем себе не отказывала и материально не зависела ни от сына, ни тем более от невестки, ни даже от Айки.

А тетя Женя тоже поступила мудро. Прикупив на эти деньги подарки не только себе, своим подругам и детям,

но и Айгелиным подругам. Тем самым показывая дочери свою признательность и любовь к ней через уважение и знаки внимания ее друзьям. В итоге все остались довольны и оценили мудрость теть Жени.

Когда спустя неделю Айгель собрала девчонок у себя дома, чтобы вручить подарки, привезенные им ее матерью, Марина заметила:

– Я столько раз бываю за границей, но ни разу не хватило ума привезти какой-нибудь гостинец теть Жене. Так неловко.

– Не какой-нибудь, а хороший презент, – вставила Люба, – и потом никогда не поздно сделать доброе дело, проявляя щедрость.

– Ой, а сама-то ты часто привозишь ей подарки?

– Я так часто, как ты не бываю в Европе, но по мере возможности всегда что-нибудь дарю теть Жене. Например, на восьмое марта я подарила ей чайный сервиз. Правда, Гель?

– Правда, – сказала Айгель, улыбаясь. – Девочки, мамуля ведь не для того привезла вам шарфы, чтобы вы подсчеты вели, кто кому сколько раз подарки преподносил. Что за глупости. Давайте лучше чай пить с тортом, посмотрите какой он красивый. Снежок называется.

– Творожный? – уточнила Гульнара.

– Творожный, – подтвердила я, – Гелин любимый.

– Мне он тоже нравится, – отметила Люба.

– Ну как, теть Женья довольна поездкой? – спросила Марина.

– Столько впечатлений набралась. Столько всего интересного повидала. Океан увидела. Правда не купалась.

– А что так?

– Вода была холодной. Но и там, в Калифорнии, есть свои любители экстрима. Попробовала настоящее итальянское спагетти, американскую пиццу. Посетила настоящий дельфинарий и много чего другого.

- И как, понравилось?
 - Да, только лучше нашего Кыргызстана, говорит, места на земле нет.
 - Серьезно? – не поверила Марина.
- Айгель закивала головой, подтверждая сказанное.

ВТОРЖЕНИЕ ТЕМНОЙ ВОЛИ

Стояли жаркие майские дни. Лето еще не пришло, а температура воздуха уже зашкаливала за тридцать шесть градусов, сегодня был вторник, и у меня выпал относительно свободный день. Вчера вечером, созвонившись с Айгель, узнала, что она заболела, и уже третий день лежит в постели.

– Что-то с почками, – сказала она, – температура высокая, под сорок, поясницу ломит.

– Где ты могла в такую жару простыть?

– Неделю до этого ангина была, молоко из холодильника ночью выпила, жарко было. Утром заложило горло. Возможно, осложнение после ангины.

– Ну, ты даешь, зная свое горло, зачем провоцируешь его?

– Никогда не болела ангиной. В первый раз за сорок семь лет. Странно даже. Ты просто звонишь, или по делу?

– Просто, а что, торопишься куда-нибудь?

– Я под капельницей лежу. Может, позже созвонимся?

– Давай уж отдыхай. Я завтра к тебе заеду. Лекарства какие-нибудь нужны?

– Спасибо, все есть.

– Тогда до встречи.

Купив на следующий день фруктов и соков, я направилась домой к подруге.

Дверь открыла сама Айгель.

– Привет, уже на ногах? – поинтересовалась я, увидев ее на пороге.

– Нет еще, тебя жду, видишь, в пижаме стою.

Я разулась и, чмокнув ее в щеку, понесла пакеты с фруктами прямо на кухню. Геля следовала за мной.

– Иди, ложись, – предложила я ей, – ты ела?

– Угу.

– Небось, только кофе пила, знаю я тебя.

– Нет, сырок съела и молоко кипяченое попила, – сказала она, направляясь в спальню.

Помыв яблоки и виноград, почистила апельсин и сложив в небольшую вазочку, отнесла в комнату подруги.

– Кто тебе капает по вечерам?

– Соседка медсестра. В больнице работает.

– Что капаем? – словно разбираясь в лекарствах, с умным видом спросила я.

– Антибиотики и противовоспалительные, – не иронизируя, просто ответила Геля.

– А что в попу нельзя их делать?

– Можно, но в вену не так больно и эффект быстрее наступит.

– Знаешь, – сказала она, когда я удобно рассевшись на небольшом кресле возле кровати, начала перебирать виноград, – со мной недавно произошел очень странный и неприятный случай. То ли самовнушение, то ли еще что, но он никак не выходит у меня из головы.

– Что случилось? – с нескрываемым интересом спросила я.

– Ты ведь в курсе, у Дааночки элитная школа, и родители учеников независимо от возраста ребенка всегда ждут своих детей у ворот школы, сидя в своих машинах. Нас там, ожидающих, целая вереница, машин пятьдесят за раз собирается. На улице душно, поэтому окно

со стороны водителя чаще всего спущено, если, конечно, не включен кондиционер. Бродячие цыгане и курды, собирающие милостыни, так называемые «люли», всегда проводят там свои рейды по сбору мелочи. Все мы, ожидающие своих чад, в числе которых и я, привычны к их поборам, лишь при одном их появлении заранее готовим деньги и ждем своей очереди, чтобы подать милостыню.

Так было и в этот раз. Моя машина стояла в середине колонны ожидавших автомобилей, все четыре окна были спущены. Из машины я видела, как молодая цыганка лет тридцати с мальчиком пяти лет, видимо, с сыном, передвигалась от водителя к водителю, собирая предложенные деньги. Одеты они были достаточно неплохо по общим меркам и, главное, опрятно. Эту женщину я видела здесь впервые. Минут через пять она подошла и к моей машине. На соседнем сиденье лежали пакеты с яблоками и бананами, лепешки и плитка шоколада. Денег с собой на тот момент у меня оставалось всего тридцать сомов и то, в виде трех десятисомовых монет. А так же деньги родительского комитета, переданные мне для закупок канцтоваров для класса.

Цыганка молча протянула руку в ожидании милостыни. Не затягивая процедуру, я вложила в ее ладонь одну из трех монет. Взглянув на деньги, она произнесла:

– Вижу, сила в тебе есть большая, по наследству идет к тебе от бабушки. Вижу, добрая ты, не скупая, но прощать обиды не умеешь. Плохо это. А еще вижу, беда к тебе идет, если хочешь, помогу, – сказала она и вырвала у меня с головы несколько волос.

От неожиданности я вскрикнула:

– Ты что делаешь, – возмутилась я, – верни волосы!

Открывая дверцу, и пытаясь выйти из кабины, потребовала я:

– Отойди.

– Не кричи, я же помочь тебе хочу. Отведу от тебя глаза и порчи, только деньги, что есть у тебя, ты должна отдать мне, – несколько вызывающе сказала цыганка.

Я растерялась от ее наглости.

– Верни волосы, – уже повышая голос, угрожающе сказала я.

– Выкупи.

– У меня всего двадцать сомов, если тебя устроит эта сумма, возьми их, – ответила я, протягивая оставшиеся две монеты.

Она взяла их, и с прищуром глядя на меня, тихо сказала:

– Вижу, еще у тебя есть деньги, отдай их мне.

Я взорвалась окончательно.

– Знаешь что, милая, – сказала я, с силой открывая дверь машины, – не выводи меня, добром это уже не кончится. Верни мне волосы.

– Ладно-ладно, не психуй, верну тебе десять сомов, вот смотри, – сказала она, демонстрируя передо мной бумажную купюру в десять сомов, – возвращаю и волосы, смотри, заворачиваю их в деньги. Но ты останешься мне должной. В другой раз отдай, – и цыганка протянула мне купюру с волосами. На душе было противно от случившегося. Но возврат своих волос, в чем я не сомневалась, несколько успокоил меня.

Женщина что-то сказала на своем языке сыну и, рассмеявшись, пошла дальше по направлению к следующей машине, я наблюдала за ней в боковое зеркало.

Обойдя еще пять или шесть машин, цыганка и вовсе ушла своей дорогой, однако я отметила, что она нигде не задержалась долго, как возле меня. Тут прозвенел звонок, и дети стали выходить из школы. Через минуты две

показалась и Даана. Видимо, выражение моего лица было не совсем дружелюбным, так как дочь, садясь в машину, спросила:

– Что-нибудь случилось, мама? Вы такая рассерженная.

– Да цыганка тут проходила мимо и испортила настроение.

– А что она сделала?

Я рассказала дочери о случившемся.

– Надо было стукнуть ее и у самой вырвать волосы, – с гневом произнесла она.

– Буду я еще равняться на нее. Да просто шарлатанка какая-нибудь, хотела таким образом деньги выманить. Благо их у меня не было, только классная копилка, но их я отдать не могла. Это ее рассердило. Не придавай значения, сейчас отъедем немного и на обочине сожжем и деньги, и волосы от греха подальше.

– Зачем сжигать, так надо?

– Считается, что если был злой умысел и колдовство, то огонь полностью разрушит его. Так говорят в народе. Сделаем на всякий случай.

– А вы что верите в это? – несколько удивленно спросила Даана.

– Нет, но все равно надо сделать.

Остановив машину у городского сквера, я вышла из машины и, найдя подходящее место под старым дубом, приготовила спички и развернула деньги. Каково же было мое разочарование, смешанное со злостью, и не поверишь, страхом, когда я не обнаружила свои волосы. В мятой купюре ничего не было. В первый момент даже подумала, что уронила их, когда разворачивала деньги, не поверив глазам, поискала вокруг себя, но волос не было. Ты знаешь, я ведь вернулась к школе в надежде, что вновь увижу ее, не повезло. Я дала круг по периметру

квартиры в поисках цыганки, но ее нигде не было. Сердитая и уставшая поехала домой.

– Что ты сделала с ее десятью сомами? – спросила я.

– Сожгла, там же у дерева.

– И что думаешь обо всем этом?

– Не знаю, может это всего лишь внушение и не о чем беспокоиться, а может... мне почему-то кажется, что добром это не кончится... не могу избавиться от этого ощущения. Оно какое-то навязчивое и я без конца прокручиваю ту ситуацию в голове. Я, словно зациклилась на ней. Понимаю, что так нельзя, но не могу выкинуть из головы. Тревожно на душе, словно предчувствую что-то... плохое.

– Не программируй себя, все цыганки такие, знаешь же, этим кормятся, страху напускают, всякой загадочности. А по сути, обычные шарлатаны. Выбрось из головы и забудь, – посоветовала я подруге, хотя какой-то червь тревоги поселился и в моей душе.

– Мамуля то же самое посоветовала, – неопределенно заметила Айгель.

– Не грузись. Не нахожу никаких поводов для этого, – пытаюсь больше успокоить себя, чем ее, сказала я.

– Странно, но на следующее утро я поймала ангину, а еще через четыре дня пошло осложнение на почки... и мне почему-то кажется, что этим все не закончится, – словно говоря себе самой, произнесла Геля.

– Это просто совпадение, – убеждала я, – если и впрямь чего-то боишься или думаешь о чем-то плохом, то сходи в мечеть, пусть почитают тебе или совершат обряд, они ведь знают, как такие явления разрушать.

Айгель посмотрела таким недоуменным взглядом, сути которого я не поняла и, вздохнув, попросила подать ей воды. Что я и сделала.

– У меня есть и хорошие новости, – придав голосу радостные оттенки произнесла она

– С тебя суюнчу!

– Будет тебе подарок за хорошую весть, – снисходительно сказала я и заулыбалась, – говори!

– Арлен выпустила руководство для микробиологов и вирусологов. Книга прошла рецензию научной коллегии РАН и Германии, признана хорошим изданием в этой области, и будет применена в странах СНГ. В данный момент ее рассматривают некоторые страны Европы. Но заключению еще не пришли.

– Это учебник? Он для студентов по микробиологии?

– Нет. Это учебное руководство для практикующих специалистов. Как справочник по практике. Оно запатентовано у нас, в России и Германии.

– Умница Арлен! – с восторгом сказала я.

– Да, – с умилением вторила Айгель. Выражение ее лица в этот момент было счастливым, – она у меня умница!

– Поздравлю ее, – сказала я, вытаскивая из кармана юбки сотовый телефон. Набрал номер, стала ждать.

– Слушаю, – послышался в трубке голос Арлен, – говорите.

– Арленочка, поздравляю с выходом в свет твоей книги. От всей души радуюсь за тебя! Ты молодец!

– Спасибо, тетя Лена, мне очень приятно! Спасибо. Вы от эжешки узнали?

– От нее. Горжусь тобой! Когда будем поздравлять?

– Да хоть завтра, если эжешка поправится. Вы сейчас у нее?

– Да, вот рядом сижу.

– Дайте ей, пожалуйста, трубочку.

Я протянула Гели мобильник:

– Да, малышонок, – сказала она, вновь расплываясь в улыбке, – а как же, конечно, всем буду хвастаться, вот поправлюсь, выйду в свет и громогласно сообщу всем своим друзьям и знакомым о такой радости. Пусть завидуют мне. У кого еще есть такая умница, как ты? Ни у кого!

В мобильнике раздался смех Арлен.

– Ну, спасибо, эжешка.

– Тебе спасибо, солнышко мое.

– За что?

– За то, что ты у нас есть.

Айгель еще минут пять лежала после разговора с выражением довольства на лице, уйдя в свои мысли.

Потом спустя много недель я вспомню опять это ее выражение. В дверь позвонили. Я пошла открывать. На пороге была тетя Женя.

– Здравствуйте, – приветствовала я, беря из ее рук сумку.

– Здравствуй, Леночка, – обрадованно произнесла мама подруги, широко улыбаясь мне. Я обратила внимание на то, что несмотря, на густоту сеточек морщин, обрамлявших ее глаза, они оставались по-прежнему сияющими, словно где-то там в их глубине горели звездочки. Взгляд ее карих глаз оставался вопреки всему молодым.

– Вы не меняетесь, – сказала я с гордостью, – годы вам нипочем!

– Ну, скажешь тоже, – несколько смутившись, словно молодая девушка, ответила она. – Мы, старики, бессильны перед возрастом. Время берет свое. Вот ноги плохо ходят, не слушаются, – спокойным голосом как-то по-доброму с сожалением сказала она.

– Давно здесь?

– Больше часа, скоро пойду.

– Торопись? Посидели бы, чаю попили. Я булочек свежих принесла, еще теплыми купила.

– Чаю попою, это святое, – согласилась я, сопровождая ее до спальни дочери.

Айгель уже стояла на пороге своей комнаты и, приветствуя маму, крепко обняла ее, поцеловав в щеку.

– Мамулечка, не надо было приходиться. Ноги свои пожалели бы, чего просто так волноваться. У меня все хорошо. Вот уже бегаю. Сама приехала бы к вам.

– Видишь, Леночка, – сказала тетя Женя, с хитринкой в глазах глядя на дочь, – совсем свободы не дают. Ее послушать, так я вовсе не должна выходить из дома, как калека какая-нибудь.

– Мамуль, вы уж совсем из меня чудовище какое-то делаете. Я волнуюсь за вас. Два дня назад, как у вас давление подскочило, мало не показалось никому, в первую очередь вам. Отлежаться вам немного надо бы. А вы не слушаетесь. Чуть легче стало, сразу на ноги и из дому, словно гонит кто-то, – больше поясняя мне, нежели выговаривая недовольство матери, сказала Айгель.

– Вот видишь, Леночка, как отчитывают меня дети? – с деланной обидой в голосе заметила тетя Женя.

– Ну, мам, она может поверить вашим словам, – с нотками иронии сказала Геля.

– Вот пусть и поверит, – парировала ее мама и рассмеялась, да так заразительно, что вслед рассмеялись и мы.

– Что, пойдём на кухню? – уточнила я, когда все успокоились.

– Накрывай на стол, – предложила мне Геля, – сейчас и мы с мамой подойдем.

Много позже я не раз припомню эту милую игривую перебранку между двумя любящими людьми, матерью и дочерью, чьи отношения, несмотря на перемены в жизни каждой из них так и остались удивительно чистыми и трепетными. В этих отношениях было больше равнопра-

вия, чем бывает в обычных семьях между матерью и дочерью, более похожее на отношения двух верных подруг, и невероятно огромная мера доверия дочери к матери, какая бывает лишь у глубоко верующего человека перед своим божеством.

Время летело быстро, еле успевая отрывать календарные листки. Наступала пора отпусков. Столица плавилась от жары и духоты. Школьные каникулы были в полном разгаре. У Игоря дела шли в гору. Оптовые заказчики как-то особенно активизировались и заказывали большие объемы готовой продукции. В основном это были брюки и летние костюмы из натурального льна. Мужу пришлось расширить свое производство и нанять дополнительные рабочие руки. Времени на отдых у него не было, поэтому наша семья планировала провести отпускные дни в октябре, конечно, не считая мальчишек.

Никитка успешно окончил первый курс и заслуживал поощрения. Поэтому мы с отцом купили ему недельную путевку в Италию на две персоны. Имя сопровождающей его подруги было хорошо известно нам, это была Виктория, та самая девушка, что попала вместе с ним в аварию три месяца назад. У них теперь, любовь-малина. Мы с Игорем переживаем, как бы ни надумали жениться, равнато все-таки. Всего-то ничего – второй курс. Но с нотациями в душу сына не лезем. Хотя Игорь не один раз порывался поговорить с ним о планах на жизнь. Но я остановила. Единственное мое вмешательство и то косвенное, заключалось в том, что я попросила Айгель в мягкой ненавязчивой форме намекнуть ему о презервативах. Он очень уважает Гелю и прислушивается к ее советам. Все же она психолог, найдет подход к любому сердцу.

Кирилл собирался поехать с друзьями на Иссык-Куль в молодежный пансионат.

На днях позвонила Марина:

– Собираюсь слетать на недельку в Сочи, не хотите присоединиться? Люба раздумывает, скорее всего, присоединится. Давайте и вы к нам.

– Я б с радостью, но у Игоря плотный график на июнь и июль, возможно, и на август. Поэтому буду завидовать вам здесь, – шутя, сказала я.

– Так ты сама можешь поехать без него.

– Нет, мы привыкли проводить отпуск вместе, не хочу нарушать традицию.

– А Геле предлагала, может она захочет побывать в Сочи?

– Тоже не может. Говорит, работа, и потом она ведь всегда ездит с матерью и сестрами на Иссык-Куль, так называемый девичник на озере проводит. Уже лет десять они так отдыхают. Этот год также не станет исключением. Ладно, если надумаешь, звони.

В Сочи я поехать не могла, но на пару дней в выходные присоединиться к семье Айгель на берегу озера было вполне допустимым вариантом.

Я набрала номер Гели.

– Алло, слушаю, – раздался ее голос.

– Привет, это я. Ты с Маринкой говорила? – с ходу спросила я ее.

– По поводу поездки на курорт?

– Да.

– Она мне дня два назад звонила, соблазняла прелестями Сочи.

– И что, не соблазнилась?

– Нет. Дел много накопилось. Да и до конца опраться не могу после той ангины. Слабость не проходит, субфебрилитет,* вот уже больше месяца держится. Вроде и анализы спокойны. А температура не проходит. Да это

мелочи. Наверное, у меня запоздалая реакция весенней астенизации организма. У тебя как дела? На отдых собираешься?

– Вот хотела с тобой переговорить по этому поводу. Вы когда собираетесь на Иссык-Куль?

– В начале июля. У мамы ремонт в квартире вовсю идет, и потом Арлен получила ордер. Ее дом сдают в эксплуатацию, и через пару недель она переедет в свою квартиру. Они с мамой ездили, смотрели, остались довольны. Новый дом, большие площади. Бог даст, с этим переездом начнутся в ее личной жизни хорошие перемены. Я так в это верю!

– Не говори, уж кто-кто, а она заслужила быть самой счастливой. Пусть так оно и будет.

– Спасибо.

– Так значит, в июле поедете?

– Угу. А ты что, присоединиться к нам хочешь?

– Если не будете против?

– Да мы с радостью.

– Но я лишь на выходные буду приезжать к вам.

– Хоть на всю неделю. Места всем хватит. Это же люксовый особняк, прямо у пляжа. На самой центральной аллее пансионата. Жалеть не будешь. Бери с собой Игоря, веселее будет.

– Спасибо за приглашение. Ты не знаешь, как там у Гульнары? При прошлой встрече она намекала, что Акыл расстался со своей пассией. Прощать не собирается?

– По крайней мере, мне об этом она не говорила. И потом, после официального развода, когда все родственники с обеих сторон в курсе ее жизни, вряд ли Гуля простит и примет его обратно. Слишком тяжело она шла к этому решению. Мне кажется, у нее кто-то проклевывается.

– Да ты что? Вот молодец! Это она тебе сказала?

– Ну не совсем открыто, намеками. Но вроде кто-то там по работе пытается за ней ухаживать. Может, что и выйдет у них.

– Ты думаешь это серьезно?

– Серьезно не серьезно, пусть даже легкий роман, все лучше, чем в одиночестве переосмысливать свою горькую долю. Даже если он всего лишь поможет ей быстрее забыть Акыла и вновь почувствовать себя востребованной женщиной, да еще и влюбленной, уже ради одного этого стоит с ним встречаться. А если их отношения еще и успехом увенчаются, и серьезными последствиями, то вообще будет замечательно.

– Вот было б здорово, вновь выйти ей замуж до того, как Акыл устроит свою жизнь. Это был бы и шах и мат! – с каким-то особым пылом выдала я.

Айгель засмеялась. – Ты напоминаешь мне Тоську из кинофильма «Девчата», – сказала она, смущая меня.

– Скажешь тоже, – только и нашлась я, что ответить.

НА ПОРОГЕ ИСПЫТАНИЙ

Июнь был полон перемен. Эрбол вот уже два дня пребывал в Бишкеке вместе со старшим сыном. Сдав документы в Медицинскую академию, Канат готовился ко второму вступительному экзамену по биологии. Будущую профессию он выбирал вместе с родителями и остановился на пластической хирургии. Арман третью неделю находился в Астане на полуторамесячной специализации от своей фармакологической фирмы. Арлен активно готовилась к защите докторской диссертации. Произошло еще одно хорошее событие – новый дом, в котором была трехкомнатная квартира Арлен под ключ, был сдан в эксплуатацию, и она готовилась к переезду. Желая сделать мужу приятный сюрприз к его возвращению, Арлен

решила переезжать в ближайшую субботу, до которой оставалось четыре дня. В экстренном режиме мы подключились к упаковкам вещей и разборке мебели. К полдню пятницы от бывшего уюта Арлешкиной квартиры не осталось и следа. Все было разобрано по составляющим запчастям и доскам. Большие и малые коробки, вместившие в себя всю домашнюю утварь, выстроились в пустых комнатах.

– Подавайте с двух сторон, – кричал немолодой уже водитель КАМАЗа, стоя у края кузова своей машины, больше половины заполненной шкапами и горками из дома Арлен.

– Держи, говорю, с левого края. Она ж тяжелая, мы вдвоем не поднимем, – раздраженно прикрикивал он на одного из пяти грузчиков, специально нанятых для перевозки мебели и техники Арлен в новую квартиру.

Я, Айгель и Айка без усталости таскали с седьмого этажа более легкие и мелкие по размерам пакеты и коробка с вещами, бражками, люстрой, и посудой. Все бьющееся и хрупкое грузили в джип Айгель и «тойоту» Айгерим. Сама Арлен с первым рейсом на своем Мерседесе увезла телевизор и компьютерную технику в новый дом и, наверное, уже разгружалась. В помощники ей дали племянника Каната, за день до этого успешно сдавшего свой экзамен по биологии, и его друга.

– Что еще осталось погрузить? – уточнил водитель.

– Много вещей, укладывайте мебель и разобранные дверцы шифоньеров плотнее и аккуратнее, они имеют зеркальные вставки. Обязательно прокладывайте между ними одеяла для буфера, – говорила тетя Женя, стоя у кузова машины водителю и Игорю, помогавшему ему в расстановке груза.

– Я уже укрыл, – раздраженно отвечал водитель, нетерпимый к чужой указке.

– Этого мало, все побьется, – не унималась тетя Женя, переживая халатное отношение грузчиков к вещам ее дочери, бесцеремонно бросающих их в кузов машины.

Айгель заметила расстроенный вид матери и, подойдя ближе к водителю, спокойно спросила:

– Простите, как вас зовут?

– Василий, – недовольно буркнул мужчина.

– Василий, – уже обратилась к нему Геля, – эта мебель стоит очень больших денег, она новая, без единых царапин, я лично показала грузчикам ее состояние, прежде чем они начали ее выносить, если вдруг она повредится в результате перевозки, а за погрузку отвечаете вы, то мы будем вправе потребовать от вас возмещения ущерба. Мы с вами уже не первый раз встречаемся, помните, вы перевозили и мою мебель? И все было хорошо, поэтому я вновь обратилась к вам. Ваш труд оплачивается по установленному вами же тарифу, мы не торговались, уважая вашу цену. Эти вещи принадлежат моей маме, – при этих словах она рукой указала на тетю Женю, – и деньги вы будете получать от нее, поэтому, будьте добры, прислушивайтесь ко всем ее замечаниям и без раздражения в точности выполняйте их. Она хозяйка и ей решать, как и где должны стоять ее вещи.

То же самое касается и вас, ребята, – продолжила Айгель, теперь уже развернувшись вполоборота и обращаясь к трем грузчикам, стоящим у машины в ожидании погрузки принесенных ими вещей.

– А мы че, и так делаем, что вы говорите, – с недовольством высказался один из парней, на вид старший по возрасту.

– Вот и хорошо, и давайте не будем портить друг другу настроение. Особенно хозяйке.

– Лен, поставь, пожалуйста, вот тот стул поближе к маме, чтобы она могла сидя наблюдать за погрузкой и давать указания.

– Да, конечно, – сказала я, тут же направляясь к ряду стульев, стоящих в стороне.

Никто из присутствующих не проронил ни слова.

Теть Женя села. Мы с Айгель отправились в подъезд за очередными коробками.

Через час мы уже выгружались по новому адресу Арлен.

Девчонкам досталась разгрузка двух легковых машин, до крыши набитых ватными одеялами и подушками, посудой и разной утварью.

Вечером, сидя за быстро собранным столом, мы ели жаркое из мяса теленка и пили горячий чай. Все были очень уставшими, но настроение было хорошим.

– Один из грузчиков, наверное, был выпившим, что-то его без конца мучило, он как-то вяло носил вещи и все просил воды, – мимоходом заметила Айка.

– Да они все какие-то пассивные были, – внес свою лепту в оценку и сын Эрбола, – если бы не папа и дядя Игорь, перетаскавшие самые тяжелые вещи, холодильник и стиральную машину, они бы еще час торчали здесь.

– Ну, что, доченька, неси нам по сто грамм, – сказала, улыбаясь тетя Женя, – начнем обмывать твой переезд.

– Теть Жень, вы же не пьете?

– Почему, по такому делу и я рюмочку коньяка выпью. А вам так вообще расслабиться надо, – сказала она, улыбаясь.

Арлен внесла бутылку красного вина и шампанское, а так же початый коньяк.

– Сейчас принесу бокалы. Айка, там, среди коробок с продуктами должны быть конфеты и пакет гранатового сока. Принеси, пожалуйста.

– Ну что, Эрбол, разливай, – распорядилась Айгель, протягивая брату бокалы под шампанское.

– Мамуль, вам коньяка налить?

– Да, рюмочку выпью с вами по такому поводу.

– Ой, тетя Женя, у вас же скоро юбилей. Какого числа это будет, Айгель? – неожиданно вспомнила я.

– Да, шестьдесят пять лет исполнится, – сказала Геля, с любовью глядя на маму, – девятнадцатого июля.

– Так это же через три дня?! – подхватил Игорь.

– Да, но мы решили проводить его в сентябре. Так как мероприятие большое, сами понимаете, гостей будет много, человек триста, как в прошлый раз на праздновании шестидесятилетия, помните? Поэтому мы решили, не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой. Сейчас у мамы ремонт идет, Арлен только въехала в квартиру, нужно все распаковать и еще расставить по местам, каникулы детей идут на убыль, их надо успеть свозить на Иссык-Куль. Обычно мы в августе возили детей на озеро, а тут и эти планы выпадают из привычного графика, так как пост в этом году начнется с первого августа и по второе сентября. Учитывая все эти сложности, мы решили провести мамино мероприятие в сентябре. Хорошая пора для юбилеев, и потом следом сразу Арлен проведет свое новоселье и отпразднует выпуск книги. Тоже два больших события. Да и Эрбол, наверное, в стороне не останется, будет обмывать поступление сына в институт. Все-таки первенец студентом станет. Вот сколько светлых праздников нас ждет в сентябре. Какие хорошие события грядут. Вот за это и выпьем, – заканчивая свое повествование тостом, сказала Айгель.

– Ура! – крикнула Айка.

– Ура! – поддержали все.

Камилла, Даана и Алюка возбужденно носились по квартире, догоняя друг друга. Дом в этот вечер наполнился смехом и надеждами на самые лучшие перемены.

Я посмотрела на Арлен. Она была счастлива, все ее лицо сияло, словно подсвеченное изнутри. Наши взгляды встретились. Мы улыбнулись друг другу.

«Будь всегда такой лучезарной», – от всей души пожелала я ей мысленно.

Вечер близился к завершению. Все кроме теть Жени стали расходиться по домам.

– Мамуль, вы здесь останетесь? – уточнил Эрбол, – или домой отвезти вас?

– Нет, я буду здесь с доченькой, – погладив по спине стоящую рядом Арлен, сказала тетя Женя, – дом новый, к нему тоже надо привыкнуть, и потом помогу коробки разобрать. Да, кстати, Эрбол, ты завтра во сколько подъедешь?

– Зачем? Я вам нужен?

– Конечно. Кто, как не ты мебель соберет и расставит по местам.

– Какую мебель?

– Спальный гарнитур, кухонный, в Камиллочкиной комнате кровать и шкафы, и вообще ты мне нужен здесь.

– Хорошо, мам, к десяти подъеду. Устроит?

– Можно и пораньше.

– Не могу, у меня встреча назначена с утра. Но я подъеду.

Уже по пути домой, сидя в своей машине, я сказала Игорю:

– Хорошая квартира, просторная, сто квадратных метров. И ремонт неплохой. Может, и нам поменять свое жилье?

– Тебе что, делать нечего. Ладно, у Арлен выхода не было, а тебе чего не хватает? Сколько она жила на съемной квартире?

– Почти три года.

Проехав несколько минут молча, Игорь произнес:

– Все-таки неудачно она продала свою двухкомнатную квартиру, подарок ее родителей на свадьбу.

– Это точно, – сказала я, вспоминая тот период скачков цен на недвижимость. Ей тогда сильно не повезло. Прожив в своей «двушке» на восьмом этаже больше десяти лет, три года назад они с Арманом решили расшириться, купив трехкомнатную квартиру. Продать-то они свое жилье продали, но только неудачно. Ровно через неделю после этого цены поползли вверх, подскочив в два раза. Вырученные за квартиру деньги вместе с накопленной доплатой за большую квадратуру не могли покрыть новую стоимость необходимого жилья. Да что там говорить, даже бывшую двухкомнатную квартиру они уже могли приобрести на двадцать тысяч долларов дороже. Это было полнейшим шоком для Арлен, да и для мамули тоже. В надежде на то, что цены вскоре вернуться к прежним показателям, Арлен с семьей решила временно пожить у Айгель, но появлялось множество проблем, связанных с Ками. Во-первых, ее школа располагалась в микрорайоне, что было в другом конце города, вдали от центра, где сейчас они пребывали, Во-вторых, три раза в неделю девочка ходила на плавание в бассейн, который так же был рядом с их прежним домом. И, если до этого ребенок самостоятельно ходил в школу, то теперь ее надо было каждый день возить туда и обратно. Времени у Арлен и Армана катастрофически не хватало. Пришлось задействовать тетю Женю. Но перемещение по городу с ребенком, у которого плохо ходили ноги, было делом нелегким и явилось достаточной нагрузкой для бабушки. На каждодневное такси в оба конца денег не напасешься. Все это усложнило устоявшуюся жизнь семьи Арлен. В конце концов, ее нервы не выдержали. Спустя два месяца,

потеряв всякую надежду на скорое приобретение своего жилья, Арлен с мужем вернулись в прежний микрорайон, сняв квартиру в доме напротив школы. Говорят же, нет ничего долговечнее временного, так вышло и у Арлен, они прожили на съемной квартире более двух с половиной лет, и только теперь приобрели собственную жилплощадь. Но все их мытарства в итоге были вознаграждены, они стали хозяевами роскошной элитной квартиры. Так дай им Бог счастья в их новом доме!

Быт и суета затягивают нас, как болото. Я совсем выпустила из памяти день рождения тети Жени и даже не позвонила, чтобы поздравить. Вспомнила об этом событии лишь тогда, когда двадцатого числа мне позвонила сама Айгель.

– Привет, подруга, – сказала она, – я завтра везу своих девочек на Иссык-Куль, хотела бы оставить тебе ключи на всякий случай, мало ли что, вдруг трубы лопнут или другая техническая неполадка. А также запасные ключи от маминой квартиры. Эрбол на время нашей отлучки остается у Арлен, ей там устанавливают пластиковые окна на лоджиях, и он будет контролировать работу мастеров.

– Во сколько вы выезжаете в дорогу?

– В четыре утра.

– А что так рано?

– Да по прохладе поеду, машин мало, дорога свободна. К девяти часам уже будем, бог даст, в пансионате. Едем всего на недельку, только ради детей. Если б не они, ничто не заставило бы меня выезжать в дорогу. Что-то я опять приболела, поясница ноет, второй день температура играет. Вчера у мамы на дне рождения еле высидела час...

– Ой, – своим возгласом перебила я ее, – совсем забыла, что вчера было девятнадцатое. Вот дура. Как неловко перед тетей Женей, – заперезживала я.

– Да не сокрушайся ты так, мы же в сентябре проведем официально, тогда и поздравим. Вчера лишь мы – дети заехали к ней, чтоб в узком кругу посидеть и то не в полном составе, нет Амира и его семьи, Армана тоже нет. Да и Салкын не смогла приехать.

– Если ты болеешь, то как за руль сядешь? Говоришь, поясница ломит, – переходя на волнующую тему, спросила я.

– Сегодня стало легче, боли почти прошли. Да и температура спала. Мой джип все же просторней, чем машина Айки или Арлен, один багажник чего стоит.

– Ну, пусть кто-нибудь из девочек сядет за руль твоей машины. Дорога неблизкая.

– Что-то не подумалось об этом раньше, и девчонок не подучила сидеть за моим рулем. А сейчас уже и времени в обрез. Завтра на рассвете выезжаем. Потерплю как-нибудь.

– Они обе водят машину, чего их учить? Сели и поехали.

– Габариты другие, машина чужая, к ней привыкать надо. Хотя бы пару дней поездить. Да не переживай ты, все будет хорошо. Таблетки сегодня пропью и совсем буду здоровой. А нет, так останусь дома, а они на машине Арлен поедут.

Так ты когда приедешь за ключами?

– Вечером заеду.

– Давай, до встречи.

Почему-то абсолютно некстати мне вспомнилась цыганка. Сердцу сразу стало тревожно.

«Тфу-ты, будь не ладна, врезалась же в память как шальная мысль к дурной голове», –мысленно выругалась я на нее.

– Хоть бы все обошлось, – уже вслух сказала я себе и перекрестилась, – храни Айгель, Господи.

Ближе к ночи мы с Игорем заехали к подруге. Вид Гели мне не понравился вовсе. Какая-то она была болезненно замученная, отечное лицо выглядело серым.

– Ты что так отекала, жидкости много пьешь? – тревожась за нее, спросила я.

– Ага, – отшутилась она.

– Нет, серьезно, вид у тебя какой-то облезлый, совсем мне не нравишься.

Машинально я посмотрела на ее голые ступни, они были, словно надутые резиновые перчатки, готовые вот-вот лопнуть.

Геля поймала мой взгляд и сказала:

– Отеки начали падать. Температура прошла полностью. В шесть часов мерила – уже тридцать семь, а было под сорок. Мне намного лучше.

– И что за необходимость прямо завтра выезжать, можно же дня через три-четыре, когда полностью восстановишься?

– Там разгар сезона, свободных мест практически нет. Хозяйка особняка уже трижды звонила Арлен, беспокоясь по поводу брони. Говорит, если не приедем завтра, то она больше не будет держать для нас апартаменты, сдаст другим желающим. А их много.

Ее тоже понять можно. Она этим зарабатывает себе на жизнь. У них же сезонная прибыль. Четыре месяца в году работают, потом восемь месяцев ждут очередного курортного сезона. Сказать по правде, если б не дети, не их просьбы об отдыхе на пляже, я сидела бы дома, думаю, и мама не особо горит желанием, да и Арлен только переехала, ей не до того. Айка – та вообще по голову в работе, чтобы с нами отдохнуть, ей пришлось всеми правдами и неправдами отпрашиваться на три дня. Потом уедет назад. Вообще в этом году мы как-то без особого желания и энтузиазма едем, словно насилуем себя.

– Так Айка на выходные едет, что ли, если три дня? А вы?

– Мы останемся. И так, всего лишь на неделю детей вывозим на озеро. Ты за моим домом присматривай, раз в три дня заезжай, цветы полей, жара стоит невыносимая, засохнут, жалко.

Пожелав доброго пути и хорошего отдыха, мы отправились домой. В дороге мне вспомнился тот разговор про цыганку. На душе стало беспокойно.

«И в самом деле, чертовщина какая-то получается. Как заболела после встречи с ней Геля, так до сих пор и не оправится. Да и на работе у нее какие-то проблемы, прямо черная полоса пошла, хоть бы все обошлось», – подумала я, отгоняя противное чувство тревоги. Но приехав домой, я позабыла об этом.

На следующий день после обеда я созвонилась с Айгель.

– Добралась нормально. Дети даже успели к завтраку. Смотрю на их восторг и радость и думаю, не зря приехали. Хорошо, что Арлен настояла. Вот что бы они сейчас делали в городе почти в сорокаградусную жару, а тут благодать. Вода в озере теплая, ласкающая. Песок мелкий горячий. Легкий бриз обдувает. Красота. Приезжай, сама увидишь.

– Ты на пляже? Вроде, слышу звук телевизора?

– Нет, я в комнате смотрю канал «дискавери». Отдыхаю после дороги.

– Остальные где, тоже отдыхают?

– Нет, они все с утра на пляже. Пусть плещутся.

– Ладно, пока, созвонимся еще, – и я отключилась.

Быт, как всегда, меня затянул. Проблемы на работе и духота в городе, а тут еще Игорь стукнулся на перекрестке с водителем маршрутки и вроде, как мы виноваты. Благо пострадавших нет, только машины битые. Теперь

вот восстанавливать придется и свою машину, и бусик. Проблемы и хлопоты по их решению заняли все мое время и дня три-четыре мне не удавалось поговорить с другой. Был понедельник, когда я решила отзвониться ей.

– Вчера была у тебя в квартире, полила цветы. Открыла хоть на время окна проветрить комнаты. Все нормально, за дом не волнуйся. Как погода, слышала от приезжающих с Иссык-Куля, что были дожди?

– Один день было пасмурно, но дождь был непродолжительный. Дети не вылезали из воды и под дождем. С утра до вечера пропадают на озере.

– Кто там рядом с тобой? Слышу голос мужчины, ох, подруга, уже очаровала кого-то? – поддевая ее, пошутила я.

– Угу, все мужики на пляже влюбленные в меня ходят, – поддерживая шутку, сказала Геля.

– Но я на самом деле слышу его голос, – заметила я.

– Это телевизор. Какой-то бестселлер идет. Я особо не вникаю в смысл фильма. Просто лежу и слушаю.

– Ты опять лежишь в комнате?

– Угу.

– Что-то темнишь подруга? Болеешь, наверное? Опять почки или температура поднялась?

– Немного, но я пью лекарства. Да тут осталось два дня, в среду выезжаем домой. Думаю, после завтрака дети еще немного поплещутся и в дорогу. Так что приеду, позвоню.

Пожелав друг другу удачи, мы разъединились.

Следующие два дня я активно занималась делами клиентки – суррогатной матери, подавшей иск на биологических родителей своего ребенка, которые после его рождения почему-то отказывались забрать его и выплатить ей оговоренную в договоре сумму. К сожалению, нашим законодательством не предусмотрены такого рода

нарушения прав матери. Я имею в виду суррогатной. Хотя Америка, Европейские страны и Россия уже приняли закон, предусматривающий защиту прав обеих сторон при таковых сделках.

Мне надо было перелопатить не один протокол судебных тяжб, схожих с моим случаем, рассмотренных ранее в других странах. И хотя само явление для нашей страны было не новым, судебные иски считались явлением нераспространенным. У нашей правозащитной системы опыта было маловато, и мне его тоже не хватало.

В среду около четырех часов дня, когда я выходила из здания Ленинского суда, зазвонил мобильник. Я посмотрела на высветившийся номер, это была Айгель.

– Привет, подруга, – опережая ее, сказала я.

– Вы, Алена, ваш номер мы нашли во входящих списках? – сказал незнакомый мужской голос, – вы знаете хозяйку этого номера?

– Да, а вы кто? Почему вы звоните с ее телефона? Дайте ей трубку.

– Вам нужно приехать на объездную дорогу, сразу за Кантом... Здесь произошла авария. Срочно приезжайте сюда. Сообщите родственникам этих женщин о случившемся...

– Каких женщин, – не поняв о ком речь, переспросила я, – какая авария? О ком вы говорите?

– Серебристый джип с такими-то номерами ... и женщины с детьми вам знакомы?

Ужас от услышанного обуял меня, парализовав разум. В ушах стоял звон. Я потерла лоб, пытаюсь привести себя в чувство реальности. Мозг начал включаться.

– Где вы сказали, случилась авария? Все живы? – выкрикнула я.

– Все, только приезжайте, – ответил голос и отключился в пространстве.

Я начала лихорадочно набирать сотовый Игоря, сообщив ему о беде, стала ждать его приезда. Усидеть на месте я не могла. Трясущимися руками набрала номер Эрбола, его телефон не отвечал.

Вспомнила, что Айка вернулась в город два дня назад. Набрала ее номер.

– Случилась беда, – сказала я ей взволнованно, – машина Айгель попала в аварию на объездной дороге.

В трубке послышался вскрик Айки.

– Что вы сказали? Они живы? Они живы? – нервно крича, спрашивала она.

– Живы. Надо ехать на место аварии...

Я указала ей координаты отрезка дороги, где все это произошло. Подъехал Игорь, и мы выехали на место происшествия.

То, что я увидела, ввергло меня в состояние глубокого шока.

Гелина машина стояла на спущенных колесах у большого дерева внизу в овраге, смятая в гармошку и сплюснутая крыша кабины почти полностью вдавилась в салон, максимально приблизившись к сидениям, словно чья-то великанская рука нанесла удар сверху.

Расстояние от того, что осталось от крыши, и до сидений приблизительно равнялось тридцати сантиметрам. Двери со стороны водителя – и передние и задние, были выкорчеваны домкратом и висели на одной петле. Лобовое стекло отсутствовало полностью. На месте аварии находились МЧСники, гаишники и два врача, склонившиеся над телом незнакомой мне женщины, лежащей прямо на земле с закрытыми глазами и тяжело дышащей с порывистыми всхлипами. Она была без сознания.

– Кто эта женщина? – механически спросила я врача.

– Откуда мне знать. Была в машине вместе с пострадавшими.

Доисторического вида скорая помощь, как мне потом сказали, вот уже больше полутора часов, вывозила в ближайшую районную больницу по одному пострадавшему в аварии. К моему приезду детей и Арлен уже вывезли. Только что отъехавшая в больницу машина скорой помощи увезла тетя Женю. Возле дерева у безводного канала, за которым простирались фермерские поля, вся в окровавленной одежде лежала Айгель. На ее голове лежало тяжелое пропитанное кровью банное полотенце. Все лицо залито кровью, которая уже начала подсыхать. Айгель лежала с закрытыми глазами и словно спала.

– Геля, Гелечка, да как же это случилось, – повторяя одно и то же упавшим голосом и держа в своих руках руку подруги, говорила я. Слезы бежали по лицу, капая на ее тело.

– Женщина, отойдите от нее, она без сознания. Не трясите ее руку. Кто вы такая? – недовольно прокричал мужчина, подходя ко мне.

Ко мне подошел Игорь, пытаюсь поднять с земли. Ноги не держали.

– Лен, возьми себя в руки, тут и без тебя хватает, – сдавленным голосом попросил Игорь и взяв меня за плечи, приобнял для поддержки.

Ругавшийся мужчина подошел к нам вплотную.

– Вы кем будете Айгель? – уже более миролюбиво спросил он.

Я пришла в себя и уже стояла на ногах самостоятельно.

– А вы кто? – проговорила я хриплым голосом.

Мужчина внимательно посмотрел на меня и ответил.

– Эмильбек, дядя Айгель.

Позже я узнала, что он муж средней сестры тетя Жени – Майрам.

Я молча кивнула головой.

– Мы Гелины друзья, – сказал Игорь, – это моя жена Лена, ее близкая подруга. Вы здесь давно? Все живы? Когда мы подъехали, то увидели отъезжающую скорую, кого вывезли?

– Теть Женю. Айгерим на своей машине поехала следом за ней. Наверное, уже доехали до больницы. Айгель двигать без специального каркаса нельзя. Подозревают перелом позвоночника и, возможно, основания черепа.

– Кто эта русская женщина? – спросил мужчина, – вы ее знаете, может, тоже подруга?

– Нет, не знаем.

Та, о ком шла речь, глухо закашляла и затихла. Наши взоры устремились на нее.

Один из специалистов бригады МЧС пощупал ее пульс, затем заглянул в глаза, посветил в них тоненьким фонариком и, обернувшись к своим коллегам, ожидавшим его знаков, отрицательно покачал головой.

– Дайте какое-нибудь полотенце вон из тех сумок, – сказал он своим товарищам.

И только тут я обратила внимание на груды дорожных чемоданов и рюкзаков с вещами, сваленными в стороне от машины.

– Это их вещи? – уточнила я.

– Да, видимо, разлетелись когда машина переворачивалась. Мы их собрали и сложили в одну грудку. Потом разберутся, – зачем-то сказал дядя Айгель.

Получив требуемое, МЧСник накрыл им лицо погибшей женщины. Я была словно в прострации, все воспринималось как в замедленном кино.

– Мне нужно сесть, – сказала я Игорю, – помоги.

Он усадил меня в машину и дал попить минеральной воды. Находясь какое-то время в салоне, вода стала про-

тивно теплой. Я помыла лицо. Стало легче. Шум в ушах прошел, зрение прояснилось. Подъехала скорая помощь.

Два медика с носилками направились к погибшей женщине и о чем-то поговорив с женщиной, первым констатировавшим факт ее смерти, сделали записи в блокноте. Потом прошли к Айгель. Зафиксировали ей голову каким-то белым прорезиненным ошейником, надели на нее что-то похожее на бронежилет и уложив на носилки, понесли в машину скорой помощи. Мы поехали вслед. Сопровождая ее, въехали во двор кантской больницы.

Гелю унесли в реанимацию. Мы последовали туда же, у дверей в отделение встретили Айку. Она не сразу узнала меня. Безумно широкие глаза с застывшим взглядом смотрели на меня. «В шоке», – промелькнула у меня мысль.

– Аечка, родная моя, беда-то какая, – сказала я, обнимая ее.

– Теть Женя тоже в реанимации? А Арлен? А дети?

– Мама в другом отделении, Даана там же. Здесь Арлен, Ками. И говорят, привезли эжешку, – сказала она без эмоций, голос ее был сухим и жестким, – мне нужно туда, – указывая куда-то в сторону, добавила она. Взгляд ее был устремлен сквозь меня...

– Айгерим, – позвали ее из коридора, – где Айка? – требовательно спрашивал мужской голос.

Она обернулась на зов. К нам приближался Эмильбек, успевший, как и мы, прибыть сюда.

– Айгерим, пойдем со мной, там мама тебя зовет, – не глядя на нее, словно обращаясь в пространство, сказал он.

Она молча последовала за ним. Мы с Игорем попытались заглянуть в открывшуюся дверь реанимации в поисках Гели. В небольшом коридорчике суетились врач и медсестра. Мужчина в белом халате, наверное, второй врач, что-то писал на листке бумаги, сидя за столом. По

обе стороны от коридорчика располагались двери, из которых слышались стоны. Я прислушалась. Знакомых мне голосов слышно не было.

– Извините, – обратилась я к врачу, сидящему за столом, – к вам сейчас привезли пострадавших в аварии, как их состояние?

Он даже не поднял головы, продолжая что-то записывать. Зато подошла медсестра.

– Критическое. Закройте дверь. Ждите там, – указывая нам на выход, сказала она.

– Вот, – сказал доктор, наконец-то оторвавшись от стола, – передайте родственникам, пусть срочно привезут.

Медсестра вручила нам список необходимых лекарств.

– Поторопитесь.

– А где тут аптека? – уточнила я.

– Во дворе, налево от ворот. Если у них не найдете, езжайте в центр, там есть несколько аптек, – пояснила медсестра.

Игорь побежал со списком на улицу. Я осталась у двери. Торопливым шагом ко мне приближался Арман. После его учебы в Астане мы еще не виделись, поэтому мне сразу бросились в глаза перемены в его лице. Резко осунувшееся, как-то посеревшее, с темными кругами вокруг глаз лицо выглядело старше своих лет. В испуганном взгляде царил растерянность. Он проскочил мимо меня, даже не отреагировав на мое присутствие. Я последовала за ним.

Он разговаривал с доктором, только что выписавшим список лекарств.

– В Канте этого препарата нет. Я отправил друзей в Бишкек, скоро привезут лекарство. Как состояние дочери? – взволнованно спросил он.

– Критическое, – коротко ответил реаниматолог и уже обращаясь к медсестре добавил:

– Подключай капельницу, под контролем давления. И готовь все к спинномозговой пункции.

Та быстро прошла в палату, где находились Камилла и Айгель, подключенные к аппарату искусственного дыхания. Арлен лежала в соседней с ними палате.

Арман последовал за медсестрой в открытую дверь комнаты, где лежала его дочь.

– А вы куда? – обратился к нему доктор, – туда нельзя, выйдите в коридор, не мешайте нам работать.

– Можно я только взгляну на нее, – взмолился Арман.

– Не надо этого делать, там все стерильно, сейчас пропункцируем ее. Все, что нужно, мы делаем. Будьте у дверей реанимации, в случае необходимости, я вас позову. А сейчас не мешайте нам.

– Арман, пойдём, не будем отвлекать их, – сказала я, касаясь его плеча.

Он резко обернулся, и посмотрел на меня таким взглядом, словно впервые в жизни видел меня.

– Я Алена, Гелина подруга.

Взглянув тревожным взглядом сквозь меня, он произнес:

– Здравствуйте, тетя Лена, я вас не узнал.

Я понимающе кивнула головой и повторила настойчивее:

– Пойдем, не будем мешать.

Неожиданно возникший душераздирающий крик оглушил больницу. Сердце мое замерло. Это был вопль смертельно раненого зверя. Что-то показалось знакомым в оттенках голоса кричащего.

«Айка», – осенило меня. Я стремглав бросилась на крик. В конце коридора было другое отделение, откуда доносился рев. У одной из палат Айгерим, громко рыдая, с неистовством вырывалась из крепких объятий брата, пытающегося удержать ее.

– Мама, – кричала она, – отпустите меня к ней, мама, мама... Вы все врете, ее надо реанимировать, позовите врачей, мамочка, мамочка моя. – Эрбол, не выпуская ее, молча плакал. Крупные слезы бежали по его лицу, капая на сестру. Рядом с ними стоял Эмиль и поглаживал Эрбола по плечу. Скорбное лицо дяди выражало горе. Я подбежала к ним, не веря в случившееся. До меня никак не доходил смысл происходящего, словно сознание было заблокировано. Из палаты вышли врач и две медсестры и прикрыли за собой дверь.

И тут меня наконец-то прорвало. Зажав себе рот рукой, я разрыдалась. Мозг осознал всю глубину свалившегося горя. Я стояла в стороне от палаты, где лежала тетя Женья, и плакала.

«Теть Женечка, родная моя, – обращалась я к ней мысленно, – тетя Женечка, как же так...».

Слезы душили меня.

– Айка, послушай меня, – обратился к ней дядя, – нужно взять себя в руки, не кричи так, маме уже не можешь, но ведь есть еще Айгель, Арлен. Они в тяжелом состоянии, услышав твой крик и плач, они могут все понять и ... мы их тоже потеряем. Подумай о них, жизнь висит на волоске от смерти. В соседней палате лежит Даана, она все слышит. Подумай о ней. Родная моя, нужно быть сильной, возьми себя в руки. Потом, на улице, ты выплачешь свое горе, свою утрату, но не здесь, не сейчас. Эрбол, возьми себя в руки, плакать будем потом. Сейчас необходимо мобилизоваться. Айка, пожалуйста, ну возьми себя в руки. Тише, тише. Если в реанимации нас услышат, потери будут еще большие. Ты хочешь, чтобы и Айгель ушла вслед за мамой, и Арлен вместе с ней?

Я понимала, что он прав, но слезы не слушали меня. Слишком больно было душе.

«Бедная моя девочка, – думала я, злясь на мужчину – как же ей не кричать и не плакать, если душа ее болит, разрываясь в клочья. Как же не плакать, если тетя Женя покинула нас... Как же без нее теперь...».

Но последние строго сказанные слова дяди каким-то невероятным образом подействовали на Айгерим.

– Нет, только не это, умоляю только не это, если с ними что-то случится, я жить не буду, – как-то сразу обмякнув и оседая на подкосившихся ногах, тихо плакала она. Того неистовства, с которым Айка вырывалась из крепких рук брата, требуя отпустить ее к маме, уже не было, взамен в ее душе возникло чувство всепоглощающей опустошенности. Она словно окаменела за один миг, зависнув где-то между жизнью и смертью. Эрбол почувствовал перемены в сестре, чувство жалости вперемежку с леденящим чувством потери переполнило его. Он выпустил из объятий сестру и попросил дядю побыть с ней. Айгерим прислонилась к стене и тихо стонала.

– Молодец, – сказал устало Эмильбек, – мы потом дадим волю чувствам, после того, как сделаем все необходимое из того, что должны сделать.

Он обратился ко мне.

– Простите, вы сказали, что являетесь подругой Айгель, побудьте рядом с ней, – указывая на племянницу, сказал он, – мне надо идти в реанимацию.

Я подошла к Айгерим и, обняв ее, тихо заплакала. Она беззвучно рыдала, вздрагивая плечами, и горячие слезы непрерывно текли из ее глаз. Горе, словно разверженное небо, упавшее на плечи, окутало ее.

– Я хочу к маме, – тихо прошептала она, – я хочу к ней...

– Не надо, Аечка. Не надо, девочка, крепись, дядя прав. Ты должна быть сильной, сейчас все свалится на

твой плечи, похороны, больница... Надо молить Бога, чтобы Геля с Арлен и Камилла остались в живых. Ками крайне тяжелая.

Айгерим посмотрела на меня таким взглядом, словно что-то вспомнила.

– Мне надо идти.

– Куда? – уточнила я.

– К маме. Я хочу посмотреть на нее, пока ее не забрали.

Она отстранилась от меня и направилась к палате, где лежала тетя Женя. Я преградила ей дорогу.

– Мне надо, – сказала она спокойным глухим голосом. – Я не буду плакать. Прошу...

– Я пойду с тобой.

Теть Женя лежала на кровати, укрытая простыней. Айка открыла ей лицо. Оно было чистым, без единой царапины. Спокойное выражение придавало ощущение мирного сна. Ее кисть выступала из-под простыни и выглядела еще живой.

Айка опустила на колени перед кроватью. Поцеловав маму, она тихо произнесла:

– Родная моя мамулечка, родная моя, как же мне теперь быть, как же я теперь без вас... – Слезы потекли по ее лицу, капая на пол.

– Простите меня, если я виновата перед вами в чем-то, простите... Я вас очень люблю и буду любить всегда... мамулечка моя, родная моя...

– Айгерим, тебя зовут в реанимацию, – сказала незнакомая мне женщина, – там Арлен отправляют в город, в республиканскую нейрохиргию. Санитарная авиация уже приехала.

– Простите меня, мамочка, мне надо идти, – сказала она, глядя матери в лицо, и погладив ее волосы, поднялась с колен, – скоро вернусь.

Я погладила руку тетя Жени, еще теплую, но уже безжизненную.

– Простите, если я когда-нибудь обидела вас чем-то, – тихо сказала я и, накрыв простыней ее лицо, вышла из палаты вслед за Айкой.

– Где Арлен? – спросила Айгерим, подходя к брату, стоящему в окружении нескольких друзей, уже подъехавших в больницу.

– Ее сейчас повезут в город. Там дядя Темир в реанимации, он будет сопровождать машину скорой помощи в Бишкек.

– Их всех перевозят?

– Нет, только Арлен и Даану.

– А эжешку?

– Они с Камиллой пока останутся здесь.

– Почему?

– Их нельзя транспортировать... Они не перенесут дорогу. Эжешку, возможно, завтра или послезавтра перевезем, когда стабилизируется состояние.

– А маму сейчас повезем? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Сегодня, но не сейчас. По законам больницы, ее должны отвезти в морг на вскрытие, – упавшим голосом сказал Эрбол. – Таковы правила...

– Байкешка*, не давайте ее на вскрытие, мама не хотела бы, я знаю, если ее уже не оживить, зачем еще и резать. Байкешка, пожалуйста, поговорите с врачами, если надо я сама попрошу об этом... Не надо ее вскрывать, может, и в морг не отдадим? – умоляюще глядя на брата, просила Айка.

Эрбол взорвался:

– Ты думаешь, мне этого хочется, или ты думаешь, что я не пытался отклонить вскрытие, я уже час прошу

их об этом, но такой закон. И они нам маму без вскрытия не отдадут. Ты понимаешь это!?

Айка с гневом посмотрела на него.

– Значит, надо заплатить деньги! – не сдержавшись, вскричала она.

Я подошла к ним и умоляюще прошептала:

– Тише, разве так можно, люди кругом, и душа тетя Жени смотрит на вас и расстраивается, наверное. Вам тяжело сейчас, но поймите, ведь горе у вас общее и сердце от боли разрывается у обоих. И так большие потери, почему вы не бережете друг друга. Сейчас все упадет на ваши плечи, и если вы не будете поддержкой друг другу, то горе сломает вас. Вы же дети тетя Жени, вы сильные и умные, вы все сможете, только щадите друг друга. Душа мамы наблюдает за вами...

Эрбол выслушал меня и, немного помедлив, доброжелательно сказал сестре:

– Я сделаю все возможное, чтобы вскрытия не было. А если этого не избежать, то, по крайней мере, попрошу, чтобы сделали лишь небольшой надрез, для галочки, для отчетности. Ты держись.

– Вы тоже, байкешка, держитесь, – тихим голосом ответила Айгерим.

Вынесли на носилках Арлен. Она была в сознании и все порывалась встать.

Ее руки и ступни были зафиксированы ремешками от носилок. Но она без конца приподнимала голову и звала дочь:

– Ками, что ты лежишь на камнях, вставай, пойдём домой, я кому говорю. Ками, вставай...

Я подошла к носилкам и, взглянув на нее, сказала:

– Арленочка, как ты? Камилла уже поднялась с камней, не переживай.

Взглянув на меня плавающим взглядом, она вдруг сказала:

– Теть Лен, поднимите Камиллу, она упала, лежит на камнях. Ей тяжело встать. Помогите ей. Где Арман? Почему он не смотрит за дочерью?

– Хорошо, хорошо, – торопливо ответила я, – я подниму ее. Арман с Амиром сдают кровь. Он скоро подойдет.

– А где мама? Мам, – закричала Арлен, поворачивая голову вправо, ища тетю Женю.

– Мама, – словно обнаружив ее, где-то в стороне от себя, уставившись в одну точку, обратилась к ней:

– Смотрите, мама, она же упала. Помогите ей встать. Она же протягивает к вам руки, а вы не видите.

Арлен внесли в машину санитарной авиации. Я посмотрела в ту сторону, где, по ее словам, должна была находиться тетя Женя. Но никого не увидела.

Машина тронулась с места, но все еще слышался о чем-то просящий голос Арлен.

– У нее спутанное сознание. Она видит нереальные вещи, – пояснил Эрбол, когда я подошла к нему.

– Может быть, девочка в чем-то нуждается, и Арлен это чувствует, ведь дочь... Может, лекарства дополнительно надо купить или еще что-нибудь?

– В ее памяти застрял фрагмент, когда Камиллочку, вытащив из машины, положили на гравий, видимо, Арлен пришла в сознание в этот момент и увидела дочь, лежащей на земле.

– Что у нее подозревают?

– У кого, Арлен или Камиллы?

– У Арлен? – пояснила я, тяжело вздохнув.

– Гематому в лобной области справа. Вот повезли на ядерно-магнитную томографию головного мозга.

– А Даану когда заберут в город?

– Сейчас, вот вторая скорая из города приехала за ней.

Ее повезут в реанимацию детской больницы.

– А где она сейчас?

– В палате, на нее оформляют переводной лист.

– Я пойду к ней.

Девушка лежала в палате одна. Другие две кровати были не застелены. Я подошла к ней и тихо сказала:

– Дааночка, девочка моя.

Она не ответила. Глаза у нее были закрыты. Я наклонилась пониже и прислушалась к ее дыханию. Она спала. Левая часть лица была в ссадинах. Вошла медсестра.

– Выйдите из палаты, – строго потребовала женщина, – она под действием лекарств. Вас все равно не слышит. Выходите.

– Ее сейчас увезут в Бишкек, – заметила я.

– Знаю. Мне нужно подготовить ее к транспортировке. Не мешайте.

Я вышла в коридор и, не зная, что дальше делать, как неприкаянная, пошла к реанимации. Дверь в нее была открыта. Я заглянула. Не увидев никого, прошла дальше и тут увидела Армана, стоявшего возле кровати дочери и тихо о чем-то шептавшем. Прислушавшись, я поняла, что он молится. Мой взгляд скользнул по лицу Камилочки, сердце сжалось от боли, оно было перекошено и выглядело одним сплошным синим отеком. Два темных круглых пятна вместо глаз выглядели ужасающе. За нее тяжело и медленно дышал аппарат. Слезы невольно потекли у меня по щекам. Жалость разбила мою душу.

Неожиданно за спиной я услышала возмущенный голос медсестры, оглянулась.

– Вы что тут делаете, выйдите вон! – почти закричала она.

Я попятилась назад и вышла. Слезы душили меня. Через секунду из реанимации вышел и Арман. Он плакал.

«Господи, да за что же это! – мысленно прокричала я, – неужели она мало страдала? Помоги ей, Господи. Спаси ее, пожалуйста. Молю».

– Держись, моя девочка, – уже вслух прошептала я, – ты сильная, ты справишься. Умоляю тебя, только держись!

В коридоре замаячил Игорь. Я совсем о нем забыла.

– Ты что, только сейчас привез лекарства? – с возмущением спросила я.

– Я уже два раза смотался в Бишкек. Здесь вообще ничего нет, даже физиологического раствора, не говоря уже о других лекарствах. Что за нищая больница, что за райцентр? Все аптеки стоят пустые, препаратов нет. Элементарную аминокапронку из города привез.

Он постучал в дверь, выглянула медсестра и взяла пакет с медикаментами.

– Еще что-нибудь нужно?

– Пока нет, катетер принесли?

– Да, он в пакете.

Сестра кивнула головой и закрыла дверь.

– Теть Женя оборвалась, час назад, – прошептала я.

– Я уже знаю, когда первый раз привез лекарства, узнал. Что теперь поделаешь? Ничего уже не изменить. Пойдем на улицу, тетя Женю в морг увезли. Еще дети той женщины, что с ними была, приехали. Сын и невестка. Оказывается, она тоже была Гелиной подругой, просто несколько лет назад переехала в Россию, а тут встретились, и, видимо, она попросила Гелю подвезти ее до Бишкека. А может, Айгель сама предложила. Какая теперь уже разница. Ее не оживишь. Она тоже в морге. У нее все поломано, ребра пробили легкие и селезенку.

– А ты откуда знаешь?

– Слышал разговоры на улице.

– Нам надо идти в морг, – сказала я.

– Зачем?

– Надо договориться, чтобы не вскрывали тело тетя Жени, – сказала я на ходу, направляясь к выходу из здания.

У морга стояли одни мужчины. Ни Эрбола, ни Айгерим я не увидела. Не зная, куда дальше следовать, я осталась в замешательстве. В этот момент из небольшого одноэтажного здания, больше похожего на заброшенный дом, показался Эрбол вместе со своим дядей. Он был сумрачным и нервно курил сигарету. Дядя о чем-то тихо ему говорил. Я подошла к ним и спросила:

– Ну что, они согласны обойтись без вскрытия?

– Нет, – зло ответил Эрбол.

– Эрбол, ты тоже не прав, разве так договоришься. С ними надо говорить, уважительно прося, а ты вспылал. Сейчас главный патологоанатом больницы приедет, с ним и поговорим. Ты позвонил Амиру, поставил его в известность?

– Да, позвонил. Я не сказал ему, что мамы уже нет, не смог, – глядя куда-то в сторону застывшими глазами, ответил Эрбол.

– И правильно сделал.

– Я сказал, что все в реанимации, живы....

– Айгерим уехала? – уточнил Эмиль.

– Нет еще, она в морге возле мамы.

– Зачем ты ее туда пустил, потом долго мучиться видениями будет, выводи ее.

Эрбол направился в морг.

Через пару минут он вышел вместе с сестрой.

Она не плакала, безжизненный взгляд потухших глаз смотрел под ноги. Я подошла к ней.

– Пойдем, – сказала я ей, обнимая за плечи. Она неотреагировала.

– Айка, тебе надо поехать домой к маме и все подготовить к ее приезду. А мы, скорее всего часа через два, уже заберем ее отсюда.

– Что надо подготовить? Я даже не знаю, как, – с потерянными взглядом, растерянно произнесла она.

– Нужно освободить квартиру, все вынести на площадку в подъезде. Я уже созвонился со старшим братом мамы, он же молдо, все тебе подскажет. Наверное, родственники уже съезжаются к ее дому. Ты должна быть там и все подготовить к нашему приезду. Будь сильной.

– Вы, – обратился он ко мне, – вряд ли чем сможете помочь тут, будет лучше, если поедете с ней и поможете с подготовкой квартиры. Ей сейчас необходима ваша поддержка и помощь.

– Да, конечно, мы поедем с ней, – ответила я.

– Поторопитесь.

– Игорь вам здесь понадобится? – спросила я его.

– А кто такой Игорь, – не уяснив вопроса, уточнил он.

– Мой муж.

– Нет, здесь достаточно мужчин. Пусть поможет вам там, если, конечно, он не против этого.

Я кивнула головой. Так совпало, что скорая, увозившая Даану, и мы выехали одновременно, поэтому всю дорогу до города она была в нашем сопровождении. Больница, куда ее везли, находилась по пути к дому тети Жени, это позволило нам заехать в детскую клинику и сопроводить Дааночку до реанимации.

Айгерим тем временем уже приближалась к дому матери на своей машине, рядом с ней была ее близкая подруга, успевшая приехать к моргу районной больницы. Звали подругу Наристе. Это была замужняя женщина, мать троих детей, сверстница Айки. Младшему ребенку исполнилось два года. К моменту нашего с Игорем приез-

да у дома тетя Жени уже собралось большое количество родственников, многих из которых я не знала, кроме трех родных сестер тетя Жени. Но и это знакомство с тетками Гели было заочным, лишь по фотографиям. Здесь было достаточнолюдно. Уже стемнело. Мы поднялись в квартиру, входная дверь была открыта нараспашку, впрочем, как и соседская дверь напротив. Незнакомые мужчины выносили мебель и складывали ее на площадке этажа. Другую мебель вносили в квартиру к соседке, живущей напротив. Две взрослые женщины перебирали бумаги в выдвижных ящиках книжного шкафа. Я подошла к Айке, читавшей в этот момент записи в каком-то блокноте. Жесткий взгляд покрасневших глаз застыл на мне.

– Что мне делать? – спросила я.

Она еще минуты две смотрела на меня молча, словно не понимая смысла моих слов.

Я повторилась. Зрачки ее глаз сузились, опустив глаза, Айка потерла пальцами лоб и, словно поймав озарение, застыла на секунду и вновь взглянула на меня. Взгляд ее теперь был осмысленным.

– Вам надо съездить на базар, я сейчас напишу список продуктов для закупки, – сказала она бесстрастным голосом и прошла в зал. Сев за длинный стол, символ гостеприимства тетя Жени, за которым в хорошие времена за раз рассаживались двадцать человек, Айка начала что-то переписывать из блокнота. Я села рядом, оглядываясь по сторонам.

Ком подступил к горлу. Слезы повисли на ресницах. Мне нужно было поддержать Айгерим, а я не могла справиться со слезами, отвернувшись в сторону, быстро смахнула их.

– Ах, мама, мама, – без конца повторяла она, беззвучно плача, ее слезы капали прямо на бумагу.

– Зачем ты переписываешь дважды. Давай блокнот, я по нему куплю, – не ведая ситуации, предложила я.

– Нет, я перепишу, – сказала нетерпящим тоном Айка. Получилось жестко. Видимо, поняв свою несдержанность, она более мягко пояснила:

– Это мамин блокнот, – при этих словах она сделала глубокий вдох, выдерживая паузу, затаив дыхание, словно переводя дух, и только после продолжила, – ... мамочка в этом блокноте, – голос ее сбивался, слезы душили ее, – ...описала порядок проведения похоронного обряда в случае ее смерти.

Я не поняла, о чем идет речь.

– В каком смысле, она описала, как проходят похороны?

Айгерим устало взглянула на меня.

– Она оставила инструкции своих похорон для нас, детей. Как нужно себя вести с первой минуты ее смерти. Как производить первое и второе омовение ее тела до того, как начнут собираться родственники. Как освободить квартиру, и у кого из соседей можно временно установить мебель, она даже сделала все необходимые закупочные расчеты по количеству продуктов и ткани для савана...И списки людей, кому нужно сообщить о ее смерти, – голос у нее сорвался на плач, слезы побежали по щекам, она опустила голову, опершись лбом на левую ладонь, и тихо всхлипывала. Я сидела рядом и беззвучно плакала.

– ...Чтобы мы не пугались, в случае ее смерти и все провели достойно, мамулечка все заранее написала, – безудержно плакала она, – ... нет, это просто невозможно, это какой-то кошмарный сон...

Затем она собралась, сжала кулаки, посидела таким образом несколько минут, сделала глубокий выдох и продолжила переписывать.

Я посмотрела на нее новыми глазами. Передо мной сидела сильная духом молодая женщина, находящаяся в таком немислимо огромном горе, я видела, как ее сердце кровоточит, я видела страх в ее глазах и все же она смогла собрать всю свою волю, чтобы, как положено, выполнить последнее предписание матери. Надеяться было не на кого. Ее тыл и опора Айгель и Арлен, сами находились на волосок от смерти и ничем не могли помочь ей. Судьба ее сестер только решалась на высшем совете небес. Горе было неумным. В одночасье пострадали пять членов одной семьи, смерть уже забрала маму, трое были под ее занесенной косой. Эрбол был старшим из оставшихся дееспособных троих детей, на него и свалился весь груз по поводу похорон, а еще была реанимация, где находились две его сестры и две племянницы. И надо было везде успеть и не сломившись, как подобает мужчине, держаться, не показывая слабость смертельно раненного зверя и достойно, как того заслуживала тетя Женя, проводить ее в последний путь. Амиру тоже придется нелегко, получив такую вест, он должен успеть прибыть в Бишкек в столь короткие два дня, пока тело матери будет дома. Дай-то Бог ему не опоздать! Дай-то Бог! Но тяжелее всего придется Айке, когда хоронили отца, она была слишком мала, чтобы участвовать в похоронной процедуре, в том плане, что не вникала в распорядок этого горестного обряда прощания с усопшим. Кроме душевной боли потери она не познала ничего. Теперь же все свалилось на нее.

– Вот, тетя Лен, это надо купить сейчас, – сказала она, протягивая мне исписанный листок. Я заглянула в него, немой вопрос завис в моих глазах.

– Ты все это просчитала теперь или?.. – уточнила я.

– Нет, мама. Я только переписала. Тетя Лен, поторопитесь, пожалуйста. Вот деньги. Я не знаю, сколько нуж-

но, здесь тридцать тысяч сомов, если не хватит, добавьте, пожалуйста, свои, Эрбол позже отдаст вам. А может, еще и останется. Я просто не знаю, сколько надо.

Я молча кивнула и вышла в подъезд. Игоря нигде не было видно.

– Вы не видели моего мужа? – спросила я женщин, выходящих из соседней квартиры, куда занесли мебель.

– Игоря?

– Да, его.

– Он, кажется, уехал с мужчинами за лошадьё, если не ошибаюсь. Уточните на улице, там точно скажут, – ответила одна из них.

Предположение подтвердилось. Нужна была машина. Просить особо было некого, так как большую часть присутствующих я не знала, а знакомые мне люди отсутствовали, уже распределенные по заданиям. Еще в Канте я звонила Любви и Гульнаре, но их телефоны не отвечали. Марина же больше недели была в России. Я сделала еще одну попытку дозвониться до девчонок. Долгие гудки наконец-то прервались:

– Алло, – слышался голос Любы, – слушаю, говорите.

– Привет, Люб, что сотовый не берешь, с трех часов не могу дозвониться?

– Телефон не звонил, – с некоторым недоумением ответила она, – Ленка, ты что ли?

– Я. Ты где, в городе?

– Только приехала с Иссык-Куля, а что?

– Беда случилась, Айгель разбилась в аварии вместе со всеми, тетя Женя погибла, остальные в реанимации, тяжелые.

– Да ты что? – вскричала Любовь, – горе какое, когда это случилось?

– Сегодня в обед. По крайней мере, так предполагают, часы на панели остановились в двенадцать, наверное, в момент удара...

– Горе, какое горе, – минут пять причитала Люба.

– Машина нужна, приезжай сюда. Игорь уехал с мужиками за жертвенной лошастью. А мне нужно делать закупки. Ты когда сможешь подъехать?

– Машина в гараже, сейчас оденусь и сразу к тебе, думаю, минут через двадцать пять буду. А куда ехать?

– Где тетя Женя живет, знаешь? Вернее жила...

– В микрорайоне. Я как-то ее подвозила. Только номер дома не помню.

Я ей назвала номер и напостила, как въезжать в жилой кубик. Время катастрофически бежало. Базары уже закрылись. Оставались магазины. Но там муку мешками не купишь и масло десятками литров тоже. Нужно взять хотя бы то, что успею. У меня дома оставалось меньше десяти килограммов муки, если что, пока подвезу их.

Базары, как я и предполагала, закрылись, поэтому я поехала в мелкооптовый магазин, где взяла десять флажек по пять литров растительного, десять килограммов топленого и столько же сливочного масла. Здесь же взяла по списку сахар рафинад, конфеты, разное печенье, лесные орехи, а также кешью. Я заказала триста булочек различной формы и начинок к завтрашнему утру. Заехав домой, я собрала весь запас муки, имевшийся в наличии. Вышло около пятидесяти килограммов.

«На сегодня хватит, – решила я, – остальное докупим завтра, когда откроются магазины». По пути заехали в овощной магазин, где я купила все для салатов и фунчезы.*

– Ну все, Люб, фрукты мы сегодня нигде не найдем, в супермаркете несвежие. С утра пораньше проеду на базар и все закуплю. Возвращаемся к тете Жене.

Любовь печально взглянула на меня. Я поняла ее взгляд.

– К ее дому, – поправилась я.

Айгерим была нарасхват. Каждую секунду кто-нибудь обращался к ней с тем или иным вопросом. Но она была собрана, без слез и истерик сдержанным тоном давала краткие указания и отвечала на вопросы.

Я отчиталась по закупкам и хотела отдать оставшиеся деньги.

– Нет, пусть они будут у вас, – сказала она, – завтра с утра все равно поедете на базар за фруктами и другими продуктами, а перед этим заедете в фотосалон. Я приготовила мамин снимок, его нужно увеличить и поместите в золоченую рамку. Я приготовила ее снимок... она там с подругами. Оформите как срочный заказ, нам нужно хотя бы к часам десяти установить его над входом в юрту.

– Хорошо, как только откроются, я сразу займусь фотографией.

– Теть Лен, фруктов берите больше, чтобы с запасом для постоянного пополнения ваз, и еще не забудьте про курагу и кишмиш.

Я кивнула головой.

– Маму еще не привезли? – осторожно спросила я.

– Нет...

– Айгерим, какую скатерть накрывать на стол в квартире соседки? – спросила Фатима.

– Белую клеенчатую. Она как раз четырехметровая.

– Айка, какие вазы ставить под фрукты? – уточняла Наристе.

– Хрустальные круглые, вот эти большие... вы накрываете в трех комнатах чайные столы?

Проследи лично, чтобы на столах всего было вдоволь – и конфет, и булочек, и фруктов, обязательно должны

быть яблоки и апельсины, и бананы, их очень любила мама и всегда ставила на стол. В высокие вазы для фруктов положите только виноград снизу белый сверху темный мускат, – давала указания своей подруге Айка, – почаще расставляйте вазочки с восточными сладостями, орехи кладите в ладьевидные вазы – все вперемешку: – кешью, фундук, миндаль, не забудьте про курагу. В плоские тарелки укладывайте больше сдобы, особенно творожные и кремовые булочки, да не забудьте про эклеры. Салаты ставьте на стол только перед приходом людей, чтобы были свежие. Вон в те невысокие большие вазы положишь боорсоки, на них лепешки. Проконтролируй девочек, чтобы бесперебойно подавали горячий чай.

– Так фруктов и салатов еще нет, – не совсем поняв указания подруги, сказала Наристе.

– Завтра их с утра привезут. Но блюда и тарелки можешь расставить уже сейчас, чтобы не тратить на это время еще и завтра. Боорсоки тоже разложите утром. На сегодня оформи только этот стол в зале. Людям из юрты надо будет давать горячий чай. Как только первая партия боорсоков будет готова, подадим чай теткам. Кстати, Анара эже, вы где? – обратилась она к маминой подруге.

– Я на кухне, раскатываю тесто для боорсоков.

Айгерим прошла к ней.

– Эже, кто вам помогает?

– Две молодые женщины, мне кажется, одна из них твоя подруга, вторая дочь твоей тети.

Айгерим понимающе кивнула головой и спросила:

– А кто будет жарить их?

– Невестка старшей сестры твоей мамы. Жена Толика, как ее зовут?

– Айдай.

– Да она, и помогают ей золовка и дочь.

– Айка, сколько примерно людей придут сегодня? – поинтересовалась Наристе, прокричав из зала.

Айгерим прошла в зал.

– Первый день немного будет, те, что оплакивают в юрте, и некоторые близкие знакомые и родственники, думаю, не больше тридцати-сорока человек, в основном, женщины. Главный день будет завтра и день похорон. Наристе, ты отвечаешь за чайные столы, – повторилась Айка в своих указаниях, – следи, чтобы вазочки по мере поедания фруктов, орехов и сладостей, тут же пополнялись. Мама была щедрым человеком, у нее всегда была полна скатерть, она любила гостей. Пусть и этот последний стол, накрытый в ее присутствии, даже если она уже не с нами, полнится щедростью как при ее жизни, когда мама сама восседала на месте хозяйки, – Айка не совладала собой, и голос дрогнул, слезы выступили из глаз, – последний раз мама собирает всех за своим столом.

– Айка, юрту уже установили, нужен ковер, чтобы расстелить на землю и ватные одеяла для оплакивающих теток. Там готовят место для тела теть Жени, нужна занавесь. Где мне ее взять? – спросила женщина, ранее представленная мне как жена брата Гелиного отца. Звали ее Фатима.

– Мне нужна занавеска в юрту.

– Сейчас, пойдемте, я дам, – сказала Айгерим.

Прежде, чем пройти в спальню, где находились теть Женины вещи, Айгерим заглянула в мамин блокнот, пролистав несколько страниц, она бегло пробежала глазами по записям.

– Что ты там читаешь, Айка, мы тут не успеваем? – поинтересовалась Фатима.

Айгерим молча взглянула на нее и прошла к плательному шкафу гарнитура, не давая никаких пояснений.

Через минуту она держала в руке однотонный разовый шелк с выбитым мелким рисунком.

– Вот, возьмите.

– Красивая ткань.

– Да, мама была красивой женщиной, и жизнь прожила чисто и красиво, – печально заметила Айка.

– Ладно, я пойду вешать ее. А какой ковер взять?

– Тот большой, бордовый, мама его любила.

– Так он же новый, есть более старый, вон тот, например, в коридоре? Затопчут ведь люди.

– Это мамин ковер, и пусть он лежит там и последний раз послужит для нее.

– Зачем покрывать землю таким большим и новым ковром, если можно обойтись и этим?

– Тетя Фатима, расстелите в юрте этот, – твердо сказала Айка.

– Как хочешь.

– Айгерим, где Айгерим? – раздалось в коридоре.

– Я здесь, Самаира, – ответила она на зов своей подруги и вышла из спальни.

– Какую фотографию будем вешать на юрту?

– Большого портрета мамы нет, нужно увеличить в фотосалоне и сразу поместить ее в рамку. Сегодня уже не успеем это сделать. Завтра рано утром нужно съездить за платочками для мужчин и махровыми полотенцами для женщин. Занеси в список покупок на завтра. Списки у тебя?

– Да.

– Дай я посмотрю, – прочитав записи, Айгерим добавила, – допиши семь кумганов, двадцать метров марли. Да не забудьте про туалетное мыло. Двухметровый полиэтилен – пятнадцать метров.

– Сколько?

– Сейчас, – достав из кармана блокнот, сказала, – семь.

– А теть Женино покрывало готово?

– Да, три метра парчи и ковер, – Айка опустилась на корточки, массируя виски.

– Тебе плохо, может, валерьянки или корвалола дать?

– В глазах совсем потемнело и в голове шумит. Сейчас пройдет. Я обпилась уже корвалола. Не привлекай внимания. Сейчас пройдет. – Спустя пять-семь минут, Айгерим встала в рост и пошла на кухню, где молодые женщины ставили дрожжевое тесто для боорсоков.

– А казаны большие уже привезли? – уточнила Айгерим, – кто отвечает за казаны?

– Марат байке,* он давно уехал за дровами и казанами. Наверное, уже на подходе.

– С кем он поехал?

– Его Арман повез.

На улице раздался рев женщин, причитания бабушек.

Сердце Айки замерло, готовое вот-вот остановиться. У нее кружилась голова, потемнело в глазах. Сотни колоколов разрывали уши. Прислонившись к стенке, она закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Затем плавно сползла по стенке и опустилась на корточки.

– Айке плохо, дайте воды, – крикнула Наристе, подбегая к ней.

– Не кричи, не привлекай внимания, – тихо сказала сестренка Гели, – сейчас пройдет. Дай мне попить.

Подбежали другие женщины, находившиеся в доме.

– Что случилось?

– Ничего, уже прошло, продолжайте работу. Я сейчас присоединюсь к вам. Идите, – сказала она, открывая глаза и протягивая руку Наристе, – помоги мне встать.

Молодухи разошлись по своим местам.

– Прекрати паниковать, – тихо сказала Айка подруге, принимая бокал с водой.

– Я так боюсь выходить на улицу, я не верю, что мама умерла. Я не хочу видеть ее мертвой, – сказала она, тихо плача. – Как я буду жить без нее? Как?

Наристе крепко обняла подругу и заплакала. Так они стояли минут пять, под грузом навалившегося горя.

– Айка, где Айка? – спрашивал требовательный голос в подъезде, – скажите ей, маму привезли, пусть выходит на улицу.

Айгерим отстранилась от подруги. Сделала глубокий вдох и вытерла слезы. Поправила сбившийся платок на голове и вышла из квартиры. Ноги плохо слушались. Ступени казались бесконечно долгими.

«Я должна держаться. Маме было бы стыдно за меня... Держись, возьми себя в руки», – мысленно давала она команду себе, спускаясь по лестнице, – я потом поплачу, я потом отрыдаюсь, я потом отстрадаю, а сейчас крепись, нужно все сделать достойно, как того хотела бы мама». Она почувствовала, как сердце ее каменеет и слезы усыхают. На улицу она вышла без слез и, хотя внутри все было напряженно, как натянутая струна, внешне она была сдержанно спокойна. Она прошла в юрту, где стоял вой рыдающих женщин. Мамины сестры, брат и тети, подруги – все сидели вдоль стен юрты и в голос громко плакали. Слева от входа за шелковой занавеской под белой простыней лежала ее мама.

Айка опустила на колени перед ней и долго сидела.

Окаменевшее от горя сердце не пускало больше слез. Айка протянула руку и прикоснулась сквозь простыню к руке матери, она была холодной.

«Мамулечка, родная моя, любимая моя, золотая моя, как мне без вас жить? Как мне не хочется жить.... Зачем

мы только поехали на Иссык-Куль, не надо было ехать. Мамочка родная, я вас очень люблю, и буду любить всегда.... Только, как мне теперь без вас жить? Мне страшно, мама...», – мысленно разговаривала она с тетей Женей. В какой-то из моментов она почувствовала невидимое присутствие матери. Она так явно ощутила ее рядом с собой, что могла поклясться в этом. Сквозь опущенные веки ей показался мягкий белый свет, далекий и близкий одновременно. Он был внутри и вокруг нее. Появилось чувство спокойствия, страх, живущий в ее душе, медленно растворялся.

Где-то глубоко в груди она услышала, вернее даже не услышала, а почувствовала голос матери: «будь сильной, ты сейчас нужна им». Айгерим резко открыла глаза в надежде увидеть живую маму. Но плач и рыдания, заполнившие юрту, временно отпустившие ее, вновь вошли в каждую клеточку мозга. Она поднялась и вышла на улицу.

Ее уже ждали.

– Как ты? – спросила участливо Наристе.

– Пойдем, нам надо работать, – ответила она, направляясь к подъезду.

Во дворе, в стороне от юрты уже разжигали костер под казаны и ставили самовары. Соседи по дому смотрели со своих балконов и лоджий на белую юрту, где лежало тело их соседки, которую все успели полюбить за добродушие и щедрость, считая ее мудрой и справедливой, не раз в прошлом пришедшей на помощь ко многим из них. Первые звезды горели ровным синим светом, пытаясь осветить начало нового пути, по которому ушла душа тети Жени.

ЗА ГРАНЬЮ РЕАЛЬНОСТИ

Айгель посмотрела на часы, было без двадцати двенадцать. В лобовое стекло она видела, как Даана и Аяночка играют в тетрис, подтрунивая друг над другом при поражении. Арлен задремала, сидя с правого края на заднем сидении. Анечка слушала музыку, раздающуюся из ее сотки.

– Айгель, помнишь песню, раньше мы любили ее петь с тобой в два голоса.

Это была песня Шуфутинского «Ты моя иллюзия».

– Помню, – улыбаясь, ответила Айгель. Она помнила все – и как они впервые встретились с Анечкой пятнадцать лет назад после того, как она купила квартиру в их доме, и как сдружились через неделю после новоселья, и как потом расстались, когда Анна переехала в Россию. В течение десяти лет они были очень близкими подругами, несмотря на разницу в возрасте в тринадцать лет. Айгель любила Аню и когда рассталась с ней, долго страдала от нехватки общения с подругой. Но жизнь, как обычно бывает, завертела в своем водовороте Анну, и это можно было понять. Новая страна, новый город, новые люди, совсем другой менталитет, другие традиции и необходимость любой ценой прижиться отнимали все мысли и время Анечки. Так получилось, что они больше не виделись вот уже пять лет. И хотя один из ее двух сыновей оставался здесь, Анне ни разу не удавалось приехать в Бишкек. Все больше Константин, так зовут ее младшего сына, с женой Людмилой и дочерью Ксенией летали в Москву к брату и в Подмосковье к матери. Айгель была привязана к ее детям, Косте в момент их знакомства было пятнадцать лет. Даниилу, старшему сыну Анечки, уже исполнилось девятнадцать. На ее глазах сыновья подруги

выросли. Обзавелись семьями. К Костику Айгель испытывала особую слабость, он был очень похож на Аню, как и мать, был доверчив и искренен. Огромные глаза всегда светились радостью. Даниил был вдумчив и спокоен, лицом он пошел в отца. После отъезда Ани и Даниила, встречи с Костином стали реже, потом и вовсе исчезли. Так уж сложилось.

Каково же было удивление Айгель, когда на курортной ярмарке меда она случайно встретила с подругой.

– Анечка! – закричала она, увидев еще издали приближающуюся незнакомку в черных очках, широкой шляпе со знакомой, до боли знакомой походкой.

– Анечка! – вновь крикнула она.

Женщина остановилась, присмотрелась к окружающим, раскинув руки, побежала навстречу Айгель. Они обнялись, расцеловались.

– Ты откуда здесь? – не скрывая восторга, спросила Геля.

– Вот приехала отдохнуть. Через два дня уезжаю к Костику. Я ходила к тебе по старому адресу, но ты, оказывается, переехала, никто не знает куда. Сходила и к Арлен домой. Так она тоже переехала. Почему нет твоего номера телефона в городском справочнике?

– Он оформлен не на меня, – широко заулыбалась Айгель. – Я же давала Костику в прошлом году свой новый номер сотового телефона.

– Ой, ты же знаешь, какой он, – с ноткой недовольства сказала Аня, – потерял он твой номер. Сотку у него украли и все номера вместе с ним. Ты с кем здесь?

– Я с мамой, с сестренками и племянницами, с дочкой. Также через два дня поедем домой. Айгерим с дочерью сегодня вечером уезжает, ей завтра на работу выходить.

– Она на своей машине?

– Нет, я ее довезу до автовокзала и посажу в маршрутное такси. Мы приехали на моей машине.

– Так у тебя место освобождается?

– Будет одно.

– Меня, захватишь с собой? У тебя большая машина, я помещусь?

– Без проблем. Буду только рада.

– Ты где отдыхаешь? – уточнила Геля.

– В «Золотых песках». Мы приехали сюда с женщинами из России, но они вчера улетели домой, что-то там стряслось, и я осталась одна. Подумала, а что мне вместе с ними торопиться назад, времени у меня – еще целых четыре дня есть. Когда еще вырвусь, вот и осталась догуливать по путевке. Мы приехали на такси. Вот думала, назад так же ехать. А теперь поеду с вами, веселее будет в дороге. Да и по тетю Жене я соскучилась и по девчонкам. Небось взрослые совсем?

– Да, малышонку уже тридцать семь в сентябре будет.

– Ты все так же ее зовешь?

– Конечно. А как мне ее звать? Она самая маленькая у нас, самая сладенькая. И потом ты помнишь, характер у нее ластящийся, как у котенка, – с какой-то особой нежностью в голосе пояснила Айгель.

– Если хочешь, можешь присоединиться к нам. У нас люксовый особняк на территории пансионата. Места много. Все будут рады тебя видеть.

– Я приехала на ярмарку с соседками по корпусу, вон они в сторонке ждут. Сегодня вернусь в номер к себе, а завтра приеду со всеми вещами и последний день проведу вместе с вами. А послезавтра тронемся в путь. Так можно?

– Тебе все можно, – сказала довольным голосом Айгель.

На том подруги и расстались.

Утром следующего дня Анечка прибыла к месту отдыха Гели. Все девочки, начиная с теть Жени, решили напоследок окунуться в озере и дружной компанией отправились на пляж.

– А мы с тобой пока перекусим. Я поздно встала, еще не завтракала, – заметила Айгель.

– Так уже девятый час. Я еще в полвосьмого попила кофе и перекусила бутербродами. Я ведь ранняя пташка, не то, что ты.

– Мне все равно купаться нельзя, я приболела, поэтому ничего другого не остается, как валяться в постели.

– А что с тобой? Простыла что ли?

– Вроде того.

– И что больной сядешь за руль?

– Ну не настолько я больна, чтобы не суметь вести машину и потом, если что, меня сменит Арлен. Так что не переживай.

Спустя полчаса вернулись с озера родные Гели.

Столько было восторженных эмоций и со стороны близких Айгель и со стороны Анечки.

– Теть Жень, вы не меняетесь вовсе. словно этих лет разлуки между нами и не было, – улыбаясь, сказала Аня.

– Ты тоже, Анечка, молодец, – в ответ произнесла Женья, – выглядишь не больше чем на пятьдесят, и то с натягом. Всегда ты умела держать форму.

– А как же иначе, теть Жень, неухоженная женщина, что нечищенный сапог!

– Это ты правильно заметила. Молодец.

– А еще говорят, – вступила в разговор Айгель, – что молодая красивая женщина – это чудо природы, а не молодая уже, но все еще красивая женщина – это чудо искусства. Как нарисуешь себя, так и будешь выглядеть.

– Сколько тебе уже лет, Анечка? – спросила Женя.

– В январе исполнится шестьдесят, – со вздохом сказала Анна, – уже старая стала.

– Ну какая же это старость, – высказалась Геля, – в шестьдесят жизнь только начинается. Теперь я это знаю точно.

– Откуда, – с иронией спросила Аня.

– По маме сужу, – хитро мигнув ей, с улыбкой сказала Айгель, – у мамулечки теперь такая активная жизнь, что ни день, так свадьбы, юбилеи, поминки... Свободной минутки не бывает, а если и выкраивается, то решает проблемы детей и внуков. Совсем дома не сидит. Вместе с нами утром выходит из дома, поздно вечером уставшая возвращается. Да, мамуль? – лукаво глядя на нее, уточнила Геля.

– Видишь, Анечка, бегаю на ногах, не беспокою их, все равно не довольны? Так и хотят, чтобы сидела безвылазно дома и страдала от одиночества и старости, – с хитринкой в глазах игриво заметила Женя.

– Ой, не говорите тетя Женя, мои бы сыновья тоже были бы рады запереть меня в четырех стенах, чтобы я только внуков нянчила, словно других интересов у меня быть не может.

А я себя еще такой молодой ощущаю. Слово мне только что минуло сорок лет. Так не хочется стареть, тетя Женя, – с грустью в голосе закончила Аня.

– Да, – только и сказала Женя, задумавшись о чем-то своем.

Через час все рассаживались в машине, готовые к отъезду.

– Ой, а я не стесню детей? – спросила Анечка, садясь на заднее сиденье джипа с левой стороны рядом с Дааной, уже уместившейся с Камиллой посередине сиденья.

– С чего бы, на этом месте сидела Айка с Алюкой на коленях и то благополучно все разместились. Садись, – сказала Айгель, закрывая багажник машины, где плотно разместились все вещи, – по дороге еще возьмем абрикосов и смородины маме на варенье.

– А мне можно тоже взять? – шутливо поднимая руку, как ученица за партой, спросила Анечка.

– Всем можно.

Помолившись, все тронулись в обратную дорогу.

Трассу на отрезке Боомского ущелья капитально ремонтировали. Сняв верхний слой дороги грейдером, дорожники готовили новую кладку асфальта. Поэтому все машины могли ездить лишь по одной половине поочередно по пять машин, пропуская то в одну, то в другую стороны. А оставшаяся часть дороги со стороны обрыва была вся в колдобинах и рытвинах, что усложняло передвижение по ней со скоростью двадцать километров в час. Образовалась одна бесконечная, ползущая как черепаха, колонна машин, куда входили Икарусы, маршрутные бусики, такси, грузовые машины и, конечно же, частный автотранспорт. Пыль клубилась высоко над землей.

– Как в старом кино, когда прокладывали дороги, – между прочим, заметила Арлен.

– Эжешка, кондиционер включен?

– С самого начала.

– Жарко и душно.

– Скоро закончится этот участок, и мы выедем на ровную широкую часть дороги. На «Холодной воде» будем делать остановку? – уточнила Айгель.

– Было бы неплохо, – предложила Анечка.

– Можно и остановиться, взять мороженое и напитки.

Геля согласно кивнула. Вскоре авральный участок закончился, настроение у всех поднялось, дети вновь заиграли в тетрис.

– Хотите анекдот? – спросила Арлен.

– Конечно, – оживляясь, ответила тетя Женя, – плохая дорога позади, теперь можно и посмеяться.

– Отец рассказывает сыну:

– Увидел принц на балу золушку, и не мог весь вечер оторвать от нее глаз.

– Папа, а зачем принцу золушкин глаз? – спросил сын.

– Вот еще, – не унималась Арлен, слушайте:

– Приехал чукча в Москву. Едет в такси по городу. Вдруг наперерез – старушка. Водитель вправо, и старушка вправо, водитель – влево и старушка влево. Еле-еле разминулись. Едут дальше. Чукча говорит:

«Русский охотник – плохой охотник. Если бы чукча дверцу не открыл, ушла бы старуха!»

– Ой, хватит, – взмолилась Аня, утирая слезы и продолжая смеяться, – сейчас живот лопнет. Еще машину испачкаю. Как потом будем ехать.

Новый шквал хохота от представленной ситуации заполнил кабину машины. Так и проехали «холодные воды», не остановившись. На «объездной» машин было мало. Утро было замечательное, небо чистое, солнце яркое, настроение отличное. Решили петь. В течение часа перепев весь репертуар Аллегровой, Пугачевой и все известные детские песни, они приблизились к городу Токмок.

– Сколько еще осталось до дома? – спросила Камилла..

– Если Бог даст, через час будем дома. Мамуль, спойте мою любимую песню.

– Ну, прям, – улыбаясь, ответила тетя Женя.

– Пожалуйста, и мне веселей будет рулить, ну мамочка.

– Мама, спойте казахскую песню, – включилась с поддержкой предложения Арлен.

– Точно, тетя Женя, вы же замечательно поете, я помню, как вы на свадьбах дочерей пели, и все гости восторгались вашим голосом. Все главные призы собирали.

- Ой, Анечка, когда это было.
 - Мамуль, мы ждем, дети, давайте похлопаем бабушке.
 - Тайэнешка,* спойте, – наперебой закричали внучки.
 - Если так просите, – сказала кокетливо тетя Женя,
- так уж и быть, спою.

Голос был мягким, бархатным. Она пела на своем родном языке. Песня была нежной.

Слушая ее, каждый из присутствующих в машине задумался о своем.

– У вас дивный голос, тетя Женя, – сказала восторженно Аня, – вам надо было стать певицей, переплюнули бы многих. У вас талант, правда, Айгель?

– Да маминым голосом заслушивались всегда и все. Никто из нас не унаследовал ее талант, кроме Айгерим.

– У Айки тоже хороший голос? Я думала, она лишь на гитаре играет, – удивившись, заметила Аня.

– Да и музыку сама пишет, – дополнила Геля.

– Зато на стихи эжешки, – вставила Арлен, – одна я какая-то не талантливая, стихов не пишу, музыку не сочиняю, песни не пою. Мамочка, что же вы на мне таланты сэкономили?

– Я дала тебе самый лучший из даров, – с наигранным недовольством парировала тетя Женя, – я одарила тебя умом ученого. Таким глубоким умом, что каждый, кто с тобой встречается в своей жизни, признает это твое качество и преклоняется перед ним. А еще я наделила тебя терпением и силой духа.

– А еще, – вступила Айгель, – мама дала тебе умение быть веселой вопреки всем и всему. Ты у нас, как зажигалка. Стоит тебе только появиться, как тут же зажигаются сердца радостью, и раздается смех, и дом наполняется светом добра. Не это ли самый главный талант. Вы несправедливо распределили свой дар, мамулечка, самые

лучшие качества отдали младшей дочери, – вживаясь в образ обиженной дочери, демонстративно надув губы, закончила Геля.

– Конечно, она же самая младшая, – сказала тетя Женья.

– И самая любимая, правда, мама? – вставила Арлен.

– Правда, доченька, правда.

– А я тайэнешка? Вы же говорили, что я самая любимая у вас? – с искренним недоумением спросила Ками.

– Ты самая любимая среди моих внучек, а твоя мама среди моих дочек.

– А-а, – с выражением довольства на лице сказала Камилла, гордо посмотрев на Даану.

– Поздравляю, – сказала едко Даана, чувство наигранного соперничества, столь нравившееся Камиллочке, всегда поддерживалось ею. Это было что-то вроде игры между девочками.

– Кант проезжаем.

– А где дома? – спросила Ками.

– Они остались на другой дороге, – пояснила бабушка, – Айгель, сколько сейчас времени?

Геля посмотрела на часы, встроенные в панель машины.

– Без двадцати минут двенадцать. Бог даст, через полчаса будем дома...

Бог не дал.

– Ты помнишь песню Шуфутинского? – спросила Аня.

– Помню, – ответила Айгель, и посмотрела на рядом сидящую маму. Лицо тети Жени было умиротворенным, она, прикрыв глаза, и устроившись на подголовнике, лежала. Ресницы мелко подрагивали.

– О чем думаете, мамочка? – поинтересовалась Геля.

– Вспомнила, как ездили с папой в гости в Токмак и так же возвращаясь домой, он просил меня петь. Шутя,

образно делал жест, включающий радио, и я тут же запевала. Это помогало ему скоротать дорогу и не заснуть. Особенно, когда приходилось быть в пути ночью.

– Я помню, мамуль, я все помню. Знаешь, Анечка, папе очень нравилось, когда мама пела. И в гостях у кого-то, и дома у себя, встречая людей, он всегда с восторгом рассказывал о вокальном даре мамы, и просил ее спеть, и если мамочка отказывалась, то отец подначивал гостей выпросить у нее хотя бы одну песню. Папа вас очень любил, – подытожила она, с нежностью глядя на тетя Женю

– Да, – со вздохом подтвердила ее мама.

Приближался поворот. Дорога была широкой и гладкой как зеркальная поверхность. На душе Гели было светло от ощущения полноты жизни. Она еще раз взглянула на зеркало заднего вида. Арлен дремала, девочки сидели тихо, не мешая ей, каждая листала страницы памяти своей сотки. Аня, приложив мобильник к уху, слушала тихо звучащую мелодию, уйдя в свои воспоминания. Неожиданно у самого носа своей машины Айгель увидела выскочившую из ниоткуда темно-синюю BMW. Молодой человек на большой скорости несся по встречной полосе прямо на нее, рядом с ним была молодая девушка, лицо которой было искажено страхом. Первая мысль, возникшая в голове Айгель, была: «Боже, дети!», пытаюсь избежать столкновения за секунду до удара, Геля вывернула руль вправо, где-то слева от нее раздался удар, скрежет металла, руль начал играть, не подчиняясь ей. Машину понесло в глубокий овраг, руль не слушался, она услышала возглас детей, мамы, сестры, Ани, все смешалось в одном порывистом крике... Трагедия случилась за считанные доли мгновения...

В какой-то миг сознание вернулось к Айгель. Невыносимо острая боль, пронзившая все ее тело, разрывала на

части. Чьи-то громадные руки мяли ее словно тесто, пытаясь превратить в бесформенную массу. Она попыталась открыть глаза. Мир предстал багряным туманом.

– Мама, вы живы? Даана, Ками, Арлен... Кто-нибудь, помогите им... Кто-нибудь, пожалуйста, спасите их... Даана, Камилла, Арлен ... Мама... Аня...

– Одна в сознании, возьмите домкрат, попробуйте через багажник, – слышались искаженные вдалеке голоса. Геля не могла различить, кому они принадлежат, вдруг земля разверзлась и открылась устрашающая пасть бездны. Темная, почти чернеющая пропасть втянула ее и начала проталкивать все дальше и дальше вниз. Сердце разорвалось от боли, мозг не выдержал и взорвался миллионами рябящих вспышек красного и желтого цвета. Невыносимый для ушей гул растворил ее в пространстве. Вдруг все стихло. Кругом чернела однородная темень, и Геля вновь ощутила себя, что-то холодное было в груди вместо сердца, оно не чувствовало ни боли, ни страха. Неожиданно, где-то слева открылся боковой туннель в пространстве, ее засосало туда, цвета вокруг пестрили вспышками красного блика. Наконец она, на секунды зависнув в воздухе, вновь понеслась вниз. Сколько длилось падение, определить было невозможно – безмерно долгим, решила Айгель. Привыкнув к падению, она была совершенно не готова к неожиданному удару о что-то плотное и холодное. Не способная видеть, она лежала на чем-то твердом, состоящем из острых частей, впивавшихся в ее тело, ледящий холод вползал в нее.

«Царство снежной королевы», – почему-то пришло ей на ум, – я Кай». Она еще раз попыталась открыть глаза и оглядеться вокруг, но темень, поглотившая ее, была плотной, словно повязка. Она ощущала всеми фибрами души...

– Эжешка-а, – раздался призывный голос Арлен, откуда-то слева, – мама-а... мне больно, где вы?

Сестренка совсем рядом с ней стонала, ожидая помощи... Геля еще раз огляделась, теперь ее глаза видели, словно она пребывала в густых сумерках, где-то справа от нее возвышались горы, высокие, черные, вызывающие неприязнь. Но голос сестры доносился именно оттуда. В ее сознании вновь зародился страх, невероятный ужас начал парализовывать ее тело, она вспомнила про аварию.

– Боже, – закричала она, – Боже, помоги! Пусть все будут живы! Пусть это будет кошмарным сном, Господи, жду милости твоей, не оставь меня в моей просьбе. Спаси их!

– Эжешка, помогите, мне больно, – вновь услышала она призыв Арлен.

– Я иду, не бойся. Я уже иду, – прокричала она и собрав всю свою волю, поднялась на ноги. Первый шаг был мучительным, ноги не слушались, разрываемые жгучей болью. Айгель еще раз взглянула на горы и увидела прямо перед собой небольшую пещеру, словно искаженный от злобы рот чудовища.

– Я иду, малышонок. Я уже иду, – сказала она, больше подгоняя себя, чем пытаясь чем-то успокоить сестренку. Ноги предательски передвигались медленно, как будто их опутали.

Она упала со всего роста на острые камни.

– Каменоломня, что ли? – задыхаясь от боли, вслух задалась она вопросом.

– Сейчас я приду. Сейчас, – прошептала она и начала ползти в направлении пещеры. Сколько это заняло времени, Айгель сказать не могла, но точно знала, что много. Наконец гора приняла ее. В ногах появилась легкость, теперь они были послушными. Айгель поднялась на ноги, осмотрелась. Сталактиты огромными острыми шипами

свисали с потолка, выросли из-под земли, торчали со всех сторон в пространстве данного места. Но пройти все же было возможно, осторожно ступая между каменными наростами, она направилась вглубь горы.

– А-а, – плача кричала Арлен, – мне больно, как мне больно, мама-а, мама-а...

Голос сестры раздавался вокруг нее, сориентироваться было трудно. Айгель остановилась, закрыла глаза и начала прислушиваться. Она повернула голову влево, звуки усилились.

«Там», – решила Геля и направилась в левый от себя проход. Он был очень узок, плечи не проходили, но голос явно шел из его глубин. Она встала боком и таким образом начала протискивать свое тело в эту щель. Остро заняла правая рука, что-то горячее заструилось по ней.

«Кровь, – мысленно констатировала она для себя, – наверное, разодрала об острый выступ в стене». Не оставиваясь, она продвинулась дальше. Появился запах гнили, тлена или чего-то в этом роде. Вонь усиливалась. Вытянутая вперед для прощупывания стен рука наткнулась на что-то скользкое, мягкое, холодное и невольно отдернулась.

«Что за гадость?» – задалась она вопросом, пытаясь пальцами определить на ощупь прилипшую к ладони слизь. Не поняв, она поднесла руку к лицу, зловонный запах ударил в нос, разрывая ноздри.

– Фу, что за гадость такая, – не сдержавшись, выругалась вслух. И заторопилась в продвижении, стараясь, как можно быстрее, преодолеть это место. Туннель, если так можно было назвать эту узкую щель в стене, начал расширяться, пока полностью не высвободил Айгель. Она развернулась и уже свободно бежала сквозь него. Вонь была повсюду, однако то ли обоняние уже привыкло к

ней, то ли ее стало меньше, но зловоние теперь не так резало нос. Это место освещалось невидимым источником дневного света лучше, поэтому создавалась иллюзия ранних летних сумерек. То, что увидели ее глаза, ввергло в тошнотворное состояние. Повсюду, вокруг нее, внизу под ногами, сбоку и даже сверху были залежи гниющих человеческих трупов разной степени разложения. Айгель почувствовала, как зашевелился каждый волосок на голове. Каждый волосок на теле встал дыбом. Серые круги грязными разводами плыли перед ней. Она почувствовала, как падает. Сколько пребывала без сознания, определить было сложно, но новый зов сестры вернул ее в мир чувств и ощущений.

– Я иду, – изо всех сил закричала Айгель и попыталась встать, но ноги почему-то вновь отяжелели, преодолевая тошноту, она поползла вперед. Через некоторое время оказалась в большей по размеру пещере или, если так можно выразиться, зале. В центре его росло высокое дерево, ствол которого нельзя было обхватить и трем людям вместе. Вершину почти не было видно, словно она уходила через гору ввысь. То, что ограничивало пространство сверху, находилось на уровне нижних боковых стволов. Здесь сумерки почти отсутствовали. Но естественным светом дня это назвать было нельзя. Создавалось ощущение работы невидимой лампы дневного света. Айгель подошла к дереву и прикоснулась к коре. Почувствовав тепло, исходящее от нее, она насторожилась. Перед глазами пробежали фрагменты из жизни, где присутствовали улыбающаяся тетя Женя и Анечка. На душе стало одновременно уютно и грустно. Геля стояла и смотрела невидящими глазами в одну точку пространства, но внутренний взор, называемый многими третьим глазом, реально существующий, как теперь она поняла,

был открыт и видел свои картины. Эти фрагменты жизни проплывали перед ней, как сюжеты экранных телеисторий: вот мама у нее дома и смеется над очередной шуткой Айки, все собрались за столом. А вот мама на сцене, приглашенная к микрофону, люди аплодируют ей, прося исполнить еще одну песню. Айгель напряглась.

– Это ее юбилей, шестидесятилетие, вспомнила, – мысленно определила она фрагмент жизни. А вот мама на пляже Мертвого моря, вся покрытая лечебной грязью, стоит на солнце, раскинув руки. Сердце защемило. Геля провела рукой перед собой, касаясь видения, оно растворилось в воздухе, как рябь на воде. И тут она почувствовала спиной какое-то движение. Резко обернулась. Никого не было, но явно осязаемое ощущение чьего-то присутствия в нескольких метрах от нее не проходило. Развернувшись лицом к аномальной зоне, Геля начала напряженно вглядываться в пустоту и вдруг увидела сизый, словно дымка, силуэт человека, чувство страха начало проникать в нее, силуэт приблизился на расстояние вытянутой руки, она вгляделась в лицо и узнала его.

– Анечка! Ты?

Силуэт покачал головой. Внутри нее стало как-то спокойно, страх исчез.

– Ты что тут делаешь?

Тень Ани стояла и смотрела на нее молча.

Айгель подошла к ней, но тень отплыла в воздухе, выдерживая расстояние вытянутой руки.

– Почему ты отстраняешься? Я обидела тебя чем-то?

Тень стояла и смотрела на нее, и хотя глаза были грустными, Айгель увидела в них миролюбие.

Ее осенило спросить:

– Ты не видела Арлен, не знаешь где она находится, я перестала слышать ее зов, как только попала сюда. Она

зовет и просит о помощи, что-то случилось с ней. Ты не знаешь, как мне найти ее?

Силуэт Ани указал рукой куда-то влево в направлении темнеющего прохода в боковой стене пещеры.

– Она там?

Аня покачала одобрительно головой.

– Ты пойдешь со мной? Вдвоем веселее...

Силуэт женщины вновь покачал головой, но теперь отрицательно.

– Почему? Я тоже так выгляжу, прозрачной?

Анна снова «ответила» – нет.

– Вот как. Иллюзия твоей прозрачности в моих глазах, наверное, потому что я вижу тебя в своих галлюцинациях. Это странное место, вот и дерево интересное, словно растет сквозь гору в небо, как в сказке. Мне надо идти, Анечка, потом увидимся.

И она отправилась в указанном направлении, в правильности выбора Айгель почему-то не сомневалась. Проход, в который она вошла, был достаточно свободным, но запах плесени насторожил ее.

«Что за места, свалка что ли, куда ни ступи, везде запах гнили, теперь вот плесень?»

– Эжешка, – вновь услышала она голос сестры, – мама, мне больно, вы где, почему не слышите меня, я же зову-у...

Айгель напряглась и побежала вглубь. Напоследок она оглянулась назад в попытке увидеть Аню. Ее не было.

Издали все выглядело иначе: дерево, начиная от ствола, светилось ровным светом, озаряя все вокруг себя. Чем дальше от дерева, тем меньше было освещение.

«Надо же, дерево оказывается и есть невидимая лампа, как все тут загадочно», – промчалась мысль в ее голове.

На бегу она сильно ударились головой о преграду пря-

мо перед собой. От боли, не сдержавшись, выругалась. Вокруг было так темно, что она не сразу осознала, что перед ней шершавая стена, по которой стекали струи воды. Она отступила назад и, прощупав ее вытянутыми руками, узнала ее длину. Это был тупик.

«Значит, где-то был поворот, я его проскочила, надо идти обратно, прощупывая каждый сантиметр боковой стены», – дала она себе указание и, развернувшись, осторожно пошла назад. Через минут двадцать она нащупала левой рукой пустоту, и тут четче и громче услышала стенания сестренки. Если в прежнем коридоре стояла густая темень, то здесь царил мрак. Преодолевая страх, вползающий в ее тело и сознание, она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, с силой сжав правый кулак и вытянув левую руку вперед, Айгель ступила в черноту. Сердце стучало так громко, что барабанные перепонки, готовые вот-вот лопнуть, причиняли боль. Все тело было покрыто гусиной кожей. Каждый волосок стоял отдельно, словно антенна, способная уловить малейшее колебание пространства. Состояние было ужасное. Но Геля продвигалась. Стоны Арлен были все громче и громче. Неожиданно ее ноги, почему-то оказавшиеся нагими, о чем она и не подозревала, ступили во что-то влажное и густое, и противное. Она наклонилась в попытке разглядеть. Мрак, царивший вокруг, не позволил ей этого. Стопы ощутили под собой что-то скользкое, поверхность дна, или земли, или пола, она не знала, как правильное назвать это, стало грубо рельефным, приобретая формы покатых выпуклостей и мягкости. Уровень вязкой жидкости поднялся до колен и начал расти. Зов сестры и мольбы о помощи теперь были четкими, словно она находилась где-то совсем рядом.

«Господи, помоги мне!» – выкрикнула Айгель и начала продвигаться дальше, однако скорость ее перемещения стала заметно падать. Уровень противной вязкости дошел ей до груди и, хотя она еще ступала по дну, ноги проваливались в немыслимые по ощущению ямы. Осязание подводило ее. И это, наверное, было божьей милостью, знает она, что ступает по расчлененным частям человеческих трупов, может быть, путь ее на этом и завершился бы.

В нос ей ударил сладковато-приторный запах крови. Она замерла.

– Господи, это еще что? Кровь? Я в крови...? Да где я нахожусь, где Арлен? Господи, помоги мне! Господи, помоги нам! – громко закричала она в голос.

– Эжешка, это вы, мне больно, мне очень больно. Помогите, – раздался тут же голос ее сестры. Айгель воспряла духом.

«Если она слышит меня, значит, находится совсем близко», – подумала она. И с утроенным рвением пошла дальше, постоянно разговаривая с Арлен.

– Малышонок, я уже рядом. Сейчас помогу тебе. Потерпи немного, совсем чуть-чуть, я знаю, что тебе больно. Но еще чуточку, самую малость потерпи.

– Эжешка, скорее, мне плохо, мне больно, где мама?

– Я не знаю, где она, где-то рядом должна быть.

– Почему мама не идет ко мне, мама-а-а...

– Малыш, посмотри по сторонам, опиши мне место, где ты находишься, это широкое место или узкое? Темно или светло вокруг? Кто-нибудь еще есть рядом?

– Здесь темно, как вечером, рядом много других людей, но все они стонут, лежат друг на друге. Здесь страшно. Очень страшно-о, – и она заплакала тихим скулящим плачем.

– Малышонок, возьми себя в руки, ты же сильная. Ты знаешь, что ты самая сильная из нас пятерых?

– Нет, не знаю, – как малый ребенок сквозь слезы сказала она, – мне страшно и очень больно.

– Ты самая сильная среди нас, самая умная, самая любимая, мы все гордимся тобой, – с нежностью в голосе без умолку говорила Геля, продвигаясь к источнику звука. Все ее тело было погружено в кровь, теперь она это знала, но страха не было, была решимость любой ценой дойти до Арлен.

– Ты можешь встать? – спросила она, проясняя ситуацию.

– Нет, мои руки и ноги придавлены другими людьми, голова болит, наверное, я ранена, – тихим жалобным голосом сказала Арлен, – я не знаю, как здесь оказалась.

– Сосредоточься, посмотри, люди, которые лежат на тебе, дышат?

Зависло долгое молчание.

– Арлен, ты где, почему не разговариваешь? Малыш, говори со мной.

– Мне больно, мне так больно...

Дно, по которому шла Геля, ускользнуло из-под ног, от неожиданности она не удержалась на плаву и пошла вниз. Густая вязкость затягивала ее все глубже и глубже на дно. Воздуха, набранного в легкие, почти не оставалось. Виски пульсировали. Глаза невозможно было открыть из-за резей.

«Это конец, – мелькнула мысль, страх осознания неизбежности пленил ее мозг, легкие разрывались, – неужели мне суждено так умереть, захлебнувшись собственной кровью?! Господи, за какие грехи, Господи? Кто поможет Арлен? Спаси ее...».

Она открыла рот, делая вдох, и мучительная агония поглотила ее.

Сознание Айгель включилось. Она открыла глаза, тело невыносимо ныло, осмотрелась и увидела рядом с

собой груды изувеченных людей, сваленных в одну большую кучу. Словно листья, собранные дворником при уборке. Запах крови присутствовал и здесь. Неожиданно ее взгляд выловил из этой массы раненых людей свою сестру.

– Арлен! – закричала она.

Сестра не отвечала.

– Малышонок!

Арлен повернула голову и, увидев ее, заплакала.

– Мне больно, голова, голова болит, – говорила она обессиленным голосом. Веки ее были опущены.

– Арлен, – истерично вскричала Айгель, ком подкапывал к горлу, перехватывая дыхание. Сделав несколько глотательных движений, Геля вновь громко сказала:

– Малышонок, открой глаза, говори со мной. Слышишь? Я сейчас, только поднимусь, сейчас, – она сделала рывок, собрав все свои силы, боль пронзила ее, вызывая конвульсии, не выдержав, она свалилась. Арлен молчала.

«Надо перевернуться на живот, почему-то ноги свинцовые, не подняться. Надо ползти», – мысленно приказала она себе, и, перевернувшись, опираясь лишь на руки, потащила свое тело к грудке людей. Ползти пришлось долго, нижняя половина тела вовсе не слушалась и тянула тяжелым якорем. Но она смотрела на сестру, и каждый сантиметр приближения вселял в нее волю и силы. Она вытянула руки, пытаясь достать до волос сестренки, заваленной от самой макушки другими телами. Ее рук и ног Геля не видела. Оставались волосы. Опираясь на нижний слой людей, составляющих основание живой кучи, она вползла на них, цепляясь руками за чужие волосы, руки и тела, максимально приблизив себя к сестре. Еще одна попытка вытянутой руки увенчалась успехом, волосы Арлен касались ее вытянутых пальцев.

– Еще чуть-чуть, – сказала она тихо, подбадривая себя и опираясь на чье-то уже холодеющее тело на уровне своей груди, сделала нужный рывок вверх. Теперь ее голова почти касалась затылка сестренки. Подняв руку, она начала расталкивать стонущего мужчину, чья голова и часть тела лежали поперек груди Арлен. Сил не хватало, сестра лежала обездвиженной.

– Сойди с нее, – закричала она, с остервенением толкая тело мужчины в сторону, малышонок зашевелилась. Открыла глаза и, запрокинув голову, максимально подняла взор на зависшую ниже ее Гелю.

– Эжешка, – сказала она тихо, – мне больно. – Слезы скатились по углам ее глаз.

– Сейчас, малышонок, потерпи. Ты можешь немного пошевелить телом, попытайся сбросить этого человека, помоги мне. Давай вместе, на счет три.

Айгель еще немного подтянулась, уйдя в сторону, оказавшись, таким образом, под ногами мужчины. Боясь сползти вниз, она одной рукой держалась за чьи-то русые длинные волосы. Лицо женщины было придавлено множеством возлежащих на ней тел, и разглядеть его было невозможно.

– Прости, – сказала ей Геля и еще крепче вцепилась в них.

– Три...

Схватившись за брюки в области его бедра, она, изо всех сил стиснув зубы, потянула мужчину на себя. Арлен попыталась помочь, приподнимая плечи.

– А-а-а, – закричала она от боли.

Тело мужчины сползло, упираясь головой в плечо сестры. Айгель устало прилипла к массе тел, пытаясь удержаться.

– Сейчас, малышонок, сейчас передохнем только и освободим тебя.

Выровняв дыхание, она спросила:

– Сейчас руки твои освободились?

Арлен подняла одну руку. Пошевелила второй.

– Эта рука сильно болит. Но шевелить ею я смогу.

– Давай сделаем так, я потяну тебя за твою левую руку на себя, а ты помоги мне, опираясь и отталкиваясь правой. По мере возможности двигайся ногами, пытаясь столкнуть с них других людей. И тяни ноги к животу, чтобы вытащить их, согнув в коленях. Ты поняла?

– Поняла. Но только ноги совсем не шевелятся, они придавлены.

– Я знаю, солнышко. Но ты должна постараться. Мне одной не справиться...

– Я постараюсь. На счет три?

– Да. Схвати мою руку за запястье, крепко, я так же возьму твою руку. Получится прочный замок, и руки не будут выскользывать. Готова?

– Угу.

– ...три.

Неимоверным усилием воли Айгель потащила сестру на себя.

– Больно, – закричала Арлен, – сейчас, эжешка, я передохну только. Вы мне руку чуть не оторвали, – слабо улыбнувшись, сказала она.

– Хоть немного смогла освободить ноги? – задыхаясь, спросила Айгель.

– Немного смогла согнуть колени, но груз на них стал тяжелее.

– Не выпрямляй ноги. Потерпи. Иначе потом вновь не сможем согнуть их. Еще два таких рывка, и ты будешь свободной.

– Эжешка, а как мы сюда попали? Что это за место?

– Не знаю. Я не помню, как мы здесь оказались. Наверное, заблудились. Я сейчас отползу ниже, чтобы было удобнее тянуть тебя. Ну, вот так лучше, – почувствовав опору под непослушными коленями при скольжении вниз, сказала Геля. Уцепившись за чей-то пиджак в области воротника, она взглянула наверх и уточнила:

– Ну что, еще одна попытка?

– Хорошо.

–...три.

Голова Арлен свесилась вниз, с большей частью плеч.

– Придерживайся правой рукой обо что-нибудь. Передохни, что с ногами?

– Я их полностью сложила в коленях и почти вытащила.

– Молодец! Умница.

Глядя вниз, Арлен заметила:

– Может, вам перевернуться наоборот, опираясь спиной, так-то легче будет.

– Не могу. Как я буду держаться. Я же цепляюсь рукой.

– А вы встаньте на ноги. Удобнее же?

– Они не слушаются меня. Не держат и не шевелятся.

– Почему? Вы их сломали?

– Не знаю, наверное.

– Это же больно?

– Больно. Но тебе же тоже больно, надо потерпеть.

– Мне стало легче. Голова меньше болит. Вот только рука как будто не моя.

Как будто уснула...

– Это пройдет, и боль пройдет. Вот выберемся отсюда, сразу обезболивающее примем, и все пройдет. Только выбраться надо. Сейчас постарайся полностью вытянуть ноги. Потом перевернешься на живот и начнешь сползать вниз. Я буду тебе помогать. Ну, давай, начали.

Арлен пыталась держать на весу запрокинутую голову, от чего напряжение в ее мышцах возросло. Уцепившись о чью-то руку, она изо всех сил потянула ноги на себя. Согнутые в коленях, они полностью сбросили чье-то невидное для ее взора тело в сторону.

Сестра придерживала ее голову правой рукой.

– Все, вытащила, – сказала Арлен с нотками радости в голосе, – сейчас перевернусь.

– Осторожнее, смотри, чтобы вновь кто-нибудь не сместился на тебя.

Кряхтя, Арлен перевернулась.

– Кто-то опять упал на мои ноги, – с испугом глядя на сестру, сказала она.

– Ничего, не волнуйся, теперь колени подтягивай под себя, когда удастся, отталкивайся ими и двигайся руками вперед. Постоянно придерживайся руками, опираясь на них, хоть здесь и невысоко, все равно будь осторожней, не сверни голову. Я немного спущусь, – сказала устало Айгель, все тело саднило, став одной общей болью.

Она попыталась развернуться, направившись вниз головой, потом подумав, нащупала небольшой выступ из тела, заняв горизонтальное положение, улеглась на кого-то, опустила глаза, чтобы рассмотреть. Женщина лет пятидесяти пяти, с большими серыми глазами, в которых застыл ужас, смотрела на нее, не мигая. Она уже не дышала.

– Прости, – тихо сказала Айгель и взглянула на сестру. Арлен ползла вниз, ее рука соскользнула и, не удержавшись, она слишком быстро покатила вниз головой.

– Держись, – закричала Геля, на ходу хватая сестру за плечо. На расстоянии вытянутой руки, опущенной вниз, Айгель удерживала ее. Арлен развернулась и нашла опору ступнями.

– Все, ежешка. Я стою. Вам помочь?

– Нет, спускайся, я сама доползу, так как будет удобней.

Не прошло и получаса, как две сестры лежали обессиленные на холодной, забрызганной кровью и чем-то еще земле. Рядом с ними возвышалась гора тел.

– Мне она казалась ниже, – в задумчивости заметила Айгель.

– А я вообще не знала, что лежу на куче человеческих тел, да еще придавлена ими. У меня все болит. Боль снова становится острее. Не могу понять, что с нами случилось, где мама? Где Камилла, вы ее не видели, эжешка?

Айгель закрыла глаза, пытаясь вспомнить, яркая вспышка света, сопровождаемая невыносимым для слуха скрежетом, пронзила ее.

«Авария! – вспомнила она, – случилась авария. Черное BMW, лицо молодого парня, мама, Даана...». Еще одна вспышка света озарила ее, как от взрыва атомной бомбы. Она невольно прикрылась руками, укрывая лицо... Ее разорвало на тысячи частей... Звон громогласного колокола оглушал землю, дальше была пустота.

Она очнулась, тело стонало от боли, голова гудела, веки были тяжелыми, словно налитые свинцом. Усилием воли Айгель открыла глаза, в расплывающейся действительности она увидела белый потолок, голова не слушалась, окинув взглядом окружающее пространство, насколько это было возможно. Она вдруг поняла, что находится в палате.

Руки и ноги не двигались, она напряглась, пытаясь пошевелить ими, ничего не вышло.

Кто-то рядом стонал, отдаленно, словно угасающим эхом в горах слышались чьи-то голоса. Смысл слов говорящих не доходил до нее.

– Кто здесь? – спросила она.

Никто не ответил.

– Кто здесь? Подойдите, пожалуйста, очень острая боль во всем теле, сделайте, пожалуйста, мне обезболивающее средство. Сделайте мне укол, – просила она, в надежде, что ей помогут.

– Она очнулась, – сказал женский голос. Через минуту к ней подошла женщина с расплывающимся лицом, из-за чего невозможно было разглядеть черты. Только голос:

– Сейчас, потерпи немного, время еще не пришло. Через полчаса снова обезболим. Потерпи.

– Не могу. Эта боль длится уже вечность. Прошу, сделайте укол.

Женщина в белом одеянии отошла от нее, так и не облегчив состояние. И тут Айгель услышала:

– Мне больно. Я хочу встать, – требовательный тон до боли знакомого голоса был громким.

– Мама-а-а,... Камилла-а,... пустите меня, развяжите меня, – настаивала сестра, – мне больно!

– Арлен, Арлен, – вскричала Геля, пытаясь докричаться до сестры.

– Что ты орешь, – услышала она чей-то грубый окрик, – замолчи немедленно.

– Эжешка-а, вы где? – не успокаиваясь, еще больше повышая голос, спросила Арлен.

– Я здесь, в какой-то палате. Не могу встать. Я не вижу тебя. Но слышу.

– Мне больно, мне очень больно, позовите маму, я говорю, позовите маму!

– Лежи спокойно, ты в реанимации, – говорил ей кто-то рассерженно, – здесь всем больно, но терпят, и ты терпи. Замолчи, говорю, ты не даешь покоя другим тяжелым больным.

– Ой, Ира, отключи ее. Голова уже раскалывается, – сказал этот голос кому-то.

– Да мы недавно только вводили, не многовато ли, сердце выдержит? – спросил другой более высокий голос.

– Ничего не будет, отключай.

– Не трогайте ее. Слышите, не смейте ей делать больно. Я все слышала, что вы хотите ей сделать вред. Не трогайте Арлен, – закричала, что есть мочи, Айгель. – Сделайте ей обезболивающее средство. Мне не надо, я потерплю, сделайте ей.

– Что ты орешь, как сумасшедшая? – с силой шлепнув ее по бедру, сказала женщина в белом одеянии, с визгливым голосом. Осознавая свою беспомощность, Айгель заплакала:

– Пожалуйста, не причиняйте ей вред, пожалуйста, ей и так больно, где мама? Она тоже здесь, она жива? Все живы? Скажите мне.

– Все, все живы. Успокойся, – сказал голос, – мы ей сделали укол, чтобы обезболить и тебе тоже сделаем, сейчас. В-о-о-т – услышала она протяжный голос женщины и голова ее закружилась. Черные бабочки запорхали перед ее лицом, и тяжелый гул сменился скрежетом бьющегося стекла.

... Она оказалась в научно-исследовательском центре, несколько человек, в числе которых были и мужчины и женщины, стали подопытными. В их рядах оказались и они с Арлен.

Прикованные к кровати за руки и ноги, они не могли сопротивляться болезненным процедурам, входящим в эксперимент. Участь «подопытных» была жалкой, выживали не все. Пришла ее очередь.

– Переверните ее на живот, – приказал невысокий мужчина лет семидесяти, – меня интересует спинной мозг. Будем вживлять имплантат. Как ее показатели?

– Стабильные показатели, – ответил другой мужчина, лет сорока. Ей сделали укол в шею. Тело перестало слушаться, тяжелея и немея.

Сильные руки схватили ее за руки и за ноги и, сняв наручники, перенесли на стол лицом вниз. Она чувствовала, как холодный влажный ватный тампон скользит вдоль ее позвоночника, смазывая кожу. Звук работающего сверла вогнал ее в состояние ужаса. Но, ни жестом, ни звуком, ни тем более движением конечностей она не могла это выразить, и только расширившиеся зрачки были немым доказательством тому. Острая боль разрежала ее пополам, кто-то натянул ее спинной мозг на кулак и наматывал дальше, вытягивая из нее жизнь.

«Господи, неужели я должна умирать в таких муках?» – было ее последней мыслью.

Сердце не выдержало...

Сколько длилось это безвременье, определить ей было сложно. Но сознание включилось как-то мгновенно без прелюдий. Айгель чувствовала себя беспомощной и бесконечно уставшей. Тело, ставшее одним сплошным комом боли, жило своей жизнью независимо от сознания, которое не хотело жить. Была протрация во времени и ощущениях. Геля открыла глаза и увидела белый крашенный эмалью потолок. Осмотревшись по сторонам, она прояснила обстановку. Вокруг нее было пять коек, на которых лежали под белыми простынями люди с закрытыми глазами. У некоторых из них изо рта торчали трубки. Руки были подвижны, она попыталась поднести ладонь к лицу, но игла, сидящая в вене больно укусила. Айгель посмотрела на нее. Подключенная капельница заканчивалась где-то в районе шеи.

«А почему тогда игла в руке?» – подумалось ей. Но размышлять не хотелось. Не подключенная ни к чему

игла так и осталась торчать в вене. Дышать было тяжело, что-то во рту мешало.

«Надо дышать реже», – решила она, не вдаваясь в подробности.

– Зачем вы меня бьете? – глухо донеслось издалека, – не прикасайтесь ко мне, что вы делаете?

Айгель прислушалась, это была Арлен. Ее сердце забилось быстрее.

«Она где-то здесь, рядом», – как озарение вспыхнула догадка.

– Не трогайте ее, Арлен, с тобой все нормально, что они с тобой делают? – невнятно из-за помех в горле громко спросила она.

Сестра не отвечала, лишь ругалась с кем-то. – Отпустите меня, я кому говорю. Что вы меня бьете без конца?

– Тебе нельзя ходить, – почти истерично ругался женский голос.

– Я хочу к маме, мне нужно к дочери, – не слушая доводов, повторяла Арлен.

– Да что вы с ней делаете? Арлен! – уже громко крича, спросила Геля, обращаясь в пустоту. Что-то мешало ей подняться. Тело не слушалось. Она лежала на левой щеке, и это ограничивало ее обзор. Но на слух она все же определилась с направлением источника голосов. Это было соседнее помещение, расположенное через узкий коридор напротив ее комнаты. Она видела, как оттуда вышли две женщины в белых халатах, разговаривая друг с другом:

– Говорила же я. Не развязывайте ее, она же неадекватна сейчас, вскочила, хорошо еще успели подхватить, а так бы проблемы потом..., – она не договорила свою мысль, устремив взор куда-то в сторону. Раздались мужские голоса.

– Ну как тут наши подопечные? Перевязку делали?

– Да, – ответил более молодой голос, – раны чистые. Сегодня утром с аппарата искусственного дыхания сняли. Давление низкое, но число сердечных сокращений в пределах допустимой нормы.

– Сколько?

– Семьдесят на сорок четыре и пульс пятьдесят в минуту.

– Надо поднимать давление. Лист назначения мне покажите.

Заторможенность мозга усилилась навязчивой сонливостью. И несмотря на попытки держать глаза открытыми, чтобы сообщить о плохом отношении к ее сестре, Айгель все же отключилась. Напоследок она уловила искаженные гулким эхом слова, идущие откуда-то издали: – Дня через два переведем их в палату, – сказал голос, – подготовьте двухместную, ту, что после ремонта.

Это был опять экспериментальный центр. Они вновь были в подопытной группе людей.

Айгель огляделась в поисках Арлен. Сестры не было видно, но она точно знала, что та где-то рядом.

За открытой форточкой раздался щебет птиц. Боль потеряла свою интенсивность, и теперь ее можно было терпеть, как противно ноющий зуб.

– Вас сегодня переведут в другой блок, – сказал мужчина в белом комбинезоне, указывая пальцем на Айгель, и еще двоих лежащих на соседних кроватях.

– А моя сестра, она там, в соседнем помещении, тоже пойдет со мной? – спросила она мужчину.

Он как-то странно, невидящим взором посмотрел мимо нее и ответил безразличным тоном:

– Давно пора.

– Чего давно пора? – уточнила Геля.

Но мужчина, даже не отреагировав на ее вопрос, вышел прочь.

«Надо подготовить Арлен», – приняла решение Геля и во весь голос закричала:

– Арлен, сейчас нас начнут переводить в другое помещение, но перед этим нам введут лекарства, комнаты, в которых мы пребываем, сделаны из полиэтилена и заполнены искусственным воздухом, так вот они сдуют его. Мы на какое-то время останемся в безвоздушном пространстве, возможно, будем задыхаться, ты не бойся, не паникуй, береги воздух в легких, надо продержаться. Потом, даже если у тебя возникнет ощущение смерти, ты все равно оживешь. Просто настройся.

– Закрой рот, – грубый женский голос, принадлежавший женщине в белом халате с размытыми чертами и неестественно огромным ртом, одернул ее. Айгель тут же ощутила на своем бедре сильный удар ладонью. Это место отозвалось в ней жгучей болью, словно обдали крутым кипятком. Геля зажмурилась.

– Лежи спокойно, не ори, тоже мне реаниматор нашлась, – недовольно, но более мягко потребовал тот же голос.

– Чика, отключай аппарат, – услышала Геля другой голос.

«Началось, Господи, помоги пережить нам эту страшную процедуру», – мысленно взмолилась она и открыла глаза. То, что создавало иллюзию стен и потолка из бетона и кирпича вдруг стало сдуваться как воздушный шар, из которого выпускали воздух. Зрелище для глаз было из неприятнейших, вызывая резкое головокружение. Минут через тридцать пленка, ставшая абсолютно прозрачной, начала спускаться к лицу, прикосновение было мягким, беззвучным. Сердце стучало так громко, что удары слышались в ушах. Наконец полиэтилен полностью покрыл

лицо, причем сразу же начал, плотно обтягивать нос и скулы таким образом, что все это больше походило на удушение при помощи пакета, натянутого на голову и стянутого открытым концом вокруг шеи, исключая малейший доступ воздуха в рот и нос. Айгель начала задыхаться, сердце, готовое выскочить из груди, как загнанная лошадь, было на последнем издыхании. Тело свело судорогой и выгнуло, выпятив грудь. Связанные руки ничем не могли помочь умирающему телу.

«Господи, прости мне все мои прегрешения, вольные и не вольные, старые и новые, маленькие и большие, каюсь!» – это было последнее, что высветилось в ее мозгу перед тем, как он взорвался на тысячи светящихся точек. Все кончилось....

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

ОТДАЕШЬ НАВСЕГДА

*И должен я долги вернуть,
и лишь тогда смогу уснуть...*

Роберт Фрост.

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

Безвременье для тех, кто в нем пребывает, тянется бесконечно долго....

Ее мутило при малейшей попытке открыть глаза. Она не понимала, где находится, почему и для чего. Звон сотен колоколов, играющих на разный лад, разрывал ее мозги. Мыслей никаких не было, кроме одной:

«За какие грехи такая мучительная кончина?»

Вдруг, прорываясь через гул, послышались отдаленные голоса:

– В одиннадцатую палату....

Потом ее растрясло, словно она находилась в плацкартном вагоне поезда, идущего в сером тоннеле, где было немного света. Потом ее положили на узкую доску, где мог уместиться ребенок не более пяти лет, и она все боялась, что свалится в окружающий океан. Айгель старалась изо всех сил не двигаться, чтобы уменьшить риск падения. Жесткие доски были неотесанными и впивались ей в спину, разрывая кожу.

«Господи, когда же закончатся эти пытки? Неужели я заслужила это?» – словно в детской игре с железной дорогой, где поезд движется по кругу, в ее голове беспрерывно вращались эти мысли.

Конвульсия прорезала все тело, задыхаясь, она простонала:

– Больно, как больно...

– Сделайте ей укол. Слышите, ей больно, – сказал женский голос.

Что-то в нем показалось Айгель знакомым.

– Арлен, тебе нельзя вставать, лежи, давай я сяду возле тебя и расскажу... – говорил тот же голос.

– Я не хочу лежать, Майрам эжешка, – тоном капризного ребенка недовольно сказала....

Сознание Гели проснулось. Она узнала голос сестренки. Протест выражала Арлен.

«Она выжила, – осенило ее, – они не смогли удушить ее в полиэтиленовом мешке. Господи, спасибо!» – искренне в душе поблагодарила она Бога.

Звон колоколов стихал, и по мере этого ее слух начал различать множество голосов, причем все оттенки и тембры. Она открыла глаза. Белый потолок и перекошенные стены, подозрительно наклонившиеся в падении, приближались к ней, сужая пространство и вширь и ввысь. Резко зажмурившись, полежала так несколько минут, потом медленно открыв сначала один глаз, осмотрелась и только потом открыла второй.

– Вы подключите капельницу? – уточнила...

Айгель пыталась вспомнить, кому принадлежал знакомый для ее слуха голос, но ей это пока не удавалось. Боковым зрением она увидела лицо приблизившейся к ней женщины, оно очень напоминало лицо ее матери, но это была не ее мама.

– Как ты, Геля? – участливо спросила женщина с этим лицом.

– Где мама? – спросила Айгель.

– Она в больнице.

Память вернулась к ней, она вспомнила это лицо и кому оно принадлежит. Вспомнила и про аварию. Вспом-

нила несущуюся на нее машину – черное BMW.... Лицо русого молодого парня.... испуганный взгляд девушки.... скрежет металла, звук бьющегося стекла.... страшный крик матери... вопль детей....

«Боже, неужели это правда. А не кошмарный сон?» – пронеслось в голове.

– Где мама? Где дети, Арлен, Аня? – в страхе спросила она тетю, мамину младшую сестру, чье лицо было так похоже на лицо ее мамочки.

– Они в больнице, в реанимации, – тихо сказала тетя, что-то в ее голосе настораживало.

– Вы говорите правду? – с недоверием спросила она.

– Да.

– Поклянитесь детьми, всеми святыми, что они живы?

– Клянусь, они живы.

– Я где?

– Тебя только что перевезли в палату, здесь и Арлен на соседней койке, видишь?

– Арлен здесь, рядом? – Геля попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть на сестру, но в этот момент что-то взорвалось внутри ее, вспыхнул красный свет, и стены залило кровью....

– Кровь, – закричала она, – повсюду кровь, она стекает по стенам, бегите...

Она пыталась встать, но руки и ноги не слушались, пространство заполнялось вязкой темной густеющей кровью, резкий запах бил в ноздри....

– Что с ежешкой? – взволнованный голос Арлен был последним звуком мира, из которого она выбывала.

Прошли сутки. Две родственницы, ухаживающие за Арлен и Айгель, находились в палате. Старшая из них, та самая сестра тетя Жени, чей голос перед потерей сознания узнала Айгель, держа в руках пиалу с творогом, пыталась убедить Арлен покушать.

– Надо обязательно поесть, иначе не будет сил. А тебе нужно быстро поправляться и ухаживать за сестрой. Ну, давай хотя бы две ложечки поешь.

– Не хочу, меня тошнит. У меня сильно болит голова, – тяжело вздыхая, чуть не плача, сказала Арлен. – А почему эжешка так долго спит? Ее надо разбудить. Эжешка-а, эжешка-а.

– Тише, не надо ее будить. Она болеет.

– Болеет? – с нескрываемым удивлением уточнила Арлен, – а чем болеет?

Тети многозначительно переглянулись между собой, понимая, насколько глубоко травмирован ее мозг.

– Арлешенька, ну куда ты встаешь, тебе нельзя, голова будет болеть сильнее, ложись в постель.

– Что вы меня все укладываете, я хочу к эжешке подойти. Поздороваться с ней.

– Эжешка, а они меня не пускают к вам. Эжешка-а, просыпайтесь.

Сознание Айгель включилось мгновенно, словно вспышка света. Она четко слышала слова Арлен, обращенные к ней. Голова была повернута вправо, открыв глаза прямо напротив себя по диагонали, увидела Арлен, пытающуюся подняться с кровати и удерживаемую тетей Майрам, склонившейся над ней. Рядом с ними на стуле сидела Закен, племянница ее матери.

Комната в отличие от предыдущего дня приобрела более-менее твердые очертания, стены были белыми, выкрашенными эмульсией. Это была двухместная палата, довольно просторная, помимо этого имелись своя уборная и ванная комнаты. Рядом с прикроватными тумбочками располагался достаточно большой квадратный стол и два стула. В углу стоял холодильник. Айгель лежала на нижней по расположению в левом углу от входной двери кровати. Арлен – в верхнем правом, рядом с окном. Кровати

были высокими и специализированными для операционного отделения. Тогда еще Геля не знала, что это платная люкс-палата в отделении нейрохирургии.

Тело просило о помощи, страдая от чувства раздробленности всех костей, причинявших сильную боль.

– Попросите, пожалуйста, сделать укол, мне больно, – обратилась она к тете Майрам.

– Вот и Геля проснулась, Закен, сходи за медсестрой, пусть принесут обезболивающее лекарство и сразу подключат капельницу.

Айгель взглянула на тетю, в глазах сильно двоилось, создавая впечатление двуглавой женщины. Пытаясь прогнать неприятное видение, Геля зажмурилась, полежав так минуты две, открыла глаза, двоение не проходило. Она прикрыла один глаз, вторая голова тети исчезла. Четкости зрения не было, но видеть она все же могла. Попыталась перевернуться, острая пронзительная боль, словно сотни ножей и топоров вонзились в ее позвоночник и тело, она застонала. Ноги и левая рука не двигались. Страшная догадка осенила ее: «Парализована. Боже, как же я буду жить без ног?» Попыталась еще раз пошевелить пальцами стоп, не вышло. Собрав всю свою волю, напряглась, приподнимая руку. Левая кисть слегка дернулась, оставаясь на постели. Правой рукой, взяв запястье левой, потянула на себя. Возникло ощущение чужеродности руки, но она легла на грудь, тем самым причинив новую волну боли, словно ломая ребра.

«Плохо, совсем плохо...».

Вошла медсестра с процедурным лотком, на котором лежали два шприца с лекарствами. Молодой парень в сестринской униформе следом за ней внес капельную систему с двумя флаконами жидкости по двести миллилитров. Быстрыми отработанными движениями она ввела содержимое двух шприцов в подключичный катетер, уста-

новленный еще в реанимации, следом туда подсоединили капельницу. Со второй-третьей минуты введения препарата, она ощутила легкое головокружение и тошноту.

– Мне что-то плохо, – заметила она медсестре, – голова кружится и подташнивает.

– Сейчас я уменьшу скорость введения лекарства, – сказала сестра, регулируя число капель в минуту, – так лучше?

Айгель прислушалась к себе.

– Нет, но не усилилось.

– Сейчас пройдет, немного подожди, – пояснила медсестра и прощупала ее пульс.

– Принеси тонометр, – сказала она медбрата. Тот сразу отправился за ним.

Голова продолжала кружиться, вновь пробуждая зрительное ощущение неустойчивости стен и потолка.

Давление было низковато, семьдесят на пятьдесят, сердечные сокращения в минуту равнялись пятидесяти четырем. Вызвали палатного врача, сделавшего дополнительные назначения. Геля плавно впала в глубокий сон. За этот день Айгель еще несколько раз с затуманенным сознанием сквозь дрему жаловалась на боль, но так и не проснулась.

– То, что она постоянно в забытьи, это нормально? – спросила доктора тетя Майрам.

– Конечно. Мы же специально ее загружаем транквилизаторами, чтобы она отдыхала. Иначе боль ее истощила бы, да и вам было бы тяжело слышать ее постоянные стоны.

Тетя понимающе кивнула.

Айгель пребывала в своих кошмарах, не способная вырваться из них. Но однажды мозг ее протрезвел. Пробуждение было тяжелым как сильное похмелье. Ее билась дрожь. Позвоночник ныл. Но разрывающих все тело бо-

лей она не чувствовала. Открыв глаза, Геля увидела свою среднюю сестру. И хотя вторая голова уже не так четко отделялась от первой, все же присутствовала, почти наполовину накладываясь на нее. Теперь у всех, кто ее окружал, было по три глаза и два кривых рта. Прикрыв один глаз правой ладонью, она позвала сестру.

– Айка.

– Да, эжешка, вы проснулись? – с волнением в голосе спросила Айгерим, и подойдя, наклонилась и поцеловала Гелю, – мы так волновались за вас.

Она выглядела измученной, истерзанной. Осунувшееся лицо, впалые щеки, потухший взор. Землистость кожи придавала ей крайнюю болезненность.

– Что-то случилось? – встревожилась Айгель.

– Конечно, эжешка, случилось, авария. Вы помните?

– Да, я вспомнила... Но ведь все живы или что-то страшное... – дыхание Гели перехватило, она не смогла произнести вслух свое предположение.

Она опустила руку, открывая оба глаза.

– Нет, нет, все живы, но все в больницах, – заторопилась успокоить ее Айгерим.

– Знаешь, Айка, теперь я точно знаю, что есть ад, и что-то похожее на предбанник ада, какой-то распределительный пункт, – почему-то резко меняя тему, в глубокой задумчивости медленно произнесла Айгель, – эти миры существуют, и мы с Арлен были там, и Аню я там встретила...

– Что вы сказали, эжешка, какие миры, где вы были, – не поняв смысла сказанного, уточнила Айгерим.

Геля посмотрела на нее долгим пространством взглядом.

– Эжешечка, вы слышите меня? – прикасаясь к ее руке, спросила Айка.

Взгляд Айгель прояснился. Она словно вынырнула из паутины видений и трезвым голосом спросила:

– Они ведь все живы? Где мама? Где дети и Аня? В какой они палате?

– Мама и тетя Аня в реанимации четвертой городской больницы, – голос Айки звучал сухо и устало, – девочки в третьей детской больнице. Даана уже в палате. У нее все хорошо.

– А Камилла?

– Она еще в реанимации. Состояние тяжелое, но врачи стараются... Возле нее Арман.

– Камилла, ты сказала Камилла, где она? – спросила Арлен, услышав имя дочери. Рядом с ней сидела Фатима, жена единственного брата их отца.

– Куда встаешь, тебе нельзя ходить, лежи, давай я тебе расскажу, – начала было она, но Арлен все равно встала, толкая ее.

– Айка, где Ками? Позови мне Армана.

Айгерим подошла к ней и, обняв сестру за плечи и укладывая вновь на кровать, сказала:

– Она дома, с мамой. Арман тоже с ними.

– С мамой? Точно? – с недоверием улыбаясь, уточнила Арлен, – а почему Арман не здесь, не рядом со мной?

– Он же приходил вчера с Камиллой, ты что, не помнишь? Ну ты даешь, – улыбнувшись, сказала Айгерим.

– Не помню, – расширив глаза и удивляясь своей плохой памяти, добродушно сказала Арлен.

– А-а, ты же лекарства здесь получаешь. Поэтому не помнишь, – объяснила факт случившегося средняя сестра.

Этот диалог между ее сестренками насторожил Айгель. Даже своим травмированным мозгом она поняла, что случилось что-то нехорошее с Арлен, что она ведет себя как-то неадекватно.

«Неужели ее головной мозг так пострадал, что сознание сильно сдвинулось от нормы. Боже, помоги ей восстановиться, молю тебя».

– Эжешка, а вы видели вчера Камиллу и маму? – спросила ее Арлен.

Вопрос застал ее врасплох. Если Айка не сказала ей о том, что Ками лежит в больнице в реанимации, значит, она не помнит об аварии, может, оно и лучше. Потом вспомнит, когда девочки поправятся и выпишутся из больницы. Но почему она не помнит аварию? Надо сделать ей магнитно-резонансное исследование мозга, сегодня это самая точная диагностика....

– Эжешка, вы что, не слышите меня?

– Слышу, малышонок, я их вчера видела, а ты их не помнишь?

– Нет, эжешка, представляете, не помню, – тоном маленького ребенка, открывшего для себя новый мир, сказала сестренка.

– Вот ты даешь? – несколько подделав недоумение, ответила Геля.

– А мы кушать будем? – беззаботно, резко меняя тему, спросила Арлен тетю.

– Мы же полчаса назад кушали, ты что, забыла? – напомнила Фатима.

– Нет, что вы меня обманываете, как маленькую, – всерьез обиделась Арлен, – Айка, скажи, что мы не ели.

– А мы сейчас еще раз покушаем, – примирительно сказала Айгерим.

– Вы еще раз покушаете, а мы с эжешкой еще не ели, верно, эжешка? – не сдавалась Арлен.

– Верно, малышонок.

Дверь в палату открылась, и вошел Амир.

Айгель была невероятно удивлена неожиданному появлению брата, живущего вот уже больше одиннадцати лет в Нью-Йорке.

– А ты что здесь делаешь? – вырвалось у нее, опомнившись, она смягчила свой вопрос, – когда прилетел?

– Уже больше двух недель. Я так рад вас видеть, эжешка, я так соскучился по вам.

– Ой, какие люди, и все без охраны, – широко улыбаясь, сказала Арлен, лицо ее светилось от счастья, она еще раз попыталась вскочить с кровати. Ее зашатало.

– Ой, что-то голова закружилась, – сказала она, смеясь и укладываясь на место, – байкешка, видите, как они меня не любят, не хотят, чтобы я ходила, хотят сделать из меня больную, чтобы я всегда лежала.

Айгель, прикрыв один глаз, внимательно, насколько ей теперь это удавалось, посмотрела на младшую сестренку. Ей совсем не нравились перемены, произошедшие в малышке. Она встревожилась.

«Малышонок, даже не удивилась внезапному появлению Амира, словно он все это время был рядом?..»

Но новая мысль, возникшая в ее мозгу, насторожила ее еще больше:

«А почему Амир здесь больше двух недель? Что он здесь делает, почему скрыл факт своего пребывания от мамы и от нас? Странно».

– Амир, – позвала она брата, в этот момент обнимающего и целующего младшую сестру, – подойди ко мне.

– Да, эжешка, я слушаю вас, – сказал он, наклоняясь и целуя ее в щеку, – голова у вас как-то неровно лежит, давайте я поправлю ее.

– Она не слушается меня, я не могу ее переверачивать самостоятельно, – заметила Айгель.

– Вот я вам и помогу, – сказал он, выравнивая ее положение.

Новая мысль озарила ее сознание:

«Почему-то и Фатима и Айгерим не удивились его появлению. Возможно, они встретились раньше. А почему я об этом не знаю и мама тоже, она бы мне сказала о приезде Амира...».

– А почему ты не сообщил нам о своем приезде? Мы были на Иссык-Куле, с нами отдохнул бы, хотя нет, хорошо, что ты не поехал, – вспомнив об аварии, сказала она.

Брат молчал, подбирая слова. Она испытующе смотрела на него одним глазом.

– А что вы смотрите на меня как пират, где ваш второй глаз, – пытаюсь шутить, улыбнувшись, сказал Амир.

– Ты мне зубы не заговаривай, почему скрыл от нас свой приезд?

– Я не скрывал. Из-за вас я и приехал, – уже серьезным, но спокойным тоном ответил он, – из-за аварии, в которую вы попали.

– А ты откуда узнал? И потом авария случилась вчера, а ты в Бишкеке уже больше пятнадцати дней, сам же говоришь.

– Так авария случилась семнадцать дней назад. Вы что, не помните?

– Это не смешно, – с недовольством сказала Айгель, – над таким не шутят.

– Я не шучу, эжешка, – глядя правую руку старшей сестры, тихо сказал Амир, и тяжело вздохнул, с какой-то болью в глазах посмотрев на нее.

– Не может быть, ты что-то путаешь, Айка, подойди сюда, – с недоверием глядя на брата, сказала Геля.

– Да, эжешка, я слушаю.

– Когда произошла авария? – как-то жестко уточнила она.

– Семнадцать дней назад, – тяжело вздохнув, ответила сестра.

– Семнадцать, – с ужасом в голосе повторила Геля. – Я ничего не помню.

– Вы были все эти дни в реанимации. Вас только вчера перевели в палату. Арлен была в реанимации рядом с вами.

– Для меня все как будто случилось вчера, – думая о чем-то своем протяжно произнесла Геля.

И тут как-то само собой в ее сознании завис вопрос. Она снова, прикрыв ладонью правый глаз, внимательно взглянула на Айгерим и спросила:

– Ладно, то, что детей положили в третью детскую больницу, мне понятно, все-таки по профилю госпитализировали. Но маму с Аней почему положили в четвертую больницу, отдельно от нас с Арлен? Что места, что ли, здесь не было? Надо было всех определить в одной больнице. Как вы могли допустить, чтобы нас раскидали? – не скрывая раздражения, высказалась Геля.

– Эжешка, – мягко заметил Амир, – мы хотели именно так и поступить, но врачи сказали, что у мамы и Ани больше пострадали головной мозг. И так как они обе были гипертониками, да еще у мамы случилось кровоизлияние в мозг, кстати, у Ани тоже, то было решено положить их именно туда, в инсультное отделение.

Айгель закрыла глаза. Она хорошо понимала, что такое инсульт, и какими могли быть последствия. Но слабая надежда, жившая в ее груди, не сдавалась.

«Ничего, инсульт сегодня хорошо лечится. Главное, они живы. Надо только правильно лечить и не жалеть денег и самых активных лекарств», – успокаивала она себя.

– Амир, я позвоню друзьям, они принесут денег, не жалеете их, найдите все необходимые лекарства, надо будет, подключим Москву, Алма-Ату, Астану. Германию, в конце концов, главное, чтобы они выкарабкались из криза. А почему они так долго в реанимации? Обычно через десять дней переводят в палату?

– Ну, они же, эжешка, еще и переломы имеют, Аня – на аппарате искусственного дыхания.

– А мама? – плача спросила Айгель.

– Она тоже, – тихо сказал Амир, потом взглянул на сестру и бодрее добавил, – но врачи сказали, что состоя-

ние уже стабильное, теперь будем ждать улучшения. Эжешка, Эрбол там с мамой. Делает все необходимое.

– А почему вы здесь? Айка, почему ты не возле мамы?

– Я же возле вас с Арлен, там Эрбол байкешка.

– Он же мужчина, чем он может ей помочь, судно подать или другие гигиенические процедуры, ... как он справится с этим. Ты одевайся и езжай туда, будь рядом с мамой. Я и без тебя обойдусь, – срываясь на сестре, выпалила Геля.

Арлен была до этого безучастной и думала о чем-то своем, теперь вдруг оживилась, вступая в разговор.

– Мама что, в больнице лежит, опять ноги болят? – в искреннем недоумении спросила она.

Все устремили взоры на нее.

– Да, маленький, – ласково сказал Амир, – у мамы снова ноги болят.

– А мы пойдем к ней?

– Конечно, скоро.

– Я хочу сейчас, мамочка, наверное, ждет нас, а мы все тут собрались. Надо идти, – сказала Арлен, вновь вставая с места.

Айгерим подбежала к ней.

– Мы уже сходили сегодня, завтра вы с эжешкой пойдете, хорошо? – сказала она, ненавязчиво укладывая ее на кровать.

– Айка, – жалобно обратилась Арлен к сестре, – у меня сильно голова болит. Сильно-сильно, – и Арлен тихо заплакала.

– Маленькая моя, – сказала Айгерим, присаживаясь на корточки рядом с кроватью и поглаживая сестру по плечу, – потерпи, сейчас укол сделаем, и боль пройдет.

– Мне плохо, – хныкала Арлен, – меня никто не любит, я тут лежу одна. Меня все бьют и укладывают в постель, а я хочу домой.

– Я тебя люблю, сильно, эжешка тебя любит, байкешка тебя любит. Все тебя любят. Разве тебя можно не любить? Ты же самая лучшая из нас, самая маленькая, – целуя руку сестренки, повторяла Айка.

– Эжешка, а вы меня любите? – жалобно спросила Арлен.

Айгель посмотрела на сестру с нежностью и ласково сказала:

– Малышонок мой, я тебя люблю больше всех на свете, дороже тебя у меня ничего нет. Тебе нужно полежать, не вставая, чтобы вылечиться, а потом мы с тобой сходим к маме и будем с ней рядом. Хорошо?

– Хорошо, эжешка, – удовлетворившись ответом сестры, сказала Арлен.

– Айка, – позвала Айгель, – иди к маме.

– Она же в реанимации, эжешка. Меня все равно к ней не пустят, что толку от того, что я буду стоять в коридоре. Лучше я здесь за вами поухаживаю.

– Действительно, эжешка, что им там делать вдвоем? К маме не пустят. Я пытался, не вышло, – поддерживая сестренку, сказал Амир, – я, например, вчера весь день тоже в коридоре простоял...

– И я тоже.

– Нужно было договориться, заплатить, в конце концов, всегда можно найти выход, – не унималась Геля.

– Эжешка, мы все попробовали, сделали все необходимое.

– А бульон носите, минеральную воду нужно без газа?

– Каждый день варим свежее и носим в реанимацию и к детям, и к маме.

– Вы с сыновьями Ани встречались? Как они, наверное, винят меня? Виновата я перед ними...

– Вы не виноваты, это несчастный случай! – сказали в один голос и брат и сестра.

– Виновата, я знаю. Если бы я справилась с рулевым управлением, ничего страшного не произошло бы, может, несложные переломы конечностей, – она захлебнулась подступившим комом к горлу и переведя дыхание, с надеждой в голосе спросила:

– Они ведь поправятся, верно? Мне бы с их врачами переговорить....

– Куда вам, эжешка, у вас у самой тяжелое состояние. Мы больше за вас боимся.

– Что у Арлен? Какой диагноз ставят ей?

– Сотрясение головного мозга, небольшая гематома в области лобной доли слева, ссадины и ушибы руки и ног. Переломов нет. Врачи говорят, если все будет хорошо, то через недельку выпишут.

– А меня когда выпишут?

– У вас немного сложнее, переломы и другое.... в общем, вам еще надо будет полежать. Я не разговаривал с врачами, Эрбол вел все переговоры, он вам сам потом подробно все расскажет.

Айгель молчала.

– Кто возле Камиллы? – спустя минуты три снова спросила она.

– Так она же в реанимации. К ней никого не пускают. И потом Арман постоянно дежурит возле дверей реанимации. А Даана уже в палате.

– Да, мне Айка сообщила об этом.

После укола Арлен уснула. Амир ушел домой. Айгерим осталась ухаживать за сестрами.

Айгель лежала в раздумьях:

«Самое главное, все живы, а инсульт, ну подумаешь, инсульт, сейчас все лечат, в крайнем случае, повезу маму в Москву или Израиль. Вот с Камиллочкой плохо, и хороших детских реаниматоров у нас нет, нужно попытаться перевести ее или сюда или в «четверку», все-таки «ур-

гентная» клиника, уже насобачилась на таких сложных ситуациях. Бедная моя девочка, прости меня, пожалуйста, что приумножила и без того немалые твои страдания. Прости, так вышло, – перед ее взором возникло вечно улыбающееся лицо племянницы.

Все у тебя будет хорошо, ты только, пожалуйста, выживи! Заклинаю тебя, выкарабкайся». То, что шел уже восемнадцатый день после аварии, и они пребывали в списке живых, даже находясь в реанимации, обнадеживало ее, придавая силы. Боль усилилась. Действие обезболивающих средств закончилось. Она посмотрела на Айку, которая прилегла на свободной койке у окна.

«Устала, бедная, – подумала Геля, с нежностью глядя на сестру, – еще бы, мотаться между тремя больницами, да еще все в реанимации, в тяжелом состоянии. Я бы, наверное, не выдержала. Но ничего. Скоро поправимся, и все встанет на свои места».

Она решила терпеть нарастающую боль, насколько это было возможным, чтобы не будить сестру.

Арлен застонала во сне. Потом проснулась и, приподняв голову, позвала:

– Эжешка.

– Да, малышонок, что случилось? Тебя что-то беспокоит?

– У меня голова болит, – чуть не плача, жалобно сказала она, – я хочу к маме.

– Солнышко, надо потерпеть, ты же сильная у меня. Это скоро пройдет.

– Эжешка, давайте пойдем домой, что вы все лежите, домой надо.

Айгель посмотрела на сестренку с болью в глазах, что-то неладное было в ее поведении. Чрезмерная веселость, перемежающаяся с часами депрессии и плача. И к факту отсутствия дочери она относилась как-то уж очень спо-

койно, ни разу не поинтересовавшись ее положением. Да и мужа вспоминала вскользь. Айгель решила проверить.

– Арлеша, как ты думаешь, почему мы лежим с тобой в этой палате?

– Ну как почему, – оживившись, переспросила Арлен, – потому что обе хотим иметь ребенка. Вот мы и лежим! – почти весело закончила она.

– Ты думаешь, мы поэтому лежим?

– Ну да, а иначе что бы мы тут делали? Нам сделают искусственное оплодотворение, и мы забеременеет. Вы кого хотите, эжешка, мальчика или девочку?

– Девочку, – с тяжелым сердцем ответила Айгель, полная дезориентация сестры в причинной ситуации окончательно испугала ее.

– Айгерим, – громко позвала она. Сестра вскочила с кровати с красными глазами и, не сразу сообразив, посмотрела на Арлен.

– Что? – спросила она ее.

– Ничего, – демонстративно ответила та и, сделав обиженное лицо, добавила, – ты мне мороженое не покупаешь.... Я не буду с тобой разговаривать.

Айка в недоумении посмотрела на старшую сестру, спросонья не поняв в чем дело.

Айгель совсем расстроилась.

– Подойди ко мне, – попросила она Айгерим.

– Да, эжешка?

– Когда ее перевели в палату?

– Вместе с вами, два дня назад.

– И все это время она такая неадекватная?

Айгерим настороженно смотрела на сестру, догадка пробуждалась в ее сознании.

– Да, но вчера я ее не видела. Здесь дежурила тетя Майрам. В первый день возле вас был Эрбол байкешка...

– Вы сказали палатному врачу о ее состоянии?

– Не знаю, они, наверное, видят, когда делают обход,
– неуверенно сказала Айка, – что-то не так?

– Позови мне палатного врача. Кто он вообще?

– Ой, здесь вообще бардак. Два молодых врача, по-моему, с двухлетним стажем, а тот, что наблюдает за Арлен, вообще какой-то странный.

– Не поняла, у нас два разных врача в одной палате?

– Я же говорю, здесь полный бардак.

– А почему вы нас сюда положили? Нужно было везти в четвертую больницу, всех в одно место рядом с мамулей.

– Так решили тети и дяди, посчитали, что местный профессор – самый лучший в этой области.

– Это кто? Профессор Сасыкбаев?

Айка в согласии кивнула головой.

– Он же совсем состарился. А ученики, сама же говоришь, совсем молодые.

Позови мне палатного врача. Сегодня они не делали обход? Я не видела.

– Вы спали. Они приходят в восемь утра, просто смотрят на вас три минуты сверху и уходят.

– Арлен так же смотрят?

– Нет, этот ее палатный врач кокетничает с ней, словно заигрывает. По крайней мере, так было сегодня, и все, потом уходит, даже пульса не посчитает.

– Она жаловалась ему на постоянные головные боли?

– Говорила, я сама слышала.

– И что он, что-нибудь предпринял для облегчения ее состояния, обследование новое назначил? – с нарастающим раздражением уточняла Геля.

– Нет, я же говорю, только покивал головой, потом Арлен сказала ему, что не приносят ей мороженое, и он начал с ней кокетничать...

– Позови его.

Айгерим вышла из палаты. Арлен лежала у себя на кровати и массировала лоб и виски, не участвуя в разговоре, словно вовсе не присутствовала здесь.

– Сейчас, малышонок, придет врач и полечит твою голову, – сказала она, обращаясь к сестренке, но более убеждая в том себя.

Арлен, при слове малышонок, сразу подняла голову и взглянула на сестру.

– Что вы все лежите и лежите? Надоело уже, пойдемте домой, – вставая с постели и босиком становясь на пол, рассерженно сказала она.

– Малышонок, ложись обратно, пожалуйста, – взмолилась Геля, видя, как шатающейся походкой сестра направилась к ней.

– Вставайте, эжешка, я к вам в гости пришла, – улыбаясь и держась за поручни ее кровати, произнесла Арлен, – ну встава-ай-те уже, – протяжно хныкая, сказала она. И опять начала массировать левый висок.

– Я не могу встать, малышонок, – с горечью в голосе сказала Геля, – у меня болят ноги и не слушаются.

– Почему? – с неподдельным удивлением спросила сестра.

– Так получилось.

– Вы сломали ноги? Упали что ли?

– Да, сломала, – не уточняя, как именно, ответила Айгель, – пожалуйста, я тебя очень прошу, ложись в постель, смотри, как тебя шатает, пожалуйста.

– Очень, очень просите? – лукаво улыбаясь, уточнила Арлен, – ну ладно только ради вас полежу еще немного, – и как матрос на палубе корабля пошла к кровати широкой качающейся походкой.

Вернулась Айка, следом в палату вошел лет двадцати пяти-семи молодой мужчина в хирургическом темно-синем костюме.

«Похож на кузнечика», – почему-то сразу констатировал мозг Айгель.

– Вы уже пришли в себя? – лучезарно улыбаясь, сказал он, – вот и хорошо. Что вы хотели от меня?

– Вы доктор моей сестры?

– Да, – самодовольно сказал он, снова широко улыбаясь.

Что-то неприятное было в его лице. Геля никак не могла понять, что.

– Я хотела бы узнать о состоянии моей сестренки. Какой диагноз вы ей ставите? Почему у нее такая неадекватность в поведении, она ученый с известным именем в СНГ и Европе, теперь же ведет себя словно пятнадцатилетняя девочка, почему? Ее беспокоят постоянные головные боли, из-за чего? – миролюбиво спросила она.

– Вы что, не знаете, что ли, из-за чего, – с некоторым вызовом в голосе вопросом на вопрос ответил врач, потом, не дожидаясь ее реакции, добавил, – из-за аварии. Вы же за рулем были.

Это полоснуло по сердцу Айгель достаточно остро. Взгляд ее стал более жестким.

– Я не спрашиваю вас о случившейся аварии. Меня интересует диагноз моей сестры и тот факт, что вот уже больше семнадцати дней вы не можете облегчить ее боли. Возможно, необходима дополнительная диагностика, например компьютерная томография и другие исследования, – сдерживаясь, но уже более сухо сказала Айгель.

– А вы что же, врач? – с некоторой иронией уточнил он.

– У меня диплом кардиолога, этого достаточно? – перешла на официальный тон Геля.

– Я же не знал, что вы врач, – недовольно буркнул он, но совладав с собой, более любезно продолжил, – у нее ушиб мозга средней степени тяжести, в лобной доле справа имеется небольшая гематома, множественные ссадины правого плеча, предплечья и левого бедра. Назначение сделано самим заведующим отделением. Лечение она получает. Что еще?

– Если лечение она получает, но ей не становится легче, может, его как-то пересмотреть. У вас есть сестра?

– Есть.

– Представьте, что она в таком положении. Что бы вы еще сделали для нее? Может, надо магниторезонансную томографию мозга сделать? – заискивающим тоном попросила Айгель.

– Ей уже делали, неужели вы думаете, что мы не додумались до этого. Сразу же, в день аварии сделали, – раздражение явно присутствовало в его голосе.

– Вы не злитесь. Поставьте себя на мое место, – начала заново доброжелательно Айгель, – что можно и нужно сделать еще, чтобы ее состояние начало улучшаться? Мы будем очень вам благодарны, – с акцентом на последнем слове закончила она.

Настроение у врача улучшилось.

– Ну, будет болеть немножко. У вас вон состояние намного тяжелей и опасней, вам же тоже больно, надо потерпеть.

– Но вы же сами говорите, что ее состояние намного легче моего, так почему она мучается больше? Может, надо сделать пункцию или исследование сосудов мозга, ну хоть что-нибудь...

– Хорошо, я подумаю, но с такой маленькой гематомой как у нее мы обычно ничего не делаем, они сами рассасываются, нужен реабилитационный курс после выписки из больницы. Но это уже работа невропатолога в поликлинике. Да все будет хорошо, не переживайте.

– Какое у нее сегодня давление? – спросила Айгель в тот самый момент, когда он направлялся к двери.

– Я еще не измерял, только вышел с операции, ассистировал профессору. Обычно у нее сто на семьдесят.

– Обычно у нее было сто двадцать на восемьдесят, – не сдержавшись, съязвила Геля.

– Померьте, пожалуйста, сейчас.

Он ухмыльнулся.

– Ладно, – согласился он и вышел из палаты.

– Вы что на врача моего нападаете, – недовольно высказалась Арлен, – он хороший, мне мороженое обещал принести и на танцы потом пойдем. А вы его не любите.

«За что его любить, – про себя заметила Айгель, – его даже уважать трудно. Пустой самовлюбленный тип».

Любимчик Арлен вернулся с тонометром в руках.

– Ой, мой доктор пришел, – улыбаясь, заметила Арлен.

Он не отставал в сиянии своего лица от широкой улыбки больной, присаживаясь на край ее кровати, начал мерить давление.

– Ну как ты? Давление хорошее, сто на семьдесят, дай пульс посчитаю, – берясь за ее запястье, сказал он, – вот и пульс хороший, семьдесят шесть ударов в минуту.

– У меня голова болит, не проходит, даже сильнеей стала болеть, – пожаловалась Арлен.

– Я знаю, – сказал он, поднимаясь на ноги, – я назначил новое лекарство, оно поможет.

– А когда буду мороженое и шампанское? – кокетничая, спросила Арлен.

– Мы же договорились, на моем дежурстве, скоро, – сказал он, и игриво подмигнув ей, какой-то вихлявой походкой вышел прочь.

– Видите, какой он, эжешка, – сказала Айка, – моему, у него самого ушиб мозга.

В палату вошла медсестра с лотком и пройдя к Арлен, сделала внутримышечный укол.

– Что это? – уточнила Айгель.

– Обезболивающее.

– Какое? Я врач.

– Пленалгин.

– Как больно, – массируя место инъекции, простонала Арлен.

– Да, это болезненный укол.

– Давай я помассирую, – предложила Айгерим, прикладывая ладонь на вату и начиная делать мягкие круговые движения.

– Какая у тебя ладонь теплая, – умиротворенно заметила Арлен, тут ее взгляд упал на перебинтованную руку.

– А-а, – воскликнула она, – они мне забинтовали руку, я же помню, они били меня, там, в другом месте, и, наверное, сломали мою руку. Айка, посмотри, – с неподдельным ужасом сказала она, – они что-то сделали с моей рукой. У меня была хорошая рука, красивая. Ты же помнишь? Надо посмотреть.

И она начала одной рукой развязывать повязку.

– Не трогай, – сдерживая ее, попросила Айгерим, – там царапины, специально их замотали. Они скоро заживут и тогда снимем бинт.

– Нет, я хочу посмотреть, зачем они поцарапали мою руку. Кто им разрешил? Я не разрешала...

– Малышенок, не развязывай повязку, там сделали укол. И это место должно быть в тепле. Потом я сама ее сниму. Ты не помнишь, когда ты была в Париже, на Эйфелевой башне... – пытаясь отвлечь ее внимание от руки начала было спрашивать Айгель.

– А я что, была в Париже? – тоном безмерного удивления спросила Арлен, перебивая сестру.

Сердце Гели сжалось, ей было больно видеть в таком состоянии сестренку, умницу, на трех языках читавшую еще совсем недавно лекции в Дрездене и Праге. И она молча заплакала. Горячие струи побежали по ее щекам. Айгель прикрыла глаза, чтобы сестры не заметили ее состояния.

– Хочу кушать, – радостным голосом объявила Арлен, – что у нас есть?

Айка подошла к столу и, окинув взглядом, сказала:

– Есть копченая курица с картошкой, есть домашние пельмени. Есть творог и фрукты, что будешь?

– А можно все?

– Можно, – ответила, улыбаясь Айка, и начала накладывать всего понемногу. Потом налила в бокал яблочного сока и понесла все сестре на кровать, – тебя покормить или сама поешь?

– А что, можешь покормить? – с искренним восторгом спросила Арлен. Лицо ее было озарено каким-то добрым светом. Айка засмеялась, видя ее реакцию.

– Конечно, могу, с радостью.

– Тогда покорми меня, – сказала Арлен, рассаживаясь на кровати.

Айгель успокоилась. Прикрыв правой рукой один глаз, посмотрела на сестер.

– Малышонок, как голова. Легче стало?

– Болит немножко. Кушать будете?

– Нет, спасибо.

Внесли капельницу. С первых минут внутривенного введения ее потянуло ко сну. Появилось легкое головокружение. Веки отяжелели. Как отдаленное эхо она услышала последние отголоски разговора сестер. И все стихло.

Она почувствовала легкое прикосновение чего-то мягкого и теплого к своей щеке.

– Доброе утро, эжешка, как себя чувствуете? – услышала она голос Эрбола, открыв глаза.

– Пора просыпаться, уже девять часов.

– Эжешка, вставайте, сколько можно спать, вот вы соня, – с наигранным недовольством приветствовала ее Арлен, которая уже восседала на кровати, сложив в позе йогов ноги и облокотившись спиной об стену. Она что-то ела.

– Привет, малышонок! – поздоровалась с ней Айгель и, переведя взор на Эрбола, так и стоявшего рядом с ней в ожидании ответа, произнесла:

– Привет, когда пришел? Ты же у мамы дежурил? – в надежде на хорошие новости она вопрошающе смотрела на брата.

– Да, – коротко ответил он, всем своим видом давая знать, что ответ этим исчерпан.

– И что? – не удовлетворившись этим, уточнила Геля, – какова ее динамика, ей стало легче? – голос ее дрогнул.

Эрбол внимательно посмотрел на сестру и спокойно сказал:

– Состояние стабильное, дыхательный аппарат уже убрали.

– Ты бы там был возле нее, может, срочно какие-нибудь лекарства понадобятся, а тебя нет...

– Я купил все необходимые лекарства, там Айка сегодня дежурит.

– Ты ей деньги оставил на всякий случай?

– Оставил.

– А как состояние Ани, она пришла в себя?

– Нет еще, но ее специально загружают транквилизаторами, чтобы легче перенесла этот сложный и болезненный период.

– А что у нее обнаружили?

– Перелом шеи, перелом ребер, легкое задето.

Айгель замерла от услышанных слов, тяжелые травмы могли причинить непоправимый вред здоровью. Да еще кровоизлияние в мозг...

– Ты видел ее сыновей, как они восприняли случившееся, меня обвиняют?

– Нет, с Константином каждый день встречаемся у дверей реанимации, это был несчастный случай, они понимают, узнав о вашем состоянии, передают привет, желают скорейшего восстановления, – сказал Эрбол.

– Я прошу тебя, помоги им, ты ведь знаешь многих врачей в той больнице, попроси их сделать все возможное и вытащить ее из кризисного состояния, пожалуйста, попроси, дай денег на лекарства, может у них не хватает, пусть ни на чем не экономят в лечении Ани. Все нужные лекарства купят или лучше сам купи, поговори с ее врачами.

– Хорошо, эжешка, я и так каждый день интересуюсь ее состоянием. Да у них нет такого рода проблем.

– А кто возле нее дежурит?

– Костик и его жена Таня. Ну как дежурят, стоят, как и мы, возле дверей реанимации.

– Можно договориться с ночной сменой и пройти к маме и к Камилле, только заплатить надо. Я так делала, когда маме удаляли камни в желчном пузыре, все три ночи была рядом в реанимации. Простыни ей меняла, одеялом укрывала, там очень холодно, мамины ноги тогда были заоченевшие, еле отогрела их.

– Эжешка, все это мы делаем и к маме по ночам заходим, чтобы самим убедиться в ее состоянии.

– И что, она ни разу не заговорила с вами? Даже не посмотрела?

– Вы в реанимации были пятнадцать дней, вы с кем-нибудь разговаривали? Так и они. В реанимации все лежат без сознания или в глубоком сне. А они тем более все еще на аппарате.

– Ты же сказал, – почти разоблачая брата, выпалила она, – что маму уже сняли с аппарата искусственной вентиляции?

Эрбол занервничал, несколько раздраженно пояснил:

– Ее только сегодня утром сняли, но Камилла и Аня еще дышат с ним.

– Арман рядом с дочерью?

– Почти постоянно. Он делает все, что необходимо для Камиллы.

Видимо, страх вселившийся в сердце сестры и высвечивающийся в ее глазах, а может и ужас, застывший на ее лице, вызвали в нем сочувствие и понимание.

– Я повторяю, эжешка, – сказал он уже более мягко, – их состояние стабильно. Конечно, им еще не хорошо, но уже лучше. Я же говорю, состояние стабильное, необходимо время. Будем ждать.

Айгель так хотелось верить, что все будет хорошо, потому что мамуля, Аня и девочки так же, как и они с Арлен, живы. Да, они в реанимации, да, тяжелые, но живы же! А переломы заживут, раны затянутся, может, даже надо будет прооперировать их, если гематома не рассосется.

И тут ее снова осенило:

«Ведь если гематома большая, то уже должны были маму прооперировать, в чем дело?» – задала она себе мысленно вопрос.

– Эрбол, а операцию маме не предлагали, если кровоизлияние обширное, то обычно рассосать ее не удастся?

Эрбол уже сидел на стуле рядом со столом и пил сок.

– Какую операцию? – не сразу сообразил он.

Она пояснила ход своих мыслей.

– Нет, сказали, так попытаются. Лишний раз не хотят рисковать ее жизнью.

Довод врачей Айгель показался убедительным и потом, думала она: «Эрбол, конечно же, перебрал все возможные варианты для их скорейшего излечения». Это ее несколько успокоило.

На удивление, Арлен сидела молча, не вникая в суть разговора, словно ее это не касалось, ни участь матери, ни участь дочери, ни даже собственная участь.

– Эжешка, хотите, угощу мороженым, мне байкешка много купил, пять штук. Я два уже съела, – лицо ее светилось от счастья, радости не было предела от того, что ей дали желаемое.

- Как голова, малышонок? Легче?
- Болит, но меньше.
- Ей полчаса назад сделали обезболивающий укол, вот и отпустило, – вставил брат.
- Да, кстати, Эрбол, не нравятся мне ее головные боли, почему врачи их только обезболивают. В чем причина того, что интенсивность их не падает, вот уже семнадцать дней.
- Девятнадцать, – уточнил Эрбол.
- Тем более. Ты бы поговорил с заведующим отделением, может, они повторят ей компьютерное исследование мозга. На всякий случай. Чтоб мы уже были спокойны. И еще мне абсолютно не понравился ее палатный врач, какой-то он странный, на врача не похож.
- Эжешка, какой бы он ни был, он все равно в отличие от вас практикующий доктор, и его не зря сюда поставили, – с нескрываемым недовольством буркнул Эрбол.
- Позови мне заведующего, я сама его попрошу о замене, – обидевшись на брата, сказала Геля, предательские слезы снова застили ей глаза.
- Вас наблюдает сам профессор, дядя хорошо его знает, и поэтому вас положили в отдельную палату. Он лично контролирует ваше с Арлен лечение. Если мы будем указывать им, как вас лечить, то можем только разозлить их. В конце концов, это их работа, которую они выполняют уже многие десятки лет, – как ребенку, спокойно и с акцентом на некоторых словах пояснил Эрбол.
- Она лежала, молчала, слезы висели на ресницах. Брат тяжело вздохнул и устало добавил.
- Ладно, я поговорю с заведующим отделением.
- Я хочу кушать, – весело сказала Арлен, глядя на брата, потом поправилась – нет, мы хотим кушать, да, эжешка?

– Да, – коротко ответила Геля. Почему-то хотелось плакать, громко и горько, что есть мочи. Но она держала себя в руках, понимая, как это будет некстати, когда всем так тяжело. Айгель закрыла глаза, сделала несколько глубоких вдохов. Двоение не проходило. Голова болела. Тело ныло. В позвоночнике просыпалась противная изнуряющая боль от ощущения воткнутой в ее спину топором и ножей. Левая рука лежала плетью рядом с телом, не чувствуя ни боли, ни своего присутствия. Несмотря на то, что Айка вчера заменила под ней все пеленки и простыни, она ощутила сырость под спиной. Тазовые нарушения в виде недержания мочи как следствие травмы спинного мозга, были в свою очередь вызваны множественным переломом позвоночника во всех отделах. Замена простыней была проблематичной процедурой в связи с ее обездвиженным состоянием. Шевелить и переворачивать Гелю категорически запрещалось из-за угрозы перерезки спинного мозга сместившимися осколками поясничного и последнего грудного позвонков. Переломы четырех грудных и двух поясничных позвонков привели к параличу ног. Травма в шейном отделе дала обездвиженность левой руки. Но в данном случае это ее не сильно беспокоило. Она больше боялась за жизни своих любимых родных и близких, находящихся в реанимациях других больниц.

«Господи, я приму безропотно любую участь касательно моего здоровья, только молю, помоги выжить и исцелиться моим родным. Господи, не откажи мне в своей милости! – беззвучно молилась она, – только бы они выжили и встали на ноги».

В палате запахло жареным мясом. Эрбол, достав контейнер с едой из микроволновой печи, стал накладывать по тарелкам тушеное мясо с овощами.

– Мне побольше положите, – радостно наблюдая за процессом раскладки еды, попросила Арлен.

– И эжешке тоже, – не забывая про Айгель, добавила она.

Эрбол накрыл вафельной салфеткой грудь Айгель, приготовив ее к кормлению.

– Арлен, ты будешь сок или минералку? – уточнил он у сестренки.

– Сок.

– Вот, горячее, ешь не торопясь, – подавая ей тарелку с едой и ставя рядом на стул бокал сока, сказал он.

Потом подошел к столу взял вторую тарелку и подошел к Геле.

Набрав еды в ложку, он наклонился над сестрой, протягивая ее ко рту.

– Открывайте рот. Я измельчил мясо, чтобы вам было удобнее глотать.

– Я не хочу есть, – прикрывая рот правой рукой, сказала Геля, – меня тошнит.

– Надо кушать, иначе не поправитесь, давайте открывайте рот, – требовательно сказал брат.

– Я не буду, меня тошнит, лучше попроси сделать укол, все болит и ломит.

– Давайте покушаем чуть-чуть и потом обезболим вас.

– Я не буду, может, позже, не сейчас. Я лучше попью воды и то после укола. Не обижайся на меня, но меня сейчас вырвет от одного вида пищи. Давай потом как-нибудь.

Эрбол недовольно вздохнув, отошел к столу.

– Вот молодец, Арлен, и упрашивать не надо, не то, что эжешка, да?

– Да, – прожевывая очередной кусок, ответила сестра.

– Ладно, схожу за медсестрой и сразу поговорю с заведующим, пока он еще здесь.

Эрбол вышел из палаты.

В дверь постучали, заглянула голова Алены, вслед за ней вошли Марина и Гуля.

– Ну как, красавицы, – наигранно радостно приветствовала двух сестер Марина.

– Как видишь, великолепно, – нисколько не поняв ее радости, сухо ответила Айгель.

– Ты что такая злая, кто-то обидел? – с деланным недоумением поинтересовалась Марина.

– Привет, – тихо сказала Алена, – ну как ты?

И наклонившись, поцеловала Гелю. Гульнара в это время обнималась с Арлен.

– Ой, какие люди и все к нам, – вскрикнула она, не скрывая радости и раскидывая руки для объятий, – а что вы принесли, мороженое взяли?

– Мороженое? – опешив от неожиданного вопроса, застыла Гуля, – сейчас схожу и куплю мороженое, ты какое хочешь?

– Шоколадное. А еще вино или шампанское.

– А тебе можно? – не подумав, спросила Алена, при этом глядя на Айгель.

Та неодобрительно взглянула на нее.

– Нет, нам нельзя ни вина, ни шампанского, ни другого алкогольного напитка.

– Можно! – категоричным тоном заявила Арлен, вставая с кровати, – немножко можно.

– Гуля, возьми сока гранатового или виноградного из муската, – сказала Геля уже выходящей из палаты подруге, – Ален, понадобятся деньги, я так думаю, что нескоро встану на ноги. А лечение потребует многих расходов, все-таки нас пятеро пострадавших. Если можешь...

– Я все поняла, – сказала Лена, перебивая подругу, – деньги готовы, сколько нужно, столько и принесу. Кому отдать их?

– Эрболу. Сейчас весь груз падает на него. Я бы хотела, чтобы ты съездила в четвертую больницу и переговорила с заведующим реанимацией. Эрбол говорит, что

к маме не пускают. Договорись с заведующим и пройди к ней в палату, посмотри сама, как ее состояние, так же узнай самочувствие Ани, узнай, в каких лекарствах она нуждается, закупи все. Может быть, оперативное вмешательство требуется, ну, в общем, прозондируй все на месте, а то Эрбол все-таки мужчина, всех нюансов не знает, до сих пор не может попасть в палату к маме. Марин, а ты сходи, пожалуйста, к детям, там Камиллочка, все еще в реанимации, говорят, сильно пострадала, до сих пор на аппарате искусственного дыхания. Узнай, что еще нужно предпринять. Там Арман, но хотела б, чтобы ты лично переговорила с лечащим врачом и узнала ее точный диагноз. И Даану проведай. Эрбол сказал, что ее перевели в палату. Кто рядом с ней, непонятно. В какой она палате, что говорят врачи, постарайся перевести ее в одну- или хотя бы в двухместную палату.

– А что, тебе не сказали, что рядом с ней находится Люба. Все это время с первого дня была Аленка, только вчера сменилась, – пояснила Марина.

– У нее все хорошо, не волнуйся, уже перевели в двухместную палату, правда, в другом отделении, но зато мы с ней там одни. Завтра я обратно пойду к ней и буду уже до выписки, – вставила Алена.

– Платная палата?

– Да, там все решено, не думай об этом.

– Когда ее собираются выписывать?

– Думаю, дня через два.

– Хорошо. Отвезешь ее к Айке, пусть будет там.

Пришла медсестра. Подключила Геле капельницу, Арлен сделала внутримышечный укол.

Вернулся Эрбол.

– Ну что, поговорил с ним?

– Да.

– И что?

– Он говорит, что при такой маленькой гематоме оперативное вмешательство не требуется, и повторная томография мозга не даст ничего нового. Кроме дополнительного облучения. Также он сказал, что при ушибе мозга такое смазанное сознание считается допустимым. Он вообще сказал, что дней через пять ее выпишут домой.

– Как домой? Она не может ходить, ее шатает, головные боли не проходят и потом, посмотри на ее сознание...

– Эжешка, они же врачи, знают, что делают. Он воспринимает мое участие, как вторжение в ее лечение. Три дня назад был обход профессора Сасыкбаева, который видел ее, говорил с ней и согласился с лечением и диагнозом палатного врача.

– Ну, не знаю.

– Как ваши дела, Марина? – поинтересовался он.

– Все нормально, Эрбол, сам как держишься? Как Амир и Айка?

– Хорошо.

Айгель почувствовала, что засыпает.

– Наверное, мой лимит трезвого ума на сегодня исчерпан. Девчонки, вы не тратьте зря время, сделайте то, о чем я просила. Прямо сегодня решите эти вопросы.

– Не переживай, – сказала Марина, – сейчас поеду к тете Жене.

Эрбол, сев на запасную койку у окна, при этих словах женщины посмотрел на нее долгим взглядом. Марина перехватила его взгляд и многозначительно посмотрела в ответ. Глаза Айгель были прикрыты и ничего не видели. Марина подошла к Арлен и поцеловала ее.

– Ну, пока, выздоравливай. Скоро пойдешь домой.

– А где мороженое и шампанское? Что вы так быстро уходите, посидите, сейчас отпразднуем, – пытаюсь припомнить, что именно, Арлен замолчала в поиске нужного слова, спустя минуту закончила мысль, – ну, в общем отпразднуем.

– Сейчас Гульнара принесет твой заказ, а мы подойдем позже. Нам нужно сделать кое-какую работу, – пояснила Марина.

– Отложите работу на потом, тетя Марин, ну что вам стоит, мы лучше, – потеряв мысль, Арлен замаялась, и словно не помня об этом, сказала:

– Я скоро поеду в Париж, там красиво и привезу вам сувенир. Вы любите сувениры?

– Очень.

– Вот, – заметила улыбающаяся и счастливая Арлен, – я тоже их люблю. А в следующем месяце мы поедем на Иссык-Куль, как обычно, с детьми и мамой. Камиллочка очень хочет на озеро. У меня болит голова. Байкешка, у меня болит голова, – сказала она, вновь сдавливая пальцами виски и пытаюсь лечь в постель.

Эрбол встал, подошел, помог улечься и укрыл ее.

– Постарайся поспать, – сказал он, глядя ее по волосам.

Арлен резко подняла голову и спросила:

– А мы кушать будем?

– Ты же только что поела, еще и получаса не прошло, – заметил ей Эрбол.

– Нет, я не ела, вы ошибаетесь. Я с утра ничего не ела.

– Арлен, ну как ни ела, двадцать минут назад ты съела жареное мясо и картошку с овощами, что, забыла?

– Да? – искренне удивившись, произнесла Арлен. Я не помню, но мой желудок говорит, что я голодная. Дайте мне поесть.

– Ладно, а что ты хочешь?

Подруги Айгель ушли, сама она уже спала. Открылась дверь и вошла Гульнара с пакетом в руках.

– Вот, Арлен, мороженое и гранатовый сок, – ставя продукты на стол, сказала она тихо, пытаясь не разбудить Гелю, – я пойду, девчонки ждут.

– Спасибо, – поблагодарил Эрбол.

Женщина вышла из палаты.

– Будешь мороженое? Или сока налить?

– Мороженое шоколадное буду. А сколько она принесла?

– Много, пять штук, я их в морозилку положу.

– Хорошо, я потом их съем, – ответила Арлен, довольная количеством сладкого.

Айгель пребывала в своих видениях:

«Теть Женя в своем любимом домашнем платье сидела за столом на своем обычном месте хозяйки. Полный дом гостей создавал гам многоголосья. Среди гостей сидела Аня. Арлен разливала чай. Даана, наверное, была на кухне, так как Геля ее не видела за столом. Айки не было.

«Наверное, на работе, вечная загруженность часто не дает ей участвовать в таких собирушках, – мысленно, решила Айгель. Себя она видела как бы со стороны, причем не разливающей чай, как бывало обычно, а у дверей в зал, где восседали гости. Она словно была на подхвате в ожидании опустевшего термоса с кипятком.

«А зачем малышонок запустила туда Камиллу? Делать ей нечего среди гостей, и мама как будто поощряет это. И так тесно за столом», – размышляла она.

Теть Женя радушно улыбалась гостям... Мне больно, – услышал она голос Арлен, – мне больно, ой, байкешка, голова, моя голова раскалывается, – запричитала сестра...».

Мозг Айгель проснулся от душераздирающего крика Арлен. Она открыла глаза и в первую минуту не сразу сообразила о причине перекошенности палаты и силуэта брата, наклонившегося над младшей сестрой.

– Что, что случилось, Арлен? – встревоженно спросил Эрбол.

Сестра корчилась на кровати, от боли обняв двумя руками голову.

– Что с ней? – испуганно спросила Геля.

Хотя и без пояснений было ясно, что случилось что-то плохое.

– Беги за врачом, быстрее, – истерично завопила Айгель.

Эрбол выскочил из палаты. Арлен лежала в той же позе и уже тихо и жалобно скулила, как беспомощный щенок, которому переломали кости.

Айгель заплакала.

– Арлен, солнышко мое, что случилось, сейчас, врачи уже идут, сейчас уже...

Сестра не отвечала, только скулила и скулила.

Вошел палатный врач и быстро прошел к кровати сестры.

– Что случилось, Арлен, посмотри на меня, слышишь, посмотри на меня, – сказал он, не впадая в панику, как будто такое состояние Арлен было привычным делом.

Айгель взорвалась.

– Ты же видишь, она не может повернуться, что-то случилось с ее головой, говорила же, надо обследовать ее. Делай что-нибудь, что стоишь? – почти кричала она.

Вошел медбрат и подал тонометр. Буквально следом за ним в палате появился Арман.

Не сразу сообразив в чем дело, он посмотрел на Айгель и озабоченно спросил:

– Что с Арлен? Почему здесь врачи?

Не дожидаясь ответа, он прошел к кровати жены и взглянул на Арлен через плечо доктора, склонившегося над ней.

– Орлик, что с тобой? – обратился он к жене, стонущей от боли, и сильно сжимавшей голову обеими руками, словно пыталась раздавить ее. Глаза Арлен были зажмурены.

– Помогите мне положить ее на спину, – попросил его доктор.

Он наклонился над Арлен. Видимо, попытка перевернуть ее вызвала сильную боль, так как она снова громко закричала:

– Голова, моя голова, мама, мне больно.

Она с зажмуренными глазами стонала. Лицо ее было красным. Холодный пот выступил на лбу.

– Орлик, родная моя, скажи мне, чем тебе помочь? Доктор, помогите же ей, – взмолился Арман.

Она не реагировала на его голос, продолжая сжимать ладонями голову.

– Да помогите же мне перевернуть ее, – раздраженно сказал врач, пытаясь силой опустить ее руки. К ним подошел Эрбол.

– Арлен, солнышко, надо потерпеть, давай мы положим тебя на спину, – сказал он, помогая Арману перевернуть ее.

Все же им удалось положить Арлен на спину. Теперь, ставший более расторопным, врач начал считать ее пульс. Арлеша стонала, так и не открывая глаз, из-под закрытых век текли слезы.

– Вызови реанимацию, – сказал доктор медбратау.

Через пять минут врачи реанимации пытались поставить ей подключичный катетер, но, то ли опыта не хватило, то ли крики Арлен испугали их, однако им так и не удалось его установить. Все четыре попытки были безуспешными.

– Больно, ой, мне больно, – громко плакала Арлен.

Нервы Айгель не выдерживали.

– Вы что, элементарный катетер не можете вставить, ей и так больно, так еще вы ее мучаете, – возмутилась она.

Дежурный реаниматолог – женщина лет тридцати, видимо, от неудачных попыток так же была на нервах и не осталась в долгу и, развернувшись лицом к Айгель, не менее агрессивно ответила:

– Кто виноват, если она не дает его поставить, лежит тут умничает. Помолчите и не мешайте.

– Ну что, остается только вену искать, – сказала она, обращаясь к палатному врачу.

– Я уже посмотрел. У нее очень плохие вены.

– А что делать, – вызывающе заметила реаниматолог, разглядывая руки малышонка, – надо поискать на ногах. Вот в эту вену можно попробовать, – сказала она, наконец-то нащупав слабую пульсацию на стопе.

– Держите ей ноги, – сказала она, обращаясь одновременно к Эрболу и врачу. Арман стоял у изголовья кровати и с ужасом смотрел на жену. Руки его мелко дрожали.

Раздался крик Арлен, видимо, от боли она дернула ногу:

– Держите лучше, – перекрикивая ее, потребовала доктор.

Айгель лежала, зажмурив один глаз и пытаясь разглядеть то, что происходило на кровати сестры. Слезы катились, еще больше мешая ей видеть происходящее.

Семь попыток прокола в поисках вены на руках и ногах не привели к желаемому результату.

– Я больше не могу, – сказала реаниматолог, уже обращаясь к медбрата, добавила: – Позови со второй реанимации, пусть они попробуют.

Арлен лежала, сжав кулаки, с закрытыми глазами и стонала.

Эрбол был мрачным, не зная, чем помочь сестренке. Врач реанимации вышла из палаты, за ней последовал палатный доктор.

Они остались одни.

– Я чувствую, что с ней произошло что-то нехорошее, – плача сказала Айгель.

– Эжешка, не нагнетайте обстановку, сейчас откапают, и все будет нормально, – грубо прервал ее Эрбол.

– Арлен, Арлеша, – обратилась Геля к сестренке.

Та не отвечала, продолжая стонать. Сердце Айгель сжалось от страха за сестру.

«Господи, помоги ей! Пусть она придет в себя, Господи! Молю, бесконечной верой своей, помоги ей, Господи!»

Вернулся палатный врач и другой, из второй реанимации, со своей процедурной сестрой.

– Где игла? – спросил он у медбрата.

– Вот, – протягивая иглу со шприцем, ответил тот, указывая на лоток, отложенный в сторону.

Айгель замерла в ожидании результата.

– Да, вен совсем нет, – отметил второй врач, обследуя внутреннюю поверхность локтевых сгибов, где уже синели несколько проколов. Потом опустил взор на ноги Арлен и, обнаружив там ту же картину, вновь вернулся к руке. Помассировав туго сжатое запястье, он прощупал пульс на левой кисти. Несколько раз похлопав по ней тыльной стороной своих пальцев, прицелился и ввел иглу. Арлен жалобно заскулила.

Он не попал. Продвинув иглу в нескольких направлениях, с третьей попытки вошел в вену.

– Какое давление?

– Низкое, – ответил палатный врач.

– Где ее история болезни?

– В ординаторской.

– Что собираетесь капать? – уточнил врач реанимации.

Палатный врач ответил. Тот кивнул головой и, заглянув в глаза Арлен, произнес:

– Реакция зрачков сохранена. Ладно, если что, зовите. Чинара дежурит в реанимации?

– Да, она.

Капельница была подключена к вене, и Арман держал руку жены, чтобы та ненароком не двинула ею и не вытащила с таким трудом установленную иглу.

Айгель подозвала медбрата и попросила обезболить ее. Сознание было смазанным, видимо, действие внутривенного введения транквилизатора еще в обед не закончилось. Стресс, пережитый несколько минут назад, окончательно подорвал ее силы, и боль во всем теле акти-

визировалась, причиняя страдания. Веки были тяжелыми и предательски закрывались.

Сделали укол.

– Подай мне воды, – попросила она медбрата после инъекции.

Минералка без газа была противно теплой. Облегчения это не принесло.

Арлен затихла.

– Она что, уснула? – спросила Геля брата.

– Наверное, веки не дрожат, – неуверенно ответил Эрбол, – спросить ее?

– Нет, не буди. Пусть спит. Сколько сейчас времени?

– Уже десять, – устало ответил Эрбол.

– Пусть спит, может, утром ей станет легче. Непонятно, от чего усилились головные боли. Она никогда так не кричала. Значит, боли были невыносимые, но почему?

– Из-за ушиба мозга, сказал же заведующий.

– Я понимаю, что он сказал, я просто думаю, почему они сегодня усилились. Она же не ходила.

За все это время Арман не произнес ни слова. Он словно пребывал в шоке, понимая, что мозг Арлен пострадал намного значительнее, чем в том уверяли врачи. Он знал свою Арлен, свою любимую, которую с первого дня их семейной жизни называл не иначе как Орленочком или Орликом, он понимал, что, если бы повреждения мозга соответствовали диагнозу «сотрясение», то ее личность не изменилась бы так сильно, настолько деформировав ее память и сознание, настолько изменив ее поведение. Орлик была полностью дезориентирована в происходящих с ней событиях, в месте пребывания и в окружающих ее людях. Нет, она оставалась по-прежнему добросердечной и жизнерадостной и встречала всех, кто приходил ее проводить, с радужной улыбкой на лице и восторгом в сердце. Но в ней больше не было места памяти их чувствам, их

любви и привязанностям. Она словно не помнила об этом, относясь к нему лишь как к хорошему человеку, оказавшемуся в трудную минуту рядом с ней. Орлик знала, что он является ее мужем и отцом дочери, но воспринимала это как простую констатацию факта. С таким же успехом она могла общаться с соседями и хорошими знакомыми. Ее память лишилась тайнства, принадлежащего лишь им двоим. Даже про Камиллу она спрашивала только тогда, когда ей напоминали о дочери. Теперь Арлен воспринимала окружающий мир ровно, без душевных всплесков, лишь ее братья и сестры вызывали в ней хоть какие-то эмоции и жили в ее теперешней памяти. Хотя, не увидев их больше двух дней рядом с собою, возможно, забыла бы и про них. Состояние Арлен причиняло Арману невероятную боль и страх за ее жизнь и память.

Вошел врач.

– Ну как она, успокоилась? – спросил он.

Потом наклонился и прощупал ее запястье на правой руке.

– Что с пульсом? – с тревогой спросил Эрбол.

– Лучше, чем было.

– А почему боли стали такими острыми?

– Внутричерепное давление поднялось. Сейчас мочегонное сделали ей, станет легче. И она проспит до утра. А там посмотрим.

– Что посмотрите? – не уяснил Эрбол.

– Дальнейшую тактику, – с некоторым раздражением пояснил врач. – Завтра будет обход с участием заведующего отделением. Он сам посмотрит ее.

– У нее ничего опасного в голове не произошло? – настороженно спросил Эрбол.

– Нет, я же говорю, внутричерепное давление поднялось, сейчас собьем. Если что, я в ординаторской.

И он ушел. Айгель еще раз посмотрела на кровать сестры, прикрытую от ее взора широкой спиной брата, и неспособная сопротивляться насильственному сну, сдалась, уверенная в том, что с сестрой все будет хорошо. Ведь после подключения капельницы она успокоилась и уснула.

Пробуждение было не из легких. Виски ныли. Чувство тошноты подкатывало к горлу. Айгель открыла глаза. За окном стоял рассвет, Эрбол спал на кровати рядом с койкой Арлен, которая не издавала ни стонов, ни плача. Позвоночник Гели раскалывался от боли, но будить брата не хотелось. И без того устал.

«Нужно потерпеть», – дала она себе команду. До ее слуха дошло похрапывание сестры.

«Странно, никогда раньше малышонок не храпела, наверное, от вчерашних страданий», – подумала Айгель.

Но храп усилился, став достаточно громким. Что-то в нем было нездоровое, вызывающее тревогу.

– Арман, – громко позвала она, но никто не отозвался. – Эрбол.

Брат вскочил с соседней кровати, не сразу сообразив, кто его зовет, и стал смотреть на Арлен.

– Она как-то странно храпит, посмотри ее, – нервно сказала Айгель.

Он встал, подошел к сестренке, и тут раздалось нечто среднее между кваканьем и хрипом.

– Арлен, Арлен, что с тобой?! – закричал он, пытаясь приподнять ее за плечи.

Услышав его крик, Геля вздрогнула, а ее сердце, готовое вот-вот выскочить, сильно ударило в грудь, что-то острое вонзилось между ребрами.

– Что с ней? – закричала она, – Эрбол, что с ней?

– У нее судороги! – выбегая из палаты, прокричал брат.

У Айгель перехватило дыхание, ощущение воткнутого в грудь ножа отпустило. Она заплакала.

Арлен минут пять билась на кровати, потом выгнулась и стихла.

Вопль вырвался из груди Айгель:

– Эрбол, быстрее!

Она пыталась вскочить, предательское тело не слушалось. Вбежали врачи.

– Что с ней, что с ней? – как зацикленная пластинка, плача, повторяла она.

– Эжешка, тише, – сказал Эрбол, не отходя от кровати сестры.

– Зрачки широкие, не реагируют на свет, – заметил один из врачей, осмотревший ее, вызывайте реанимацию.

В палату вошли медсестры реанимации, толкая впереди себя каталку. Они при помощи Эрбола переложили Арлен на нее и увезли из палаты.

«Нельзя плакать, нельзя, плохая примета, нельзя», – приказывала мысленно себе Айгель, но страх, закравшийся в ее душу, уже подчинил ее сознание, рисуя страшные картины.

«Господи, Аллах, помоги ей, молю тебя всеми своими силами, спаси мою сестру. Умоляю!» – мысленно заклинала она Господа, слезы непослушно текли горячим ручьем по ее щекам.

«Господи, каюсь во всех своих прегрешениях, осознанных и не осознанных, умоляю тебя, помоги моей сестре, спаси ее, я буду исполнять все твои заповеди смиренно и раболепно, я выдержу любые твои испытания, только помоги Арлен, пусть она исцелится, Господи, будь милосерден. Не откажи в моей мольбе, Господи! Жду милости твоей, Господи! Я никогда ни о чем тебя не попрошу, окажи только одну милость – спаси мою сестру», – мысли путались в голове, единственное, что ясно воспринималось ее сознанием, это вера, нескончаемая вера в Аллаха, способного услышать ее, и спасти малышонка.

Вытянув голову, насколько это было возможным, она прислушивалась к звукам, доносящимся из коридора, в попытке услышать голос Эрбола или Арлен.

Дверь в палату открылась, и вошел Амир. Увидев заплаканное лицо сестры, он встревоженно спросил:

– Что случилось, эжешка?

Оглядевшись, добавил:

– Где Арлен? Что с ней?

Айгель разрыдалась.

– Да что случилось? – испуганно спросил он.

– Арлен в коме, – всхлипывая, сказала Айгель.

– Как в коме, когда?

– Утром, полчаса назад... Случилось ... Она потеряла сознание... Они сказали, что кома, – захлебываясь рыданием, произнесла Геля.

– Где она? – голос его дрогнул.

– В реанимации, Эрбол тоже там. Иди к ней. Амир, молись за нее и Бог поможет.

Амир выскочил из палаты. Айгель осталась одна со своими молитвами.

Прошло, наверное, более получаса тяжелого ожидания, ни Эрбол, ни Амир не появились в палате за все это время, что еще больше нагнетало страха Гели.

«Господи, почему никто не зайдет в палату, не сообщит мне о состоянии Арлен?» – переживала она. Словно услышав ее мольбы, вернулся Амир.

– Ну что там, как ее состояние? – с надеждой в голосе спросила Айгель.

Амир тяжело вздохнул прежде чем ответить:

– Сделали пункцию, в спинномозговой жидкости присутствует много крови.

Зрачки Гели сузились до точки, возник шум в голове, комнату перекосило еще больше.

Видимо, она очень сильно побледнела, и Амир, взглянув на нее, тут же подбежал к ней со словами:

– Эжешка, вы что, только вашего ухудшения сейчас не хватало, – похлопывая ее по щекам и растирая ладонь и пальцы рук, говорил с ней Амир, – эжешка, вы меня слышите?

– Слышу, – тихо ответила Геля.

– Я сейчас врачей позову, полежите немного. Сейчас, – и выбежав в коридор, обратился к проходящей мимо медсестре:

– Врача, срочно в одиннадцатую палату, эжешке плохо, – и вновь вернулся к сестре.

Щеки Айгель уже порозовели, но дыхание было частым. В голове стоял шум и треск. Сердце лихорадочно билось, готовое выскочить из груди.

– Сейчас, эжешка, как вам, уже легче? – озабоченно глядя на нее, спросил он.

– Да. Кровь в спинномозговой жидкости... это плохо. Что говорят врачи?

– Сейчас повезут ее на томографию мозга, ждут санитарную авиацию.

– Я же просила их обследовать ее, мы же все время просили сделать ей компьютерное исследование...

– Заведующий отделением говорит, что это старая гематома прорвалась в ликвор, что такое бывает...

– Какая старая гематома, раньше ведь не было крови. Она появилась только сегодня, значит, случилось что-то другое, может сосуд лопнул или еще что-нибудь, – перебивая брата, раздраженно сказала она.

Вошел врач, Геля его не знала.

– Что случилось? – спросил он у нее.

– Ей стало плохо, она побелела и впала в обморок, – поясняя ситуацию ответил за сестру Амир, – я растер ей руку и несколько раз ударил по щекам...

– Зачем?

– Все как-то автоматически произошло, я знал, что

при обмороках обычно делают так, – виновато начал оправдываться Амир, – но ей стало немного лучше, и тогда я пошел звать врача.

Доктор осмотрел ее лицо, теперь уже оно было красным, словно после жаркой бани, заглянул в глаза, попросил подвигать ими в разные стороны.

– Как видите? – спросил он.

– Плохо.

– Сколько пальцев видите?

– Одним глазом? – уточнила Айгель, закрывая глаз.

– Почему одним?

– У меня сильное двоение, если смотреть обоими глазами.

– Давно так?

– После аварии, – пояснил Амир, вступая в разговор.

Измерив давление, доктор спросил:

– А какое ваше рабочее давление?

– Не знаю, раньше было сто десять на восемьдесят, утром девяносто на шестьдесят.

– Высоковато для вас, – констатируя факт, заметил врач.

– Сколько? – поинтересовался Амир.

– Сто семьдесят на сто.

– В голове сильно шумит и стрекочет, – сказала Айгель.

Доктор согласно кивнул.

– Сейчас вам сделают укол, – сказал он и вышел из палаты.

– Амир, где Арлен, в реанимации? – спросила Геля.

– Да.

– Ты сходи туда и узнай, как там все, что с ней? Может, стало лучше?

– А вы?

– Что я? Я буду лежать и ждать тебя.

– Нет, вы как себя чувствуете? Сами останетесь?

– А что со мной будет, сказал же он, что сейчас сделают укол, и все нормализуется, ты иди к Арлен, может, помощь твоя нужна, Эрболу поможешь поднять ее на носилках или другое что-нибудь, ну не знаю что, иди туда....

Вошла медсестра.

– В памперсе? – спросила она Гелю, вводя лекарство в подключичный катетер.

– Да, только он уже весь полный, вы помогите мне его поменять.

– Больше некому? – уточнила медсестра.

– А что, вам сложно помочь мне? – не скрывая возникшей неприязни, сказала Айгель.

– У меня много внутривенных процедур, сейчас времени нет, я позову к вам постовую сестру.

Айгель не ответила.

Вмешался Амир:

– Эжешка, я заменю, не переживайте.

– Как ты себе это представляешь? – совсем разволновавшись, зло заметила Геля.

– Что вы ей вводите? – спросил Амир.

– Магнезию и потом фуросемид еще.

– Это мочегонное?

– Угу.

– Амир, иди к Арлен, – требовательно сказала Геля и, несмотря на тошноту и оглушающий треск в голове, добавила, – мне уже намного лучше.

– Памперс мне меняет другая медсестра или санитарка.

– Я позвонил Айке. Она скоро придет.

– Зачем ты позвонил ей, пусть остается возле мамы. Ей тоже нужна помощь.

Пусть не отходит от реанимации ни на минуту, наоборот, попытается пройти к ней.

Перезвони ей, пусть не приезжает, – кипя от возмущения, выдала Геля. – А ты иди к Арлен.

Амир не стал спорить, видя агрессивное возбуждение сестры и молча вышел из палаты.

Через пятнадцать минут он вернулся обратно и сообщил:

– Мы едем на томографию. Вам легче?

– Да. Она так же без сознания?

Амир кивнул головой и ушел.

АД ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Шум в голове несколько уменьшился. Мочевой пузырь разрывало от позывов, но моча не шла. Это было что-то новое. До этой минуты она не держалась, постоянно пассивно вытекая без особого наполнения. Теперь же...

Геля попыталась тужиться, это причинило боль груди и спине. Переведя дыхание, она еще несколько раз тщетно старалась выдавить из себя хотя бы каплю мочи. Результат остался отрицательным. То ли от потуги, то ли от переполненности до максимальных пределов, но мочевой пузырь, словно взбесившись, постоянно пульсировал, заиклившись все ее внимание на себе. Теперь Геля думала только об одном, как бы опорожнить его. Случайно заглянула заблудившаяся женщина.

– Позовите, пожалуйста, медсестру, – взмолилась Айгель, – срочно!

– Хорошо, – несколько растерянно промолвила женщина, закрывая за собой дверь.

«Надо отвлечься от пузыря, думать о чем-то другом, перепрограммировать свое внимание», – мысленно убеждала она себя. Но и это не принесло облегчения.

– Звали? – спросила медсестра, подходя к ней.

– Да, у меня, кажется, сейчас лопнет мочевой пузырь. Мне сделали мочегонное, а сфинктер спазмировался и не пускает мочу. Может что-то можно сделать, не то будет катастрофа.

– Я сейчас позову кого-нибудь, – сказала медсестра и вышла из комнаты.

Спустя несколько минут вернулась с резиновым катетером.

– Нужно установить его в пузыре, раздвиньте ноги, – сказала она, наклоняясь.

– Я не могу раздвинуть, они не слушают меня. Другого варианта помощи нет?

Девушка отрицательно покачала головой. В этот момент дверь палаты открылась и на пороге возникла Айка.

– Эжешка, что случилось? – взволнованно спросила она сестру.

– Арлен в коме, – чуть не плача, произнесла Айгель, – в спинномозговой жидкости кровь. Это плохо. Наверное, ее будут оперировать. Сейчас Эрбол с Амиром повезли ее на томографию. – Слезы Айгель все-таки прорвались наружу.

– Я в курсе этого, мне байкешка звонил. Все будет у нее хорошо. Я даже не думаю о плохом. И вы даже мысли не допускайте.

Она вопросительно посмотрела на медсестру, видя в ее руке катетер.

– В чем дело?

– Эже пописать не может, говорит, что мочевого пузыря лопается. Вот пытаюсь помочь.

– А что, моча не выходит? – озабоченно спросила Айгерим сестру, – она же у вас текла бесконтрольно...

– А сейчас возник спазм, – уже не имея сил терпеть, всхлипывая, сказала Геля.

– Дайте, я посмотрю, – сказала Айка, поднимая покрывало и прощупывая область мочевого пузыря, которая к этому моменту сильно вздулась.

– Надо срочно выпускать мочу, давай я помогу тебе, – обратилась она к медсестре, подгибая ноги Айгель в

колених, – сейчас, эжешка, потерпите чуть-чуть, вот... хорошо... – Тебе так будет удобно? – спросила она медсестру, уступая ей наиболее удобное для проведения процедуры место.

– Да.

– Ай, – простонала Айгель, почувствовав режущую боль.

– Осторожней вводи, – сказала Айгерим девушке и, встревоженными глазами поглядев на сестру, добавила, – все, эжешка, уже все, ну вот и моча пошла, сейчас станет легче.

То ли от перенапряжения мочевого пузыря, то ли еще от чего, но Айгель не почувствовала облегчения, пульсирующие волны боли продолжали беспокоить ее.

– Моча выходит? – спросила она сестренку.

– Да, а вы разве не чувствуете?

– Нет, кроме боли я ничего не чувствую.

– Уже больше пол-литра вышло и еще продолжает течь, вы что, с утра не ходили в туалет? – Не знаю, не чувствовала. Но постель, кажется, влажная, – виновато сказала Геля.

– Это мелочи, сейчас все заменим, вас, наверное, не передевали еще, вся футболка мокрая и простыня тоже?

– Мне стыдно просить Эрбола, я же голая, а больше было некому это сделать.

– А санитарки? – спросила Айгерим, потом вспомнив состояние сестры, сказала, – ну да...

– Все, наверное, моча больше не капает. Больше литра вышло. Действительно, мог лопнуть. Катетер пока убирать не будем, вдруг снова такое повторится, сейчас я зафиксирую его у кровати.

– Я тогда пойду? – спросила медсестра.

– Да, конечно, если что, я позову тебя, – сказала Айка девушке, – спасибо.

Айгель почувствовала облегчение. Теперь ее мозг мог думать о чем-то другом, кроме мочевого пузыря.

– Ты же у мамы должна быть, почему приехала? Кто возле нее?

– Там тетя Майрам с дочкой. Не переживайте. К ней все равно не пускают, стоим у дверей.

– Как ее состояние? – с надеждой в голосе спросила Геля.

– Лучше, – коротко ответила сестра.

– А в чем лучше? С аппарата сняли?

– Да, сегодня сняли. Но пока еще тяжелая.

– Ухудшение состояния, что ли?

– Нет, состояние стабильное, но ведь она все равно еще очень тяжелая. И Аня тоже.

– Ты видела ее детей?

– Да, Костю видела, он вам привет передает, желает выздоровления. Я предложила помощь, говорит, что все есть, в случае чего обратятся, – опережая следующий вопрос сестры, сказала Айка.

– Это хорошо, что их состояние стабильно. Нужно время, главное, что все живы, – как-то успокоившись, тихо произнесла Айгель. Потом вновь вспомнив о сестре, с тревогой в голосе сказала:

– Что-то они долго с Арлен, хоть бы там все было хорошо, Господи, хоть бы результаты обследования были обнадеживающими. Надо позвонить дяде Таиру, чтобы он приехал и переговорил с профессором, пусть попросит, чтобы тот сам лично прооперировал малышонка. Я знаю многих людей, кого прооперировали с таким же диагнозом, даже с гематомами больших размеров, чем у Арлен, и у всех был хороший исход.

– Их профессор Сасыкбаев оперировал?

– Нет, не только, и в других клиниках. Но у всех все закончилось хорошо.

– Это обнадеживает, – устало заметила Айгерим, – я не взяла свежих простыней, может, съезжу домой за ними.

– Сейчас не надо, давай дождемся Арлен, потом, если что...

– Ну как не надо, вы же на мокрой от мочи простыне лежите и футболка на спине вся мокрая. Я мигом, за двадцать минут обернусь. Тут же рядом, я на машине, – настаивала Айка.

– Ладно, как знаешь, только не гони машину, будь осторожней на дороге, видишь, что с нами случилось?

– Не переживайте, я мигом, – и Айгерим ушла.

Геля осталась опять одна. Страхи за сестренку, за маму и за девочек вновь овладели ее сущностью, парализовав сознание. Она больше ни о чем не могла думать, кроме как об аварии. Закрыла глаза, сосредоточилась...

Улыбающееся лицо мамы появилось перед ее глазами. Геля помнила миг этого выражения, за два дня до аварии, в пансионате, когда мама рассказывала ей о своем удивлении при неожиданном появлении на пляже Эрбола.

– Я прямо опешила сначала, смотрю, по пляжу идет мужчина – копия моего сына, но я-то знаю, что он в Бишкеке, поэтому в первый момент даже не обратила особого на него внимания. Потом гляжу, этот мужчина приближается ко мне, присмотрелась, а это мой сыночек собственной персоной. Ничего себе, думаю, вчера только вечером говорили с ним, он жаловался, что рабочие затягивают с ремонтом, привязав тем самым его к квартире, так что даже в магазин за хлебом сходить не может, а тут явился как солнышко над озером в плохую погоду. Хорошо, что я сидела...

Геля помнила каждое слово, сказанное тетей Женей тогда, но вдруг образ матери растворился, и возникло новое видение – черное BMW, несущееся по встречной полосе прямо на нее.

«Почему я не увидела его заранее? – в который раз она мысленно задалась вопросом, – почему? Ослепла я, что ли? И почему ее не увидели другие? »

Испуганные лица молодого русоголового человека, сидевшего за рулем, и очень юной девушки рядом с ним высветились в ее сознании четкой картиной. Она пыталась повернуться, но не успела. Сбоку, с ее стороны, раздался скрежет металла и дикий крик тетя Жени,... и образовалась черная дыра в ее памяти. Больше она ничего не помнила, только душераздирающий вопль матери...

– Господи. Сделай так, чтобы это было сном. Пусть самым кошмарным, но всего лишь сном, – взмолилась она вслух. – Ты же волен сделать это, Господи! Тебе ничего не стоит переиначить тот день и не выпускать нас из дома под любым предлогом, сотвори чудо!

Она услышала шум подъехавшей машины и потом голос Эрбола:

– Осторожнее, Амир, держи ровнее. Голова идет вперед...

Сердце Айгели набрало обороты и бешено забилося. Его удары гулким эхом отдались в ушах. Голоса стихли. Геля, напрягая слух, пыталась уловить звуки в коридоре. Попытка выгнуть голову для лучшего прослушивания не увенчалась успехом. Тяжелая голова не подчинялась, оставаясь обездвиженной на месте. Вдруг она уловила чьи-то шаги, кто-то подошел к ее двери, остановился. И тут раздался голос брата.

– Сейчас, узнаю только, как эжешка? – сказал Амир, заглядывая к ней в палату.

– Как вы? Айка приехала? – уточнил он.

– Да, – ответила Геля, пытаясь на глаз определить по его лицу результат томографии, не получилось. Степень озабоченности на лице брата не изменилась с момента его первого появления сегодня. Видимо, настроенность

и испуг, смешанные с надеждой, застыли в расширенных зрачках сестры, так как недолго раздумывая, Амир сообщил:

– Это новое кровоизлияние. Вернее сосуд тот же самый, видимо, несмотря на ошибочный диагноз и прогноз врачей, надрыв в сосуде продолжал кровоточить, не переставая, пока полностью не прорвался. Более того, мы с Эрболом думаем, что все эти дни гематома только нарастала, поэтому у нее не прекращались боли.

Он устало сел на стул и, потирая лоб ладонью левой руки, тяжело вздохнул.

– Все эти дни ей становилось хуже, а мы считали, что так и должно быть...

Айгель не верила своим ушам, словно это было неправдоподобным кошмаром.

– Этого просто не может быть, – вырвалось у нее, – наверное, ошиблись снимками, они же убеждали нас, что все идет, как положено, согласно их диагнозу... клинике... маленькой гематомы, даже готовили ее к выписке, подожди,... – сказала она, переводя дыхание, – там не могли что-то напутать?

– Нет, ее сейчас готовят к операции. Бреют голову...

– Дай мне воды, – попросила Айгель, чувствуя, что вновь надвигается ощущение провала в бездну.

– Что случилось, эжешка? Вам плохо?

– И корвалол тоже дай, – делая частые глотательные движения, сухими губами сказала Геля.

Амир поднес бокал с водой к ее изголовью, но прежде, чем дать ей отпить, отлил себе в ладонь немного воды и побрызгал на лицо сестры. Это освежило ее, приводя в чувство, Геля отпила воды, но гул в голове нарастал. Собравшись с силами, она сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь восстановиться. Привкус лекарства все еще стоял на губах.

– Еще воды, – попросила Айгель.

Амир выполнил ее просьбу.

Сердце начало сбавлять обороты, шум в ушах уменьшился. Она посмотрела одним глазом на брата.

– Мне лучше, иди к реанимации, – сказала она ослабевшим голосом, – узнай, что решили, кто будет оперировать. Дозвонитесь до дяди Таира, переговорите с Сасыкбаевым, попросите, пусть лично прооперирует, все же опыта больше, чем у его учеников. Иди.

Амир посчитал пульс, он равнялся пятидесяти ударам в минуту.

– Мне уже лучше. Не трать время зря. Свяжитесь, – она снова сделала глубокий вдох, – с дядей Таиром.

Амир вышел. Геля осталась одна, в голову лезли недобрые мысли.

«Господи милостивый и милосердный, Господин мой и Царь мой в день суда моего, – вновь мысленно взмолилась она, – молю Тебя с надеждой, не оставь мою сестру в эту трудную минуту. Молю Тебя, не откажи мне в своей милости, спаси жизнь Арлен, сделай так, чтобы операция прошла удачно, без осложнений и она вернулась ко мне живой и здоровой. Как я буду смотреть маме в глаза, если не уберегу ее. Господи, возьми мою жизнь, я отдам ее без сожаления, без оглядок, только спаси мою сестру. Если же понадобится, чтобы я все оставшееся мне время, отведенное Тобой, пребывала в молитвах и поклонении Тебе, я буду самой верною Тебе рабой, только помоги моей сестре Арлен», – слова мольбы исходили из самых глубин ее сердца. Горячие слезы текли по щекам. Она непреодолимо верила, что Бог услышит ее и обязательно поможет, ведь Он всепрощающий и милосердный.

В палату вернулся Эрбол. Усталый вид его был болезненным. Айгель только теперь обратила внимание, что виски брата поседел. Он подошел к столу, налил себе минеральной воды и залпом выпил.

– Как вы, эжешка? – спросил он, отставляя бокал в сторону и присаживаясь на стул возле ее кровати. – Не плачьте, а то опять будет плохо, – сказал он упавшим голосом, тяжело вздыхая.

– Ну что там? – прикрыв один глаз для лучшего зрения, спросила Айгель, – кто будет ее оперировать? Профессор?

– Сегодня операции не будет.

– Почему? – не дожидаясь пояснений, спросила она.

– Сасыкбаев сказал, что возьмет ее на стол планово, завтра в десять утра...

– Как планово, если у нее бежит кровь из лопнувшего сосуда, это они ее прозевали, мы же просили обследовать, сделать томографию мозга, просили же, – переходя на крик, возбужденно сказала Геля, – это они ее прозевали...

– Тише, не кричите, и так голова болит, – не совладав со своим раздражением, резко произнес Эрбол, – они говорят, что у нее была аневризма сосуда в головном мозге, и именно она и лопнула.

– Аневризма? – так же нервно переспросила Геля, – не было никакой аневризмы!

– Но вы откуда знаете, была она или нет?

– Знаю, год назад мы все прошли ядерно-магнитную томографию во второй республиканской больнице, аневризмы не было, иначе бы я знала.

– Не знаю, может, она потом появилась в результате аварии, не знаю.

До нее наконец-то дошел смысл его слов. «Значит, результат аварии... Господи, это я виновата, что она теперь в коме. Это из-за меня она лежит в реанимации... Господи! Что делать, почему ее не оперируют?» – мысли кишели в ее голове, как черви. За все это время она впервые осознала близость смерти, до нее наконец-то дошел весь ужас случившегося там на дороге...

«Как я маме объясню это все, как я буду смотреть ей в глаза, малышонок, родная моя, дерись, карабкайся, не сдавайся, все будет хорошо, ты поправишься, обязательно поправишься...», – думала она.

Эрбол заметил, как сестра, сильно зажмурившись, безостановочно, почти не слышно бормочет что-то непонятное. Он насторожился, встал, подошел к ней вплотную и прислушался. Разобрать слова не удалось.

– Эжешка, вам плохо, что вы там шепчете?

Айгель не слышала его. Эрбол тронул ее за руку и повторил вопрос.

Сестра открыла глаза, сильно двоилось, лица брата она не разглядела, две головы вместо одной с наложником друг на друга исказили его черты. Голова кружилась.

– У вас все нормально? – откуда-то издалека гулким эхом послышался голос брата.

– Что? – не разобрав его слов, спросила она. Прикрыв один глаз, Геля увидела, как Эрбол говорит с ней, но слов его не услышала, лишь шевеление губ.

– Что? – с испугом глядя на него, еще раз спросила она, – я, кажется, не слышу тебя, что-то с моими ушами, – прикасаясь к уху правой рукой, она несколько раз нажала на козелок. Не помогло. Эрбол спешно вышел из палаты, как потом выяснилось, за врачами. Геля лежала, закрыв глаза и беспрестанно молясь. Она почувствовала прикосновение к руке, открыв глаз, она увидела своего палатного врача, склонившегося над ней. Нужно отметить, что несмотря на то, что они с Арлен находились в одной палате, лечащие врачи у них были разными. Ее доктор, мужчина лет двадцати семи-восьми, был плотного телосложения, приятной внешности и адекватен в поведении, как и следовало быть врачу, однако профессионального опыта, как покажет жизнь, ему тоже не хватало. Но возраст ему позволял повышать свою квалификацию. Звали

его Амангельды. Итак, это был он. Приподняв пальцами ее веки, Амангельды стал смотреть в ее зрачки, светя в них маленьким фонариком. Айгель зажмурилась. И тут, словно отзвуки эха, до ее слуха дошли глухие слова:

– Вы меня слышите? Отвечайте, – он процупал ее запястье, считая число сердечных ударов и начал измерять давление.

Уши ее начали понемногу открываться, возвращая ей прелесть звуков. Но теперь в них побочным фоном шумел ветер.

– Эже, как вы себя чувствуете? – вновь спросил доктор, пока медсестра набирала в двадцатиграммовый шприц какое-то лекарство.

– Теперь слышу, но очень слабо, мешает вой ветра, – ответила она.

– Упало давление, – пояснил он Эрболу, – семьдесят на сорок пять, нужно капать. Сейчас введем ей внутривенно струйно, чтобы быстро поднять давление, затем будем капать. Эже, вы, наверное, расстраиваетесь, поэтому падает давление, нужно успокоиться, иначе потом с вами будем ...

Он не договорил, что именно они будут? Но Эрбол и без этого все понял. Пришел Амир.

– Что с эжешкой? – взволнованно спросил он у брата.

– Давление падает.

– Утром тоже был криз, внутривенно вводили лекарство.

– Когда утром? – не совсем поняв время, уточнил Эрбол.

– Когда Арлен в реанимацию увезли, ты был там с ней...

– А кто сделал ей назначение? – спросил палатный врач несколько удивленно.

– Какой-то врач из ординаторской, тебя там не было.

– Что ввели?

– Не знаю.

Айгель почувствовала прохладную струю, которая потекла по венам во время внутривенной инъекции. Еще один укол Геля ощутила у себя на передней поверхности бедра, куда вошла игла от шприца. Впервые за все это время она почувствовала болезненность при внутримышечном уколе в ногу. Мышца в месте инъекции мелко задергалась, словно ее пронзила дрожь. Слух восстановился полностью. Но голова стала очень тяжелой, хотя головокружение уменьшилось.

Дверь открылась, и вошел Арман. Увидев встревоженные лица братьев Арлен и медсестру, склонившуюся над Айгель, спросил:

– Что-то случилось?

Амир взглянул на него и расстроенным голосом произнес:

– Давление падает.

Арман прошел к кровати жены и сел, устремив взор в сторону Айгель. После инъекции ей стало лучше. Медсестра ушла, предварительно померив давление и сделав запись в своем карманном блокноте. Поймав на себе взгляд зятя, Айгель посмотрела на него и спросила:

– Как там Арлен?

– Капают, – сказал он, – мне нужно купить еще лекарства для нее, в здешней аптеке нет.

Я отъеду, а вы, – обратился он к Эрболу, – присмотрите за Арлен. Я скоро. – Езжай, сейчас пойду к реанимации. Переговорю с дежурным врачом и проведу Арлешу. А вы, эжешка, держите себя в руках. Не плачьте, все будет хорошо.

– Ты обещаешь это? – с надеждой в голосе спросила она.

Он пристально посмотрел на сестру, думая о чем-то своем, потом произнес:

– Конечно, все будет хорошо. Я в реанимацию. Амир, ты наблюдаешь за эжешкой. А ты поезжай за лекарством, деньги есть у тебя?

– Есть немного. Должно хватить, – как-то неуверенно сказал Арман.

Эрбол достал из кармана джинс портмоне и протянул зятю крупную купюру.

Арман взял деньги.

– Если что, звони мне, – сказал ему Эрбол и первым вышел из палаты.

Арман последовал за ним.

Когда они с Амиром остались одни, Геля сказала брату:

– Не держите Армана здесь, пусть будет возле дочери. Вдруг ее переведут в палату, он должен быть рядом. А здесь мы и сами справимся без него. От того, что он стоит возле закрытых дверей реанимации, толку мало. Камилле он нужней.

– Но там он тоже стоит возле дверей реанимации.

Геля устало посмотрела на брата и сказала:

– Представляешь какво Камилле, нет рядом ни мамы, ни папы...Пусть едет туда.

– Но она же, не знает об этом, я имею в виду Ками.

– Все она знает, она все чувствует...

– Хорошо, я скажу Арману, как только он принесет лекарства.

– Что-то Эрбол пропал. Сходи, узнай, как там Арлен? – попросила Геля.

– Хорошо, эжешка, – не споря с ней, сказал он и вышел в коридор.

После слов Эрбола надежда в душе Гели как-то окрепла, она поверила в благополучный исход операции. Единственное, чего она так и не понимала, так это почему сестренку не оперируют срочно? Причины затягивания хирургического вмешательства были не только не ясны ей, а наоборот – вызывали недоверие в компетентности врачей.

«Господи, – снова мысленно взмолилась она, – сотвори чудо, пусть Арлен очнется и заговорит со мной. Верни

ей сознание, облегчи состояние, исцели ее, Господи, уповаю на милость Твою, от Тебя одного жду помощи и не теряю надежды на Тебя. Помогите, Господи, спаси мою сестренку, избавь ее от страданий и верни ее мне живой и здоровой». Айгель закрыла глаза и очень четко неожиданно для себя увидела мчащуюся навстречу черную машину и испуганные глаза девушки, сидящей рядом с водителем. До удара оставались считанные секунды. Ее душераздирающий крик перекрыл вопль матери, сердце бешено заколотилось. Геля резко открыла глаза, тяжело дыша...

Вернулась Айка с полным пакетом простыней.

– Как вы, эжешка? Что вам капают? – спросила она, разглядывая флакон в капельной системе.

– Не знаю, что-то от давления.

– Оно поднялось?

– Говорят, наоборот, упало. Сейчас уже лучше. И глаза прояснились, и уши открылись.

– Вы теперь хорошо видите? – обрадованно спросила Айка.

– Четче, но только одним глазом.

– Двоение не прошло?

– Нет.

Вошел Амир.

– Привет, Айка, ты где была?

– Ездил за чистым бельем для эжешки, как там Арлен?

– В коме, под капельницей.

– Еще не пришла в сознание? – с тревогой в голосе уточнила Айгерим.

Амир отрицательно покачал головой, прошел к окну и сел на стул, опираясь на стенку.

– Надо как-то переодеть эжешку и простыню поменять, она вся в моче, – озабоченно сказала Айка.

– Да уже подсохла, наверное, пусть остается, – воспротивилась Айгель.

– Еще чего, пролежни потом будут. Вот только, как нам это проверить. Двигать же ее нельзя, – обращаясь к брату, вздохнула она.

– Будем скатывать с одной стороны, ты ей памперс одень и начнем.

– Осторожней, у нее запрокинулась голова, надо поправить ее... просовывай ей под ноги левый край. Теперь тяни на себя, я буду держать ее таз, фиксируя на месте, – говорила Айка, то ли подсказывая брату, то ли подстегивая свои действия.

– Держи ее плечо и немного захвати спину одновременно со мной, на счет три приподнимаем левую половину тела и одним движением переворачиваем ее на бок, вот хорошо, – напрягшись от усилий, сказал Амир, – держи, так ... поехали.

Одним совместным плавным движением брат и сестра уложили Айгель на бок. Она застонала от резкой боли, прокусив нижнюю губу до крови.

– Все, эжешка, потерпите немного, сейчас, – продолжая действовать, сказал Амир, – Айка, сразу снимаем футболку сначала с левой руки, так... хорошо... тяни еще, все. Теперь придерживай одной рукой таз, другой плечо, я тем временем просуну простыню и пеленки под эжешку, хорошо, вот... все, укладываем ее обратно на спину. Фу, передохнем, да, эжешка? – ласково глядя на сестру, с теплом в голосе произнес он, – отдохните.

Посмотрев на тяжело дышащую сестру, он заметил кровь на губах.

– Вы прокусили, так было больно? – глядя ее руку, сочувственно сказал Амир.

– Может, обезболивающее лекарство сделаем, – жалобным голосом попросила Айгель.

– Конечно, эжешка, вот только достелем вторую половину простыни, уже не будем вас двигать, я просто просуну руку и вытяну ее. А Айка пока сходит за медсестрой.

Айгерим вышла из палаты. Амир просунул руку и расправил пеленки. Каждое его движение причиняло ей острую боль, она стиснула зубы до боли в челюстях.

– Ну, вот и все, теперь вы сухая и чистенькая, – как ребенку нарочито игриво сказал он, укрывая ее покрывалом.

– Повязка на голове сползла, надо тоже поправить, – сказал Амир, подтягивая бинты на ее голове, – завтра перевязку сделаем, новую повязку наложат. А потом, когда рубцы все заживут, швы снимут и повязку совсем уберут. И будете вы опять красивая, волосы отрастут, прически делать будете, – убаюкивающим голосом мягко ворковал он.

– Много швов наложили? – спросила Геля.

– Кажется семнадцать, но это ведь мелочи, самое главное, чтоб зажило все, а волосы отрастут – их прикроют.

Пришла Айка с медсестрой. Сделали укол в бедро. Айгель ощутила неприятное жжение в месте инъекции и поморщилась.

– Больно-то как, – промолвила она.

– Вы начали чувствовать, эжешка? – обрадованно спросила Айка.

– Больно, – подтвердила Геля, не поняв смысла вопроса сестры.

– Восемнадцать дней вам делают уколы в ногу и только сейчас вы почувствовали их.

– А до этого? – уточнила Айгель.

– Лежали без реакции, словно ничего и не было. Значит, появилась чувствительность в ногах. Это же замечательно, глядишь, скоро и движения в ноге восстановятся.

– Ты думаешь? – с зародившейся надеждой в голосе спросила Айгель.

– Конечно, эжешка, правда Амир? – ища поддержку, обратилась она к брату.

Геля закрыла глаза и мысленно обратилась к Богу.

«Господи, спасибо тебе за улучшение в моем состоянии, если вернешь мне подвижность ног, я буду всегда благодарна тебе в душе, но молю тебя, окажи милости не мне, а Арленочке, ей ты сейчас нужен больше. Господи, помоги ей поправить свое здоровье. Не оставь ее в эту трудную минуту без своего участия и милости. И я до последнего вздоха буду носить в сердце и на устах имя Твое, восхваляя Тебя и служа Тебе».

Веки почему-то начали тяжелеть, мысли путаться. Клонило в сон.

«Только не усни, – давала она себе установку, – не смей, молись за сестренку, дерись за нее, не смей спать!»

«Господи, спаси мою сестру...», – было ее последней внятной мыслью, потом сознание уступило место сновидениям:

Это были опять горы, темные и высокие... Наступили густые сумерки, создавая иллюзию мрачного места. Айгель лежала на холодной земле. Этот холод она остро чувствовала, он пронизывал все ее ноющее тело. «Я упала с вершины», – решила Айгель и, приподняв голову, стала озираться по сторонам. Здесь была каменистая местность без следов растительности. Где-то слева от нее доносились непонятные звуки, то ли плакал ребенок, то ли скулил щенок, то ли выл ветер. Но колебаний воздуха она не ощутила.

«Значит, не ветер», – констатировала Айгель и начала подниматься. Почувствовала острую боль в ногах, словно невидимые огромные гвозди вонзились в ступни. От неожиданности она упала, причиняя тем самым себе новую боль. Отдышавшись и передохнув, женщина вновь поднялась в рост и сделала свой первый шаг. Ноги были босыми, земля была усыпана мелкими острыми камнями, словно гравием. Она ощутила непреодолимую тягу, исходящую из чернеющей пещеры.

«Что меня вечно несет в эти катакомбы», – возникла мысль в ее мозгу. Но тяга была сильнее ее воли, и она по-

шла. Страху почему-то не было. Зияющий черный рот пещеры вскоре поглотил ее. Она услышала многоголосье людских стонов, насторожилась, определяясь с направлением. Звуки шли откуда-то слева. В этом месте забрезжил ровный, еле уловимый глазом свет, словно было время, когда ночь уступает место первым признакам рассвета, еще не светало, но уже не мрак. Айгель помолилась:

– Господи, предаюсь воле Твоей и с верой в Тебя ступаю в неизвестность.

И пошла. Сколько плутала по темному каменному лабиринту, точно сказать не могла, поняла только, что очень долго. Не было здесь ни поджидающих опасностей, ни пугающих чудовищ. Просто пустой холодный темный туннель, по которому она продвигалась. Что-то влекло ее в глубину, и Геля смиренно шла. Неожиданно возник свет, словно кто-то приоткрыл занавес в миг раннего утра, и она узрела впереди себя огромную массу людей, пребывающих в стенаниях и мольбе. Более просторная пещера, как большой зал, вместила в себя всех этих людей, стоявших в трех очередях людского потока, упирающихся в закрытые двери. Айгель подошла и интуитивно поняла, к какой из очередей принадлежит. Это была третья очередь, с правого края от входа в это место – поток людей, молча продвигающихся к своей двери. Заняв место в очереди, Айгель начала оглядываться на соседние ряды плачущих и молящихся людей. Ее осенило. Это дороги в ад и рай. Осознание данного факта ее не испугало, а даже заинтриговало. Она посмотрела на начало своей очереди, упирающейся в тяжелую дверь, и только теперь заметила двух людей, стоящих на ее страже и выполнявших роль таможенного контроля. Внимательно приглядевшись, в одном из них узнала своего давнишнего знакомого. Сердце ее возрадовалось. Он заметил ее в толпе и поманил к себе движением кисти. Не понятно как, она вдруг оказалась рядом с ним в начале своего потока.

– Здравствуй, – сказала ему Айгель.

Он не ответил, только строго посмотрел. Шепнув что-то своему соседу, прошел в сторону от дверей. Айгель последовала за ним.

– Переверни свою рубаху, ты надела задом-наперед и встань в первый ряд, ты не на своем месте.

– Эта дверь ведет в рай? – спросила Айгель.

– Встань в первый ряд и надень правильно рубашку, – повторился он и ушел на место.

Айгель окинула себя взглядом сверху донизу и только теперь заметила, что стоит в тоненькой марлевой рубашке, одетой наизнанку, швами наружу. Она осмотрела всех присутствующих, остальные были одеты тоже в белые рубашки до пят. Не осознавая стыда, она скинула одеяние и, вывернув его, надела обратно. Подойдя к первой очереди, встала в самом конце. И только тут увидела маму, стоявшую в середине второго ряда с опущенной головой и о чем-то тихо шептавшую. Сердце ее возликовало.

– Мама! – закричала она, но тетя Женя ее не услышала, – мама, это я, Айгель! – еще громче обратилась она.

Тетя Женя осталась безучастной, даже не взглянув на нее. Геля прошла к ней, но невидимая стена, четко ощущаемая ею, как нечто плотное, словно стекло, преградила ей путь. Щупая руками, она двинулась уже назад, пытаясь найти пройденный ею путь, как длину реальной стены. Айгель не могла понять, в чем дело, но даже в том месте, где только что был проход, через который она несколько минут назад прошла, продвигаясь к своей очереди, теперь выстроилась невидимая стена, делившая пространство зала на несколько изолированных друг от друга площадей. Это ввергло ее в глубокое расстройство. Геля направилась назад к тому месту, на уровне которого стояла ее мама. Очередь продвигалась медленно. Тетя Женя практически сдвинулась лишь на одного человека.

Айгель забарабанила по стеклу, громко зовя свою маму. Но та оставалась безучастной к ее воплям. Потеряв всякую надежду, она устало закрыла глаза и мысленно представила свою мать стоящей рядом. Теть Женя оглянулась, словно что-то почувствовав, и увидела дочь. От неожиданности Айгель открыла глаза. Мама стояла рядом с ней на расстоянии одного локтя.

– Мамуля, – каким-то внутренним чутьем понимая, что ее время на исходе, быстро проговорила она, торопясь успеть предупредить, – мамуль, нужно срочно перевернуть рубашку лицевой стороной и встать в первую очередь. Там двери в рай. Мамуль, быстрее. Если увидите кого-то из наших, скажите им об этом.

Теть Женя встревоженно смотрела на нее немигающим взглядом, не проронив ни слова, она начала отдаляться, словно невидимая рука уносила ее куда-то вдаль.... – Мама -а-а, – закричала Айгель и проснулась.

Она открыла глаза и, оглядевшись, поняла, что находится в палате, на соседней кровати спал Эрбол. За окном рассвело. В палате больше никого не было. За дверью в коридоре раздавались чьи-то голоса. Кто-то приближался к ее палате, дверь открылась и заглянула медсестра.

– Просыпайтесь, сейчас у вас возьмут анализы крови из пальца, – громко сказала она, включая свет. Яркая вспышка на мгновение ослепила глаза. Айгель зажмурилась.

– В чем дело? – спросонья не поняв, что происходит, сонным голосом спросил Эрбол.

Медсестра уже убежала оповещать других.

– Анализы будут брать, – пояснила Айгель.

– Какие?

– С пальца кровь возьмут

– А-а.

– Я долго спала? Не помню, когда уснула.

– Вчера вечером в семь часов. Вам же укол сделали, чтобы вы отдыхали...

– Снотворное, что ли?

– Нет, обезболивающий и транквилизатор какой-то. Как вы себя чувствуете?

– Ничего, мама мне снилась так явно, словно все было в реальности... Кто возле нее?

– Айгерим.

– Ее еще не перевели в палату? Ты не сказал, как ее состояние.

– Так же.

– Плохо, что ли?

– Тяжелое, но стабильное, я же говорил вам.

– Но это было вчера утром, а вечером что, без изменений?

– Я еще не узнавал. Потом позвоню Айке и спрошу.

– Ты ночью к Арлен ходил? – спросила она, надеясь на добрый ответ.

– Да, я всю ночь был возле нее, она еще в коме...

Айгель молчала, осознавая всю плачевность ситуации. Потом вспомнила о том, что многие люди, перенесшие кому, благополучно возвратились к активной жизни.

– Очень много людей после комы возвращали себе здоровье, и у них даже открывались невероятные магические возможности. И Арлен выйдет из комы, только надо сделать все правильно, правда? – ища поддержки у брата, спросила она.

– Будем надеяться, что так и будет, – сказал Эрбол, вставая с постели.

– Ты не узнавал, как дети? Что с Камиллой? У нее появилась динамика, как ты думаешь?

– Она тяжелая, Айгель эже, но врачи надеются на лучший исход. Арман звонил мне час назад, говорит, что состояние остается прежним. А возле Дааны дежурит ваша подруга, Алена.

– Да, я тоже не теряю надежды, хотя, если бы я только могла увидеть их...

Айгель не договорила, что было бы тогда, но Эрбол и так все понял. Конечно, сестре стало бы легче на душе, имей она возможность лично убедиться в стабильности их состояния. Он понимал все ее страхи за жизнь родных, потому что сам пребывал в этом страхе. Судьба Арлен висела на волоске, и он знал это.

Было десять часов утра, когда начался консилиум врачей по дальнейшей тактике ведения Арлен. Было принято решение оперировать ее бригаде хирургов профессора Сасыкбаева, заведующего отделением Бильбегенова и молодого доктора, палатного врача Айгель, Амангельды Кантемирова.

В палате пребывали вместе с Айгель и Айгерим подруга Арлен и две сестры тетя Жени. Эрбол, Амир, Арман и дядя Эмильбек были на улице во дворе больницы, в ожидании исхода операции беспрестанно курили.

Айгель, закрыв глаза, мысленно молилась. Тети тихо перешептывались между собой. Айка каждые десять минут бегала к операционному блоку в надежде прояснить ситуацию.

«Господи, молю, помоги моей сестре благополучно пережить операцию. Она такая добрая, такая светлая, такая молодая. Она всегда придерживалась всех Твоих заповедей, вот уже десять лет неукоснительно соблюдает пост, пребывая в молитвах к Тебе, и в вере своей непреклонна. Ей столько довелось выстрадать, все испытания, ниспосланные Тобой, приняла безропотно и достойно выдержала их. Молю, Господи, пощади ее и пожалей ее дочь, столь нуждающуюся в ней. Ведь Камилла без мамы не выживет. Никто из нас не сможет заменить ей Арлен. Милости Твоей прошу и для мамы моей. Она не переживет плохой исход операции. У нее и так тяжелое состоя-

ние, Господи, как я посмотрю в ее глаза, если с Арлен случится что-нибудь плохое? Господи, пощади меня, как я буду жить после этого, если ты не спасешь сестренку? Молю, Господи, спаси мою сестру, пощади ее. В одного Тебя верую, лишь от Тебя жду помощи, и надежда моя обращена лишь к Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи, властелину моей судьбы и участи всего живого на земле!»

– Профессор вышел из операционной, – возбужденно сказала Айка, забежав в палату.

– Где Эрбол? – спросила Айгель.

– Они стоят возле операционного блока в ожидании Арлен.

– Пусть он зайдет к Сасыкбаеву и переговорит с ним о результатах, – сказала Айгель, давая указания Айке.

– Майрам, пойдем и мы, наверное, переговорим с ним, – предложила Наргиза, младшая сестренка тетя Жени.

– Да там Эмиль, они с Эрболом и поговорят, – сказала Майрам.

– Пойдем-пойдем, что здесь сидеть, выйдем на улицу.

– Мы побудем на улице, – участливо глядя на Айгель, сказала Наргиза.

Геля понимающе взглянула на нее.

Вернулась Айка.

– Ее везут в реанимацию, белая, как стена, трубка изо рта торчит..., – с тревогой в глазах и голосе произнесла она. – Мимо нашей палаты повезут...

– Разверните мою кровать так, чтобы я могла видеть двери.

– Зачем? И как я вас разверну?

– Меня уже крутили однажды при перевязке, кровать на колесиках, легко вращается.

Айгерим выполнила просьбу сестры.

– Открой двери пошире, чтобы я могла видеть Арлен, когда ее повезут. Приподними мне голову подушкой и разверни ее влево.

– Везут, – сказала Айка.

Послышался шум колес, и спустя несколько секунд, прямо перед дверью палаты возникла сама каталка. Лица Арлен она не смогла разглядеть, зато увидела руку сестренки, выступающую из-под простыни, маленькая, белая, она лежала на краю каталки, словно прилегла отдохнуть. Сердце Гели защемило от нежности. Из трех сестер только Арлен унаследовала мамины руки, нежные, маленькие, точеные – изысканно женские.

«Солнышко мое, все у тебя теперь будет хорошо. Малышонок мой, дай Бог тебе скорейшего выздоровления, – с любовью в душе она мысленно обратилась к сестренке, – благослови тебя Бог!»

Эрбол, Амир и Арман проследовали за тележкой в сторону реанимации. Айгерим прикрыла двери:

– Часа через три ее мозг проснется от наркоза. Но в сознание она придет, наверное, только к ночи. Я договорилась с врачом реанимации, она запустит меня к Арлен ближе к восьми часам вечера, когда все другие доктора уйдут по домам.

– Это хорошо, – заметила Айгель.

Пришли Эрбол и Амир.

– Ну что говорит Сасыкбаев? Как прошла операция? – пытаюсь заранее прочесть ответ по лицам своих братьев, Геля перевела взгляд с одного на другого.

– Гематома очень обширная, затоплена половина полушария мозга, – как-то мрачно начал Эрбол, сердце Айгель в который раз за это утро сжалось, отозвавшись пронзительной болью.

– Ты же сказал, что сосуд лопнул, но еще только начал разливаться, – тоном разоблачения брата во лжи вырвалось у Айгели.

– Правильно, так показала компьютерная томография мозга. Тогда гематома только начала расти, увеличив-

шись от прежнего размера в три раза, но ведь это было вчера, – повысив голос почти до крика, раздраженно ответил Эрбол. Амир молча смотрел на пол у своих ног. Зависла долгая пауза.

– Так почему они не сделали операцию ей вчера? – не сдержалась Айка, так же повышая голос.

– Ты меня спрашиваешь? – зло уточнил Эрбол.

– Нет, я спрашиваю их, – в запальчивости сказала Айгерим.

– Вот и спроси у них, – уже спокойнее сказал Эрбол, доставая сигареты из кармана батника. Обращаясь к брату, спросил: – Пойдешь курить?

Амир молча встал и поплелся за ним следом в коридор.

Айгель беззвучно расплакалась. Страх, боль и обида вырвались одновременно из ее души и теперь были неподвластны ей.

– Я пойду к ней, – сказала Айка и вышла из палаты.

Рыдания вырвались наружу. Айгель понимала, что сейчас не время для слез, но ничего не могла с собой поделать. Ей захотелось встать и пойти к Арлен. Она напряглась, приказывая телу подняться. Усилием воли пятка правой ноги заскользила по простыне, подтягиваясь к тазу. Нога несколько согнулась в колене. От неожиданности Айгель перестала плакать и, сосредоточившись, потянула вторую ногу на себя, мысленно приказывая и ей согнуться в коленном суставе. Не получилось. И все же сердце возликовало. Она лежала с согнутой правой ногой, опираясь на стопу.

– Молодец, – сказала она сама себе вслух и все внимание и волю направила на левую руку, лежавшую плетью на кровати. Прислушалась к ней. Ни боли, ни каких-либо других ощущений не было. Зато в ногах тысячи мелких иголочек покалывали разом. Она сосредоточилась и опустила ногу, вытянув ее. Это удалось намного легче,

чем подтянуть ее заново. Общее покалывание в ногах не прошло, зато она не смогла сдержать мочеиспускание, видимо, памперс уже был полностью пропитан, так как она ощутила влажность под спиной. Геля расстроилась. Было ужасно неловко за содеянное, даже, если это произошло помимо ее воли. Она взяла обездвиженную левую руку правой и, согнув в локтевом суставе, уложила ее на грудь. Причинив тем самым себе тупую ноющую боль. Сморщившись, вернула ее на место. Шея устала от положения головы, приданного ей еще когда провозили Арлен.

Память вернулась вдруг, словно кто-то включил ее, как лампочку, и все внимание вновь сосредоточилось на сестре. Ужас, забытый ею на время, пока она была занята своими ногами, вновь поработал Айгель.

– Господи, что же делать? – спросила она, вслух обращаясь к Нему. Но в ответ была лишь тишина.

Часом позже, когда все собрались в палате, Айгель, глядя на сестру, спросила:

– Ты вечером будешь возле Арлен в реанимации не на всю ведь ночь?

– Нет, меня запустят лишь на время, но я хоть посмотрю, как она, может, укрою ее, или подам что-нибудь...

– Эрбол, ты, наверное, поезжай к маме. Может, ей тоже нужна помощь, лекарства какие-нибудь.

– Я звонил Марине, узнавал, нужна ли помощь. Она сказала, нет. В случае чего сразу позвонит мне.

– Может, и тебе удастся зайти к маме в реанимацию. Айка же договорилась.

– Я вчера заходил к ней, смотрел, как она.

– И что?

– Я же говорил вам, пока так же. С аппарата сняли. Гипс наложили на руку и бедро.

– Ты про гипс не говорил, – сказала Геля.

– Говорил. У нее перелом левого плеча и головки тазобедренного сустава, тоже слева. Еще ушиб селезенки. Ссадины на животе слева. Видимо, когда вылетела в лобовое стекло, упала на левую половину тела. И в этой области все отбила.

– А она что, вылетела в окно? – открывая для себя детали аварии, спросила Айгель, вся внутри сжавшись.

– Мама, Арлен и Даана вылетели в лобовое окно, видимо, когда машина несколько раз переворачивалась. Авария произошла на начале поворота дороги. Справа по обочине был глубокий кювет. В радиусе километра до этого места не было ни одного дерева, только поля с арбузами и помидорами. Но на самом повороте, где случилась авария, рос один единственный тополь с толстым стволом. Один единственный, как будто специально выросший там, – с тяжелым вздохом заметил брат, – вас подбросило на два метра в высоту, прямо на это дерево... машина ударилась крышей и сползла по стволу на землю, вновь встав на четыре колеса. Заднее правое колесо почему-то было сильно спущено...

– Так мы ударились о дерево? – почти шепотом спросила Айгель.

– Да, если б не оно, вас унесло бы на поля, и все отделались бы небольшими травмами. Вы помните, как произошла авария?

– Нет. Помню только дорогу и когда мама спросила о времени. На часах было без пятнадцати двенадцать. Потом увидела в пяти секундах от носа своей машины несущееся навстречу черное BMW и лицо молодого русоволосого водителя, и девушку, в испуге закрывшуюся рукой. Услышала крик мамы. Потом удар в мою дверь и скрежет металла ... больше ничего не помню. А что говорит водитель той машины? Он, наверное, был пьян, если вылетел на встречную полосу? Он жив?

Эрбол молча взглянул на нее долгим усталым взглядом. Амир также посмотрел на сестру.

Айгель почувствовала что-то неладное, «наверное, умер», – решила она.

– С ним была девушка лет двадцати, может, и того моложе, что с ней? – осторожно спросила она.

– Вы точно помните эту машину, может вам показалось? – осторожно, мягким голосом, участливо спросил Эрбол.

– Не поняла вопроса, – теряясь в догадках, уточнила Геля, – что значит, помню, я ее видела, и не только я, все видели, спросите у мамы и девчонок, – захлебываясь от осеневшей ее догадки, с испугом сказала Айгель.

– Вы что, думаете, что я вот так на ровном месте сделала аварию... Я что, первый день за рулем? Или что,... – слезы душили ее.

– Эжешка, мы ничего не говорим, – вмешался Амир, – просто этот водитель оказался бессовестным и убежал с места аварии, и к моменту, когда прибыли гаишники и МЧС, его уже не было.

– Как не было, он, что... его машина... не пострадала от удара? – приходя в полнейший ужас от создавшейся ситуации, еле слышно спросила Геля. Голос садился, какой-то очень большой ком застрял в горле, мешая дышать. Она сделала несколько глотательных движений, пытаясь протолкнуть его дальше в пищевод.

– Вам надо было бить его в лобовую. У вас же Джип три тонны весит. При ударе носом срабатывают «аэробаки», и даже царапин у вас не было бы, не то, что переломов, – сказал Эрбол. В его голосе не было упреков. Даже более того, он был участлив, но слова, произнесенные им, причинили Айгель настоящую боль, как обвинительный приговор, вынесенный осужденному.

– Я же не сумасшедшая, – почти с возмущением выпалила она, – была встречная машина, я хорошо помню

лицо водителя, даже девушку помню. Спросите у мамы, Ани, в конце концов, они подтвердят. Все видели эту машину. И он, а не я, вылетел на встречную полосу.

– Я верю вам, эжешка, мы все верим вам, не нервничайте так. Вы просто спросили, и я рассказал, как было, вернее, как выглядело все, когда вас обнаружили.

Вы говорите, что было двенадцать часов, когда последний раз смотрели на часы? Вы не помните, сколько примерно по времени вы проехали после этого.

– До того, как выскочила эта машина?

– Да.

– Не знаю, недолго, может, минут десять, а может двадцать, не больше.

– Вы в этом уверены?

– Я теперь ни в чем не уверена, – сказала Айгель и заплакала.

– Эжешка, ну что вы плачете? – жалея, что начал этот разговор, сказал Эрбол.

– А как мне не плакать, если вы считаете, что того водителя не было и в помине. Значит, это я беспричинно свернула в кювет и стала виновницей аварии? – всхлипывая, проговорила Геля, – вы спросите у всех остальных, прежде чем говорить такое.

– Никто не говорит, что водителя, виновного в случившемся, не было, просто он, наверное, убежал, бросив вас на месте аварии. Я просто ставлю вас в известность, что, когда вас обнаружили, его уже не было и в помине. И потом мне лично позвонили в четыре часа дня, ваша подруга говорит, что ей позвонил обнаруживший вас бригадир с ближайшей бахчи в полтретьего. По вашим словам выходит, что все случилось в районе двенадцати часов, получается, что вы пролежали на дороге два с половиной часа, и никто вас не видел, никто не остановился, не вызвал помощь. Тоже как-то не понятно, все же

оживленная трасса, – вслух размышлял он, – правда, и часы ваши остановились в двенадцать десять...

Айгель было все равно, во сколько остановились часы на панели управления, во сколько ее обнаружили и вообще все. Важно было не это.

«Господи, неужели мне все это привиделось? Неужели не было никакой встречной машины? Неужели я сотворила все это? Как я буду смотреть в глаза им? Господи, не допусти трагедии, спаси моих родных, помоги им, молю тебя, если нужна чья-то смерть, я готова принять ее. Господи, если я заслужила за всю свою жизнь, за все свои добрые деяния, хотя бы одну твою милость, прошу, спаси моих родных, исцели их от увечий, причиненных аварией. Молю тебя, Господи!»

– На дверях машины нет царапин и вмятин, которые образуются при переворачивании автомобиля, даже бамперы остались целыми, только крыша вдавилась в кабину настолько низко, что практически невозможно было никому уцелеть. У меня создалось ощущение, будто вас подбросило на два метра в высоту без кувырканий и, вдавившись в ствол дерева крышей салона, вы сползли по нему. Но тогда не совсем ясно, когда успели вылететь мама, Арлен и Даана, – продолжал вслух размышлять Эрбол.

– Давай о чем-нибудь другом поговорим, – прерывая брата, вмешался Амир, – эжешке и без того тяжело.

Эрбол встал и, взяв сигарету, пошел к выходу.

– Я в реанимацию, проведу Арлен, – сказал он и вышел из палаты.

Айгель никак не могла унять слезы. Она понимала, как только мама с Аней, да и Арлен придут в себя, расскажут все об этой встречной машине, все станет достаточно ясно, но в данный момент это не приносило облегчения. Надорванный от боли и страха мозг никак не хотел облегчить ее сознание чувством невинности, гла-

за не хотели высыхать, словно пытались за раз вылить все накопившееся в душе за эти дни трагедии.

– Эжешка, ну все уже, перестаньте плакать, вы же знаете, что нельзя, когда кто-то тяжелый, много плакать, подумайте об Арлен, – не найдя других доводов, чтобы успокоить сестру, сказал Амир, – да и о себе подумайте.

– Чтоб я сдохла, – вырвалось у Гели.

– Эжешка, это уже совсем ненужные разговоры, вы что, специально делаете это, – уже строго произнес Амир, – Вы-то тут причем, это не ваша вина, а того водителя, что сотворив такое, как трус бежал. Но мне его жаль, потому что от такого не убежишь, судьба все равно настигнет, и он сполна заплатит. Для нас, эжешка, это страшный несчастный случай. И его уже не исправить, надо думать о других, об Арлен, например, в данный конкретный момент она на волоске от смерти, и надо не плакать из-за какого-то козла водителя, а следует молиться о ней. И за вас мы тоже очень переживаем.

«Что обо мне переживать, мне бы умереть», – подумала Айгель, пытаюсь взять себя в руки.

Не получалось. Амир, тяжело вздохнув, вышел на улицу. Айка подседа поближе к кровати сестры и начала гладить ее по руке. Айгель убрала ее в сторону.

– Ну, эжешка, все уже, успокаивайтесь, видите, оказывается нельзя плакать, когда кто-то тяжелый в реанимации, иначе им будет плохо. Я вас очень люблю. Не плачьте, – с нежностью в голосе тихо сказала Айгерим.

Айгель вот уже час лежала молча, не проронив и слова. Эрбол уехал в четвертую городскую больницу «проводать маму и Анну». Айгерим уехала в детскую клинику сменить Алену. Арман уехал к дочери. Амир лежал на кровати Арлен и читал газету.

– Ты бы сходил в реанимацию, – наконец сказала Айгель, – узнал, пришла ли в сознание малышонок после наркоза, пора бы уже.

Амир встал и вышел из палаты. Айгель пыталась угадать состояние Арлен.

«Наверное, уже очнулась», – подумала она.

Прошло больше пятнадцати минут, а брат все не возвращался, хотя говорили, что реанимационный блок расположен рядом, через три палаты от нее.

«Почему задерживается?» – задалась она вопросом, отгоняя дурные мысли, упорно вползающие в ее сознание.

Еще минут через десять появился Амир.

– Ты что так долго?

– Сейчас, эжешка, сначала позвоню Эрболу, потом расскажу.

– В чем дело? Что-то с Арлен?

– Алло, Бола, – так между собой обращались друг с другом братья, начал Амир, – нужна срочно цельная кровь и тромбоцитарная масса.

– Что? – уточняя вопрос, заданный братом на том конце связи, произнес он, – да, цельной крови нужен литр и пятьсот миллилитров тромбоцитов. Говорят, кровотечение началось, приезжай быстрее. Они сейчас аминокaproновую кислоту ей капают. Мне написали список лекарств, пойду в аптеку и возьму, насколько хватит денег. Нет, долларов сто есть, сейчас обменяю их на сомы...

Амир отключился и посмотрел на сестру.

– Эжешка, что с вами? – встревоженно спросил он, видя резко побледневшее лицо сестры с ненормально широко открытыми глазами, в которых сквозил ужас.

Слезы навернулись на глаза Айгель.

– Говорят, после операции на голову такое бывает, – соврал брат, пытаясь успокоить сестру, обремененную и без того тяжелым состоянием собственного здоровья.

– Кто говорит?

– Заведующая реанимационным отделением оказалась ее хорошей знакомой, Сабира Гульжигитовна.

– Чьей знакомой? – не поняла Айгель.
– Нашей Арлен. Она лично ее наблюдает.
– Правда? Это хорошо, все-таки заведующая и потом, если они знакомы...

И что, у многих такие кровотечения бывают? – с надеждой глядя на брата, спросила Геля.

– У многих. Ладно, эжешка, я побегу в аптеку, – сказал Амир и направился к выходу.

«Это хорошо, что она ее подружка, – констатировала для себя Айгель. Неожиданно в коридоре раздался топот множества бегущих мимо ее палаты ног. Дверь была закрыта и Айгель не могла увидеть, кто эти бегущие люди, но сердце защемило разливающимся кипятком. Она слегка потеряла левую половину груди, вызвав неприятные ощущения тупой боли. Но эта боль была уже знакома ей в отличие от жжения.

«Так-то лучше», – решила она, поменяв характер ощущений.

«Господи, не позволь случиться худшему, спаси Арлен, пощади меня. Молю Тебя, пусть малышонок благополучно выйдет из послеоперационного криза, пусть остановится кровотечение, верни мне мою здоровую сестру. Ведь все в Твоей власти, Господи! Не откажи мне в своей милости...».

Вошла медсестра со шприцом в руках.

– Здравствуйте, эже, как вы себя чувствуете? Уже лучше? – спросила она, прерывая молитвы Айгель.

– Лучше, – коротко ответила Геля, разглядывая ее одним глазом.

Медсестра сделала внутримышечный укол в бедро и направилась к выходу.

– Я слышала топот бегущих ног, что-то случилось? Ты не знаешь, как там моя сестренка, ей сегодня делали операцию... может ты в курсе?

– Нет, эже, я же постовая сестра, к реанимации никакого отношения не имею. А топот ног, так это парня в тяжелом состоянии привезли, говорят, на Иссык-Куле отдыхал, сам из Казахстана, ночью с братом купались на пляже, на них напали местные ребята и в попытке ограбить избили его, проломив голову. Его сразу положили в чолпонатинскую больницу, но сами понимаете возможности их реанимации. Стабилизировав его состояние, перевезли сюда к нам. Говорят, его брат, с которым он отдыхал на озере, какой-то известный журналист из Алма-Аты. Он объявил:

– Если брата не спасут, то такой международный скандал подниму, мало не покажется... наши все бегают, заместитель министра приходил, узнавал о его состоянии. Профессоров со всех больниц пригласили...

Наверное, это было бесчеловечно, но Геля обрадовалась, что такая суматоха не связана с ухудшением состояния ее сестренки.

Медсестра ушла, и она вот уже полчаса лежала в комнате одна. Никого рядом не было. В дверь постучали. Заглянула чья-то голова. Айгель прикрыла левый глаз. У двери стояла Алена.

– Ты не спишь? – тихим голосом спросила она.

– Нет.

– Как ты? Хоть немного легче стало? – с надеждой в голосе спросила Алена, присаживаясь на стул рядом с подругой.

– Нет. Боли не уменьшаются, душа разрывается, жить не хочу.

– Что ты говоришь? – озабоченно сказала Алена, – не смей даже думать так. Видимо, твои мозги совсем в плохом состоянии, тут братья и сестры из кожи вон лезут, пытаешься вылечить ее, живут одними страхами за тебя и Арлен, и за остальных тоже. Ты подумала о них, ты подумала, каково им? Даже чтоб мысли не допускала, слышишь?

– Ты тоже знала, что встречная машина пропала? – сухо уточнила Геля, – может, и ты думаешь, что ее не было, и я сама без какой-либо причины сотворила аварию?

Алена молчала, подбирая слова.

– Видишь ли, он, я имею в виду другого водителя, виновного в той катастрофе, он сбежал с места происшествия, и к моменту прихода МЧС и гаишников след его уже простыл. Но никто, слышишь, никто даже мысли не допустил о том, что его не было.

– Скорее бы мама уже пришла в полное сознание и другие тоже. Они все могут подтвердить то, что та проклятая машина была. И именно она выехала на встречную полосу, – голос Гели сорвался, переходя на всхлипывания. Алена придвинула поближе стул к ее кровати и, глядя по плечу, сказала:

– Никто в этом и не сомневается, успокойся. А кто тебе сказал, что водитель... ну что он убежал?

– Эрбол.

– Да? – в голосе подруги были нотки недоумения.

– А что?

– Нет, ничего, просто спросила. Где все?

Внимание Айгель вновь вернулось к Арлен.

– Малышонок после операции... открылось кровотечение... Эрбол везет кровь, Амир где-то за лекарствами пропал, – уже не сдерживаясь, расплакалась Айгель.

– Все будет хорошо, слышишь? Все будет хорошо, – безапелляционным тоном сказала Алена.

– Ты думаешь? – тоном ребенка, надеющегося на лучший подарок в своей жизни, заискивающе спросила Айгель.

– Конечно.

– И ты должна верить в это без сомнений. Сама же всегда говорила, как программируешь свою жизнь, так она и выйдет. Так программируй ее правильно!

– Теперь уже поздно ее запрограммировать, – почему-то сказала Геля, – я предчувствовала беду, после встречи

с той цыганкой я так и не смогла унять тревогу в душе. Вопреки моей воле, сердце жило в ожидании,.. но я даже предположить не могла, что масштабы трагедии будут такими огромными. Мне казалось, что это случится только со мной и то не в виде аварии...

Алена ничего не сказала. Она просто не знала, что говорить.

Айгель вытерла слезы, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и, взяв себя в руки, перестала плакать.

– Как там дети?

– У Дааны все хорошо, в двухместной палате «люкс» лежит с комфортом, если так можно выразиться...

Айгель перебила:

– А Камилла?

– Она в реанимации, ее еще не перевели в палату, – пытаюсь придать голосу нотки безмятежности, сказала Лена, – там Арман постоянно при ней, вернее рядом с реанимацией..

– Когда ее собираются переводить в палату? Ты говорила с врачами?

– На днях. Состояние стабилизировалось, ждут более четкой положительной динамики и сразу же переведут. Ты кушала сегодня? – меняя тему, спросила Алена.

– Что? – не совсем поняв резкий переход, уточнила Геля.

– Спрашиваю, ты когда кушала в последний раз?

– Ой, Ален, нашла о чем спрашивать. Я не хочу ничего. Ты мне лучше скажи, я просила Марину сходить к маме, она поговорила с врачами? Ей удалось побывать у мамы в реанимации?

– Да, она была у тетя Жени и твоей подруги Ани, так, кажется, ее зовут?

Геля выжидательно ждала дальнейших пояснений.

– Там делают все возможное, состояние стабильное.

– У нее уже давно состояние стабильное, все мне об этом говорят. Динамика положительная есть? Она уже разговаривает? Узнает посетителей?

– Какие посетители, Геля, она же в реанимации, но уже в сознании, когда Марина была у нее, вроде, как тетя Женя узнала ее, говорить, правда, не могла, но взгляд был осмысленный, насколько это возможно в ее положении. Все необходимые лекарства есть. Аня, – Алена поперхнулась при этом имени, – жарко сегодня, духота на улице...

– Ты говорила про Аню, – напомнила Айгель.

– Ее сняли с аппарата, сама дышит, приходит в сознание. Сама понимаешь, они находятся под постоянным действием лекарств и поэтому почти всегда спят. Кстати, Ками тоже почти постоянно в спячке.

– Почему?

– Ты же сама была под действием лекарств так глубоко, что пятнадцать дней показались тебе одним днем. Так нужно, наверное, в состоянии сна организм легче переносит нестерпимые боли и восстанавливается быстрее. Врачам виднее, зачем нам лезть в их сферу деятельности. Самое главное, состояние стабильно, и скоро их тоже, как и тебя в свое время, переведут в палаты.

– Хорошо. Когда маму переведут из реанимации, нужно полностью освободить Айгерим, чтобы она была постоянно с ней. Сменять ее будешь ты, не доверяй уход за мамой никому. Вдвоем с ней будете дежурить по очереди.

Что-то я совсем девчонок не вижу? Где они?

– Ты имеешь в виду Маринку, Любу и Гулю?

– Да.

– Марина в четверке, Гульнара сменяет меня в детской, а Люба на подхвате, кушать готовит, за лекарствами бегаёт. И потом, ты не забывай, к тебе же все равно никого не пускают. Только передачи принимают, и то у дверей в клинику. Даже не возле палаты.

– Вот и хорошо. Никого не хочу видеть. Была бы возможность, убежала бы на край света и осталась бы там, пока все не поправятся. Никого не хочу видеть.

– И меня?

– И тебя. Никого.

– Это пройдет, нужно только время, – сказала Алена, больше, наверное, убеждая в этом себя, чем Айгель.

Пришел Эрбол.

– Ты привез кровь? – не давая ему передышки, спросила Геля.

– Здравствуйте, Алена, как ваши дела, – сначала поприветствовал он подругу сестры, потом ответил:

– Да, привез, и тромбоциты тоже. Это, оказывается, дефицит и необходимо время для его приготовления. Хорошо, что в наличии был один пакет.

– А сколько надо? – уточнила Геля.

– Еще один. Они по двести пятьдесят миллилитров. А нужно пятьсот.

– И когда будет готов второй пакет?

– Сказали через пять часов.

– Так долго?

Эрбол, подтверждая, кивнул головой.

– Есть попить? – спросил он, обращаясь неизвестно к кому, подошел к столу и, обнаружив бутылку минеральной воды, прямо с горла начал пить ее.

Вернулся Амир.

– Здравствуйте, тетя Лен, – сказал он и, обращаясь к Эрболу, добавил:

– Денег не хватило, но я взял лекарства под запись в аптеке через дорогу. Оставил там паспорт. Нужно погасить долг.

– Сколько нужно?

– Еще четыре тысячи, – ответил Амир брату.

– У меня есть деньги с собой, – вставила Алена, – могу дать.

– Сколько можете? – уточнил Эрбол.

– Сколько нужно, – ответила за подругу Айгель, – она привезет.

Алена полезла в сумку достать кошелек. Пересчитав деньги, сказала:

- Четыреста долларов и пять тысяч сомов. Вот, возьми.
- Спасибо, Алена, – ответил Эрбол, беря деньги.

В палату заглянула реаниматолог и, посмотрев на Амира, сказала:

– Нужно найти это лекарство, причем постарайтесь быстрее.

– Насколько быстрее? – уточнил Эрбол.

– Чем скорее, тем лучше, если не найдете его, то возьмите хотя бы аналог, здесь все написано, – сказала доктор, протягивая лист назначений.

– А что, мы можем не найти его? Он в дефиците? – заинтересовалась Айгель.

– Да, он бывает не во всех аптеках. Родственники других наших больных тоже ищут, отец Кирсанова где-то купил три флакона, узнайте у него, где он приобрел их?

– Кто такой Кирсанов?

– Отец разбившегося на мотоцикле парня, он в критическом состоянии, – пояснила доктор.

– Где его можно найти? – уточнил Эрбол.

– У дверей реанимации.

Эрбол вышел вместе с врачом из палаты. Амир последовал за ним.

– Что это за лекарство, сходи, узнай название, может, я через своих клиентов поищу, – сказала Айгель Алене.

Та встала и пошла в реанимацию.

Спустя минут десять она вернулась.

– Это лекарство улучшает кровообращение и питание головного мозга. Я переписала название. Сейчас обзвоню аптеки. Видела Кирсанова, о котором говорила врач, он вот уже три дня ищет это лекарство, сегодня рано утром привезли два флакона из Астаны, и то, говорит, аналог.*

Получасовая телефонная разведка по всем аптекам города не дала результатов. Везде отвечали, что было меся-

цев пять назад, нового завоза нет. Препарат изготовлен в Швейцарии. Посоветовали продолжить поиски в Казахстане и России.

– Ну что, я обзвонила своих знакомых в Алма-Ате. Должны поискать, если найдут, вышлют через своих родственников, выезжающих в Бишкек через шесть часов, – отчиталась Алена о проделанной работе.

– Долго, очень долго ждать. У меня в Москве есть люди, которые не откажут мне в просьбе и вплотную займутся поисками препарата. Набери их номер по сотовому и дай мне поговорить.

Алена выполнила просьбу подруги.

– Алло, здравствуйте, Евгений Михайлович, как ваши дела? Узнали? Да это я. Голос? А... да я простужена, вот он и хриплый, надсадный. У меня дело к вам, нужно срочно лекарство... это патентованное название, у нас его нет, говорят, давно не ввозили. Да флаконов десять. Обзвоните ваши аптеки, если найдете, вышлите через ближайшей рейс самолетом в Бишкек, в крайнем случае, в Алма-Аты. Постарайтесь сегодня определиться с ответом и решить этот вопрос. Нет, это нужно моей сестре. У нее кровоизлияние в мозг. Спасибо. Хорошо, отзвонитесь, если можете в течение часа. Спасибо.

– Ну что? – интересуюсь результатом разговора, спросила Алена.

– Обещал поискать и решить этот вопрос. Через час даст ответ.

– Эжешка, – сказал Эрбол, войдя в палату, – лекарства нигде нет. Сейчас еще дадут ответ из медицинской части российской авиабазы в Канте, говорят, что там, возможно, есть.

– Кто говорит?

– Мой друг Асан. Он имеет выходы на эту базу.

Раздался телефонный звонок. Это был сотовый Алены.

– Да, ой хорошо, сколько флаконов? Всего? Этого мало..., хорошо, еще попробуйте. Нет, пусть везут, а другие через таксистов переправите, спасибо. Когда подъедут, пусть созвонятся со мной. Это было бы еще лучше, в республиканской больнице по улице Московской. Да, подъедут, я выйду. Деньги сразу отдам. Сколько? Хорошо, – закончив разговор, она обратилась к Айгель.

– Нашли два флакона, через час выедут из Тараза, часа через три будут здесь. В Алма-Аты этого лекарства нет. Пусть везут хотя бы два, потом по другим источникам соберем остальные.

– Сколько всего надо? – уточнила Геля.

– Десять, – ответил Эрбол.

– Сколько стоит лекарство?

– Я заплачу, – ответила Лена, – у меня есть деньги.

– Я понимаю, что у тебя есть деньги, меня интересует стоимость флакона, надо же и другим платить.

– Я же сказала, что заплачу, – категорично ответила Алена.

В этот момент позвонили Эрболу.

– Хорошо. А что, больше не было, ладно сам привезешь или мне выезжать? Я возле сестер. Сейчас в палате. Могут снова позвать... привезти лекарства или кровь... жду.

– Ну что? – с надеждой в голосе спросила Айгель.

– Нашли один флакон, оставшийся в медсанчасти. Асан привезет. Пока начнем капать его, а там из Тараза подвезут, уже на сегодня и завтра есть. Будем искать дальше.

– Один флакон стоит, оказывается, шесть тысяч сомов, – заметил он, – это сто пятьдесят долларов, значит нужно где-то полторы тысячи...

– У тебя есть?

– Столько, наверное, не наберется, – ответил брат.

– Ален, – обратилась Геля.

– Я поняла, я приготовлю эти деньги. Позвоню Игорю, он привезет их.

– Пусть привезет две тысячи.

– Хорошо, Гель.

Снова раздался звонок, это была подруга Айгерим Самаира.

– Мы нашли один флакон в реанимации районной больницы в Мерке. Сейчас выезжаем. Привезем через час. Что еще нужно?

– Пока ничего, остальные лекарства по списку мы нашли в Бишкеке, – сказал Эрбол, – спасибо.

Прервав связь, он пересказал разговор с подругой Айки сестре и Алене.

– Это уже на три дня, – вслух заметила Лена.

Эрбол в согласии кивнул головой и сказал:

– Схожу в реанимацию, узнаю, как там?

– Хоть бы это лекарство помогло ей, хоть бы вывело ее из комы, – массируя правый висок, сказала Айгель. Противная тупая боль во всем теле начала набирать обороты, переходя в новое качество, вылившееся в ощущение дробления костей, особенно позвоночника.

– Позови медсестру, пусть обезболят, – попросила она подругу.

В ОПАЛЕ БОГА

Шли к завершению третьи сутки после операции Арлен. Она так и не пришла в сознание. Жизненные показатели, согласно монитору, подключенному к ее запястьям, были намного ниже нормы, но все же, допустимые для надежды на относительно добрый исход. Состояние Гели ухудшилось. Усилились боли, приобретя постоянный характер, интервалы между уколами сократились в три раза. Теперь она практически не выдерживала и часа без обезболиваний, причем уколы не устраняли боль, а слегка приглушали ее. Возникла одышка, жгучая боль в левой половине груди, так плохо купируемая лекарствами.

Давление не поднималось выше семидесяти на пятьдесят, пульс варьировал от пятидесяти до пятидесяти пяти. Помимо двоения, зрение село в два раза. Но все это не волновало Айгель. Мысли более страшные, ввергающие ее в парализующий ужас, окончательно поработили ее сознание. Она была словно загнанный зверь, попавший в ловушку обстоятельств, которые были сильнее ее воли и не зависели от ее желания. Душевное самобичевание, набравшее крутые обороты, держало ее в жестких тисках, не давая ни минутной передышки.

«Я виновна во всем этом. Я! Возможно, как и предполагают все вокруг меня, никакого водителя и не было, возможно, мне все привиделось, и, возможно, я просто не справилась с рулевым управлением. Если так, то я виновна во всем этом. Я не должна жить. Самое лучшее, что я могу сделать, это умереть, выкупая жизнь Арлен. Господи, я понимаю, помыслы о смерти Ты не приветствуешь, и все же молю Тебя, забери меня, помоги мне избавиться от этих страданий. Моя душа разорвана на части, ей все равно уже не быть полноценной. Я на десять лет старше Арлен. Больше видела, больше познала, я с радостью приму смерть. Только спаси мою сестру, умоляю тебя, Господи. Если можно жизнь поменять на жизнь, я молю Тебя, прими мою. Я приду к Тебе без сожалений. Господи, уповаю на милость Твою!»

– Эжешка, – обратился к ней Амир, войдя в палату, где до этого она пребывала одна, – так сложилось в нашей заграничной жизни, чтобы выжить в чужой стране без денег, постоянной работы и без жилья первые годы, особенно первые полгода, мы с Айнурой приняли помощь от христианской церкви. Она хорошо нам помогла, и так уж получилось, что мы были вынуждены принять эту веру. Я не знаю грех это или нет, но молюсь я Богу на русском языке по библии. Мы никому этого не говорили –

ни маме, ни вам. Я думаю, Бог един, просто мы именуем его по-разному. Каждый на своем языке. Я хотел бы помолиться вместе с вами, вы не против этого? – надеясь на ее поддержку, сказал Амир. – Давайте помолимся за Арленочку.

– Давай, – без эмоций ответила Айгель.

Брат сел возле ее кровати, взял ее руку в свои ладони и, опустив голову, в смирении начал произносить:

– Отче наш, да светится имя Твое, да прибудет царствие Твое... и во веки веков. Аминь!

– Аминь, – повторила Айгель.

– Господи, будь милостив к нам, спаси жизнь моей сестренки, не дай ей умереть. Она такая молодая, ничего еще не видела, толком не жила, столько страдала, она заслужила Твою милость, и жить дальше. Господи, на одного Тебя уповаю! – закончил Амир свою молитву.

Столько было в его обращении вымученной боли и светлой надежды и страха.

– Аминь, – закончил он.

– Аминь, – повторила сестра.

Зашел Эрбол. Вид его был какой-то испуганный, выглядел он особенно уставшим и взъерошенным, как воробей в холодную дождливую погоду, не способный никак отогреться.

И хотя эти нюансы уже не ловило зрение Айгель, Амир уловил их сразу.

– Что-то случилось? – спросил он Эрбола.

– Пойдем, покурим, – ответил тот.

Тон брата насторожил Гелю.

– Что случилось? – упавшим голосом спросила она.

– Давление совсем упало, боятся остановки сердца...

– Нет, – вскричала Айгель, слезы навернулись на глаза и быстрой горячей струей потекли по щекам, – только не это! Надо молиться, безостановочно молиться.

Она плакала, Эрбол с тяжелым вздохом вышел в туалетную комнату, где последние три дня брата курили. Дверь в эту комнату оказалась слегка приоткрытой из-за сквозняка.

Она услышала тихий говор Эрбола, но слов различить не смогла.

– Я позвонил родственникам, Айка уже едет, подъедет и агашка, – голос его дрогнул, – я не знаю, что еще сделать, как помочь ей. Трое суток ее жизнь поддерживают капельницами, она на искусственном дыхании. Врачи перестраховываются и запугивают плохим исходом. Я не знаю, что мне делать? – чуть не плача сказал Эрбол, – тут еще эжешке стало хуже. Амир...

Амир стоял, не проронив и слова.

– Пойдем, – взяв себя в руки, твердо сказал он, – надо быть там, возле нее, чтобы врачи продолжали драться за ее жизнь. Я не позволю им прекратить борьбу за нее.

И он быстрым шагом вышел из палаты. Амир следовал за ним.

– Что случилось? Я знаю, вы что-то скрываете от меня, я чувствую, Арлен стало плохо? Что с ней? Говори или я сотворю с собой что-нибудь плохое.

– Эжешка, давайте только без этого, и так проблем выше крыши, – устало сказал Амир, – у нее упало давление...

– Насколько упало?

– Тридцать на десять. Пульс ниже тридцати.

Айгель беззвучно зарыдала. На ум не приходила ни одна молитва, суры на арабском языке, Коран, все вылетело из головы.

Память играла с ней плохую шутку. «Только не теперь, – думала она, – только не теперь! О, Аллах, милостивый и милосердный! Хвала Тебе, Господу всех миров и Царю в день суда моего. Тебе я поклоняюсь и прошу о

помощи, лишь одной милости жду от Тебя, спаси мою сестру, не дай ей погибнуть, вытащи ее из лап смерти. Если Ты окажешь мне эту милость, я обещаю никогда больше ни о чем Тебя не просить. Я ни о чем не попрошу больше за всю свою жизнь, сколько бы Ты не оставил мне, я проживу в поклонении, выполняя все посты и намазы. Только спаси мою сестру. Если тебе нужна плата большая, чем служение, и если моя жизнь хоть чего-то стоит в твоих глазах, возьми ее. Я отдаю ее с радостью! Только не приведи к смерти мою сестренку. Как я посмотрю маме в глаза, как я посмотрю Камилле в глаза, как я смогу жить после этого, осознавая вину в смерти моей сестры. Это слишком страшное наказание для меня, Господи! Пощади! Господи, будь милостив ко мне, к маме, она же не переживет ее смерти, пожалей Камиллочку, не отнимай у нее матери. Господи! Яви милость свою, даже если я ее не заслуживаю. Авансом, в долг, я отработаю».

Рыдания прорвались наружу. Она уже не могла сдерживаться. Так прошли еще сорок минут. Уже прибыли тети и дяди, агашка, сидя на кровати Арлен, записывал молитву для Амира.

– Если это читать тысячу раз, то Аллах услышит твою просьбу. И непременно поможет, – говорил он, поясняя племяннику значение арабских фраз.

Вошел дядя Эмиль. Вид его был плачевным.

Айгель напряженно вглядывалась в его лицо.

Майрам подняла вопросительный взгляд на мужа, он посмотрел на нее, молча, еле заметно, отрицательно качая головой.

– Что с Арлен? – не выдержав напряжения, вскричала Айгель.

– Она жива, – заторопился ее успокоить Эмиль, – давление еще упало...

– Как? Врачи что-нибудь предпринимают? – плача закричала Геля.

– Они делают все возможное, там Эрбол следит за всеми манипуляциями.

– Какое давление? – спросила Майрам.

– Двадцать на пять... – совсем упавшим голосом ответил Эмиль.

– Неправда, нет, это неправда! Это не может быть правдой! – всхлипывая, повторялась Айгель.

– О, Аллах, я столько дней молю Тебя лишь об одной милости, неужели Ты не можешь дать мне ее, даже самому грешному человеку Ты можешь дать свою милость, так почему же не мне, я прошу лишь об одном, сохрани жизнь моей сестре, не отнимай ее у меня. Любое другое наказание, но, не это, Господи! Где твое милосердие, ты ведь Бог! Где же Твоя помощь? – уже не замечая других, вслух запричитала она, – забери мою жизнь, забери ее, что тебе стоит сделать это?

– Айгель, не говори так, ты что, перестань немедленно. Не гневи Бога, лучше моли его о помощи, – строго осуждая ее, сказал агашка.

Она не слышала его, Геля ничего не слышала кроме своего страха.

В палату торопливым шагом вошла Айгерим, подойдя к Айгель, быстро проговорила:

– Давление начало подниматься, уже сорок на двадцать, на руке стал прощупываться пульс.

– Правда?! – нервно вскричала Айгель.

– Правда, эжешка, правда. Сейчас там консилиум собрался, будут решать, что еще сделать. Но главное – давление пошло вверх. И сердце стало работать лучше.

– Где Эрбол, где он? – нотки истерики проскальзывали в голосе Айгель.

– Он возле Арлен, ни на секунду не отходит от нее. Амир байкешка тоже в реанимации, рядом с ним.

– Пусть они не отпускают ее, не позволяют врачам отказаться от дальнейшей борьбы, – устало сказала Геля,

чувствуя, что куда-то уплывает ее сознание, попросила, – что-то мне плохо, дай корвалола.

– Сейчас, эжешка, сейчас, – нервно сказала Айка, подбегая к холодильнику.

К Айгель подошли Майрам и Наргиз.

– Врача, вызовите врача, – сказала одна из них, обращаясь к мужчинам.

Эмиль вышел из палаты.

– Вот, эжешка, выпейте. Тетя Майрам, подержите ложку с лекарством, – попросила Айка, сама наклонилась и, выравнивая положение головы сестры и взяв лекарство, влила ей в рот.

Вошел доктор. Все расступились, пропуская его к кровати.

Померив ей давление, обратился к медсестре, сопровождавшей его:

– Низкое давление... Где ее история болезни?

– В ординаторской.

– Сделайте ей двадцать кубиков глюкозы внутривенно и два кубика мезотона подкожно.

– Какое у нее давление? – поинтересовался Эмильбек.

– Шестьдесят на сорок, число сердечных сокращений сорок восемь. Надо капать. Вы что так столпились, здесь и так душно. Откройте окно и выйдите в коридор, – потребовал доктор, вставая со стула и направляясь к выходу.

Сознание Гели вновь начало проясняться, но картины реальности были смазанными, словно виднелись издалека, через густой туман.

– Айка, дай воды, пить хочется, – попросила она сестру.

– Сейчас, эжешка, – сказала та взволнованно, подбегая к столу и наливая минеральной воды. Затем нашла длинную полую трубочку, сделанную из шланга капельной системы, и направилась к Айгель, вложив один конец ей в рот, сказала: – Пейте.

Айгель сделала несколько затяжек, и вода начала поступать к горлу. Отпив немного, она сказала:

– Хочу холодную минералку. Эта теплая.

Вошла медсестра с капельницей и двадцатиграммовым шприцем, наполненным лекарством.

Подсоединила систему к подключичному катетеру, но сначала струйно ввела туда же вещество из шприца. Установив капельницу, она удалилась.

– Майраш, пойдем на улицу, подышим, – предложила Наргиза сестре и первой пошла к выходу. Старшая сестра последовала за ней.

– Почему они вышли, наверное, все-таки что-то не так пошло, они секретничают, скрывая от меня состояние малышонка? Сходи еще раз к реанимации, узнай, в чем дело, – сказала она Айгерим.

Страх, уже который день поработивший ее разум в каждом слове или жесте родственников, просвечивал в ее восприятии подвох, словно они могли скрыть тяжесть состояния ее близких.

– Агашка, – обратилась она к дяде, – сейчас идет великий пост мусульман «Орозо», Аллах же должен быть милосерден к нам, если даже мы выполняли не все предписания по коленопреклонению в Намазе, и не всегда читали Коран, в этот священный месяц Он же должен быть милосердней, чем в другие дни года. Не так ли?

– Так, во время Орозо многие грехи прощаются. А если человек еще и пятикратный Намаз выполняет, то вообще могут быть прощены почти все.

– Но он же видит, что в этом году я и Арлен, и Даана, и мама не держим Орозо по уважительной причине. Мы собирались, спешили успеть свозить детей на Иссык-Куль до начала поста. Чтобы наравне со всеми вот уже девятый для меня, и десятый для Арлен годы, совершив причастие, держать пост. Мы так спешили успеть...

Он же видит, что не по воле Арлен сорвано ее Орозо.

– Конечно, он все видит. И все понимает, – ответил дядя.

– Тогда почему он не может простить наши грехи, если такие и были, особенно Арлен, ни разу не слукавившей в своей вере в Него. Почему он не поможет ей и не облегчит ее состояние, вернув Арлен к нам живой и здоровой? Где же его справедливость?

– Не гневи Аллаха. Он милостив, верь и молись. Все в его воле и в его власти. Молись.

– Я-то, молюсь, но мне кажется, он не слышит меня, словно я пребываю в его божьей опале. Вот за какие только грехи, понять не могу. Что же за тяжкий грех должен совершить человек, чтобы молитвы его были проигнорированы? Чтобы в милости этому человеку было отказано? Я пытаюсь понять, что неправильного я совершила, если он так наказывает меня?

– Он не наказывает тебя, он проверяет твою веру, силу твоего духа. Молись и проси его за жизнь Арлены и будешь услышана. Не сомневайся в своей вере.

– Я не сомневаюсь, просто хочу понять, почему?

«Аллах, все люди грешны на земле, нет иных, иначе все были бы святыми. Ты один волен оценить мои поступки и веру в Тебя. Я верую, всем сердцем верую, но молю тебя, помоги мне в трудную минуту, не откажи в своей милости, спаси мою сестру, сохрани ее жизнь. Пощади меня. Господи, пощади всех нас – и братьев и сестер, и маму мою и в особенности Камилочку, сохрани жизнь ее матери. Как же она будет без нее, Господи! На Тебя одного уповаю, лишь от тебя жду помощи и поддержки. Хвала Тебе, Господину всех миров, милостивому и милосердному. Хвала Аллаху, дня страшного суда Властелину, Тебе я поклоняюсь, и помощь дается Тобою одним. Веди меня по пути тех, кто Тобою водим, по пути

тех, на кого простерлась милость Твоя, на кого Ты не гневаешься, кто не знает заблуждения кручин. Аллаху Акбару!»

Разболелась голова, пульсировали виски, заломило кости, словно их пытались разрубить вживую, мышцы были настолько спазмированы, что она почувствовала их одеревенелость. Боль, терзавшая ее все это время и приглушенная лекарствами, вновь входила в свои права.

Вернулась Айгерим.

– Давление подняли до пятидесяти на двадцать. Пульс стал лучше, – обнадеживающе сказала она, – нужен бульон и два сырых яйца, ее надо покормить. Я, наверное, схожу в ближайшую кафешку и возьму горячего шорпо.

– А как они хотят ее кормить? – не сообразив, спросила Айгель.

– Через назальный зонд. Во рту же у нее трубка дыхательного аппарата, – печально сказала Айка.

Сердце Гели возликовало.

«Если ее собираются кормить, значит, ей стало лучше, ну и что, что она пока еще без сознания, многие бывают в таком положении и ничего, выкарабкиваются, и малышонок выкарабкается. Сейчас вот покормят ее, силы у нее прибавятся, и Арлен еще повоюет за себя. Держись, малышонок! Всеми святыми силами заклинаю тебя, борись за жизнь, не сдавайся! Ты у меня сильная, ты же тигр, ты же надежда моя и опора моя. И вообще я без тебя не могу жить, подумай о дочери. Арлен, родная моя, я знаю, ты меня слышишь, ты чувствуешь меня, несмотря на то, что мы находимся в разных помещениях, наши души едины. Родная моя, заклинаю тебя, дерись! Дерись, солнышко мое, не сдавайся! Бог тебе поможет, ты только постарайся, пожалуйста, подумай о Камиллочке, она ведь без тебя не выживет».

Слезы навернулись на глаза. В горле застыл ком. Тело страдало.

– Агашка, попросите, пусть обезболят, – сказала она дяде.

– Больно? – участливо спросил он.

Она ничего не ответила. Дядя пошел звать медсестру, дверь осталась приоткрытой. Айгель услышала в коридоре голоса своих теток.

– Самое главное, стабилизировать давление и работу сердца, – назидательно заметила Майрам.

– Само собой, но ведь и мозг должен как-то активизироваться. Дыхательный центр еще в параличе, – ответила Наргиза.

– Тише, дверь открыта, – предостерегла Майрам сестру.

Айгель до этой минуты не вникала в понятие комы. Только теперь услышав слова тети, она задумалась.

«Действительно, почему до сих пор не включается мозг, пора бы уже. Если не работает дыхательный центр, то каким образом активизировали сердечно-сосудистый центр мозга, они же где-то рядом должны быть. И потом, где у нее аневризма лопнула, говорили же в лобной доле слева, причем тут ствол мозга, где лежат все важные центры жизнедеятельности организма? Они что-то напутали. Может, диагностика не верная, поэтому и тактика не правильная, и ей никак не становится легче. Господи, ну они же оперировали ее, наложили клипсу на разрыв, отсосали гематому. Заведующий лично об этом говорил Эрболу после операции. Что пошло не так?»

Вошли Майрам, Наргиза и агашка. Следом пришла и медсестра.

– Сегодня уже восьмой укол просите, не многовато? – назидательно заметила она, растирая спиртовым тампоном место для инъекции.

– Очень больно, – коротко ответила Геля, даже не глядя на нее.

Вернулась Айгерим с банкой бульона в руке и целым гнездом яиц.

– Обезболивающее? – спросила она.

– Да. Вот говорю, часто просите лекарство, – начала было она.

– А вы сами испытывали эту боль? – почему-то рассерженно спросила Айка.

Медсестра недоуменно взглянула на нее и, пожав плечами, с безразличием на лице вышла в коридор.

Айка приступила остужать бульон и ложкой начала вбивать в него два сырых яйца.

Все внимательно следили за ее действиями. Попробовав на вкус, Айка одобрительно кивнула головой и понесла питательную смесь в реанимацию. Спустя минут десять показался Амир, вид у него был болезненный.

– Ну что, как малышонок? – спросила Айгель.

– Давление пятьдесят на тридцать. Пульс пятьдесят шесть.

– Это замечательно, что давление поднимается, значит, появилась положительная динамика, – отметила Геля, – если так пойдет и дальше, то, возможно, уже завтра ей станет намного лучше, и она вернется в сознание, выйдя из комы. Правда?

– Будем надеяться, эжешка, – сказал Амир, усаживаясь на стул возле нее.

Только тут Айгель рассмотрела заплаканные глаза брата.

– Почему ты плакал? – насторожилась она, – вы врете мне, что-то случилось с Арлен? Почему ты плакал?

– От напряжения, эжешка, вы ведь знаете, что Арлен в тяжелом состоянии, мы же вам все рассказываем.

Айгель расплакалась, с недоверием глядя на брата, всхлипывая, сказала:

– Поклянись мне детьми, что малышонок жива. Поклянись.

Амир взял ее руку и крепко сжав, произнес:

– Клянусь.

– Ты поклянись детьми, – настаивала Геля.

– Клянусь детьми, что моя сестренка Арлен жива.

Айгель глубоко вздохнула, взгляд ее скользнул по лицам родственников.

– Жива она, – быстро сказал агашка, не дожидаясь ее требований в клятвах.

Слезы бежали по ее щекам, в теле появилась дрожь. Дышать становилось все труднее, одышка нарастала. Усилием воли она взяла себя в руки и попросила:

– Дайте мне корвалол.

– Ты час назад пила его, – заметила тетя Майрам.

– Амир, дай мне его, двадцать капель.

После приема лекарства Айгель спросила Амира:

– Так почему ты плакал?

Взгляд ее покрасневших и опухших глаз от постоянных слез в последние три дня был жалким. Страх, прочно укоренившийся в них, вызывал боль в душе Амира. И все же какая-то маленькая искорка надежды еще тлела во взгляде сестры.

– Полчаса назад мы чуть не потеряли ее. Остановилось сердце. Врачи сказали, что это конец, но Эрбол так кричал на них, готовый убить, требуя, чтобы они продолжали запускать ее сердце, чтобы не опускали руки и продолжали реанимационные мероприятия. И сердце включилось в работу. Теперь все позади. Давление начало расти и пульс тоже, – усталым голосом сказал он.

В палате была тишина, все молча смотрели на пол. При первых словах брата Айгель даже не поняла о той опасности, которая возникла полчаса назад и могла привести к трагедии, и только теперь, когда зависла такая нереальная для больницы тишина, поняла всю тяжесть того мгновения, которая чуть не отобрала у нее сестрен-

ку. В который раз ужас парализовал ее сознание. Мозг ни о чем не хотел думать. Он требовал тишины и покоя. А еще лучше отключки. Но, как это обычно бывает по закону подлости, именно теперь он был трезвым, хотя и воспринимался как чистый лист бумаги, с которого стерли ластиком все данные. Мыслей не было, осталась тупая констатация фактов без эмоций и красок. Айгель трезво воспринимала себя, палату, родственников и даже слова брата, но не испытывала всего того, что происходило в душе Амира. Она вообще ничего не испытывала, словно кто-то выключил в ней чувствительность и эмоции. Видимо, в поведении сестры, без конца рыдающей и молящейся, это бесцветное затишье показалось странным, так как Амир присмотрелся к ней внимательней долгим взглядом, изучая выражение ее лица, и встревоженно касаясь ее руки, спросил:

– С вами все нормально? Эжешка, вы меня слышите?

Она смотрела на него пустым взглядом, не слыша звуков его голоса, лишь видя мимику его лица. Но это ее не волновало. Прострация, границы которой простирались далеко, за пределы этой палаты, уводила ее вдаль между реальностью и небылью. Она видела всех, кто был рядом в палате, но видела, словно в другой плоскости, как на экране кино, у которого отключили звук. Впервые за эти бесконечно долгие дни ей было спокойно и безразлично. Ее взор был устремлен куда-то далеко сквозь эту палату и даже больницу, и даже город...

Обжигающий удар по щеке вернул ее в реальное измерение. От боли она зажмурилась.

Как отдаленное эхо услышала гулкие голоса людей, искаженные расстоянием и побочными шумами.

– Эжешка, вы что молчите ... эжешка, вы слышите? Отвечайте, – плакала Айка.

Айгель услышала. Открыла глаза и увидела столпившихся возле нее сестру и брата, родственников и вра-

ча, измеряющего ей давление. Левая щека пылала, как обожженная.

– Я слышу, не кричи, перепонки лопнут, – сказала она.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор, заглядывая ей в глаза.

– Нормально, – вяло ответила она.

– Ну, зрачки, вроде, восстановились, судороги прошли, и давление семьдесят на пятьдесят пять. Сейчас лекарство подействует, и она придет в себя окончательно. Ну, все, отдыхайте. – Вы прошли бы со мной, – обращаясь к Амиру и Айгерим, сказал он, поднимаясь с места. Уже в коридоре он обвинительным тоном добавил:

– Вы хотите потерять ее?

Амир вспыхнул:

– Что за тупой вопрос? Издеваетесь, что ли?

– Тогда зачем вы рассказываете ей о событиях в реанимации, поймите, ее нервная система не устойчива, мозг пострадал при ушибе, плюс тяжелый ушиб спинного мозга, все центры страдают, а вы никак не можете обеспечить ей покой. Мы тоже не можем постоянно ее грузить транквилизаторами. Сердце может не справиться. А с учетом травм грудной клетки и вовсе неблагоприятный прогноз. Я понимаю, вам тяжело, состояние второй сестры критическое, но и у этой вашей сестры в самом скором времени будет такой же кризис, может развиваться инсульт, если не прекратятся стрессы. Возьмите себя в руки и как-то контролируйте свои эмоции.

– Хорошо, мы постараемся, спасибо, – ответила за всех Айгерим.

– Айка, дай мне попить, – попросила Айгель, когда она вернулась в палату.

Достав бутылку минералки из холодильника и разбавив ее водой из банки – той, что стояла на столе, Айгерим напоила сестру.

Пришел Эрбол. Амира не было, видимо, он сменил его у реанимации, встав рядом с Арманом.

– Есть холодная вода? – уточнил он, открывая холодильник.

– Вон на столе стоит, я только что выставила бутылку, чтобы эжешку напоить, – ответила Айка.

– Агашка, будете? А вы? – обращаясь сразу ко всем присутствующим, спросил Эрбол.

– Я попью, налей мне немного, – сказала тетя Майрам, – ну как Арлен?

– Вроде стабилизировали ее состояние, конечно, параметры еще плохие, но на фоне того, что было, намного лучше. Там Амир остался. Уже совсем темно. Вы поезжайте домой. Будем надеяться, что теперь она поправится. Я буду на телефоне. Ты тоже, Айка, езжай домой, Алюка, наверное, потеряла тебя...

– Я оставила ее у подружки, побуду здесь возле вас.

– Делать тебе здесь нечего. Кризис миновал, езжай домой. Амира я тоже отпущу, пусть отдохнет, выспится, завтра сменит меня здесь.

– Ей стало лучше? – еще раз ища подтверждения, спросила Айгель Эрбола.

– Да, эжешка, ей стало лучше. Отдыхайте, вам тоже нужно поспать. Я буду дежурить в реанимации. Конечно, не постоянно, но меня запускают туда на две-три минутки каждые полчаса-час. Так что не переживайте, я присмотрю за Арлен.

Все разошлись. Айгель была в палате одна, лежа с закрытыми глазами, она молилась.

«Спасибо, Господи, что не забрал мою сестру, что оставил ее мне и всем нам. Спасибо Тебе огромное за это, Господи! Хвала Тебе, Царю всех миров и Господину всех душ и судеб! Хвала Аллаху! Милостивому и милосердному! Тебе я поклоняюсь и молю о помощи! Веди меня

по дороге прямой, по дороге тех, кого ты благодетельствовал, но не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших».

Ей хотелось спать. Невероятная уверенность в исполнении надежд поселилась в ее душе. Она уповала на Бога, и Он слышал ее, и вера в это была в ней непреклонна.

– Бог милостив и Арлен поправится, – сказала она вслух и позволила себе уснуть.

Ей снилось, будто она находится где-то среди болот. Специфический, свойственный только этим местам запах бил в нос. Впереди, недалеко от нее, находился небольшой пролесок. Айгель знала, что ей туда. Но тропы в топи она не ведала, пришлось идти на ощупь. Не помня, откуда взялась тонкая жердь, Геля прощупывала свой путь. Уплотнение, на которое натыкалась ее палка, указывало ей дорогу. Осторожно, шаг за шагом Айгель прошла большую часть болота в нужном ей направлении. Взгляд ее постоянно устремлялся к деревьям, словно она пыталась кого-то там разглядеть. Стояли быстро густеющие сумерки. Надо было спешить. Она наспех прощупала гать вокруг себя и сделала шаг, другой и третий. Разведка оказалась не верной. Следующий шаг стал роковым, неожиданно она провалилась в холодную, воняющую жижу. От испуга начала лихорадочно работать руками, пытаюсь выползти. Но твердой опоры, о которую она смогла бы зацепиться, не было, тем самым Айгель усугубила свое положение, большая часть тела уже увязла в болоте. Топь не собиралась выпускать ее на волю. Паника охватила ее, еще больше отнимая здравый смысл. Вокруг было сыро, холодно и темно. Острая боль прорезала ее позвоночник, судорожно дернулись конечности, и вонючая жижа почти до подбородка поглотила ее. Лихорадочно глотая воздух, она посмотрела на деревья в поисках помощи... и вдруг увидела Арлен. Сестренка была в летнем сиреневом пла-

тье с завязанными шарфом глазами. Вытянув руки для ориентации в пространстве, малышонок на ощупь пыталась поймать кого-то, словно играла в прятки с невидимым партнером. Айгель явно слышала ее звонкий смех. Она зажала рот, пытаясь максимально глубоко вдохнуть воздух и, боясь мига, когда топь полностью поглотит ее, зажмурила глаза.

Разряд электрического тока ударил ее, и она проснулась. За окном на улице было темно. Яркие звезды светили в окно. Тело изнывало от боли и молило о помощи.

– Эрбол, – позвала она брата.

В ответ была тишина.

– Айка, – уже громко позвала Айгель. Дверь в коридор была приоткрыта, впуская в комнату полосу света. В палате никого не было. Обе кровати были пусты.

– Амир, – крикнула Айгель громко, во весь голос, – кто-нибудь подойдите ко мне.

В коридоре слышались шаги.

– Кто кричит? – спросил женский голос.

– Я, – ответила Геля.

В проеме двери возникла медицинская сестра.

– В чем дело?

– Мне больно, сделайте, пожалуйста, укол.

– Сейчас посмотрю по истории болезни ваши назначения.

– Вы не знаете где мои родственники? Братья или сестра?

– Ваш брат, высокий такой, прошел в сторону реанимационного блока. Позвать?

– Если можете, позовите, пожалуйста.

Боль была противно изнуряющей, ей казалось, что с каждой следующей минутой она становилась в два раза острее. Геля уже не выдерживала эту боль. Слезы выступили как-то сами собой и побежали по щекам.

В палате включился свет, от чего Айгель резко зажмурилась.

– Что вы плачете? – услышала она голос медсестры, – сейчас сделаю обезболивающее лекарство и станет легче. Ваш брат уже на подходе. А вот и он.

– Эжешка, что случилось? – встревоженно спросил Эрбол, – вы меня потеряли?

– Больно, очень больно, – только и сказала Айгель.

– Нужно потерпеть немножко, сейчас станет легче, – успокаивая ее, заботливо сказал он.

– Как Арлен?

– Так же. Тяжелая, но состояние стабильно.

– Как ее давление?

– Шестьдесят на сорок. Выше не поднимается.

– Который час?

– Полчетвертого утра. Вам нужно еще поспать. Завтра будут нужны силы.

– Почему завтра, что будет завтра?

– Новый день будет завтра, спите. Я тоже полежу, – сказала Эрбол, направляясь к кровати у окна.

«Завтра будет новый день», – мысленно повторила Айгель и уснула.

На утро следующего дня пробуждение было тяжелым. Тело ныло, голова болела, в глазах двоилось и слегка подташнивало. Еще не открыв глаза, она услышала голос Айгерим, разговаривающей с братом.

– И что, анализы вы должны везти сами в лабораторию? – спрашивала Айка.

– Да, это же в наших интересах, ей ставят ДВС синдром, а это значит, что у Арлен идет сбой работы свертывающей системы, что ведет к обширному кровотечению, которое невозможно будет остановить. Мне еще нужно заехать в центр переливания крови, купить эритроцитарную массу, после поездки в лабораторию. И цельной крови надо взять пятьсот миллилитров.

– А что, местная лаборатория не может сделать этот анализ крови?

– Там, говорят, самые точные показатели. ДВС синдром – это очень плохо, это совсем плохо. Я поехал, мне надо торопиться. Амир везет лекарства, пусть сразу же отнесет в реанимацию и отдаст врачу в руки, сегодня дежурит заведующая этого отделения. Я отправил Армана отдохнуть, – сказал он тихо сестре, отводя ее в сторону, – он потерял сознание. Пусть поспит несколько часов. Амир повез его домой, потом заедет за лекарствами и придет сюда. Ты остаешься здесь одна, в случае чего звони мне.

Айгель заметила перешептывания Эрбола с Айкой и настороженно спросила:

– Что-то случилось?

– Я думал, вы спите, поэтому шепчусь с Айгерим, – сразу нашел, что сказать Эрбол, – я поеду за кровью, а Айка должна присмотреть и за вами, и за Арлешей.

– Можно было и не шептаться, – с недоверием глядя на него, сказала Геля, потом подумала и спросила:

– Можно мне с ней переговорить сегодня?

– С кем? – не сразу сообразил Эрбол.

– С заведующей реанимации.

– В принципе, думаю можно, ближе к вечеру, когда другие врачи уйдут, и у нее будет поменьше дел, а о чем вы хотите поговорить?

– О состоянии Арлен. Может, ей помощь других специалистов нужна?

Эрбол одобрительно кивнул и отправился в лабораторию.

– Я, наверное, пропущу через блендер суп и вобью в него два яйца.

– А где ты возьмешь блендер?

– Я рисовый суп сварила и блендер из дому привезла, – пояснила Айка, приступая к приготовлению питатель-

ной смеси для Арлен, – сейчас отнесу и потом вас покормлю.

– Я не хочу есть.

– Надо кушать, эжешка, видите давление совсем низкое, без еды оно не поднимется. Так что будем кушать. Вчера вообще кроме воды ничего не пили. А хотите я вам «шоро»* дам? Он кисленький, аппетит поднимет, потом покушаем.

– Не хочу. Лучше минералки налей.

Айгерим ушла в реанимацию. Айгель осталась одна. На душе было беспокойно. Закрыв глаза, она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, голова закружилась. Сосредоточившись, она обратилась к сестренке:

«Солнышко мое, малышонок! Я знаю, ты слышишь меня, несмотря на то, что мы сейчас порознь, наши души едины. Я очень люблю тебя, ты мне нужна для того, чтобы я могла жить, ты всегда была моей опорой и надеждой, всегда понимала меня с полуслова, достаточно было намека. Я прошу тебя, умоляю, не сдавайся, я знаю, что тебе очень больно и тяжело, но молю тебя, не сдавайся. Дерись за жизнь! Ты всегда была бойцом, никогда не опускалась на колени, ты мой стойкий оловянный солдатик, заклинаю тебя, дерись, изо всех сил дерись за жизнь. Помни, у тебя есть Камиллочка, подумай о ней, как она будет без тебя, как бы я ее ни любила и берегла, я никогда не смогу заменить ей тебя. Она будет несчастна. Подумай о своем ребенке! Подумай о мамулечке, если что с тобой случится, она уйдет следом за тобой. Ее состояние и без того тяжелое, она в реанимации, ты, наверное, и сама видишь. Поговори с ней, попроси ее от моего и своего имени выжить. Это слишком тяжелый груз для меня осознавать, что я повинна в этой трагедии, даже если моей вины в том нет, все равно я была за рулем. Возможно, если бы кто-то другой был водителем, может,

он как-то иначе выкрутил бы и избежал любовой атаки малыми жертвами. Возможно... Меня все уверяют, что это несчастный случай, что это воля Бога, я не спорю, но мне не становится легче от их уверений, все равно за рулем была я... ты, наверное, чувствуешь, как мне тяжело на душе, я не хочу жить. И если ты сдашься и покинешь меня, тогда помолись Богу за меня тоже, пусть он заберет и меня. Солнышко мое, умоляю тебя, не покидай меня, мне страшно, мне так страшно, – слезы бежали горячими струями по щекам, но она продолжала говорить с сестрой, – малышонок мой, не бросай меня, пожалуйста... умоляю».

Геля открыла глаза, вытерла ладонью слезы на щеках и сделала несколько глотательных движений, проталкивая застрявший ком в горле.

Айгерим вернулась несколько встревоженной состоянием сестренки.

– В чем дело? – спросила ее Айгель.

– У Арлен такие холодные ноги, как ледяные. Я их укурла, как могла, хочу взять большое полотенце и завернуть их. Все же теплее будет. У них вообще там все окна раскрыты. Наверное, и ночью не закрывают.

– Когда маму оперировали, помнишь, при удалении камней из желчного пузыря, я дежурила, находясь в ее палате. Тогда после операции у нее тоже ноги были ледяными. И мне сами врачи посоветовали принести бутылки с тепло-горячей водой, и мы подставляли их под ее ступни, таким образом разогрели ноги. Давай тоже сделаем и для Арлен. Возьми две «баклашки» и наполни их горячей водой, но не сильно горячей, чтобы ей было приятно, но не жгло.

Айка быстро подготовила две пол-литровые емкости из-под минеральной воды и поставила электрический чайник. Спустя десять минут она уже несла их по назначению.

«Господи, – взмолилась Айгель, – помоги, пожалуйста, моей сестре Арлен выжить и стать здоровой, избавь ее от страданий, которые она не заслужила. Слава Аллаху! Тебе одному я поклоняюсь и от Тебя одного жду помощи, не позволяй погибнуть Арлен. Спаси ее жизнь. С именем твоим она жила и впредь будет веровать в Твою волю и щедрость, в могущество и милость. И я никогда не позволю себе сомнений в милосердии Твоем и заботе. Я буду самой верной рабой до последнего вздоха, только не отнимай у меня сестру, Господи! Хвала Аллаху, господину всех миров и жизни моей!»

Вернулась Айка.

– Говорят, когда человек находится в коме, вот так, как Арлен, то, по наблюдениям врачей и медсестер, выявилась такая тенденция. Оказывается, если человек в коме переживет третьи, пятые, седьмые и девятые сутки, то он обязательно выживет и вернется в сознание. Причем говорят, что даже может полностью восстановиться. Именно в эти дни наступает кризис, и многие умирают. У нас сегодня пятые сутки, критический показатель, если Арленочка переживет эту ночь, то все будет хорошо.

– Надо молиться, всем надо молиться, – сказала Геля, – позвони Алене, она возле Ками с Дааной, пусть сменится с кем-нибудь, проедет в церковь и поставит свечи во здравие за всех наших и молится. Пусть все, кто не занят, сделают это. Потом набери телефон Гульнары и всех своих подруг, всех подруг Арлен и попроси, чтобы без усталости молились за нее. Пусть их дети, все наши дети, все, кто может, просят Аллаха об исцелении малышонка. Пусть Даана тоже молится за Арлен и Камиллу и за тайэнешку. Бог всегда слышит просьбы детей и особенно обделенных счастьем и здоровьем. А мы сейчас и есть инвалиды. Пусть молится. Пусть дети Амира не встают с колен, произнося молитвы. Дети Эрбола – в Таразе, пусть позвонит своим детям.

– Хорошо, я обзвоню всех.

В дверной проем заглянула медсестра из реанимации.

– А где ваш брат? – спросила она.

– Он повез анализы в лабораторию. В чем дело? Мне говорите, я все сделаю.

– Он должен был привезти кровь, она срочно нужна, узнайте, когда она поступит к нам?

– Зайди, пожалуйста, – попросила ее Айгель, – что там у вас происходит? Арлен стало хуже? Говорите, не скрывайте от меня?

Медсестра вопросительно взглянула на Айку, та еле заметно отрицательно покачала головой.

– Она в коме, состояние стабильное, плановое переливание крови.

– Сколько нужно будет еще крови?

– Мы все объяснили Эрболу. Созвонись с ним и поторопи его, – сказала медсестра и вышла из палаты.

Айгерим тут же начала набирать номер брата.

– Алло, байкешка, вы где? Срочно нужна кровь, с реанимации приходили, вас ждут. Хорошо, ладно.

Айгель с тревогой в душе вслушивалась в разговор сестры.

– Что он сказал, когда приедет?

– Уже взял кровь и везет сюда. Я схожу, проведу Арлен. Вы полежите сами.

Айгель опять осталась одна. Она вдруг почувствовала, как по левой руке побежали мурашки. Попыталась повернуть голову, ей удалось. Не поверив, она несколько раз подвигала головой влево – вправо, получилось. Обрадовавшись, решила приподнять голову, пытаясь оторваться от подушки. Не вышло.

– Нечего, – сказала она вслух, – двигается уже хорошо. Значит, скоро и подниматься начнет. Спасибо тебе, Господи!

Геля взглянула на левую руку, ожидая увидеть ползающих насекомых. Но там ничего не было. Ладонью правой руки растерла левое предплечье и плечо, помассировала пальцы. Ползание сменилось тысячами мелких иголок, поочередно колющих в разных частях руки.

«Оживает, что ли?» – подумала она. Ее озарила догадка. Айгель сосредоточилась и напрягла левую руку, пытаясь приподнять ее. И хотя она не поднялась, но с места сдвинулась и довольно активно. Вспомнив о ногах, Айгель решила согнуть колени. Удалось это с седьмой попытки и то не совсем так, как нужно. И все же они двигались. Пусть вяло, пусть с невероятным усилием, но двигались. Сердце ее возликовало, на долю времени даже забыв о сестре. Поймав себя на этом, Айгель пришла в недовольство собой.

«Чему радуешься? Все в тяжелом состоянии, Арлен в кризисе, а ты радуешься. Что ж ты за тварь-то такая!» – впервые она грубо отругала себя.

Сердце забилося глухими ударами, отдающимися в ушах. Айгель закрыла глаза, сделала глубокий вдох, задержала дыхание и медленно выпустила воздух. Прислушалась к себе. Внутреннее равновесие восстанавливалось. Видимо, действие лекарств закончилось, ощущение воткнутого между лопатками острого топора, разрубающего ее пополам, вернулось к ней. То ли попытки подвигать конечностями и мотание головой пробудили быстро нарастающую боль во всем теле, то ли просто пришло время, но тело начало требовать обезболивающего средства. Благо в палату вернулась Айгерим.

– Попроси сделать мне укол. Больно, – сказала Айгель, лицо ее выражало страдания.

Вдруг раздался истошный вопль, переходящий в громкие рыдания. Множество женских голосов запричитало. Сердце Айгель замерло, глаза ее, выпученные до крайне-

го предела, видимо, выглядели безумными, и Айгерим, подбежав к ней, быстро сказала:

– Это не Арлен, у нее все пока стабильно. Это тот русский парень, после аварии на мотоцикле... у него был перелом основания черепа и перелом шеи. Врачи думали, что не протянет и дня... вопреки всему он продержался почти пять суток.

До сознания Айгель сполна дошел ужас утраты. Если до этого страх за жизнь сестры виделся ей как нереальная возможность, то теперь он облачился в осязаемый ужас.

– Сходи к Арлен, узнай, как она, – прерывающимся голосом сказала Геля.

– Я только что оттуда. Пусть родственники парня выйдут на улицу, потом схожу.

– Нет, сходи сейчас, узнай, все ли у нее в порядке? Не стало ли ей хуже? – категоричным тоном потребовала она.

Айгерим устало посмотрела на сестру и молча вышла в коридор.

«Господи! – взмолилась Айгель, – спаси жизнь моей сестры, не отнимай ее у меня, умоляю тебя, что мне сделать, чтобы ты услышал меня? Возьми мою жизнь, отдам ее с радостью, только спаси мою Арлен, ради мамы, ради ее дочери. Если она совершила какие-то ошибки вольные и невольные, осознанные и неосознанные, прости их ей. Если их нужно отработать, я готова, взять их на себя, я все отработаю до последней ошибки, только сохрани ей жизнь, только не отнимай Арлен у нас, Господи! Милости прошу, я все отработаю, я все беру на себя. Верую в Тебя, Господи, верую в Твою справедливость и милосердие. Спаси ее!»

В который раз она плакала умоляя, в надежде быть услышанной.

Прошел час, Эрбола все не было. Айгель нервничала. Ей сделали укол, и боли отступили.

Во время инъекции медсестра заметила:

– Смените простыню, она в моче.

– Мы меняли ее утром, – ответила Айгерим, – и памперс одели. Эжешка, что, промокли?

– Не знаю, я не чувствую этого.

Айгерим подняла одеяло и просунула руку, ощупывая пеленки. Они были влажными.

– Я поменяю памперс и попробую вытянуть пеленки, если получится. А подстелем уже, когда байкешка придет. Хорошо?

Айгель кивнула.

– Эжешка, у вас голова двигается? – обрадованно заметила Айка.

– Да, с сегодняшнего утра, – пояснила Геля, – и ноги с трудом, но сгибаются в коленях.

– Это же здорово, хоть одна хорошая новость за все это время. Я так рада.

– Эрбола долго нет, почему? – не разделяя восторга сестры, сухо заметила Геля.

– Он же приезжал, завез кровь в реанимацию и поехал за готовыми результатами в лабораторию, где-то возле медицинской Академии. Эти анализы очень важны для врачей.

Пришел Амир, держа пакет с лекарствами.

– Как, эжешка, ваши дела? – спросил он и, наклонившись, поцеловал в щеку.

– Привет, Айка!

– Привет, байкешка, как дети?

– Нормально. Ты уже кормила Арлен?

– Да, еще часа два назад, а что?

– Да я свежий домашний бульон принес.

– Это уже на вечер оставим, – предложила Айгерим.

Амир понес лекарства в реанимацию, заглянул к Арлен.

Она лежала с трубкой во рту, с запекшейся кровью на повязке, обмотанной вокруг головы в виде чепца. Вся была какой-то желтушной, одутловатой, из-за чего сильно изменились черты лица. Их маленькое солнышко, как все ласково называли Арлен, не была похожа на себя. Это причинило острую боль душе Амира. Он погладил ее кисть, она была неестественно бархатной и прохладной, несколько прорезиненной. Это ощущение причинило Амиру новую боль. Он наклонился и поцеловал руку сестры.

– Я люблю тебя, Арлешенька! Очень сильно люблю. Не покидай нас, умоляю. Только выживи.

Подошла заведующая отделением.

– Не тревожь ее, Амир, – сказала она.

Монитор, подсоединенный к груди и руке сестры, тихо пищал маленькой мигающей зеленым светом лампочкой, такие же зеленые световые дорожки, демонстрирующие сердечный ритм, бежали медленным непрерывным узором.

В нижнем его углу высвечивались показатели артериального давления:

Шестьдесят на тридцать. Пульс пятьдесят.

– Как она? – спросил Амир.

– Так же плохо, – лаконично ответила заведующая, – все было бы ничего, если бы не отсутствие реакции мозга. Зрачки остаются широкими, световой реакции нет. Головной мозг в отключке. Это меня сильно настораживает. Пятые сутки идут, а реакции мозга нулевые. Плохо. Сегодня был консилиум с участием профессора, ничего нового в тактике ведения не предложили. Я вызвала нефрологов. У нее совсем плохая моча, креатинин и мочевины, и остаточный азот выше нормы в двадцать раз. Низкое

давление в течение всех этих суток привело к острой почечной недостаточности, теперь еще присоединился ДВС синдром. Сказать по правде, я даже не знаю, как она еще держится, и что мне еще сделать для нее. Ты ведь знаешь, я ее очень уважаю. И мы считались хорошими знакомыми, почти подругами. Если бы только она дала мне зрачковую реакцию, если бы только... все было бы иначе...

– Она обязательно выйдет из комы, по-другому просто быть не может, – пылко сказал Амир, слезы навернулись на глаза.

Доктор с жалостью посмотрела на него и, молча пожав плечами, прошла к соседней койке, где лежал еще один тяжелый больной.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Амир вышел из отделения на улицу. Его душили слезы. Сев на скамейку недалеко от реанимационного отделения, он тихо взмолился:

– Господи, да светится имя Твое, да пребудет царствие Твое... спаси мою сестру, умоляю, не дай ей умереть. Я так ее люблю, так люблю, не отнимай ее у меня, Господи, помоги мне...

Ты не оставил мне мамы, отняв ее, так не забирай и сестры, где же твоя милость, Господи, молю тебя, спаси мою сестру...

Амир не сдерживал слез, слишком много боли они вместили в себя и требовали выхода. Душа разрывалась в смятении, он не знал, что еще нужно сделать, чтобы Бог услышал его.

Достал сигарету, закурил. Нужно было брать себя в руки и, не подавая вида старшей сестре, вернуться в палату, словно ничего страшного не происходило. Для него,

Эрбола и Айгерим такое поведение, когда, наплакавшись от отчаяния на улице, просушив лицо, мокрое от слез, нужно было возвращаться к Айгель, с деланным выражением легкой озабоченности по поводу ее здоровья и состояния Арлен, стало привычной маскировкой во благо сестры. Она бы не пережила истины.

– Ты что так долго? Был с Арлен? – спросила Айгель, как только он вернулся в палату, пытаюсь по его глазам прочесть ответ.

– Да, разговаривал с дежурным доктором, а вы знаете, – пытаюсь придать голосу более раскрепощенный тон, с улыбкой спросил он, – что сегодня дежурит заведующая реанимацией?

– Знаю. Эрбол уже сообщил. Он обещал, что пригласит ее сюда, для разговора. Я сама хочу спросить ее о состоянии малышонка. И о том, что они собираются еще делать, чтобы вывести ее из комы. Кто возле мамы?

– Ваша подруга Марина. Вечером ее сменит Эрбол. Я сегодня с утра обзвонил всех своих друзей, правда, их осталось мало, с учетом моего проживания в другой стране, так вот, все они пошли сдавать кровь. Айка, ты своим сообщила о сдаче крови?

– Да, две мои подруги уже сдали кровь сегодня, двоих забраковали как непригодных из-за перенесенной ранее болезни Боткина.

– Из отправленных мною четверых так же у двоих не взяли кровь. Еще нужны люди. Мы обратились ко всем родственникам, но пока никто не откликнулся.

– Бог с ними, обойдемся своими силами. Я попрошу своих друзей, – сказала Айгель, – кто-нибудь из них да сдаст.

– Нет, племянники откликнулись, но их почему-то забраковали, у девочек слишком низкое давление, у других что-то другое, в общем, не подошли, – внес корректировку Амир.

Пришла медсестра с капельницей и подключила ее.

– Меня как-то мутит, – сказала Геля через пять минут после начала процедуры.

– Так должно быть, такое лекарство, – как отрезав, сказала процедурная сестра.

– Но раньше такого не было, хотя капаете вы мне три раза в день, – не успокаивалась Айгель.

– Что это за лекарство? – спросила Айгерим.

– Сибазон, успокаивающее, – авторитетно ответила медсестра.

– А зачем вы ее успокаиваете? – не унималась Айка.

Та пренебрежительно взглянула на нее и одолжения ради произнесла:

– Врач назначил.

Голова Гели закружилась, все перед глазами поплыло и вскоре совсем исчезло.

Проснулась она уже вечером. В палате кроме Айгерим, листающей какие-то записи, сидя на кровати Арлен, никого не было.

– Который сейчас час? – обратилась Айгель к сестре.

– Проснулись, – сказала Айка, глядя на свою сотку, – уже семь вечера. Покушаете?

– Нет, не хочу.

– Что-то же надо кушать. И вчера ничего не ели, и сегодня. Хотите, я вам творог со сметаной помну?

– Нет, ничего не хочу. Я бы попила воды, холодной, можно со льдом.

– Льда нет, но вот сок из холодильника могу дать. А еще есть холодное «шоро», будете?

– Давай шоро. Как там Арлен? Ты была у нее?

– Капают, байкешка привез все лекарства. Я была у нее полчаса назад. Скоро снова проведу.

– Позови мне дежурного реаниматолога. Хочу поговорить, – попросила Айгель.

– Неудобно, наверное, беспокоить, мы все уже достали ее своими расспросами, – начала протестовать Айгерим, но Геля ее перебила:

– Позови, или мне теперь нужно обращаться к медсестре?

Слова сестры задела Айку, пытающуюся отвести от Гели этот разговор, боясь, что доктор проболтается, выложив некоторые сведения по состоянию Арлен, которые она с братьями всячески скрывала от сестры. Укоризненно взглянув на сестру, Айгерим молча вышла из комнаты.

Айгель вся изнервничалась, пока в течение получаса ждала доктора, а вместе с ней и пропавшую Айку. Наконец они появились в поле ее зрения.

– Ну как ты себя чувствуешь? – на ходу спросила заведующая реанимацией.

Женщина была явно старше Айгель.

– Спасибо, лучше. Я хотела поговорить о моей сестре. Каковы ваши прогнозы, как долго она пробудет в коме? Были у вас раньше такие затяжные случаи коматозного состояния у пациентов? Почему после операции она никак не придет в себя? – на одном дыхании протараторила Геля.

Сабира Гульжигитовна, так звали женщину, внимательно пригляделась к ней и, выдержав паузу, сказала:

– У меня был больной, пробывший в коме больше месяца, там была травма черепа, тоже автоавария, он выжил, но по выходу из комы сознание его было утрачено, он был просто как овощ. Не говорил, не думал, все мыслительно-аналитические качества мозга были утрачены. Конечно, он ел, опорожнялся, часами сидел в одной позе, уставившись в одну точку. Хоть и справлял нужду самостоятельно без медицинского вмешательства, но к унитазу его все-таки надо было подводить и даже усаживать. Он жив и по сей день, вот уже больше двух лет после комы.

– Вы даете мне понять, что мою сестру это тоже ждет, – не справившись с собой, со слезами на глазах, уточнила Айгель.

Сабира тяжело вздохнула.

– Понимаешь, для матери того парня, о котором я тебе сейчас рассказала, это было спасением, он у нее единственный ребенок, и она согласна ухаживать даже за таким сыном, лишь бы он был жив. Это стало смыслом ее жизни. Случай Арлен усугубляется еще и тем, что в отличие от этого парня, у нее полностью отсутствуют зрачковые рефлексы, с той самой минуты, когда она впала в кому еще до операции.

– И что это значит? – утирая слезы, спросила Геля.

Она чувствовала сердцем, что ничего хорошего это не значит, но надеялась услышать обнадеживающие слова.

– Только то, что ее мозг поврежден более глубоко и обширнее по площади, – осторожно подбирая слова, сказала доктор. Но все равно, несмотря на ее старания смягчить сказанное, Геля восприняла их как беспощадный приговор. Рыдание прорвалось наружу.

– Тише, тише, успокойся, – потребовала Сабира Гульжигитовна, – если так будешь реагировать, то я больше не буду говорить с тобой на эту тему. Зачем мне надо это, тебе сейчас станет плохо, а я буду нести за это ответственность. Возьми себя в руки.

Айгель сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь справиться с всхлипываниями. Наконец ей это удалось. Сабира не торопила ее, молчаливо стояла рядом с кроватью.

– На сколько процентов реален ваш прогноз, что она может остаться инвалидом? – уже без слез спросила Геля.

– Если она выживет и выйдет из комы, то восемьдесят процентов, хотя в европейских монографиях описывались случаи почти полного восстановления функций

мозга, правда, это было всего несколько раз. Но все в руках Бога.

– Значит, все-таки случаи восстановления головного мозга были?! – воспрянув духом, спросила Айгель, потом о чем-то задумалась и уточнила, – сколько тот больной был в коме?

– Сорок дней. Но там была сохранена реакция зрачков и потом...

– Я поняла, – торопливо перебила ее Геля, словно боясь услышать плохую новость, – Эрбол говорил, что возникли проблемы со свертыванием крови, вы ... – замялась Айгель, ища нужные слова, – делаете все возможное для скорейшего восстановления ... здоровья Арлен?

– Я же говорю, – несколько рассерженно начала Сабира, потом задумалась на доли мгновений и продолжила, – да, я делаю все возможное, ты, наверное, не знаешь, мы с Арлен хорошо знали друг друга, я очень ее уважаю, поэтому делаю все необходимое и даже больше того... Которую уже ночь подряд сижу в интернете в попытке найти что-нибудь новое. Пусть даже еще на этапе эксперимента, созвонилась с московскими коллегами, с которыми уже давно дружу, в надежде, что они подскажут что-то дополнительное из новых открытий в реанимационных мероприятиях. Пересказала им, что предприняли мы в лечении Арлен. Ничего нового, к сожалению, не появилось в лечении таких состояний. Я пытаюсь. Через три дня на Иссык-Куле состоится международный форум нейрохирургов и реаниматологов, возможно, приедут и неврологи, они-то нам и нужны. Будут доктора из Японии, Германии, Швеции, Франции и России. Может быть, что-то там узнаем нового. Вот как бы их привезти сюда, проконсультировать ее? Если б это удалось, было бы хорошо.

– Из Японии говорите, – о чем-то задумавшись, переспросила Айгель.

– Не только из Японии, но и из других стран.

– Так вы хотите уехать? А как Арлен? Что будет с ней без вас? Вы могли бы не участвовать в этой конференции? – испугавшись внезапного озарения, с тревогой в глазах спросила Айгель.

– Дело в том, что мы – встречающая сторона, и министр разбил нас, я имею в виду врачей нейрохирургии, на группы для встречи и обслуживания гостей. К примеру, моя группа из трех врачей и меня встречает делегацию из Швеции. Мы приветствуем их в аэропорту и на машине возим в пансионат на Иссык-Куле, там размещаем гостей и сопровождаем их на всякие мероприятия. Я не могу не поехать.

Выражение лица Айгель было таким, будто только что разрушился мир, так трудно и долго ею создаваемый. Воспаленный от горя и страха мозг цеплялся за Сабиру как за соломинку в ситуации с утопающим. На какой-то миг Айгель поверила, что если она является подругой ее сестры, то обязательно спасет Арлен, любой ценой выведет ее из комы и вернет к нормальной жизни. Теперь же та, в чьи возможности и знания она хотела верить, бросала их ради какой-то конференции. Для Гели это стало почти ударом под дых. Она отвернулась к стенке, благо это движение головы стало для нее возможным. Слезы побежали по щекам.

– Ладно, я пойду, мне еще надо зайти во вторую реанимацию для консультации больного, – заторопилась доктор, – будут новости, сообщу. Айгель, поправляйся скорей.

Сабира Гульжигитовна ушла. Айгерим стояла у окна и молча думала о чем-то своем. Геля тихо плакала на кровати.

У нее и в мыслях не было предположить о том, что ее сестра, умница Арлен, на английском и немецком языках читавшая лекции студентам Амстердама, Дрездена, Пра-

ги, может потерять разум и стать бесцельным человеком, пустым как овощ. Этот ужасный прогноз не мог зародиться даже в ее воспаленном мозгу.

«О, Аллах, милостивый и милосердный, за что же так Ты испытываешь мою сестру? За какие грехи? Ведь она никогда никому не делала ничего дурного, наоборот, по мере своих сил только помогала людям. Ты же всевидящий, от Твоего взора ничто не скрыто, Ты же знаешь, сколько добра она сделала, сколько страдала, безропотно неся твои испытания в жизни. Господи! Ведь она ни разу тебе не пожаловалась на свою долю, предначертанную Тобой. Милости прошу для сестры, спаси ее жизнь, не отнимая разума. Господи, пощади ее. В одного Тебя верую и от одного Тебя жду помощи. Хвала Аллаху, милостивому и милосердному, Господину судеб моих родных и близких. Пощади нас, не отнимай Арлен. Господи! Как же она будет жить, не мысля, не анализируя, не мечтая, не занимаясь наукой и студентами, – Айгель совсем стало плохо на душе, – как же я объясню маме, что сотворила с Арлен, как я ей в глаза посмотрю. Как я вообще переживу это...».

Геля услышала тихий всхлип, выйдя из раздумий, она взглянула на сестру. Плечи Айки вздрагивали, видимо, от сдерживаемых рыданий.

Глаза Айгель наполнились слезами.

– Айгерим, подойди, пожалуйста, – обратилась она к сестре.

Та, помедлив немного, чтобы быстро смахнуть слезы, сделала глубокий вдох и пошла к сестре. Покрасневшие глаза были влажными. Но явных слез уже не было.

– Да, эжешка? – вопросительно глядя на Айгель, в ожидании остановилась она поодаль от кровати. Наверное, для того, чтобы не сильно бросалось в глаза сестре ее заплаканное лицо.

– Присядь поближе ко мне, – попросила Айгель.

Айка выполнила требуемое.

– Ты переживаешь от сделанного реаниматологом прогноза для Арлен? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Как она будет жить, эжешка, если с ней такое произойдет? Я даже не представляю, как это будет? Мне страшно за нее, за себя, за вас..., – не сдержавшись, она заплакала, так горько, так обреченно.

Айгель тоже всхлипывала, не сдерживаясь, давая волю слезам и отчаянию, переполнявшему ее душу.

Так они и сидели около часа рядом друг с другом, не способные ничего изменить в одночасье свалившейся на них беде, две сестры, объединенные горем и страхом за судьбу и жизнь третьей, самой младшей сестренки. Они плакали молча, без причитаний, не проронив ни слова, душа разрывалась на части, причиняя неимоверную боль, которой не было конца.

Подшло время вечерних уколов. Сегодня дежурил Пархат. Будучи студентом пятого курса, он подрабатывал в ночную смену медбратом. Немногословный, он обычно приветствовал Айгель сухо и сразу приступал к процедурам. Так было и теперь. Подключив капельницу, он измерил давление и температуру. После чего пошел по своим делам.

– Не нравится мне это лекарство, – через минут семь после подключения высказалась Айгель, – оно причиняет мне дискомфорт, кружится голова и тошнит. Отменили бы уже, сколько можно его капать. Завтра на обходе попрошу палатного врача об этом.

Айгерим молча выслушала, устало глядя на нее.

Айгель клонило ко сну. Веки отяжелели. Даже с закрытыми глазами она чувствовала кружение пространства вокруг. Вдруг ее понесло куда-то вниз, сквозь пол и землю...

Неведомая сила тащила ее темным кротовым лабиринтом к центру земли. Страх почему-то не было. Только лишь ухало сердце и закладывало уши.

Неожиданно для глаз где-то впереди замаячил свет.

«Прямо как свет в конце туннеля», – зависла мысль в ее сознании.

Какой-то мутный сгусток тумана округлой формы, размером с шаровую молнию, поплыл в ее сторону. Ее понесло навстречу. По мере приближения сгусток стал рассеиваться, превращаясь в расползающийся туман.

«М-м, это, наверное, туманный зародыш, вот значит, как это происходит», – подумала Геля. И тут увидела впереди себя сизые образы многих знакомых ей людей, с которыми давно не виделась. Они все проплывали мимо нее, приветствуя молчаливым взором. У некоторых из них была улыбка на лице, и выглядели они умиротворенными, у других лица были опечалены, эти даже не поднимали глаз. Она склонила голову и посмотрела на себя. Такой же сизый силуэт в длинном воздушном одеянии был ее телом.

«М-м, значит, мы все здесь такие», – отметила про себя Айгель. И вдруг ее глаза узрели что-то очень родное, до боли в сердце любимое... Она присмотрелась внимательней, и узнала. Это были ее мама и племянница Камиллочка. Взявшись за руки, они медленно подплывали к ней.

– Ой, и вы здесь! – обрадовалась Айгель, – как хорошо, что я вас встретила. Вы не знаете, что это за место, и как мы сюда попали?

Теть Женя почему-то молчала, Камилла так же не проронила ни слова.

– Мам, – несколько удивившись, сказала Айгель, – вы что, на меня обиделись за что-то? Почему не отвечаете? Мамулечка?!

Теть Женя грустно улыбнулась, опустила глаза и поплыла дальше. Ками ни на секунду не отпускала руку бабушки. Тут же возник разрывающий перепонки гул, и ее понесло с невероятной скоростью вверх. Сильно тошнило, хотелось вырвать.

Айгель проснулась. Ее мучило. Мучила жажда. Нестерпимо ломило тело. Хотелось плакать. За окном было совсем светло. В комнате никого не было. В коридоре слышались голоса людей. Она прислушалась, но не разобрала, ни того, кому они принадлежали, ни того, о чем говорили.

– Как я устала от этой боли, сколько можно терпеть? – захныкала она.

Попыталась приподнять голову, не получилось, только усилила остроту болей. Айгель застонала.словно по мановению волшебной палочки в дверях возникла медсестра.

– Проснулись? – спросила она, внося в палату капельную систему и лоток со шприцами.

– Ой, как хорошо, что вы пришли, – обрадовалась Айгель, – уже не хватает нервов терпеть бесконечную боль, – чуть не плача сказала она.

– Тут у вас сплошные шишки от уколов, не знаю даже куда колоть, – прощупывая пальцами переднебоковую поверхность бедра, сказала медсестра, – давайте посмотрю вторую ногу. Здесь получше будет, сюда и сделаю.

Она отодвинула от стены кровать, благо, что были колесики, и пройдя между койкой и стеной, сделала укол. Затем подключила капельницу.

– Ты не знаешь, где моя сестра или брат? Проснулась, а никого и нет, – спросила Айгель.

– Я видела, как ваша сестра шла в реанимацию, если хотите я ее позову.

– Наверное, Айка пошла к Арлен. Ты не слышала, как там ее самочувствие?

– Вашей сестренки?

– Угу, – промычала Геля.

– Нет, мы же постовые другого отделения. Что происходит у них, мы не в курсе. Но вашу сестру я позову.

Топот бегущих ног насторожил обеих. Медсестра быстрым шагом вышла в коридор, плохо прикрыв за собой дверь палаты. Айгель услышала казахскую речь, говорили женщины. Кого-то успокаивали.

– Молитесь и надейтесь, – сказал женский голос с бархатным тембром. Еще несколько торопливых шагов мимо своей двери услышала Геля.

«Что там происходит? Все куда-то бегут мимо меня, явно что-то случилось», – не успела подумать Айгель, как раздался женский вопль...

Ее сердце замерло. Дыхание сперло, не хватало воздуха. Попыталась сделать несколько глубоких вдохов, не получалось, что-то мешало грудной клетке расправиться и впустить воздух...

Послышался плач нескольких женщин, Геля прислушалась и наконец-то вдохнула, глубоко, аж до головокружения. Женщины плакали, причитая на казахском языке...

– Это не наши плачут, значит, не Арлен..., Господи, спасибо! – с трудом выталкивая из грудной клетки воздух, вслух произнесла Геля.

Прибежала Айгерим.

– Эжешка, не волнуйтесь, это не Арлен, она жива! Умер тот парень, казах, которого избили на Иссык-Куле. Арлеша жива! – проговорила она на одном дыхании, стараясь как можно быстрее успокоить сестру.

– Дай мне воды, – пересохшими и потрескавшимися губами попросила Айгель.

– Вы спали, я хотела сбегать в реанимацию на пять минут, но задержалась, – на этих словах она замялась, –

у Арлен пузыри на пятках. Большие водянистые пузыри, практически по всей подошве до пальцев. Хотя отеки на лице уменьшились.

– Что за пузыри? Откуда они взялись? – не поняв сказанного, переспросила Геля.

– Реаниматологи говорят, от «баклажек» с горячей водой, которую мы прикладывали к ее ногам, чтобы отогреть их.

– От этого не может быть пузырей, ты же не кипяток прикладывала? Я видела, ты остужала воду.

– Конечно, не кипяток. Я прикладывала бутылку с горячей водой к своему животу, чтобы определить температуру. Она была чуть более теплой. И потом я же заворачивала «баклажку» в полотенце, – расстроено сказала Айка.

– Значит, ожогов быть не могло, откуда пузыри?

– Не знаю, эжешка, они говорят из-за этой бутылки, теперь вызывают хирурга для вскрытия пузырей на подошве.

– Только этого ей не хватало, все остальное уже есть. Теперь только порезать ноги осталось, – совсем расстроившись, чуть не плача, произнесла Айгель, – зачем я только сказала тебе сделать это, пусть бы лучше ноги холодными оставались.

– Но мы же согрели ее ноги, эжешка, это же хорошо, а так ледяные были, кровь не циркулировала в них.

– Ой, не знаю, что лучше.

Крики в коридоре стали утихать. Видимо, родственников умершего казаха вывели на улицу.

«Господи, не доведи меня до такой потери, не дай мне так же, как им, выть от горя. Господи, пощади! Молю тебя!» – обратилась Геля мысленно к Богу.

– Там еще один мальчик лет двенадцати в тяжелом состоянии. Сын гаишника, кажется, майора, машина

сбила его возле дома. Мать, молодая совсем женщина, не отходит от дверей реанимации.

– У нас сегодня седьмые сутки пошли, ты говорила, если Арлен переживет эту ночь, то Аллах смилостивится, и она пойдет на поправку, – между прочим заметила Айгель.

– Так говорят все сотрудники отделения от санитарок до врачей. За долгие годы их работы здесь сложилась очень четкая тенденция, что если тяжелобольной, находящийся в коме между жизнью и смертью, переживет сначала третьи, пятые, седьмые и наконец девятые сутки, то он обязательно выживет, – пояснила Айгерим.

Дверь палаты распахнулась, и вошли несколько врачей, среди которых был профессор Сасыкбаев и заведующий отделением Бильбегенов. Настроение Гели испортилось. Именно они не придали значения усиливающимся головным болям сестренки и довели Арлен до комы, так считала Айгель, так считали ее братья и сестра. Поэтому желание видеть их у нее абсолютно отсутствовало. Но она была пленницей обстоятельств, не могла встать и в знак протеста уйти из больницы. Единственное, что ей оставалось, это игнорировать их, изображая глубокий сон, что она и делала уже несколько обходов подряд. Но сегодня они застали ее врасплох, когда врачи вошли, они с Айгерим достаточно громко разговаривали.

– Наконец-то мы тебя застали бодрствующей, а то все спишь, как не придем, ну как твои дела? – участливо спросил профессор.

– Как у сестры, у которой в тяжелом коматозном состоянии сестренка, – сухо ответила она.

Сасыкбаев понимающе покачал головой, от чего Геле стало еще поганей на душе.

– Ну что ж теперь делать, коли так случилось? – как само собой разумеющееся заметил профессор и про-

должил, – я спрашиваю о твоём состоянии? Как, боли уменьшаются?

– Через двадцать минут после обезболивающего лекарства уменьшаются на час, потом снова набирают интенсивность.

– Покажи-ка ноги, – попросил профессор.

Айгель молча смотрела на него одним глазом, не принимая никаких попыток.

– Что, двоение не уменьшается ещё? – спросил Сасыкбаев.

– Нет, – лаконично ответила она.

– А ноги можешь согнуть?

– Пошевелить могу со вчерашнего дня, но это причиняет сильные боли.

– Уже хорошо, совсем обездвиженные были. Что с тазовыми расстройствами? – спросил он у палатного врача.

– Держатся, помимо этого появились нарастающие отеки конечностей и одышка. Субфебрилитет на протяжении всего периода лечения.

– Надо готовить её к операции, – сказал Сасыкбаев, – планово, если интенсивность болей не уменьшится, но сначала выясните причину одышки и отеков. Ну, ладно, Айгель, выздоравливай.

Геля молча приняла пожелание, не удосужившись поблагодарить. После ухода врачей она спросила у сестры:

– По поводу чего они хотят меня оперировать? Я не поняла.

– У вас несколько поясничных позвонков в результате перелома раскололись на куски, и некоторые из них сместились в просвет спинномозгового канала, приблизившись к спинному мозгу, есть угроза дальнейшего сдвига осколка и травмы мозга, что имеет неотвратимые последствия. Поэтому вас нельзя ни шевелить, ни двигать.

Айгель размышляла над услышанным.

«Если такое случится, мне достанется инвалидная коляска до конца дней моих. Стоит ли так жить? Вот почему у меня паралич ног и тазовые нарушения. Все гораздо поганее, чем я предполагала. С другой стороны, чего я еще заслуживаю? Сейчас надо думать об Арлен, а не о себе. Что предначертано, то со мной и случится, только бы остальные вышли без особо тяжких последствий. Господи, помоги моим родным, исцели их, спаси Арлен. Господи, помоги пережить эту ночь. Если правда, что она что-то значит в судьбе моей сестры, то молю Тебя, помоги ей пережить эту ночь и верни Арлен сознание. Господи, не откажи мне в моей мольбе! В одного Тебя верую, лишь от Тебя жду помощи!»

В отделении было тихо. Сонный час призывал к покою. Айгерим вот уже больше двух часов, как ушла к маме. Ее сменил Амир. В данный момент он находился возле Арлен. Эрбол поехал в центр переливания крови за новой дозой эритроцитарной массы. После обеденной капельницы Айгель дремала. Открылась дверь, и появился профессор Яншинло Заритдин Пашаевич, однокурсник Гелиного отца, старый знакомый ее родительской семьи.

– Эжешка, наверное, спит, – услышала она голос Амира.

– Не буди ее, пусть спит, – сказал другой незнакомый мужской голос.

Айгель открыла глаза, прищурившись одним глазом, напрягла зрение. Перед ней стоял Заритдин Пашаевич, хорошо знакомый ей еще с детства.

– Здравствуй, Айгель, – сказал он по-доброму, – почему ты прикрываешь глаз? Болит, что ли?

– Здравствуйте, – грустно улыбнувшись, приветствовала она его, – нет, двоится в глазах, результат ушиба головного мозга. А вы к кому пришли? Кого-то консультируете?

– Я приглашен на консультацию к твоей сестре. Правда, когда ехал сюда, не знал, что это она. Да и про тебя и про остальных не знал. Ну что поделаешь, надо верить в лучшее. Время нужно, чтобы подняться...

– Вы консультировали Арлен? Как она? Скоро выйдет из комы? Заритдин Пашаевич, вы сделали ей назначения, посмотрели ее историю? Они прозевали ее. Это их вина, что она впала в кому, пожалуйста, возьмите ее под контроль. Арлен надо правильно лечить, и тогда будет динамика, пожалуйста...

– Айгель, ты сама имеешь диплом врача, это не моя территория, но я сделал свои назначения, будем уповать на Бога, потому что врачи делают все возможное. Ты была за рулем?

– Да, выскочила встречная машина, и при столкновении я не справилась с рулевым управлением и ...

– Ну, все, все, не вспоминай, – перебил ее профессор, видя, как участилось ее дыхание и на глазах повисли слезы.

– ... Мама в тяжелом состоянии, Аня в коме, Камилла тоже в реанимации, – не унималась Айгель.

– Ты знаешь, в тот день в районе двенадцати-двенадцати тридцати мы как раз проезжали в этом месте. Мы ехали на Иссык-Куль, за рулем был Фуркат, ты же знаешь моего сына?

– Да, он мой однокурсник, – вяло сказала Айгель.

– В машине был я, он с женой и детьми, и мы видели серебристый Джип Мерседес, разбитый и смятый, номер у него еще был девяносто восемьдесят восемь, кажется, или...

– Девяносто восемьдесят шесть ЕА, – механически поправила Геля, и вдруг до нее дошел смысл его слов, она была потрясена...

– И вы не остановились? Проехали мимо? – дрогнувшим голосом спросила она.

Яншинло растерялся от вопроса:

– Я же не знал, что это случилось с вами, что там Женечка, и вы все... мы очень торопились... – оправдываясь, сказал он.

Геля закрыла глаза, ком душил горло, слезы побежали по щекам.

– Вы же давали клятву Гиппократу, – только и сказала она, отворачиваясь к стене.

– Ладно, я пойду, – сказал он Амиру и вышел в его сопровождении из палаты.

На душе Айгель было скверно, тело ломило, жить не хотелось.

– Амир, – закричала она громко, – Амир!

Никто не отозвался. Спустя десять минут приехал Эрбол.

– Как вы, эжешка? Опять плачете? Сколько можно? Успокаивайтесь уже, сейчас ухудшение наступит, и что будем делать, и без того видите, проблем много. Где Амир?

– Вышел, – сдерживая слезы, произнесла Геля.

– Ну, все, эжешка, давайте успокаиваться, сейчас нельзя плакать, иначе Арлен будет хуже.

– Попроси медсестру сделать укол, все болит, я устала от боли, от страха, от всего... – не сдержавшись, разрыдалась Айгель.

Эрбол подошел к ней, наклонился, поцеловал и ласково сказал:

– Всем нам сейчас тяжело, все устали, всем плохо, надо потерпеть. Помогите нам, нам сейчас так нужна ваша поддержка, а в чем она может быть? В быстрой поправке здоровья, а для этого надо кушать и не плакать. Я тоже хочу плакать, но я же держусь. Я понимаю, что вам тяжело на душе, и вы истощены постоянной болью, но надо потерпеть. Я сейчас попрошу медсестру обезболить вас, вы не будете плакать?

Теплое участие брата вызвало в ее душе благодарность, но вместе с тем еще и неумемную жалость к себе, к маме, к Арлен, ко всем, кто пострадал в той аварии. Слезы полились с новой силой.

– Ну вот, вы меня не услышали, – разочарованно сказал Эрбол, идя к двери.

Айгель сделала несколько глубоких вдохов, медленно, со всхлипываниями выпуская воздух из легких. Пятая попытка была успешной, она смогла взять себя в руки.

Ей сделали укол. Нужно было выждать время, чтобы он подействовал. Айгель начала мысленно считать:

«один, два, три... тридцать три... семьдесят один...». Какой-то из моментов счета затуманил ее сознание, и она отключилась. Ей приснился сон:

Она ждала у Медицинской академии свою сестру. Будто бы Арлен работала в этом здании на не существующем в реальности седьмом этаже. По договоренности встреча была назначена на семь вечера у главного входа в эту Альма-матер. Начинало смеркаться. Вот уже более двадцати минут Геля, все поглядывая на часы, ждала сестру. Сотовый телефон Арлен был отключен. Прошло еще полчаса, сестра не появилась. Рассердившись, Айгель поднялась по ступеням в здание. Кроме двух охранников никого уже не было. Она объяснила ситуацию и назвала имя своей сестры.

– Арлен Бакытовна, говорите вы? – просматривая списки сотрудников, уточнил один из стражей. Найдя ее данные и номер кабинета, пропустил Айгель, указав направление к лифту, и добавил:

– Поторопитесь с выходом, мы через полчаса уйдем домой. Потом не сможете выйти.

Она, соглашаясь, кивнула головой и проследовала в указанном направлении.

Арлен сидела за компьютером и увлеченно набирала текст. Пальцы сестры, словно бабочки, порхали над

клавиатурой. Айгель с ходу начала высказывать свое недовольство:

– Если у тебя все отменилось, надо было предупредить меня, чтобы я не торчала, как провинившийся студент, перед зданием. Все ушли домой, даже охранники через полчаса разбегаются. Одна ты, как привидение, сидишь здесь...

– Ой, эжешка, – радостно улыбаясь и вставая с места, чтобы поцеловать, приветствовала ее Арлен, – я и не заметила, что уже пришло время.

– Оно час назад уже прошло, – перебивая сестру, сердито сказала Геля.

– Извините, эжешка, вот научную статью завтра должна отдать в печать, поэтому задержалась. Извините меня и не сердитесь, мне нужно еще лишь пять минут, я закончу и с легким сердцем покину кабинет. Пожалуйста, подождите еще несколько минут.

Лучезарная улыбка сестры растопила ее сердце, растворив обиду.

– Только недолго, а то останемся здесь ночевать, – более мирно и тепло ответила Айгель.

– Я быстро, – торопливо усаживаясь на место, проговорила сестра и начала вновь набирать текст.

В пять минут, конечно, ее труд не уместился и, задержавшись на полчаса, они, наконец, спустились в фойе академии. Никого не было. Двери были заперты. Они простояли десять минут, но охранники так и не появились.

Айгель совсем расстроилась.

– И что теперь будем делать? – придавая голосу оттенки расстройства, спросила Геля, – как выйдем отсюда? На улице совсем темно. Даана, наверное, потеряла меня, и Ками тоже, мы же их не предупредили.

– Сейчас позвоним им, – сказала, не теряя самообладания Арлен, доставая сотку из сумки, – ой, а он разряжен, эжешка, позвоните им по своему телефону.

Айгель начала набирать номер дочери:

– Абонент недоступен, перезвоните позже. – Мобильник Камиллы также был отключен.

– Приехали, – с испорченным вконец настроением сказала Айгель.

– Я знаю, как мы выйдем отсюда, – заговорщическим тоном произнесла Арлен, – пойдёмте.

– Куда, если не секрет?

– Мы выйдем на улицу через морг. Они работают круглосуточно, меня там знают, пропустят.

– Если бы ты была повнимательней ко времени, мы бы уже давно сидели в кафе. А теперь вот через анатомический зал надо идти, самое ужасное место в медицинском институте

– Ну, я же извинилась, эжешка, – спускаясь по аварийной лестнице в подвальное помещение, сказала Арлен, – вот что мне сделать, чтобы вы не сердились?

– Выведи нас обеих на свежий воздух. Фу, резкий запах формалина, еще не дошли до морга, а уже слышно.

Подойдя к дверям секционного зала, Арлен остановилась и тихо произнесла:

– Здесь неприятная картина, сами понимаете, и есть одно условие: проходя мимо анатомических столов, не оглядывайтесь по сторонам, смотрите строго под ноги, и идите по направлению к двери, иначе ... – Арлен замялась.

– Что иначе? – настороженно спросила Айгель.

– Нас не выпустят, – почти шепотом ответила малышонок.

– В смысле, не выпустят? – не поняв ее слов, уточнила Геля.

– Меня не выпустят.

Айгель долгим изучающим взглядом посмотрела на сестру и сказала:

– Иди за мной, след в след, правой рукой держись за мое плечо, не выпускай его. И не оглядывайся по сторонам.

Они ступили в большой холодный зал морга. Несмотря на то, что Геля смотрела себе под ноги, боковым зрением она все же могла углядеть то, что располагалось более чем на пяти столах. На них были трупы разной степени разложения. Были здесь и мумифицированные за долгие годы тела усопших, и только что умершие, чьи тела еще достаточно не остыли, и даже гниющие с червями и тошнотворной гнилостной вонью, и были здесь отрубленные руки, отдельно валяющиеся под ногами на полу, расчлененные головы и тела...

Было ужасно жутко и противно. Геля смотрела под ноги, она хорошо ощущала ладонь сестренки, крепко сжимавшей ее плечо. Под ногами хлюпало от смывных вод и сукровицы, стекающей с анатомических столов. Впереди показалась дверь. Сердце Гели возликовало. До выхода оставалось около полутора метров. Дверь была приоткрыта, и сквозь щель в проеме виднелся сумеречный свет, освещенный уличным фонарем.

– Дошли, – прошептала Айгель сестре.

– Вижу, – не менее радостно произнесла Арлен.

И тут совершенно неожиданно для себя Айгель взглянула вправо. Что-то магнитом притягивало ее зрение. Это был анатомический стол, на котором возлежала груда распадающихся тел, вид их был настолько ужасен, что Айгель невольно вскрикнула. Она заторопилась к выходу. Уже коснувшись рукой за дверную скобу, она обратилась к Арлен:

– Наконец-то мы у выхода, теперь, малышонок, нам надо будет долго отмываться, чтобы избавиться от этого запаха.

Сестра не отвечала. Только теперь Айгель ощутила, что теплая тяжесть ладони малышонка исчезла. Резко обернулась. Арлен нигде не было. Сердце ее замерло.

– Арлен, – истерично закричала она и проснулась от своего крика.

– Арлен, – громко кричала она, сердце бешено колотилось в груди, готовое пробить ее. Холодный пот выступил на лбу. Дыхание было учащенным, но это не облегчило ощущение нехватки воздуха. В палате сидела Айгерим и, услышав крики сестры, подбежала к ней.

– Эжешка, что случилось, вам приснился дурной сон?

Айгель плакала, в душе зародились такая неукротимая боль и отчаяние, что перехватывало дыхание.

– Да что случилось, эжешка? У вас что-то болит? Что мне сделать? – дрожащим голосом, готовым вот-вот сорваться на плач и рыдания, спросила Айгерим, глядя плечо сестры.

– Я оглянулась, я потеряла ее, Господи, ну почему ты не оставил меня там с ней, я такая дрянь, я оглянулась, как мне теперь вернуть ее? Господи!

– Да кого, эжешка? – переходя на крик, спросила Айка.

– Арлен! Я потеряла ее в морге, – горько плача причитала Геля.

– В каком морге? Вам приснился сон. Успокойтесь, она в реанимации, жива! – прокричала Айгерим, пытаясь привести в чувство сестру.

Сознание Гели впитало эти слова, как губка влагу. Борясь с рыданием, всхлипывая, она спросила:

– Арлен жива? Она в реанимации?

– Ну да!

– Господи, спасибо Тебе! Хвала Тебе, Господи! Надежда моя и опора моя, Господи!

– Ну, вы даете. Разве можно так кричать и рыдать из-за сна, у меня чуть сердце не остановилось. Ну, эжешка, вы даете, – утирая слезы, с укором повторила Айгерим. Потом она налила в бокал воды и напоила сестру. Айгель

успокоилась. Но отчаяние и безысходность не покинули ее душу.

– Что за сон вам приснился? – с озабоченным выражением лица спросила Айгерим.

Айгель пересказала свое виденье.

– Все было так реально, – заканчивая повествование, сказала Айгель, – на душе до сих пор сидит страх потери.

– Не думайте об этом, это всего лишь сон, Бог даст, у Арлен все будет хорошо. Нам бы только сегодняшнюю ночь пережить, потом все будет хорошо.

– Надо молиться, – словно мысли вслух произнесла Геля, – а где Эрбол?

– Он в реанимации.

– А ты почему приехала? Ты возле мамы должна быть? Почему оставила ее?

– Там ваша подруга Марина осталась. Я сменилась лишь на пару часов, переодеться. Вот решила сразу вас проведать... побуду возле вас часик и побегу.

– Тебе что, делать нечего, сидеть возле меня, возвращайся к маме, кстати, как она?

– Так же. И Аня с Камиллой – тоже, – опережая следующую вопрос сестры, сказала Айка.

– Что-то здесь не так? Почему так долго не переводят их в палату, они что, тоже в коме?

– Нет, но состояние у них крайне тяжелое.

– Ухудшилось, что ли? Вы же говорили, что у них стабилизировалось состояние, маму даже с аппарата сняли? Или это ложь, вы что-то скрываете от меня? Поклянись детьми, что они живы и поправляются.

– Эжешка, я уже вам клялась не один раз, сколько можно? Я же говорю, они в реанимации, вы же знаете, что они в тяжелом состоянии, но ухудшения нет. Каждый день же говорим об этом.

Айгель стало неловко. Действительно, и братья, и сестра уже клялись в том, что все живы. «Совсем с ума

схожу, – отругала себя Айгель, – все должно быть хорошо, главное – живы все, а тяжелое состояние, оно пройдет, они поправятся, иначе и быть не может. По крайней мере, у мамы с Камиллой и Аней состояние стабилизировалось – уже хорошо, вот с Арлен...».

– Сколько времени? – спросила она сестру.

– Уже пятый час. Вы что-то хотите?

– Хотела переговорить с Сабирой Гульжигитовой.

– Так она же уехала на международный форум, – напомнила Айгерим.

– Забыла. Кто сегодня дежурит в реанимации? Я хотела бы поговорить с врачом, позови, пожалуйста, мне его.

– Чинара дежурит. Но сейчас они сильно заняты, там привезли женщину в критическом состоянии после аварии, все заняты ею.

– Опять авария? – в раздумьях сказала Айгель.

Вошел Амир.

– Как ваши дела, эжешка? – спросил он, сразу проходя к кровати сестренки.

Айгель это показалось несколько странным.

– У тебя что-то случилось?

– Нет, просто устал и спина болит.

– М-м, полежи, отдохни, – сказала она, механически среагировав на его появление, потом присмотрелась, задумалась и произнесла:

– А ты почему здесь? Что тебя привело сюда?

– Соскучился за вами. Дома не могу находиться.

– К маме лучше съездил бы или к детям. Возле меня вон и так двое, передохни и поезжай к ним, хорошо?

– Хорошо, – устало сказал Амир. На его осунувшемся лице с темными кругами вокруг красных глаз было выражение глубокой печали, но плохое зрение Гели не могло этого уловить.

– Я схожу к Арлен, – сказала Айка, выходя из комнаты.

Минут пять спустя Айгель услышала тихий храп брата. Не поверив ушам, присмотрелась к нему и увидела, Амир заснул.

«Совсем измотался. Еще бы, по твоей вине все лежат в реанимации, а кто не попал туда, истерзаны переживаниями за них», – попрекнула она себя.

Вошла медсестра и сделала внутривенный укол.

– Мне обычно капали, – заметила ей Геля.

– Врач назначил, – коротко ответила медсестра и вышла из палаты.

Амир проснулся.

– Что, эжешка, вы звали? – спросонья уточнил он.

– Нет, медсестра сделала укол, когда перестанут вводить эти лекарства, меня тошнит от них и голова кружится.

– Потом же проходят эти ощущения?

– Не знаю, я просто засыпаю. Они специально, что ли, меня постоянно гасят? – зло сказала Геля.

– Так нужно, чтобы вы меньше реагировали на боль, иначе мозг просто не выдержит.

– Но я не хочу быть в вечной спячке, – возмутилась Айгель.

Амир ничего не ответил. Вошла заплаканная Айка.

Геля даже не обратила на нее внимание. Головокружение хоть и уменьшилось с момента введения лекарства, но до конца не прошло. Она лежала, прикрыв глаза в ожидании провала в забытье.

– Эжешка, – обратилась к ней Айгерим. Айгель повернула голову к ней, но не открыла глаз. – у Арлен падает давление...

Айгель посмотрела на сестру и только тут увидела ее заплаканные глаза.

– Что ты сказала? – испуганно спросила она.

– У Арлен упало давление.

Амир вскочил на ноги.

– Сколько? – спросил он.

– Сорок на пятнадцать, – тихо произнесла Айка.

Амир выбежал в коридор. Айгель расплакалась. Видя ее, и Айгерим не удержала слез.

Если еще вчера Геля молила Бога, чтобы он сохранил разум ее сестры, так как это состояние ей казалось смерти подобно для Арлен, то теперь была готова смириться с этим, лишь бы сестренка жила, пусть овощем, лишь бы жила.

– Господи! – не сдержавшись от страха и ужаса, прокричала она, – спаси мою сестру, не отнимай ее у меня, Господи!

– Эжешка, тише, – подходя к ней и присаживаясь рядом, попросила Айка, молча утирая свои слезы.

– Господи, молю Тебя, помоги Арлен выжить, не дай ей умереть, Господи! – тихо запричитала Геля, – Ты Господин жизни моей и всего живого на земле и Царь всех миров и Владыка судеб людских, Тебе одному поклоняюсь, верую, и от Тебя одного жду помощи, молю, Господи, спаси жизнь Арлен, не дай ей умереть. Как я представу перед мамой, как посмотрю ей в глаза, что я скажу Аяне, что я убила ее? Господи, пощади меня, смилуйся над нами, спаси сестру, Господи!

Вдруг Айгель спохватилась:

– Звони всем, кого знаешь, пусть молятся за Арлен. Пусть их дети на коленях вымаливают у Бога спасения Арлен. Детям Бог не отказывает, звони! Набери Алену, скажи, чтобы обзвонила всех знакомых и родственников, и их дети пусть тоже молятся. Набери мне Любу, у тебя есть ее телефон? Если нет, узнай у Алены.

– Есть, я уже набираю, – сказала Айка, услышав долгие гудки, она передала трубку сестре:

– Да, – слышался голос Любы.

– Любовь, – несколько истерично произнесла Айгель.

– Геля, ты? Откуда?

– Нужно срочно идти в церковь, поставь свечи во здравие за Арлен и молись всем своим святым и Богу за ее спасение, ты слышишь меня, Люба?

– Да, Геля, что-то произошло?

– Беги в церковь и поставь свечи, не теряй времени.

– Хорошо, я сейчас же поеду, потом приду к тебе.

Пока Айга обзванивала всех подруг, выполняя поручение сестры, Геля про себя молилась:

«Господи, молю Тебя, спаси жизнь моей сестры, я готова смириться с тем, что ее сознание будет не таким мудрым и любознательным, как раньше, я готова смириться с тем, что по выходу из комы она будет не совсем здорова и может быть даже обездвижена, я всю оставшуюся жизнь буду за ней ухаживать, как за своим ребенком, надо будет, буду кормить ее с ложечки и носить на руках, буду вечной сиделкой при ней и приму это с радостью, только не отнимай ее у меня. Знаю, все мы грешны и я не исключение, но если среди моих грехов есть хотя бы одно деяние, заслуживающее Твоей милости, прошу Тебя, спаси жизнь моей сестры... я всю свою жизнь посвящу служению Тебе, живя по твоим заповедям и веруя в Твое щедрое милосердие! Только не отнимай мою сестру. Если нужна чья-то жизнь, прими мою, я отдам ее с радостью, ибо жить мне с этим грузом будет невыносимо. Не покидай меня, Господи!»

Вошел Амир. Вид у него был плачевный.

– Как там Арлен? – с надеждой в голосе спросила Айгель.

– Давление упало тридцать на десять, – еле шевеля губами, сказал брат.

Айгерим отошла к окну, вздрагивание ее плеч указывало на беззвучные рыдания. Лицо Айгель выглядело обезумевшим, в расширенных зрачках застыл ужас:

– Арлен, солнышко мое, малышонок мой, я знаю, ты меня слышишь, ты не можешь меня не слышать, умоляю тебя, не покидай меня, не бросай меня здесь одну, я боюсь... солнышко мое, дерись за жизнь, не сдавайся, пожалуйста..., – сквозь слезы начала говорить Геля, обращаясь к душе сестры, постепенно переходя на рыдания.

– Умоляю тебя, дерись, не бросай меня, подумай о дочери, она ведь не выживет без тебя, о маме подумай, Господи! Помоги ей! Солнышко мое, малышонок, умоляю, заклинаю тебя, выживи, пожалуйста!

– Эжешка, тише, – попросил Амир, присев рядом с ее кроватью.

– Давайте мы с вами лучше помолимся за нее, – беря руку сестры в свою, сказал он и смущенно добавил, – я не умею читать Коран, но я могу молиться по-русски.

Руки его дрожали, он начал читать:

– Отче наш, да светится имя твое, – Айгель сквозь рыдания повторяла слова.

– ... Аминь! – сказал Амир.

– Аминь, – повторила Геля.

– Теперь вы, эжешка, Коран почитайте, – попросил Амир.

Айгель начала читать на арабском языке все суры, какие только знала.

ГОРЕЧЬ ПОТЕРИ

Спустя час в палату вошли Эрбол, тети Майрам и Наргиза, а также брат тетя Жени Таир.

Айгель посмотрела на них, лицо ее передернулось от судороги, сердце замерло.

– Зачем вы пришли? Что с Арлен? – истерично заорала она, приподнимая голову.

– Давление немного поднялось, – устало сказал Эрбол, – тридцать на пятнадцать. Прощупывается пульс. Ей

капают адреналин и другие препараты. Агашка и дядя Эмиль стояли в коридоре возле реанимации рядом со мной и Арманом, пусть посидят в палате, отдохнут.

– А почему вы стояли в коридоре? – не поняв причины их появления, сквозь слезы спросила она у своих родственников.

– Нам позвонил Эрбол и сказал, что у Арлен упало давление, – начала Майрам, – может помощь какая понадобится – решили мы, и приехали.

– Агашка, попросите Бога о помощи, пусть он спасет жизнь Арлен, – взмолилась Айгель, – вы же молдо, Он должен вас услышать, молитесь за Арлен, пожалуйста, – переходя на рыдания, умоляла Геля.

– Я все эти дни молюсь за всех и за Арлен особенно, успокойся, нельзя плакать в такую минуту, ей и так тяжело, так еще ты ее мучаешь. Возьми себя в руки, давай лучше помолимся.

Таир начал читать Коран, все молча смотрели себе под ноги и в душе молились за спасение Арлен. Звуки голоса дяди придали сил Геле, и она, закрыв глаза, пыталась успокоиться. Вскоре всхлипы прошли, но слезы продолжали бежать по щекам. Она молча плакала и молила в душе Бога о спасении жизни сестры.

По окончании молитв все, раскрыв ладони, произнесли «Омин». Сначала тети, потом дяди по очереди вышли из палаты. Остались только Айгель и Айгерим.

– Зачем Эрбол их позвал, – тут же высказалась Айгель, – сидят тут, словно выжидают чего-то. Пусть расходятся по домам. Не надо, чтобы они были здесь. Словно ждут, когда Арлен... – она не закончила своей мысли.

Но Айка и без того поняла, что хотела сказать сестра.

– Раскалывается голова, – сказала Геля, – после той капельницы совсем с головой плохо.

– Вы, наверное, должны были уснуть после капельни-

цы, а вы расстроились, поэтому такое состояние, – предположила Айка.

– Попроси обезболить меня, уже не могу терпеть.

Айгерим молча встала и вышла в коридор.

Уже более двадцати минут никто не заходил в палату, даже Айка, отправившись за медсестрой, пропала без вести. Айгель была раздражена, нарастающая боль во всем теле, отсутствие сестры, неопределенность состояния Арлен – все вызывало в ней злость.

«Надо подтянуть ноги и попытаться встать», – решила она, мысленно приказывая коленям согнуться, в ответ стопы пошевелились. Электрический разряд пробежал по задней стороне ног, причинив острую боль в виде удара ножа, вошедшего в поясницу. Айгель невольно вскрикнула и замерла в этой позе. Минут через десять ощущение воткнутого в позвоночник ножа начало проходить. Но общая боль во всем теле продолжала набирать обороты. Вошла медсестра. Сделала укол, протянула таблетку:

– Это надо выпить, – сказала она, подавая ей бокал с водой.

– Что это? – уточнила Геля.

– Доктор назначил, вам нужно выпить.

– Как я устала от лекарств, – скривив лицо и чуть не плача, с отчаянием сказала Айгель.

– Вы пока без них не можете обойтись.

– Я понимаю, извини.

Айгель опять осталась одна. Прошло еще полчаса, боли поутихли, ее подташнивало. Состояние было как после капельницы, легкое головокружение и сонливость.

«Запоздалое действие», – отметила про себя Геля.

Она почти дремала, когда в палату вернулись Эрбол, Амир, Айгерим, следом за ними вошли тети и агашка.

Айгель почувствовала, как что-то тяжелое навалилось на нее. Стало трудно дышать, от неожиданного ощущение

ния она открыла глаза. Над ней склонился Эрбол, слегка придавив ее в объятиях, Айка, плача, держала ее стопы, Амир придерживал ее в области коленей, фиксируя ее обездвиженность на кровати. Арман стоял рядом с Айкой и молча плакал. Геля, не поняв в чем дело, уставилась на Эрбола и тут почувствовала горячие слезы брата, капнувшие ей на лицо.

– Что? Что случилось? Отпусти меня, – все еще не понимая в чем дело, закричала Айгель.

Наверное, предчувствие опережает осознание. Геля почувствовала, что случилось что-то ужасное...

– Эжешка, – плача в голос, произнес Эрбол, – Арлен не стало. Эжешка, больше нет у нас Арлен...

Крупные слезы брата залили ее лицо, смешавшись с ее слезами. И хотя сердце уже плакало, мозг продолжал сопротивляться.

– Ты что, с ума сошел? Что ты говоришь? Ты врешь... отпусти меня... отпустите меня, вы все врете. Арлен, Арлен!

В палате стоял плач. Она не верила им, этого просто не могло быть, она с недоумением и ужасом продолжала смотреть на брата, словно он сошел с ума. И тут до нее дошло...

– Нет, – завопила она, – нет! Нет! Арлен, солнышко мое! Нет! Отпустите меня к ней, Арлен!

Это были вопли смертельно раненного зверя, попавшего окончательно в плен отчаянья и страха в преддверии смерти. Она орала истошно, словно ее разорвали на куски, каждый из которых был эпицентром невыносимой боли.

– Нет! Это не правда, – умоляюще глядя на брата, продолжающего держать ее в своих объятиях, словно ища в его глазах опровержение чудовищной лжи, повторяла она одно и то же, – нет! Пожалуйста, нет, это ведь не правда...

– Эжешка, она умерла, ее сердце остановилось полчаса назад, мы сделали все, что могли, – плача говорил Эрбол. Айка, молча плакала у ног сестры, слезы безоста-

новочно текли по ее лицу словно ручьи. Плечи Амира, склонившись над ногами сестры, безудержно вздрагивали, выдавая тем самым беззвучные рыдания.

– Эжешка, – рыдающим голосом произнес Эрбол, – мамы тоже нет, и Камилла уже умерла, и Аню уже похоронили... эжешка, их больше нет, – всхлипывая, произнес он, – эжешка...

– Нет! – душераздирающе закричала Айгель, – врешь! Все врешь, я тебя ненавижу! Ты врун, Айка, скажи ему чтобы не врал, врун, ненавижу, неправда, – голос ее дрогнул, – мама-а, мамочка, зачем они так, мамочка, мама, – переходя на хрип орала она, – пустите меня, я пойду к Арлен, ма-ма-а! Нет, Господи, Ты жестокий, я так Тебе верила. Я так молила. Я ненавижу тебя! Ты не милосерден, Ты жесток... я не хочу жить, забери меня, я не хочу...

– Нет!

Айгель пыталась вырваться, пыталась убежать, умереть, что угодно, только не быть здесь, в этой палате, с этим горем. Что угодно, но только не то, что сказал Эрбол. После получаса безудержных воплей отчаяние затопило ее окончательно, Айгель как-то сникла, словно ее сдули, как шарик, выпустив наружу душу, она больше не вырывалась, стихла и молча, беззвучно рыдала, отвернувшись к стенке, закрыв глаза.

– Я не буду жить, – тихо произнесла она, – я не хочу жить, если ты хоть немного справедлив, то забери меня к ним, я хочу смерти, мама, мамочка моя, заберите меня к себе, не бросайте здесь одну. Господи, если в тебе есть хоть немного жалости, забери меня, если Ты справедлив, сделай так, чтобы меня не стало. Я не хочу жить!

– Эжешка, что вы говорите, – хором взмолились Эрбол и Айгерим, – нам так сейчас тяжело, у нас и так столько потерь, мы вас любим, как вы можете такое говорить? Эжешка, вы о нас подумайте, нам сейчас так нуж-

на ваша помощь и поддержка. Если с вами что-то случится, я тоже не буду жить, вы этого хотите? А что будет с Айгерим? Вы подумали о ней?

– Я умру вместе с вами, мы ляжем в одну могилу, – плача, сказала Айка, глядя на сестру жалобными глазами.

Услышав ее голос, Айгель запричитала:

– Айка, как мы будем жить без них, как? Это же невозможно. Я убила их, я тварь, я не хочу жить, я не должна жить.

– Это был несчастный случай, вы не виноваты в том, что случилось. Это несчастный случай, – говорил ей, плача, Эрбол.

– Какая разница, какой это случай, я была за рулем, я их убила! Вы понимаете, я их убила!

Эрбол почувствовал, что внутри сестры что-то надломилось, она больше не билась в судорогах, и не вырывалась и даже не кричала, только тихо скулила, закрыв глаза и отвернув лицо к стенке. Он поднялся и вышел из палаты на улицу. Айка подбежала к сестре:

– Эжешка, – плакала она, – эжешечка, любимая, родная, я вас очень люблю.

Айгель посмотрела на сестру застывшими глазами.

– Почему вы скрыли от меня смерть мамы, я уже давно должна была быть там, зачем вы так со мной? – сквозь слезы спросила ее Айгель.

Айка, плача, наклонилась и обняла ее:

– Мы боялись за вашу жизнь, вы были в реанимации, тяжелое состояние, мы боялись за вас. Я вас очень люблю, эжешечка, как я буду без вас, мамы уже нет, теперь ушла Арлен, если с вами что-то случится, я тоже умру. Я вам говорю, точно умру вместе с вами, в этот же день я сделаю с собой что-нибудь. Что будет с нашими детьми? С Дааной, с Алюкой, подумайте о них.

Айгель открыла глаза и обреченно посмотрела на сестру:

– Айка, мы с тобой сироты теперь? – захлебываясь новой волной рыдания, проговорила Геля, – как жить-то теперь, ой, какие мы сироты, ой, какая я тварь, меня даже убить будет мало, как же меня земля носила, Господи, какой Ты жестокий и несправедливый! Почему они, почему не я! Ты выбрал самое страшное наказание для меня, за что?

Если Ты справедлив, забери меня, я хочу к ним... солнышко мое, малышонок мой, я хочу к тебе, не оставляй меня здесь одну без вас, мама, мамочка моя, как же вы так? Почему меня не взяли с собой?

– Эжешка, не говорите так, – рыдая, просила Айгерим.

– Айка, отойди, дай мне поговорить с ней, – сказал агашка, касаясь плеча Айгерим.

Айка поднялась, уступив место дяде.

– Айгель, послушай меня, так нельзя говорить, не падай на Бога, он милостив, если сохранил жизнь Даане, ведь и она могла умереть. Все в воле одного Аллаха, это был несчастный случай, от тебя это не зависело, это воля Бога, ее надо принять достойно, не говоря ненужных слов. Горе, огромное горе случилось у нас, но надо крепиться, Эрболу с Амиром, не говоря уже об Айгерим, думаешь легче, чем тебе, представляешь, каково им пришлось. Вы с Арлен и Дааной в реанимации, состояние тяжелое, а дома... юрта... похороны... две смерти, не считая твоей подруги, если бы они не крепились и так же, как ты, сейчас плакали моля о смерти, кто бы все это сделал, кто бы выстоял в этом горе. Всем нам плохо, они тоже потеряли сестру, племянницу и маму, подумай о них, о дочери, в конце концов, подумай... что теперь им всем вслед за тобой умереть, чтобы не осталось и следа от вас? Представь, что с ними будет, если с тобой что-то случит-

ся? Посмотри на Айку, она тоже на грани срыва, а если и с ней что-нибудь плохое сейчас случится, ты сможешь это принять? Я знаю, что тебе больно, но надо крепиться...

Геля плакала, не вникая в его слова, ей было все равно, что говорят и будут говорить. Свой вердикт себе она уже вынесла: она не должна выжить!

Мозг ее развалился на тысячи кусочков, причиняя страшную боль, истерзанное тело молило о пощаде, требуя обезболивающего средства, но Гели теперь это было только на руку.

«Чем быстрее организм и нервы исчерпают свои силы, измотанные болью, тем быстрее я смогу умереть», – решила она. В ушах стоял гул от сотен и сотен колоколов, на разный лад игравших свою музыку. Их родственники, пребывавшие в палате в это время, вышли вслед за Амиром в коридор для совещания.

– Без вскрытия тело нам не отдадут, – сказал Эрбол, выкурив за эти полчаса не одну дюжину сигарет, он уже взял себя в руки. Голос был тихим и усталым. Там, где было в груди его сердце, поселилась пустота.

– Но я думаю, – продолжил он, – может, это и к лучшему, мы хоть узнаем истинную причину ее смерти, почему случилось такое обширное кровоизлияние в оба полушария мозга на семнадцатые сутки, и почему не помогла операция. Откуда взялась проклятая аневризма? Думаю, надо поставить в известность эжешку, она не простит, если... в общем надо с ней поговорить.

– Может, не стоит? – вступил в разговор Амир, – ее уже не поднять, так зачем лишний раз резать...

– Я договорюсь, чтобы тело не трогали, а голова и так вскрыта, ведь ей сделали операцию, они просто откроют черепную коробку и ... Мы хоть причину узнаем, – сказал Эрбол.

– Кто скажет об этом Айгель? – спросил агашка.

Все промолчали, опустив глаза. Амир смотрел на брата. Арман молча утирал слезы. Отупевший от горя мозг не воспринимал происходящего. Ему казалось, что все это его не касается.

– Я скажу ей об этом, особого выбора у нас ведь все равно нет, – ответил Эрбол и прошел в палату, Амир последовал за ним. Арман остался на месте. Остальные вышли на улицу.

Вошла медсестра, неся плановый укол успокаивающего и обезболивающего средств.

– Не надо мне делать, – отгораживаясь рукой, сдержанно сказала Геля, – у меня ничего не болит.

– Вам назначено, и я обязана сделать, – твердо сказала медсестра, – завтра будет обход, скажите своему врачу, и он отменит уколы. А сейчас я сделаю.

– Оставьте меня в покое, – зло проговорила Геля, с ненавистью глядя на нее.

– Как хочешь, – сказала оскорбленная медсестра и направилась вон из палаты.

– Эжешка, зря вы так, – заметила ей Айка, – вам нужны эти уколы, зря...

– Я сама знаю, что мне нужно, а что нет! – категорично заявила Айгель.

И хотя тон задел Айгерим, понимая состояние сестры, она не обиделась. Не до этого теперь было. Не прошло и трех минут, как в палату вновь вошла медсестра, следом шел Эрбол.

– Эже, так делать нельзя, лечение нужно получать, тем более теперь, когда нас и так осталось совсем мало, я вас прошу, давайте сделаем уколы, – сказал он участливо.

– Нет, я не хочу!

– Эжешка, нам сейчас и без того сложно, пожалуйста, помогите нам. Не усложняйте все, – он с такой болью в глазах посмотрел на сестру, что ей стало не по себе.

«Мало того, что повинна в их смерти, еще и оставшихся мучаю, – сказала она себе, – что же за тварь я такая? Если хочешь умереть, делай это, не причиняя родным лишних проблем, без показухи».

– Хорошо, – коротко ответила она. Отвернула голову к стене, открыв доступ к подключичному катетеру. Тело возликовало, получив очередную дозу лекарств. Независимо от ее желания мозг застыл в ожидании освобождения от боли. В палате остались Айгель, Эрбол, Амир и Айгерим.

– Нам нужно поговорить, эжешка, – тихо начал Эрбол. Амир с Айкой сидели на кровати и молча смотрели на брата.

– Дело в том, что Арлен должны сделать вскрытие. Без этого нам ее не отдадут...

– Нет, – твердо сказала Геля, – не позволяй им это сделать с ней, мало того, что мы не уберегли ее, теперь отдадим кромсать, нет!

– Послушайте меня, Айгель эже, спокойно, пожалуйста, семь дней назад ей сделали операцию на голову, это значит, ей уже вскрыли череп, нам нужно знать истинную причину ее смерти, вы не хотите ее знать?

– Причина ее смерти я, – дрожащим голосом ответила Айгель.

– Не вы, – твердо парировал Эрбол, – это был несчастный случай, но дело даже не в этом, она не должна была умереть в аварии. Если бы Бог хотел ее забрать, он взял бы ее жизнь сразу в тот же день, как забрал маму, Аню, Камиллу. Значит, он оставил ее жить. Что-то случилось уже здесь, и я хотел бы знать, что именно? Откуда взялась эта аневризма? Почему ее не сразу обнаружили?

Айгель слушала брата и понимала, что в чем-то он прав, но сама мысль о том, что ее малышонка будут резать в анатомическом зале, была невыносимо ужасна.

«Ее уже не поднять, ее уже не оживить, – при этой мысли потекли слезы, в горле застрял ком, мешая дышать, она сделала глотательное движение, устраняя помеху, стало лучше, – не надо ее вскрывать», – решила она.

– Нам ее уже не вернуть, – всхлипывая, сказала она, – так зачем ее еще этому подвергать. Причина смерти – врачи, это мы и так знаем. Арлен бы этого не пожелала, я знаю.

– Я этого не желаю, и они тоже, – сказал он, головой указывая на брата и сестру, молча слушающих разговор, – но ее все равно уже прооперировали, и есть входное отверстие в голову, распустят только швы, и независимый судмедэксперт установит истинную причину аневризмы.

– Зачем она теперь нужна, эта причина, кому от нее станет легче? – не соглашалась Геля.

– Мне, вам, Амиру и Айгерим. Не сейчас, потом.

Айгель думала:

«Они должны были обследовать ее хотя бы еще раз, и она была бы жива. Врачи убили ее... я, убила ее. Что делать?» – Эрбол поселил в ее душе сомнения, она не знала, как быть.

– Что думаете вы? – обратилась она к Айгерим и Амиру.

– Я думаю, нам надо знать причину ее смерти, – сказал Амир.

– Я тоже так думаю, – поддержала Эрбола Айка, – ее собирались выписывать домой, и тут появилась эта аневризма, я хотела бы знать, откуда она взялась?

– А что говорит Арман? Где он?

– Стоит на улице с родственниками. Он согласится, – ответил за него Эрбол.

– Почему он там стоит один среди родни, позовите его сюда, пусть будет с нами, – голос Айгель дрогнул, переходя на всхлип.

Айка встала и вышла из палаты.

– Так что решили, – торопил Эрбол, – нам нужно с этим определиться.

Вернулась Айгерим, следом шел Арман.

Взглянув на него, Геля расплакалась. Арман наклонился и обнял ее. Горячие капли его слез падали на подушку Айгель.

– Нам нужно решить вопрос со вскрытием, – на этом слове Эрбол запнулся, перевел дыхание и закончил, – Арлен. Арман, мы с тобой уже говорили об этом. Лично я никогда не прощу себе, если не выясню до конца причину смерти моей сестренки. Я должен знать, почему она умерла. Что думаешь ты?

– Как вы с эжешкой решите, так и делайте, – сказал глухим упавшим голосом Арман, проходя к окну.

Все посмотрели на Айгель.

– Если ты договоришься с анатомом не трогать ее тело, вообще не прикасаться к нему и посмотреть только голову через имеющееся отверстие, – неуверенно начала Айгель, слезы мешали ей четко видеть лицо Эрбола, – если ты пообещаешь мне это...

– Я обещаю, – сказал, не дослушав сестру Эрбол, сразу уловив ее мысль, – что посмертно обследуют только ее головной мозг, остальное трогать не будут.

– Хорошо, – устало сказала Геля.

– У меня к вам одна просьба, – уже обращаясь ко всем, умоляюще глядя на них, плача, сказала она, – заберите меня домой вместе с Арлен, не оставляйте здесь.

– Это невозможно. Как вы себе это представляете? Вас нельзя двигать, состояние тяжелое, вы сами остаетесь под вопросом. Нет! – категорично заявил Эрбол, – вы останетесь здесь, кто-нибудь из теток будет дежурить рядом с вами эти дни.

– Я здесь не останусь, вы не дали мне попрощаться с мамой, с Камиллой, Аней, и теперь вы хотите, чтобы я

не проводила Арлен? Нет, я поеду, если вы меня не заберете, я все равно через других людей, но поеду, – переходя на крик и рыдания, сказала Айгель, – если вы меня оставите, я сделаю с собой что-нибудь, – не найдя другого аргумента, добавила она.

– Как вы себе это представляете? – не сдержавшись, прокричал Эрбол.

– Тише, что ты кричишь на нее, ей и без того хватает, – вступился за сестру Амир.

Эрбол зло посмотрел на брата и, молча встав с места, прошелся по палате, потом снова сел на стул.

– Как вы себе это представляете? – уже более спокойно повторил он.

– Вы повезете меня в скорой помощи, на носилках, – ответила Геля.

– У мамы в квартире вас даже положить не на что, вся мебель будет вынесена в подъезд, там будет не до вас.

– Положите меня в юрте, рядом с Арлен, я никому мешать не буду, обещаю. Я буду принимать все лекарства, и все, что вы скажете, только не оставляйте меня здесь, – умоляющим тоном произнесла Геля.

Все молча сидели, размышляя в поисках верного решения. Геля плакала. Видя терзания сестры, Айгерим произнесла:

– Эжешку можно положить в спальню и закрыть дверь, чтобы никто не беспокоил ее.

– Ты представляешь, о чем говоришь? Нам будет не до этого, ты ведь уже прошла через похороны, – вновь взорвался Эрбол. Нервы Айки были на пределе, как туго натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть, она не сдержалась и тоже прокричала:

– И что вы предлагаете делать? Бросить ее здесь, чтобы она умерла?

– Тише, тише, – вступил Амир, – Эрбол тоже прав, и ты, Айка, права, – примирительным тоном сказал он, –

но и эжешку надо понять. Давайте подумаем, как сделать лучше. Пусть врачи осмотрят ее, и если состояние здоровья позволит забрать на похороны домой, то мы вызовем санавиацию и на носилках перенесем эжешку.

– Пожалуйста, – вновь взмолилась Айгель, – не оставляйте меня здесь...

Эрбол молча вышел из палаты.

– Не плачьте, так мы и сделаем, – уверил ее Амир, вселяя надежду.

Минут через двадцать пришли ее лечащий врач Аскар и доктор, которого она видела впервые.

– Здравствуйте, – приветствовал ее новичок, – как самочувствие?

– Как человека, только что потерявшего любимую сестру, – злясь на неуместность его вопроса, вызывающе ответила Айгель, утирая слезы. Вернулся Эрбол.

– Это Нурлан, – указывая на новичка, пояснил Эрбол, – он психиатр, мой хороший знакомый, вместе с Аскаром оценит ваше состояние на данный момент, и потом вместе решим, можно ли вас перевозить домой.

Аскар померил давление, которое оставляло желать лучшего, так как явилось очень высоким для Айгель, равняясь ста шестидесяти на сто миллиметров ртутного столба, тахикардия, равная девяноста пяти ударам сердца в минуту, так же была не в пользу Гели.

– Когда ей диазепам дали? – уточнил Нурлан.

– Час назад, перед тем, как сообщить о смерти сестры, – пояснил палатный врач, – мы ввели ей внутривенно.

– Даже так?

Аскар кивнул головой.

– Давление надо сбить и потом, тоны сердца очень глухие, – несколько подозрительно посмотрев на Аскара, заметил Нурлан.

– Сейчас будем капать, – ответил палатный врач и, уже обращаясь к Эрболу, сказал, – сами понимаете, ее нельзя двигать, особенно теперь.

Айгель разрыдалась, не веря вердикту врачей.

– Я должна быть на похоронах, вы понимаете? – обратилась она к врачам, – я была за рулем в момент аварии, но не смогла оплакать маму и Камиллу, и Аню, теперь вы хотите лишить меня этого по отношению к сестре? Я поеду в любом случае, – всхлипывая, проговорила Айгель.

– Вам сейчас нельзя, вы понимаете, давление высокое, при вашем-то ушибе головного и спинного мозга, при травмах, вы на волоске от инсульта, а возможно, и комы, – пытаюсь говорить спокойно, сказал психиатр.

– Ну и что? – с искренним недоумением ответила Геля, – причем тут это? Отпустите меня, пожалуйста, я приму все лекарства, все, что вы скажете, только отпустите меня на похороны, – обливаясь слезами, продолжала молить Геля.

Из-за бессмысленности дальнейших уговоров врачи, переглянувшись друг с другом, а затем и с Эрболом, вышли из палаты. Айгерим молча сидела у окна. Ей было очень больно, душа, переполненная болью потерь за эти бесконечные двадцать три дня, была опустошенной и окаменевшей. Она понимала головой, что любимой Арлен, бывшей ей не только сестрой, но в первую очередь, самой близкой и верной подругой, больше не будет, но сердце никак не принимало этого. Ей казалось, будто все происходящее – дурной сон, который непременно закончится, и все очнутся от этого кошмара, а потом станут долго вспоминать, и возможно, даже улыбнутся. Ее сознание, как спасительную соломинку, выдвинуло свою версию происходящего, согласно которой отсутствие мамы объяснялось лишь отъездом на курорт для длительного лечения Камиллы. Так было легче. И душа ее благодарно приняла эту причину, в награду дав ей силы выстоять и жить дальше. Но в тот момент были рядом Айгель и Арлен. Пусть в тяжелом состоянии, пусть в реанимации, но живы! И хотя опоры жизни в лице теть Жени уже

не было, зато оставались крылья в лице сестер. Теперь же одно крыло было сломано окончательно и починке не подлежало. Второе было перебито, и пока было неизвестно, восстановится ли вообще? Слез больше не было, но душа рыдала...

Вошел Эрбол.

– Айка, – сказал он сухо и печально, – тебе надо с тетками поехать домой и приготовить все... – запнувшись от кома в горле и внезапной раскалывающей головной боли, он продолжил, – для ее похорон.

Сердце Эрбола стеноло, но плакать больше он не имел права, нужно было достойно проводить любимую сестренку в последний путь. А для этого он должен был мобилизоваться, собрав всю волю в кулак и сжав сердце, выполнять свои обязанности старшего из оставшихся в живых и дееспособных детей теть Жени.

– Мне понадобится мужская сила, чтобы вытащить мебель из комнат, – сказала Айка, на ее лице была безграничная усталость и обреченность.

– Амир с друзьями поможет, – безапелляционно произнес Эрбол, – мы с агашкой и Эмиль жездешкой привезем Арлен через три часа. Арман останется с нами. Постарайся успеть. Для чайного стола у тебя все есть? Муки хватает?

– На сегодня есть. А на завтра уже будем все докупать. Орехов и кураги почти не осталось. Мука есть, килограммов двадцать осталось, на боорсоки хватает. Остальное все будем брать в готовом виде завтра на базаре. Что с эжешкой?

– Она остается здесь, – не глядя на Айгель, сказал брат, – думаю, эжешка все поймет и поможет нам.

– Ты не можешь так со мной поступить, не тебе решать, ехать мне или нет, – с негодованием выкрикнула Геля, к этому моменту успевшая укротить свои рыдания и в оцепенении уставиться на стену.

– Я никогда тебе этого не прощу! – и Айгель снова расплакалась безутешно.

Эрбол подошел к ней, устало вздохнув, сел на стул рядом с ее кроватью и тихо, с жалостью в голосе промолвил:

– Я вас очень люблю, эжешка, мы все вас любим, и я знаю, как вам сейчас плохо и больно, но поймите и вы нас, мы несем такие страшные, невысказанные потери, мы потеряли сразу три поколения нашей семьи, – на его глаза навернулись слезы, выдержав паузу, он продолжил:

– Мы не можем допустить, чтобы и с вами что-либо случилось. Я твердо решил взять вас домой, но врачи сказали, что мы даже можем не довезти вас до дому. Если бы была хоть малейшая возможность, неужели вы думаете, что я оставил бы вас здесь? Оплакаться Арлен вы сможете и в палате, более того, если хотите, я дам вам попрощаться с ней. Вы увидите ее, поговорите, даже прикоснетесь. Врачи и это запретили, но я организую прощание ради вас. И потом вы останетесь здесь, и я повезу Арлен домой к маме, согласны?

Айгель понимала, что иного выхода у нее нет, и предложение брата, наверное, было самым разумным решением. Ей было все равно, умрет она по дороге или позже, это была ее судьба и ее кара, но терзать родных, да еще в такую черную минуту, Геля не могла. И как бы больно ей не было теперь, она должна была принять это и тем самым помочь своим родным. Хотя бы так. Тем более, что Эрбол обещал ей дать возможность побыть с Арлен.

– Как ты организуешь это? – только и спросила она, без истерик, без криков, смирившись со своей участью.

– Я поговорю с врачами реанимации, и мы прямо с кроватью прокатим вас туда минут на пять, больше нельзя. И это будет сделать очень сложно...

Видимо, сломленный вид Айгель дал понять Айгерим, что сестра приняла волю врачей и Эрбола. Подойдя к кровати, она наклонилась, утерла слезы на щеках Гели и поцеловала сестру.

– Я вас очень люблю, мне нужно идти, берегите себя, – сказала она, глядя в отекающие, красные от бесконечных слез глаза Гели и, увидев них застывшую пустоту, стремительно вышла на улицу.

Уже больше получаса рядом с Айгель была Алена. Геле капали. Большая часть флакона с лекарством уже была пуста. Красное, как помидор, лицо подружки, отвернувшейся к стене, настораживало Алену.

– Ты тоже пойми нас, как я могла тебе сказать правду о теть Жене и остальных, ты была тринадцать дней в реанимации, понимаешь, что это такое? Твое состояние было критическим, никто не верил, что ты выживешь. Даже я в отчаянии допускала вариант худшего исхода, а представляешь, что было на душе твоих родных, и без того хлебнувших огромного горя? Ты и сегодня не стабильная, чуть что впадаешь то в прединсультный криз, то давление настолько падает, что коллапс тебе обеспечен. И как ты себе представляешь, мы должны были поступить? – пытаюсь унять слезы подружки и оправдываясь перед нею, сказала Алена.

– Сказать правду! Ты же поклялась мне в том, что мама жива, все поклялись..., – переходя на рыдания, произнесла Геля.

– Да, поклялась самой страшной клятвой, жизнью детей! – не выдержав укора, повысила голос Алена, – а как ты поступила бы, будь я на твоём месте?! Сказала бы, зная, что это убьёт меня?

– Я должна была уйти вместе с ними! Как ты этого не понимаешь? – выкрикнула Айгель, – тварь я, не достойная жизни. Как я буду жить, убив их?

Геля смотрела на подружку с таким неистовством в глазах, словно пыталась одолеть врага, понимая, что враг она сама. Алена опустила глаза. Ноющая боль в висках усиливалась.

– Я знаю, как тебе трудно, но ты должна понять одну вещь, ты не Господь Бог, чтобы вершить их судьбы, ни

тебе решать, сколько им жить, и когда умереть. Это был несчастный случай! И то, что ты выжила и то, что жива Даана, это тоже божий промысел. Во всем, что с нами происходит, есть его воля! И ты не гневи его, подумай о дочери, каково пришлось ей, и еще неизвестно, как далеко могут пойти последствия для ее здоровья. Она пережила не только физическую, но и душевную трагедию. Щадя ее психику, мы ей тоже ничего не сказали.

Спустя некоторое время капельницу сняли и сделали Айгель пару внутримышечных уколов, чтобы поспала.

Алена заменила с помощью санитарки пеленки из-под Гели и дважды сменила памперсы.

Айгель не спала, хотя глаза и были закрыты. Тихие всхлипывания говорили Алене о том, что сон к ней придет не скоро.

Пришел палатный врач, измерил давление, посчитал пульс.

– Вам надо как-то взять себя в руки, давление не снижается, подумайте о себе, сестре уже не помочь, – начал было доктор, но Геля посмотрела на него таким обреченным взглядом, что он молча вышел из палаты. Несмотря на слова врача, пунцовая краснота начала спадать с лица Айгель. Она лежала, прикрыв глаза и не проронив ни слова. Так прошел еще один час. Мелко дрожавшие ресницы с зависшими на них слезами говорили об этом.

Вернулся Эрбол.

– Эжешка, мы готовы отвезти вас в реанимацию к Арлен. Сразу же после этого забираем ее.

– Куда? – не сообразив, спросила Геля.

– На вскрытие, – тихо пояснил брат, – только возьмите себя в руки, иначе вас не пустят в реанимацию.

– Ты обещал, что ей распустят швы на голове и посмотрят мозг, больше ничего резать не будут, – плача, напомнила ему Айгель, – не позволяй им кромсать ее, ты дал слово!

- Я помню.
- Выполни, пожалуйста, его.
- Вы настройтесь пока, я позову ребят, чтоб помогли докатить вашу кровать.

Он вышел, Айгель сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь успокоиться. Вытерла слезы, открыла глаза и посмотрела на Алену долгим взглядом.

- Что, Гелечка? Что сделать?

Айгель отрицательно помотала головой и опустила веки. Глубокая вертикальная морщина прорезала ее лоб и осталась там надолго.

Она впервые видела коридор отделения, где пребывала вот уже двадцать три дня, место, где потеряла любимую сестру, и на прощание с кем теперь ехала по узкому, выкрашенному в голубой цвет коридору. Лишь на расстоянии трех палат от ее комнаты находился реанимационный блок, куда ее вкатили. В маленькой комнате справа, недалеко от входной двери, была лишь одна каталка, на которой полностью накрытое простыней лежало тело. Ее кровать вплотную подкатали к каталке. Айгель повернула голову и увидела маленькую аккуратную руку своего малышонка. Она узнала бы ее среди тысяч других рук. Сердце сжалось от боли и отчаяния, слезы прорвались горячими струями, неся с собой все ее страдание из глубин души. Ее оставили наедине с Арлен. Геля вытянула правую руку и коснулась руки сестренки, ощущение прорезиненной кожи, еще не остывшей, но уже безжизненной, пронзило ее мозг, усилив чувство обреченности, она крепко сжала руку Арлен и заплакала беззвучно и горько.

– Прости меня, малышонок, прости, если можешь, я так виновата перед вами, нет мне ни жизни, ни покоя без тебя. Ты скоро увидишь маму и дочь, попроси у них за меня прощение... я не задержусь долго, вы дождитесь меня. Я так люблю тебя, я всегда любила тебя, я так виновата перед тобой, прости, если можешь, солнышко мое,

как же мне без тебя-то теперь? Как я без солнца-то буду, почему ты покинула меня, не подождала? – шептала она сквозь слезы, – ты же знаешь, я этого не хотела, если б не тот водитель...

Я все отдала бы, чтобы не было той дороги и аварии, я молила Бога, но Он меня не услышал, и бросил меня здесь одну без вас, без тебя. Что же я такого сделала, что Он так карает меня? Солнышко мое, родная моя, любимая моя, как же теперь? Как я буду без тебя? Прости, прости меня за смерть Камиллы, за смерть мамы, за все прости. Я не держусь долго, вы дождитесь меня, прошу...

Рыдания прорвались наружу, вошел Эрбол с дежурным реаниматологом, и начали выкатывать ее кровать наружу.

– Все, эжешка, пора возвращаться, – сказал Эрбол, осторожно двигая кровать, так как рука Гели все еще продолжала держать руку сестренки, – эжешка, отпусти-те руку.

– Прости... – рыдая, сказала Айгель, последний раз сжимая руку сестры, и ее увезли в палату.

– Господи, за что такое страшное наказание? За что? Если я в чем-то так сильно виновата, почему ты не убил меня, почему их? Где же твоя справедливость? – уже в палате сквозь слезы в голос причитала она, – солнышко, прости меня, я так виновата перед тобой. Как же мне исправить-то все? Как же мне вернуть-то все назад, да что ж я за тварь-то такая, если мое сердце выдержало это, не разорвавшись в клочья? Господи, я не хочу жить, забери меня вместе с ней, не будь таким жестоким! Господи!

– Геля, тише, родная моя, тише, – умоляла ее, плача, Алена, крепко обняв подругу, – возьми себя в руки, пожалуйста.

– Алэн, какая страшная кара, неужели такое можно заслужить? Как же я буду жить? Где же справедливость, Господи!

В коридоре послышались голоса. Алена поднялась и выглянула за дверь.

– Сейчас ее повезут, – сказала она подруге.

– Открой дверь, подкати меня ближе, чтобы могла видеть ее, – всхлипывая, попросила Геля.

Алена развернула кровать так, чтоб Геля могла видеть коридор и открыла нараспашку обе половины двери, таким образом увеличив обзор. Послышались звуки колес каталки, приближающейся к ним. Вскоре показалась и сама траурная процессия во главе с Эрболом. С глубокой печалью в душе и слезами на глазах увозил тело своей сестренки, за жизнь которой еще несколько часов назад он так неистово дрался.

– Прощай, прощай, мое солнышко, моя девочка, моя малышка, прости меня... прости, жди меня... – сквозь рыдания прокричала Геля сестре.

Все закончилось, коридор был пуст.

ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАПЕЗА

Шли третьи сутки со дня смерти Арлен. Все эти три дня бесконечных слез и самобичевания подруги Алена находилась с ней. Марина, Люба и Гульнара находились рядом с Айгерим, всячески помогая ей на похоронной церемонии. Даану выписали, и она вместе с Алюкой находилась в доме Любови все эти дни.

Наступил последний день прощания, день выноса тела Арлен. Геля лежала с закрытыми глазами, вспоминая последние дни сестренки, когда она словно малый ребенок так искренне радовалась мороженому и без устали обращалась к ней, не понимая ситуации, в которой они пребывали. Тогда поведение сестры Айгель показалось неадекватным, и это было верным наблюдением, но сейчас она готова была отдать все ради того, чтобы вернуть хотя бы короткий миг этих последних совместных дней.

Перед глазами Гели была живая Арлен, сидящая на кровати, свесив ноги к полу, и улыбающаяся ей.

– Эжешка, а давайте мы попросим Эрбол байкешку купить нам шампанского и шоколада. Устроим праздник! А потом поедем домой к маме и соберем всех за столом, Камилла, наверное, уже заждалась меня, и Дана потеряла вас. Точно-точно я говорю. Вот увидите. А потом все загадаем желание, и оно обязательно сбудется! Вставайте, эжешка, что вы все лежите и лежите, как больная.

Тогда Арлен не понимала, что Айгель не может подняться с постели, и искренне этим была разочарована, считая, что сестра отлынивает от праздника.

– Скучно мне тут с вами, эжешка, вот уйду я от вас, и что будете делать? – с нескрываемым любопытством спросила она тогда.

– Плакать буду, – ответила Айгель.

– Правда, плакать будете? Это значит, что вам меня будет не хватать?

– Очень сильно.

– Так сильно вы меня любите? – в восторге уточнила Арлен.

– Больше жизни!

– Здорово! Я вас тоже сильно-сильно люблю! Вот так! – сказала Арлен, обхватывая себя крепко руками.

Айгель разрыдалась в голос, не вынеся этого воспоминания.

– Солнышко мое, как же мне теперь жить без тебя? Как же мне теперь дышать без тебя? Малышонок, родная моя, – причитала она сквозь слезы, – прости меня, прости меня, если можешь. Ой, как же мне быть-то теперь, как только меня земля носила, тварь такую...

– Геля, прекрати, сколько можно? Не называй себя так, не гневи Бога.

– А что Бог? Он отнял у меня все, что я любила, я так молила его. За что? Чем они так провинились перед ним?

– Опомнись! У тебя есть дочь, сестра, братья, ты хочешь, чтобы и с ними произошло что-нибудь плохое? Не гневи Бога! Он милостив, если оставил в живых Даану, представь, что и ее не стало бы, вот тогда было бы горе еще большим, – пытаюсь перекричать подругу, громко и сердито сказала Алена.

Айгель услышала ее разумом. Страх за жизнь дочери привел ее в чувство. Она тихо заскулила, обливаясь слезами.

– Родная моя, – обняв ее, сказала Алена, – я знаю, что душа твоя кровоточит, истерзанная болью, но на все воля божья, так случилось, ты должна принять его волю смиренно и пройти это испытание достойно. Все мы смертны. Когда-нибудь придет и наш черед. Просто они ушли первыми и в свое время встретят нас там, за порогом этого мира. Но до тех пор ты должна не просто выжить, но жить так, как хотелось бы им видеть тебя: живой, здоровой, и, по мере возможности, счастливой, чтобы, наблюдая за тобой с небес, им не пришлось страдать еще больше, видя твое плачущее сердце. Ты думаешь, душе тетя Жени станет легче от того, что ты умрешь и отправишься вслед за ней? Какой матери хочется узреть смерть своего ребенка? Ты бы хотела этого? Нет? Вот и ее душа так же будет мучиться, хватит ей смертей Арлен с Камиллой.

Айгель перестала плакать и лежала, молча уставившись в одну точку на потолке, не проронив ни слова. Алена посмотрела на нее с грустью и тихо, по-доброму сказала:

– Они сейчас проходят свой суровый экзамен перед Богом, им и без твоих надрывных истязаний приходится нелегко. Каждый человек за порогом смерти пройдет этот суд, и нам с тобой его не избежать, когда придет наше время.

Но я не хотела бы, чтобы в тот момент кто-нибудь из моих родных усугублял мое положение и без того трудное, своими рыданиями и самобичеванием. Подумай о них. Лучше давай помолимся за их души. Уже десять часов, Арлен, наверное, обмыли и сейчас одевают в последние одежды. Вынос тела будет в одиннадцать. Давай помолимся за нее. Вот молитва, которую ты читаешь. Коран, кажется, называется, – сказала Алена, протягивая Геле листок бумаги, исписанный чернилами.

Это Айгерим записала его со слов агашки, чтобы потом выучить, но Айгель взяла этот лист себе, чтобы читать его, прося Бога о милости для Арлен, когда она была еще в реанимации.

Айгель взяла молитву в руки и, прикрыв один глаз, взглянула на листок.

– Он не слышит меня, – сказала Геля устало, – я столько молила его в эти дни, и он ни разу не услышал меня.

– Ты не можешь этого знать. Это ведомо только ему, молись.

– Я знаю! Если бы Он услышал меня, неужели не исполнил бы мою просьбу спасти жизнь Арлен? Ведь ему ничего это не стоило, – почти шепотом произнесла Геля.

Но Алена слышала ее.

– Господь поступает так, как решит, и не нам судить его. В каждой его воле есть смысл и в том, что произошло с тобой, тоже. Молись за душу Арлен. Ей сейчас нужна твоя помощь.

Айгель посмотрела на подругу. В ее опухших глазах с потухшим взглядом и застывшими на ресницах слезами было столько боли и страдания, что Алена невольно опустила глаза.

– Бисмиллахи ррахмаани ррахииим... – медленно начала читать молитву Айгель.

Алена внимательно слушала ее, глядя куда-то в сторону, где незримым оком видела картины своих, ведомых только ей воспоминаний...

В июне прошлого года на дне рождения Ками, проведенного в кафе, куда была приглашена и она, Арлен выложилась для дочери по полной программе. Были приглашены артисты, певцы и клоуны. Огромное количество разноцветных воздушных шаров, наполненных специальным газом, сказочными гроздьями украшали зал. Дети веселились, клоуны смешили, взрослые разыгрывали призы. Вечер, посвященный Камилле, удался на славу. Арлен светилась особенным неповторимым светом радости, который шел откуда-то из глубины ее сердца, видя, как счастлива ее дочь. Камилла целовала всех в полнейшем восторге от происходящего праздника в ее честь. Теть Женя сидела во главе стола и умиротворенно улыбалась. Ее большие глаза, в которых умещался целый мир ее детей и внуков, излучали ровный свет душевной гармонии, и даже лучики густых морщинок вокруг глаз не портили ее, а, наоборот, придавали мягкость и благородство. Тогда Алена подумала: «...какое это счастье – вот так сидеть в окружении детей и видеть свет счастья в глазах своей дочери, в свою очередь умиляющуюся своим ребенком. Какие они счастливые, бабушка, мама и дочка. Храни их Бог!»

Но у Бога были свои планы...

– ...Ува-л-хамду лиллахи рабби-л-бааламиин, Омин! – закончила дрожащим голосом Геля, прерывая воспоминания подруги.

Алена посмотрела на нее. Раскрыв ладони перед своим лицом, Айгель молчала, не зная, что и просить. Алена вопросительно смотрела на нее в ожидании.

– О Аллах, прошу тебя, прими душу моей сестры под свое крыло и прости ей все грехи и ошибки вольные и не

вольные, осознанные и не осознанные. Она всегда жила верой в Тебя и Твое милосердие! Аминь.

– Аминь! – повторила Алена и спустя десять минут спросила Гелю:

– Ты уже третьи сутки ничего не ешь, поэтому без конца падает давление, находишься на грани коллапса, так нельзя. Может, покушаешь немного?

– Не хочу.

– Давай хоть сока попьем. Или напитка «шоро», он же тебе всегда нравился?

Айгель даже не удостоила подругу ответом. Просто молча отвернулась к стене.

Алена взяла памперс и подошла к ней.

– Давай сменю, этот, наверное, уже переполнен и вытекает, – предложила она, приподнимая одеяло. В нос ударил резкий запах мочи.

– Не сейчас, – с недовольством ответила Геля, вновь натягивая одеяло на себя. Алена успела заметить, что пеленки и даже простыня были влажными.

– Ты заболешь. Это займет несколько минут. Обопрись на стопы и чуток приподними попу, я вытяну эти пеленки и подстелю под тебя чистые, – хоть и тихо, но с ноткой твердости в голосе, стягивая с нее одеяло, сказала Алена.

Айгель с неприязнью посмотрела на подругу, но подчинилась. Попытка сдвинуть с места тазовый отдел причинила ей острую боль в спине и груди.

Она застонала на время, застыв в том положении, в каком настигла ее боль. Спустя несколько минут Геля вновь повторила попытку, уже опираясь на затылок и правую руку, которой крепко сжимала мокрую от мочи простыню. На этот раз старания увенчались успехом, и ей удалось чуть сдвинуть с места таз, что само по себе уже было для нее большим достижением. Сколько бы Алена

не пыталась перестелить пеленки, ей это не удавалось, нужна была дополнительная помощь. Она вышла из палаты. Геля так и осталась лежать с неприкрытым телом, которое била мелкая дрожь. Вернулась Алена вместе с медсестрой и санитаркой. Общими усилиями они сменили пеленки и одели новые памперсы.

– А теперь, – оставшись вдвоем в комнате, сказала Алена, – ты попьешь сока. Немного, полбокала. А потом через час мы покушаем, – безапелляционным тоном закончила она.

Айгель заплакала.

– Ты что, так выражаешь протест? – с некоторым недоумением спросила Алена, – хорошо, не хочешь, не пей.

Геля разрыдалась, набирая обороты.

– Солнышко мое, родная моя девочка, как же я без тебя, как мне теперь быть, солнышко мое, – сквозь слезы причитала она. – Прости меня, мое солнышко, прощай, мое солнышко, малышонок мой, не уберегла я тебя, сгубила я тебя, прости...

– Геля, Гелечка, ну, сколько же можно так истязать себя? – дрожащим голосом произнесла Алена, слезы сами собой навернулись на глаза.

– Ой, Алэн, как же мне жить-то теперь, как дышать? Я ведь и на том свете не свижусь с ними, потому что гореть мне в аду, ой, Алэн, что же делать-то?

– Опомнись! Что ты несешь? Какой ад? При чем тут ты? Твоей вины в том нет, это несчастный случай, прекрати! Не гневи Бога!

– Я и так пребываю в его гневе, мой ад только начался, иначе как назвать то, что со мной происходит? Как объяснить смерть мамы, Ками, Ани, а сейчас и Арлен, почему я осталась жить, не это ли ад? – всхлипывая, произнесла Геля, – что может быть страшнее этого?

Алена встала, накапала двадцать капель корвалола и, поднеся ко рту подруги, сказала:

– Выпей, это поможет.

Айгель даже не отвела голову, безропотно выпила и, закрыв глаза, отвернулась к стенке.

– Уже полпервого, – не подумав, заметила Алена, – Арлен, наверное, уже...

Не dokonчив своей мысли, она замолчала, коря себя за тупую бестактность.

Айгель продолжала беззвучно плакать, периодически невольные всхлипывания выдавали ее. Полежав так минут двадцать, Геля, несмотря на катящиеся по щекам слезы, уже без надрыва и рыданий попросила:

– Поддай мне Коран, ее уже предали земле, мне надо молиться за ее душу.

– Конечно, мы обе помолимся, – сказала подруга, подавая ей листок с молитвой.

– Я свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад – Его раб и посланник! Все приветствия – Аллаху, все молитвы и все праведные деяния! Да услышит Аллах меня, я Его восхваляю! Господи! Прости меня за все мои ошибки и дурные поступки, если таковые были! Каюсь. Только Тебе я поклоняюсь и только к Тебе я обращаюсь за помощью! Милостивому и милосердному! Царю дня суда! Я принимаю волю твою, ниспосланную мне, и прошу лишь о том, чтобы Ты, Господи, принял душу моей сестры Арлен, и определил ее в рай, как и души моей мамы, племянницы Камилочки и подруги Анны, простив им все их ошибки и прегрешения, вольные и невольные, осознанные и не осознанные. Уповаю на щедрость Твою и Милосердие! Хвала Аллаху, Господу миров! Аллах велик! Омин! – закончила Геля.

– Аминь! – повторила Алена.

Пришла медсестра и подключила капельницу. Голова Айгель кружилась, слегка подташнивало. Она прикрыла веки в ожидании провала в забытие. В какой-то из этих

моментов уснула. Ей ничего не снилось, словно мозг ее, пребывающий в постоянном тяжелом стрессе, был не способен даже на сновидения.

Вечером того дня, уже после заката, прибыли в больницу Эрбол, Айгерим с Алюкой, Амир и Арман.

Айка накрыла стол из принесенных продуктов, взятых с поминального стола, и ждала пробуждения сестры. Братья в туалетной комнате, открыв окно, курили. Арман молча стоял рядом и был погружен в свои мысли.

– Сколько пришло людей? – спросила Алена.

– Как и на маминых похоронах, более двухсот пятидесяти. Было много ее коллег по работе, по профессии, и я даже не ожидала, что у нее столько друзей. Сколько же людей ее любили, скольким из них она была подругой и союзником. Так вот живешь и в повседневности не подозреваешь, какие мы все. Так и с Арлен, я знала, что она из-за своей мягкости, доброты и щедрости, порядочности пользовалась любовью и уважением многих людей, но не предполагала, что столько. То, что мама в таком количестве людей оставила свой свет и тепло души я понимаю, все-таки прожила хоть и мало, но все же шестьдесят пять лет, но Арлен, она ведь самая младшая из нас, ей осенью всего исполнилось тридцать семь лет, в два раза меньше, чем маме. Каким же большим должно было быть ее сердце, если любовь столько людей, искренне оплакивающих ее уход, уместилась в этом сердце. Знаете, тетя Лен, я ведь не могу плакать, хочу, но не выходит, что-то замерзло в моей душе, окаменело, что ли? Там, где сердце, чувство холода и пустоты.

– Ты молодец! Несмотря на такое огромное горе, смогла взять себя в руки и достойно проводить своих родных: сначала маму и Камиллу, теперь вот сестренку. Ты очень сильная духом и надежная в беде. Я горжусь тобой, думаю, и братья гордятся и Геля.

Айка устало посмотрела на подругу сестры, обреченно вздохнула и спросила:

– Как эжешка провела эти три дня?

– Ужасно, я очень боюсь за нее. Она себя так ненавидит и так казнит, просто ужасно. Дважды было плохо с сердцем, вызывали реаниматологов. Хотела уже звонить вам. У нее нестабильное состояние, все время плачет, не разговаривает, даже обезболивающее не просит, хотя я чувствую, что ее мучают боли. Лишь ориентируясь по времени, я предлагала ей уколы, но она отказывается. Благо медсестры выполняют предписания врача и четыре раза в день вводят ей лекарства, купируя боли. И внутривенное введение успокаивающих препаратов вместе с другими лекарствами все же, какая ни какая поддержка ее организму.

– Их она получает, не отказывается?

– Отказывается, но я настоятельно просила медсестер выполнять назначения процедурного листа вопреки ее желанию. Появилась одышка, и она нарастает. Очень низкое давление, утром мерили, было шестьдесят на сорок, сразу начали капать. Появилась температура.

– Температура?

– Да, тридцать семь и восемь было вчера вечером, тридцать семь и семь сегодня утром. Завтра врачу надо сказать.

Айгель сделала глубокий вдох, словно не хватало воздуха. Айгерим подошла к ней. В комнату вернулись Амир и Эрбол.

– Не проснулась еще? – ласково спросил старший брат.

Геля открыла опухшие глаза, красные прожилки широких, наполненных кровью сосудов изменили окрас склеры, придав ей оттенок разлившейся сукровицы.

– Как вы, эжешка? – спросила Айка.

– Хорошо, – тихо ответила Айгель, на глаза навернулись слезы, она спросила:

– Проводили ее?

Айгерим лишь закивала головой, опуская глаза.

– Эжешка, мы тут принесли боорсоков и мяса со стола Арлен, последнее ее угощение людям. Надо почитать Коран и покушать, чтобы благословить ее душу на пути к Богу, – сказала она.

Айгель ничего не ответила.

– Мы сейчас придвинем стол к кровати, и все сядем помянуть ее. Вы прочитаете молитву? – обратился к ней Амир.

– Прочитаю, – утирая слезы носовым платком, сказала Айгель.

Все расположились вокруг стола, одной стороной приставленного к койке Гели.

– Омин! – сказала Айгель, закончив читать Коран и раскрывая ладони для обращения к Аллаху.

– Омин, – сказали все и повторили ее жест.

– Господи, возьми души нашей мамы, сестренки Арлен, племянницы Камиллы под свое крыло, определи их в царствие небесное у подножья твоего трона, пусть они будут благословенны Тобою, прости им все их ошибки вольные и не вольные и сделай так, чтобы земля им была пухом. Все в воле Твоей, Господи! Веруем в Твое милосердие и милость. И да будут услышаны наши молитвы! Омин! – закончила Геля, завершая обряд.

– Омин! – повторили все.

Эрбол протянул ей кусочек вареной конины. Айгель молча взяла – поминальную трапезу нужно было испробовать. Айгерим положила немного плова в пиалу и подошла к изголовью сестры.

– Давайте я вас покормлю пловом, – предложила она, протягивая ложку с едой ко рту Гели.

– Я не буду.

– Нужно, эжешка, это ведь плов Арлен, последнее ее угощение. Надо покушать.

У Айгель скатились слезы с глаз и тонкой струей потекли по щекам. Она открыла рот, принимая плов. Долго и медленно прожевывая его, проглотила, слезы продолжали литься из глаз.

– Эжешка, хватит уже плакать, молдо говорит, что этим мы причиняем беспокойство ее душе. Ей сейчас не до этого, – устало вздохнув, сказал Эрбол, продолжая монотонно жевать мясо. Все сидели с понурыми лицами, вкушая поминальную трапезу. Горе было общим, но боль в душе – у каждого своя.

– Что показало вскрытие? – с затаенной болью во взгляде спросила Геля Эрбола на следующий день при его дежурстве, когда к ним присоединились Амир и Айгерим.

Эрбол молчал, обдумывая ответ. Все смотрели на него в ожидании пояснений. Но безмолвие для воспаленного горем мозга Айгель выглядело слишком затянувшимся.

Не сдержавшись, она более раздраженно повторила вопрос. Эрбол посмотрел на нее долгим взглядом и произнес:

– Не было никакой аневризмы, и они, я имею в виду профессора, заведующего и палатного врача, не накладывали никакой клипсы. Судебно-медицинский эксперт долго ее искал, но ничего не обнаружил в головном мозге. Откуда ей было там взяться, если ее изначально никто туда не клал.

– Как не было? – не веря своим ушам, почти вскрикнула Геля.

– Я тоже не поняла, байкешка? – с недоумением глядя на брата, сказала Айгерим.

Амир просто вопросительно уставился на Эрбола.

– Чего тут непонятного, аневризмы не было, все это время сочилась кровь из надорванного при аварии сосуда головного мозга, увеличивая гематому и, в конце концов, из-за халатности и бездействия врачей кровь затопила половину мозга, повредив левое полушарие, поэтому у нее с каждым днем нарастали боли, и она впадала в детство. Гематома росла, сдавливая все больше и больше мозг, пока артерия окончательно не лопнула в то утро, когда Арлен впадала в кому.

– Этого не может быть! – закричала Геля, – они убили ее, убийцы! Я просила их провести дополнительное обследование, мы же говорили, что ей становится хуже, отрицательная динамика явно нарастала...

– Я тоже был там с байкешкой и слышал заключение судебно-медицинского эксперта, – убитым голосом произнес Арман. – Они убили ее.

Геля разрыдалась. Эрбол вышел курить, Амир поплелся за ним, ссутулившись и как-то сразу постарев. Айгерим закрыла глаза, сжав губы, на ее лице появилось выражение глубокого отчаяния и боли, готовое перейти в горькие слезы.

– Ай, малышонок мой, девочка моя, не уберегли мы тебя, не спасли, прости, – тихо причитая, завывала Геля.

Айгерим не проронила и слова, так и оставшись сидеть, сведя брови, с выражением душевной боли на лице и слезами на ресницах.

Вернулись братья.

– Что же они тогда оперировали ей? Что они вообще делали? – всхлипывая, спросила Айгель брата.

– Ничего. Они увидели, что мозг уже мертв, и, испугавшись своей причастности к ее смерти, скрыли это не только от нас, но и от реаниматологов. Поэтому врачи реанимации бились за нее вместе с нами все эти долгие семь дней. Она умерла в тот день, когда утром впадала в

кому. Если бы они сделали ей сразу же операцию, то, может, спасли бы ее. Но профессор сильно торопился куда-то и решил взять ее на операционный стол на следующий день, тем самым лишив Арлен последней надежды на спасение. К вечеру того дня или к ночи она уже умерла.

– Почему вы так думаете, байкешка? – насторожившись, спросила Айка.

– Вскрытие показало, что ее мозг уже успел позеленеть и покрылся трупной слизью от распада клеток. Вместо мозга у Арлен образовалась зеленая жижа...

При этих словах Арман сжал губы, сдерживая слезы и, не сдержав их, вышел в коридор.

– Будь он проклят! Пусть он сам или те, кого он любит, пройдут мою судьбу и мои потери. Будь он проклят! – тихо сказала Айгель и закрыла глаза. Она больше не рыдала, не было ни истерики, ни возгласов. Лежала тихо, без всхлипов, и только слезы из-под ее закрытых век продолжали стекать по лицу.

– Мы же не можем оставить их преступление вот так, без реакции? Надо что-то делать! Надо подать в суд, я пойду и плюну ему в лицо, – в запальчивости вырвалось у Айгерим.

– Сядь, – твердо сказал Эрбол, глядя, как вскочила с кровати Айка, чтобы ринуться из палаты.

Она остановилась, вопросительно взглянув на старшего брата.

– Мы обязательно поднимем этот вопрос и подадим на них в суд, но не сейчас, – сказал он.

– Почему? – искренне недоумевая, спросила Айка.

– Потому что мы зависим от них. Состояние эжешки остается тяжелым, двигать и перемещать ее нельзя, угроза перерезки спинного мозга остается высокой. Все куски, отломившиеся от позвонков, подвижны. Мы не можем позволить им вымещать свою злость на ее здоровье.

Мы даже домой ее забрать не можем, и другие клиники не примут ее в таком состоянии, тем более после конфликта с профессором Сасыкбаевым, не потому что солидарны с ним, а потому, что никому не нужна лишняя головная боль. К сожалению, это именно так. Нам нельзя теперь идти на открытый скандал. Нужно сначала дождаться, когда эжешка окрепнет, и только после этого идти в атаку.

– А за это время все, все забудут! – не унималась Айгерим.

– Не забудут, есть показания судебно-медицинского эксперта.

– А он не откажется потом?

– Нет!

Приближалась к концу первая неделя после похорон Арлен. Айгель замкнулась окончательно, и несмотря на то, что ныне она уже не рыдала каждую минуту, как в первые четыре дня, смерть родных людей ввергла ее в пустоту и безысходность, сломав внутренний стержень и искромсав душу. Есть раны, уходящие так далеко, что не заживают никогда. Так случилось и с Гелей. Горе, овладевшее ее разумом, уже не отпускало ее. К тому моменту одышка усилилась настолько, что дыхание стало затруднительным, создавая не только проблемы с поступлением воздуха, но и с увеличением болей в грудной клетке. Температура поднялась до тридцати девяти. Рентген показал наличие большого количества жидкости. Встал вопрос о пункции плевральной полости.

Процедура была назначена на сегодня, пятницу, в двенадцать часов дня. Амир созвонился со своим другом – хирургом легочного отделения, одним из ведущих специалистов в этой области, по имени Канат. В этот день рядом с ней дежурила Марина, Айгерим и братья находи-

лись в материнском доме, где проводили поминки. Людей собралось много.

В назначенное время пришел Канат и приступил к пункции. Процедура оказалось болезненной, несмотря на местное обезболивание, Геля испытывала острую раздражающую боль в левой половине грудной клетки в течение всех манипуляций. Сжав поручень кровати правой рукой, она свела зубы, прикусив губы. Во рту появился привкус крови. Но Айгель не сразу почувствовала ее. На лбу выступил холодный пот. Сердце учащенно билось, отдаваясь глухими ударами в ушах. Выпученными глазами она уставилась в одну точку на потолке.

Взяв образец для посева на флору, доктор оставил в плевральной полости катетер для пассивного оттока воспалительной жидкости. За первые полчаса вытекло полтора литра кровавой жидкости, было решено оставить трубку до следующего утра.

– Видимо, в момент удара рулем по грудной клетке травму получили не только ребра, но и плевральные оболочки легких, сосуды надорвались, и произошло излияние крови, в последующем присоединилась воспалительная жидкость, – пояснил он, отвечая на вопрос Марины, откуда в легких взялась кровь.

– Стало легче дышать? – спросил он участливо Айгель.

– Пока не чувствую, – тяжело дыша ответила Геля, – хотя боли все же стали слабее.

Тело ее продолжало подрагивать мелкой дрожью, возникшей в момент прокола и установки катетера. Но зрачки, расширившиеся на пике боли, стали почти нормальными.

– Нужно подключить антибиотики, – сказал пульмонолог стоявшему рядом палатному врачу.

К этому дню он был единственным из врачей этого отделения, с кем Айгель еще разговаривала после того, как

он косвенно подтвердил ее подозрения по поводу преступной халатности профессора и его приспешников, в лице заведующего отделением и неадекватного палатного врача сестры, что и стало причиной скорой смерти Арлен.

На следующий день, во время обхода, попросив Амира покурить на улице, Геля задала прямой вопрос своему доктору:

– Я познала очень большие потери, и чем завершится моя история болезни, пока не известно. Ты тоже чей-то сын, брат, муж. Возможно, отец. Я в курсе, что Арлен погибла не в результате выдуманной аневризмы мозга, а как бы из-за планомерного уничтожения моей сестры ее палатным врачом, заведующим и профессором Сасыкбаевым. Потому что из-за их неправильной диагностики и бездействия произошло дальнейшее кровоизлияние в мозг из сосуда, который изначально, с первой минуты аварии сочился. И диагноз: «Сотрясение головного мозга с небольшой посттравматической гематомой», был неверен. А стало быть, и выбранная тактика была грубой ошибкой и привела к смерти Арлен. Несмотря на то, что мы неоднократно просили ее врачей о дополнительном обследовании, назначении повторной ядерно-магнитно-резонансной томографии головного мозга, они не просто не прислушались к адекватной просьбе родственников. Но и всячески успокаивали нашу бдительность. Это ли не преступление? Теперь мне доподлинно известно, что ни аневризмы, ни якобы установленной для остановки кровотечения клипсы не было и в помине. На следующий день после комы на момент операции ее мозг был уже мертв, и это они скрыли от нас. Я сейчас нахожусь в таком состоянии, когда сама очень близка к смерти, и мое проклятие обязательно исполнится. Бог их накажет, в этом я не сомневаюсь, не их, так их детей. Ты птица подневольная, я понимаю тебя, ты находишься с ними

в одной упряжке. И не можешь пойти против них, тем более, что от их желания зависит твоя профессиональная судьба. Но в первую очередь ты человек, и тоже когда-нибудь предстанешь перед Богом. Я знаю, ты участвовал в той операции, скажи мне, почему ваша команда так безбожно лгала нам, скрывая свои преступные действия?

– Почему лгала? – опустив глаза, тихо спросил Амангельды, – профессор наложил клипсу...

– Зачем ты так, ведь и ты стоишь перед Богом, неужели эта ложь может перечеркнуть цену твоей души, обрекая тебя на божий суд, разве карьера стоит того? Я не буду скандалить, мне нужно просто знать, чтобы не сожалеть о проклятии, под действием которого окажешься и ты. Ведь не было никакой аневризмы? – еще раз повторила свой вопрос Айгель.

Палатный врач молчал, опустив глаза.

– Я все поняла, спасибо. Это останется между нами. Именно поэтому я попросила брата покурить на улице. Спасибо.

Амангельды молча вышел из палаты.

Это было тогда, сегодня же, во время пункции, Канат обратился к нему:

– Антибиотики нужно подключить. Желательно, хинолового ряда, хотя пока выйдет посев на чувствительность к антибиотикам, можно поделаться и цефалоспориновый ряд, например, цефамед по грамму четыре раза в день внутривенно. А потом уже по результату посева.

Амангельды согласно кивнул головой.

– Ну, на сегодня все, я сейчас хорошо зафиксирую катетер, чтобы он не выскочил при движении, – сказал Канат, глядя на Айгель, – а завтра после обхода я приду и уберу его.

– Спасибо, – произнесла Геля прокушенными губами, – я буду ждать. До свидания.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Прошло больше двух недель со дня смерти Арлен. Август изживал предпоследний календарный день. Состояние Гели после первой пункции несколько улучшилось. Значительно уменьшилась одышка, боли при дыхании, появившиеся после катетеризации плевральной полости, стали слабее и беспокоили, в основном, лишь при малейшем шевелении, например, при смене памперсов. Однако температура не падала. Заменяли антибиотики, но желаемого результата это не дало. Гормональная терапия продолжалась. К сожалению, этот положительный результат удержался недолго, так как на фоне лечения два дня назад вновь усилилась одышка, выросли отеки на ногах, и в дополнение к боли в позвоночнике и голове, еще и загрудинные боли приобрели постоянный характер. Повторная рентгенограмма выявила новое накопление жидкости в плевральных полостях, на этот раз было затоплено девяносто процентов левого легкого, а также обнаружили увеличение размеров сердца. Встала необходимость повторной легочной пункции. Консультация кардиологов с ультразвуковым исследованием сердца выявила перикардит – воспаление оболочки сердца с накоплением жидкости. Был назначен курс соответствующей терапии, увеличили дозы гормонов и противовоспалительных препаратов. Нервная система Гели была истощена беспрестанными душевными и физическими истязаниями настолько, что сама мысль о возможности появления у нее дополнительной боли вселяла в ее сознание неумный страх и ввергала в шок. Одна только мысль о повторной пункции выбила из нее слезы и мольбы:

– Пожалуйста, – просила она жалобным голосом пульмонолога Каната, повторно вызванного для консультации, – не надо больше проколов, я не выдержу их уже, пусть будет, что будет. Я так устала от всего. Я боюсь.

– Пунктировать нужно в любом случае. Ваши легкие сморщились, они сжаты воспалительной жидкостью, она может загноиться, и тогда вы потеряете свои легкие, придется их потом удалить. Как будете дышать без них? Нужно потерпеть. Я сильнее обезболю вас, и будет уже не так больно, как в прошлый раз. Давайте настраивайтесь, чем быстрее сделаем, тем быстрее будете отдыхать, – сказал он, распаковывая катетер и готовя иглы для прокола. Процедурная сестра вместе с палатным врачом стояла рядом в ожидании команд пульмонолога.

– Ну, вы готовы? – обрабатывая участок кожи боковой поверхности грудной клетки между пятым и шестым ребрами, спросил Канат, – поднимите левую руку под голову.

Айгель правой рукой взяла кисть левой руки и помогла ей запрокинуться за голову.

– Так и не слушается рука? – участливо спросил Канат.

Айгель покачала головой. Слезы застыли на ее ресницах.

– Ну, что это такое? Я же сказал, больно не будет, – успокоил он ее.

– Ты в прошлый раз тоже так говорил, но было нестерпимо больно.

– Да? Мне показалось, что никто не плакал и не жаловался, – пошутил он.

Геля осталась безучастной к его словам. Она боялась.

– Можете отвернуться, так будет легче.

Айгель закусила губы. Крепко сжала правой рукой край матраца и зажмурилась. Она почувствовала иглу. Как она проникает сквозь кожу, мышцы и дальше еще через что-то, вызвав в ней судорогу.

– Тихе, держите ее, – сказал Канат, приостановив продвижение пластиковой трубочки в плевральную полость.

Айгель не удержалась и чуть не плача проговорила:

– Сильно больно, что же там такое?

– Это плевральная оболочка, она чувствительна, надо потерпеть.

– Вы снова обманули меня, ой, не двигайте ее, вы пытаетесь порвать мне легкое? – сквозь слезы спросила она, всхлипывая.

– Тише, не делайте таких движений, будет больно, вы же двигаете катетер, – попросил доктор.

Геля замерла, но боль не отступала ни на секунду. Она расплакалась не на шутку.

– Все-все, уже фиксирую трубочку на коже лейкопластырем.

Айгель застыла в одном положении тела, в котором, как показалось ей, интенсивность боли была наименьшей.

– И насколько вы оставляете ее на этот раз? – сквозь слезы спросила она.

– Все, я уже ничего не делаю, – сказал Канат, отходя от нее. Затем, обратившись к медсестре, спросил:

– Есть бутылка из-под минералки? Я привяжу ее к кровати и опущу конец катетера в нее, пусть стекает.

Она вопросительно посмотрела по сторонам и, увидев почти пустую баклажку, подала ее доктору.

– Быстро бежит, так за полчаса наполнится, – в раздумьях сказал пульмонолог, потирая подбородок.

– Там еще есть, – слабым голосом вставила Геля, глядя на медсестру.

– Где? – спросила та.

– Не надо, если наполнится, пережмите здесь зажимом и вылейте, и снова вложите конец катетера.

– Так насколько вы мне его оставляете? – вновь задалась вопросом Айгель.

– Сейчас десять утра, – посмотрев на наручные часы, сказал Канат, – где-то до шести вечера. Буду идти домой, забегу и уберу катетер. Так устроит?

– Устроит. Только не на ночь, – попросила Геля, перестав плакать и замерев в первоначальном положении тела.

– Руку можете отпустить. Неудобно же, еще онемает... – сказал доктор, беря ее левую руку и опуская в полусогнутом положении рядом с телом.

– Выпрямляйте руку, – предложил он Айгель.

– Нет, тогда задену катетер и усилю боль, – ответила она.

– Как знаете.

Сегодня с ней дежурила Марина. Пытаясь отвлечь подругу от боли, она спросила:

– Почему ты не хочешь, чтобы Даана тебя проведала? Она так скучает по тебе, каждый день просит, чтобы мы привезли ее сюда на свидание. Целый месяц ребенок переживает, не понимая, почему не может побыть с матерью. Она ведь знает, что Айка с Алюкой дежурят возле тебя. Не пойму?

Айгель лежала и думала о своем, не проронив ни слова.

– Геля, я к тебе обращаюсь? – напомнила она о себе.

– Слышу, – тихо ответила Айгель, – не нужно, чтобы она видела меня. Пусть не приходит.

– Но почему? – с нескрываемым недоумением спросила Марина.

– Я не хочу жить и скорее всего не буду, да и состояние моего здоровья говорит об этом. Не хочу, чтобы она, увидев меня в таком состоянии, расстроилась, да и привязываться ей дополнительно не надо...легче будет терять...

– Что, совсем сдурела?! Я понимала, что у тебя ушиб мозга, но чтобы так зашкалило, даже не подозревала. И что ты думаешь, если держишь ее на расстоянии от себя, то она перестала любить тебя? И страдать от того, что мать не хочет видеть ее? – с вызовом сказала Марина.

– Нет, вы посмотрите на нее, – продолжала негодовать она, – а если твой уход затянется на полгода, ты собираешься все это время терзать ее? Я понимаю, тебе сейчас трудно, да что говорить, не приведи, Господи, никому оказаться в твоём положении. Я знаю, самый тяжёлый груз упал на твои плечи, ни на сестру, ни на братьев, они лишь оплакивают свою невосполнимую утрату, все мы когда-нибудь уйдем из этого мира. Никто не вечен, но к тебе помимо потери родных присоединилось ещё и тяжёлое состояние здоровья, груз сожаления и ... – Марина замялась, подбирая нужные слова, – чувство вины.

Однако ты должна понять то, что это был несчастный случай. Воля Бога, и её надо принять смиренно и достойно, как бы тяжело не было. Бог поступает, так как решил, мы же ходим по жизни, как по дремучему лесу в поисках самих себя. И не каждому выпадает участь счастливчика достигнуть этой цели. Не теряй себя! Бог спас тебя и твою дочь, это ли не милость. Представь, что её тоже не стало бы, лишь на минуту представь! Или вышла бы иная комбинация выбора смерти. К примеру: могли остаться в живых Арлен и Даана, или наоборот, ты и Камилла, и в том и в другом случае были бы глубоко несчастны ещё двое детей, оставшиеся без матери. Не гневи Его, уповай на милость. В конце концов, кто ты такая, чтобы решать, кому жить, а кому умирать? Не слишком ли замахнулась на свои возможности?

До этой минуты Айгель действительно даже мысли не допускала о том, что могла погибнуть ещё и Дааночка.

«Доченька моя, солнышко мое, – мысленно обратилась она к Даане, – если бы ты только знала, как мне сейчас трудно, как плохо на душе и тяжело на сердце. Как не хочется жить».

При этой мысли перед глазами встало воспоминание:

Дочь прилегла рядом с ней и, взяв её руку в свою, начала гладить себя по голове.

– Что ты делаешь? – спросила тогда Айгель, увлеченно смотревшая какой-то фильм по телевизору, оттягивая к себе руку.

– Глажу себя, – спокойно ответила Даана, преданно глядя ей в глаза.

Айгель улыбнулась дочери, развернулась к ней, и крепко обняв, лукаво спросила:

– Что, моему солнышку ласки не хватает?

– Не хватает, вы сегодня меня не обнимали и не целовали, и не говорили, как любите меня.

– Мышоночек мой маленький, – нежным голосом произнесла она, – куколка моя! Солнышко мое! Я так тебя люблю, так горжусь тем, что Бог позволил мне быть твоей мамой.

Айгель почувствовала, как дочь прилипает всем своим телом к ней и сжимает в своих объятиях.

– Я вас тоже очень люблю, больше всего на свете! – сказала с пылом Даана, – вы же меня никогда не покинете, будете жить долго, пока мои дети и внуки не вырастут. И тайэнешка будет рядом с нами, правда, мама?

– Правда, доча, так и будет!

– Если с вами что-то случится, я не останусь одна.

– Что за глупости ты несешь? – придав голосу строгости, сказала тогда Геля, – мамы всегда уходят из этого мира, на много-много лет раньше своих детей. И к этому надо относиться спокойно, так заведено Богом. Я тоже, когда придет мое время, уйду. Этого не надо бояться. А ты меня оплачешь и проводишь.

– И я умру?

– В свое время, когда доживешь до глубокой старости и вырастишь своих внуков, а может, и правнуков.

– Не хочу, чтобы кто-то умирал, – тихо заметила Даана.

– Так не бывает.

– Я вас очень-очень люблю! Жить без вас не могу! – радостным голосом сказала Даана.

– Я тоже. А теперь позволь мне досмотреть фильм.

На душе Гели впервые за все это время появилось такое нужное ей тепло. Какой-то крошечный лучик света зажегся в безбрежном мраке ее души.

– Хочу пить, – сказала она Марине.

Та незамедлительно подала ей сок.

– Спасибо.

– Не за что, поправляйся только, – сказала Марина, присаживаясь на стул рядом с ней.

– Знаешь, бывают минуты, когда можно умереть, но, поверь мне, стоит жить! Хотя смерть близких людей всегда бывает болезненным ударом, но горе когда-нибудь утихнет. Если сам Бог сохранил вам с Дааной жизнь, в этом есть особый промысел. И не тебе раскрывать его замыслы. Держись, подруга, я всегда буду рядом. А насчет Дааночки, думаю, ты не права. Пусть придет, проведает тебя, ей станет легче, и здоровье начнет восстанавливаться быстрее.

– А что, у нее что-то еще не восстановилось?

– Она падает в обмороки и все время просится лежать.

И плачет много.

– Как падает в обмороки? Почему?

– Не знаю.

– Ее когда выписали?

– Больше двух недель назад.

– Они что, идиоты, эти врачи детской больницы? – с возмущением выпалила Геля и застонала, видимо, нечаянно сдвинула тело, причинив себе боль.

– Что случилось, чем помочь? – заволновалась Марина.

Геля замерла в одном положении, пытаясь унять пронзительную боль. Прикусив нижнюю губу, она заплакала.

– Гелечка, ну что ты, сейчас позову медсестру, – вспомнилась подруга.

– Не надо, я потерплю, и так больше десяти уколов в день получаю в бедро, там живого места нет. И три капельницы. Мне ведь вчера сняли подключичный катетер. Теперь все идет вживую, в вену. Сплошные синяки. Устала я от них.

Марина с жалостью смотрела на нее. Айгель взяла себя в руки и успокоилась.

– Хотя с другой стороны, ничего другого как истязания, я и не заслуживаю, и этого мало после случившегося, – тихо заметила она.

– Вот ты опять несешь не то. Причем тут ты, да пойми, это был несчастный случай! Ты что, намеренно пыталась убить их и себя. Может, у тебя был умысел? – уже не сдержавшись, с укором сказала Марина.

Айгель усталым взглядом посмотрела на нее.

– Все знают, что это был несчастный случай! Все, слышишь?

– Свой суд зачастую гораздо важнее, чем суд окружающих, – с обреченным видом ответила Айгель, – мне неважно, как я выгляжу в глазах других, важно, как я выгляжу в своих глазах. Набери Айгерим и попроси, чтобы завтра она принесла мне выписку Дааны, – затем подумав, добавила, – и саму ее привела сюда.

Марина с радостью выполнила ее просьбу.

– Ну вот, одно хорошее дело мы сделали, а сейчас самое время поесть, – сказала она, потирая руки.

Открыв дверь холодильника, Марина оценивающим взглядом пробежалась по полочкам с едой и вынесла свой вердикт:

– Есть холодная конина, копченая курица и китайская кухня, это значит мясо с грибами и на гарнир салат из маша и шпината. Что будешь?

– Ничего.

– Геля, ты слышала, что сказал пульмонолог:

– Усиленное питание, желательно, жиры животного происхождения и мясо. Так что давай не будем нарушать предписаний врача. Итак, что будем есть?

Айгель слишком хорошо знала Марину и ее способность достигать своей цели любой ценой. Ни нытьем, так катаньем. Соппротивление было бесполезным, кроме конфликта ничего не вышло бы. И потом она права, Канат именно так и сказал.

– Я буду немного, слышишь, немного конины и сок.

– Хорошо. Есть яблочный, апельсиновый и вишневый соки. Какого напитка тебе налить?

– Вишневого. А есть шоро?

– Посмотрим, – оглядывая холодильник, ответила Марина, – есть, правда, открытая бутылка, наверное, весь газ уже вышел.

– Тогда налей мне его, он кисленький, легче будет питься.

– Без проблем.

Вошла медсестра и сделала внутривенное введение антибиотика, согласно назначению.

– А теперь – обезболивающее лекарство, – сказала она, поднимая край одеяла, чтобы оголить бедро.

– А как называется препарат? – поинтересовалась Марина.

– Пленалгин.

– Он тебе помогает? – уточнила она у подруги.

– Да. Не сразу, правда, но все же снижает интенсивность болей. Они становятся отдаленными и глухими, терпеть можно.

Остаток дня прошел согласно предписаниям врачей, без особых осложнений. Вечером Канат пришел и удалил катетер. Ближе к десяти ночи поднялась температура. Айгель дали парацетамол, после чего она уснула. Сквозь сон Геля почувствовала, как кто-то подошел к ее кровати

и прикоснулся к лицу. Она явно почувствовала это. От неожиданности проснулась, открыла глаза, но никого не увидела, хотя кожа на лице еще помнила легкое прикосновение невидимой ладони.

«Сквозняк, что ли?» – подумалось Айгель. Посмотрела на запертую дверь, потом на окно. Не обнаружив источника сквозняка, она несколько насторожилась.

«Может, чья-то душа посетила меня? Возможно, мама», – решила она, еще раз озираясь вокруг. Чувство присутствия чего-то невидимого, но явного не покинуло ее.

За окном светало. Марина мирно спала, расположившись на кровати у окна. Тело сильно ломило, прося о помощи.

– Марина, – тихо позвала она.

Подруга не ответила.

– Марина! – уже громче обратилась она.

– А, что такое? – приподнимая голову и глядя на нее, спросила та.

– Прости, что разбудила, попроси, пожалуйста, медсестру, пусть обезболит меня.

– Сейчас, – поднимаясь с постели, сказала Марина и полусонная направилась к выходу.

Было уже девять утра, когда начался обход с участием заведующего отделения. Все это время после похорон Арлен Айгель не видела его, то ли он отсутствовал на работе, то ли избегал ее палаты, но только сегодня он принял участие в ее осмотре.

– Здравствуй, Айгель, – сказал он, грустно улыбаясь, – как твои дела? Как себя чувствуешь?

– Как сестра убитой сестренки, – сухо ответила она, глядя прямо ему в глаза. Он не отвел взгляда.

– У нее вот уже две недели держится температура до тридцати восьми и выше вечером и субфебрильная – по утрам. Неделию назад сделали плевральную пункцию, в

экссудате было много крови. Анализы отданы в лабораторию на посев и чувствительность. Так же выявлен перикардит, кардиологи сделали свои назначения, – начал отчитываться Амангельды.

– Она получает гормоны? – прерывая повествование палатного врача, спросил заведующий.

– Все время, – ответил Аскар.

– Появились движения в ногах? – уточнил заведующий отделением, обращаясь к Аскару.

– Да, не в полном объеме, но чувствительность восстанавливается. Атрофия мышц не прогрессирует.

– Ну-ка, согни колени, – попросил он Гелю.

Айгель напряглась и потянула на себя ноги, с первой попытки не удалось. Врачи терпеливо ждали.

Она сосредоточилась, напряглась и, сжав кулак, потянула на себя ноги. Правая ступня опустилась на подошву и медленно, дрожа, поползла к тазу. Левая нога осталась на месте, даже не пошевелившись.

– Понятно, – без особых эмоций сказал заведующий, – ну, поправляйся.

Вся компания докторов вышла из палаты.

Айгель ненавидела себя за то, что ведая о причине смерти сестренки, не бросила обвинение в лицо виновникам. К сожалению, обстоятельства порой бывают выше человеческих возможностей. Она не могла, плюнув им в лицо, гордо уйти домой. Да и потом Геля понимала, что это отчаяние, которое она пытается вылить на кого-то.

«Если б не было аварии, – думала она, – то и Арлен никогда не попала бы в эту проклятую клинику, в руки этого маразматика, профессора Сасыкбаева, добившего ее до смерти. Так что, как не крути, первопричиной ее гибели все равно остаюсь я».

Еще неделю назад она отказалась от операции и, наверное, приняла правильное решение. Если мне не суж-

дено умереть, то спастись я должна не за счет этой клиники, где работают не совсем порядочные доктора. Рыба гниет с головы. А какая здесь голова, теперь она знала.

Дверь комнаты открылась, и показалась Даана.

– Мамочка, – закричала она радостно, подбежав к кровати, – я так соскучилась по вам, так волновалась, так хотела увидеть, – затараторила она без передышки.

Айгель даже не подозревала, как сильно любит дочь, как возрадуется ее сердце, увидев ее, маленький кусочек ее души, ее солнышко, ее продолжение, дочь не только по плоти, но по духу, единственная оставшаяся в живых, кроме нее, после той аварии, единственная, кого Бог оставил ей в утешение. Она расплакалась. Увидев слезы матери и Даана разрыдалась горькими слезами, выпуская из души весь свой страх от случившегося, боль потери бабушки, Арлен, Камиллы и Ани, все то, что она носила в своем таком маленьком по размеру и таком огромном по доброте и воле сердце. Все эти тягостные черные дни она носила в себе свои страхи и боль утраты, ни разу не заплакав, ни разу не пожаловавшись на свою участь. Привыкшая всегда быть при матери, она впервые была одна в горе. Конечно, рядом были и тетя Айгерим и мамыны подруги, но разве она могла им рассказать, как ей страшно, одиноко и горько. Она пыталась быть в их глазах сильной духом, как учила мама. И единственное, о чем она молила Бога, так это то, чтобы он не отнимал у нее то, что она любила больше всего на свете, даже больше жизни, ее маму.

«О, Аллах, – молилась Даана каждый вечер, глядя на звезды, – спаси мою маму, не отбирай ее у меня. Ты ведь и так уже взял к себе тайэнешку, Арлен эжешку, мою сестреночку Камиллу и даже тетю Аню, оставь, пожалуйста, мне маму. Умоляю Тебя! Пусть она вылечится и вернется ко мне, я все вытерплю, все переживу, и если надо, я даже буду жить какое-то время у чужих людей

без мамы, только бы потом она вернулась ко мне. Пожалуйста!»

Когда эмоции поутихли и душа успокоилась, Айгель спросила:

– Доча, мне сказали, что у тебя бывают обмороки. Почему? Ты говорила об этом лечащему врачу? Почему он так рано тебя выписал?

– Не знаю, мамочка. Если я долго стою, то у меня кружится голова. Темнеет в глазах, а еще болит спина, я не могу долго стоять и ходить.

– Из-за болей? – настороженно спросила Айгель.

– Да, и слабость еще. Можно, я сяду на кровать? – смущаясь, спросила она.

– Конечно, солнышко, садись, но у меня высокая кровать, ты сядь вон на ту, она пониже.

Даана прошла к окну, сильно хромая на одну ногу. И села боком на правое бедро.

– Солнышко, а почему ты не садишься полностью на попу? – спросила она дочь.

– Мне, – улыбнувшись, смущенно сказала Даана, – больно. Так легче.

– Как больно? На попе сидеть?

– Да.

– И давно?

– Всегда, еще в больнице.

– А ты врачу говорила?

– Да.

– Айка, а ты замечала, что она сильно хромает и не может сидеть на попе?

– Да, но я думаю, это из-за ушиба мягких тканей. А хромает она, потому что растянула голеностопный сустав. Это даже в диагнозе написано.

– Дай мне выписку, – попросила Геля сестру.

Та протянула отпечатанный листок в формате А-4.

Геля бегло пробежалась глазами по записям. Диагноз звучал нелепо:

«Сотрясение головного мозга, ушиб мягких тканей лица и тела справа, растяжение голеностопного сустава справа».

Гнев закипел в душе Айгели.

– Идиоты! – в сердцах выругалась она, – Айка, надо свозить ее на компьютерную томографию. Снять нижний грудной и пояснично-крестцовый отделы позвоночника. У врачей детской больницы не хватило ума сделать ребенку это исследование, чтобы выявить повреждение позвоночника. Словно они платили бы за эту диагностику из своего кармана. Идиоты! Потом необходимо сделать ядерно-магнитный резонанс головного мозга, найти причину ее обмороков и головокружений. Марин, дай ей, пожалуйста, денег, пусть свезет дочь в диагностический центр.

– Если надо, я проеду с ними, – вызвалась подруга.

– Это будет еще лучше, – с благодарностью в голосе одобрила ее Айгель, – поезжайте сейчас, пройдите обследование, потом поговорим. Попросите их, чтобы результаты выдали сегодня после обеда, если, конечно, такое возможно.

– Поняла, – сказала Марина, вставая со стула.

– Может, я сначала покормлю вас? – спросила Айка, – я сварила рисовый суп харчо.

– Нет, я не хочу сейчас есть, потом.

– Она вообще ничего не ест, – осуждающе заметила Марина Айке.

– Эжешка, надо кушать, да, кстати, я договорилась с корейцами, чтобы они приготовили для вас собачку, чистую, специально откармливаемую для этих целей.

– Для каких целей? – не поняв о чем речь, уточнила Геля.

– Для лечения легких и таких состояний, как у вас. Даже туберкулезники вылечиваются от собачьего жира. Вообще, лучше всего считается барсучий, да где его взять?

– Я не буду есть ни того, ни другого, – категоричным тоном заявила Айгель, – езжайте уже.

Оставшись одна, Айгель долго размышляла над превратностями судьбы. До сегодняшнего утра она непрестанно молила Бога о смерти, надеясь на его милость и справедливость. Теперь же, увидев состояние дочери, ее обмороки, боли и хромоту, Геля четко осознала, что нужно выжить и жить хотя бы до тех пор, пока Даана, став взрослой и выйдя замуж за достойного человека, станет счастливой женщиной. Ей нельзя было сейчас покидать дочь, такую хрупкую, такую ранимую и такую поврежденную в здоровье. Без нее дочь не выживет в этом жестоким мире, где каждый в целом сам за себя. Ей было больно от того, что за эти две недели после выписки Дааны из клиники никто ни разу не задумался о плачевном состоянии ребенка. Все только констатировали факт ее обмороков и болей. Ведь каждому из ее окружения – будь то ее подруги или родственники, она жаловалась на свое самочувствие.

«Я должна выжить любой ценой, чтобы исцелить дочь и поднять ее на ноги. Это мой долг перед ней, это мой долг перед Богом», – дала она себе установку. Геля понимала, что ей будет очень сложно жить без мамы, Арлен, Ани и Камиллы с таким тяжким чувством вины и ежеминутной самоказни, но даже не могла предположить насколько. Ей только предстояло это узнать. Не зря же в народе говорят, что самый изощренный и беспощадный палач – ты сам.

– Я выживу, я поднимусь, чего бы это мне не стоило, я все вытерплю, все вынесу ради дочери, ради моего солнышка! – сказала Геля вслух, делая максимально глубокий вдох, чтобы впустить в себя новую надежду.

Она лежала и смотрела в окно, на улице стоял последний день августа. Листья дерева, по-хозяйски запустившего в ее окно свою ветвь, начали желтеть. До этого момента Геля их даже не замечала. В голове родились стихи:

А мне предстояло жить.
Вернее не жить, а выжить.
Так покарал меня Бог,
За все грехи мои в жизни.
За самый главный мой грех
Свершила его не по воле...
Я погубила их всех.
Горе мне, горе...
Мне бы забыть тот миг,
Но, только глаза закрою,
Я слышу пронзительный крик
Мамы с сестрою...

Сразу же после компьютерного исследования Марина с чувством выполненного долга поехала домой. На работу она должна была выйти лишь с обеда. Айка с девочками вернулась в палату.

– Ну что? – спросила ее Айгель.

– Сказали, что подготовят к пяти часам вечера. Я попросила их об этом. А так, только на следующий день.

– Хорошо. Сегодня ты возле меня будешь?

– Вообще-то Амир, но если хотите, и я могу остаться.

– Нет, отдыхай. Ты же только вчера сменилась и потом, надо домой, наверное, люди приходят поминать маму?

– Да, каждый день по пять-шесть человек. Уже устала их встречать. Собрались бы сразу большой группой, человек двадцать-двадцать пять, было бы хорошо, – с ноткой недовольства ответила Айгерим.

– Так не бывает. Двери маминого дома должны быть открыты каждому, даже если он придет один помянуть

ее. Хотя ты можешь, конечно, попробовать предложить им определенную дату и, собрав несколько маленьких групп, объединить их в большее число. Если, конечно, они согласятся. Осталось четыре дня до сорокадневных поминок мамы и Арлен, поэтому все, кто откладывал поминальное посещение на последний момент, придут сегодня и завтра. Тебе надо быть дома.

– Можно, я останусь с вами сегодня, лягу на соседнюю кровать? – взмолилась жалобным тоном Даана.

– Конечно, доча, оставайся.

– Ой, как здорово, – радостно вскричала Дааночка, потирая ладони.

– Мама, давай мы тоже останемся, – стала просить Айку пятилетняя Алюка.

– Нет, доченька, нам надо идти домой, слышала, что эжешка сказала? – твердо ответила Айгерим.

Алия недовольно захныкала.

– Вам надо быть дома, гости придут, а потом ты тоже будешь здесь возле меня, хорошо? – сказала Айгель, обращаясь к ней.

– А когда это будет? – спросила девочка.

– Через шесть дней, – пояснила ей тетя.

– Эжешка, я приготовила горячий суп, покушаем и детей покормим, они еще не завтракали.

– А почему?

– Пока встали, сварила суп, собрались, приехали, все время и вышло, – пояснила Айка, разливая по тарелкам суп и разламывая лепешку, – вы будете боорсоки или ба-тон? – уточнила она у сестры.

– Я поела бы лепешки. Супа поменьше наливай, же-лудок не примет.

– Эжешка, если вы не будете хорошо питаться – не встанете на ноги, и с легкими будут серьезные проблемы, неужели вы хотите этого?

– Теперь нет, мне надо выжить, чтобы вылечить Даану.

– Мудрые слова слышу. Надо было раньше к вам ее привести, не слушая вас, – улыбаясь, заметила Айгерим.

Даана была счастлива от осознания статуса спасителя мамы, с нежностью посмотрев на нее, она широко заулыбалась и, подойдя к Айгель, поцеловала ее.

– Можно, я полежу, – тихо попросила она Гелю.

– Что, спина болит? – с тревогой в глазах спросила Айгель.

– И еще голова кружится, – ответила девушка.

– Полежи немного, потом поешь и можешь полностью расположиться на кровати. Айгерим застелет тебе чистое белье.

Пришел Амир.

– Здравствуйте, все и особенно эжешка! – прямо с порога радостно произнес он.

– Здравствуйте, тайакешка! – наперебой приветствовали его девочки.

– Байкешка, кушать будете? – спросила брата Айгерим, поцеловав его в щеку.

– Если нальешь, буду!

– Присаживайтесь к столу, – пригласила она его.

– Сейчас, только эжешку расцелую и сяду.

– Как ваши дела, эжешка? – наклоняясь к ее лицу, спросил Амир.

Айгель увидела его покрасневшие, с припухшими веками глаза и спросила:

– Ты что, вчера пил?

– Да, немного пива.

– А что? Повод какой-то был?

Амир, улыбаясь, хмыкнул:

– Все вам расскажи, а может, это секрет.

– Я не претендую на секреты, – спокойно сказала Айгель и ответила поцелуем на поцелуй брата, – садись кушать свежий рисовый суп. Айка с утра его готовила.

– А вы?

– Тоже буду.

– Я смотрю, вы исправляетесь, – выпучив глаза и деланно удивившись, сказал Амир.

Айгель улыбнулась попытке брата рассмешить ее.

– Садись кушать, – сказала она с теплом в голосе.

– Я остудила немного, – сказала Айка, расстилая на ее груди простиранную вафельную салфетку, чтобы не испачкать при кормлении футболку сестры, – открывайте рот.

– Может, ты сама сначала покушаешь, потом меня покормишь, – предложила Геля, явно не желая кушать. Одна мысль о еде вызывала в ее желудке протест в виде тошноты.

– Нет, сначала вас покормлю, потом, не торопясь, поем сама.

Геле ничего не оставалось, как открыть рот.

После завтрака, по времени и плотности более соответствующего сытному обеду, Айгерим с дочерью отправились домой. В палате остались Амир и Даана.

Айгель наблюдала за братом, с короткими промежутками времени он уже раз десять в течение двух часов выходил покурить. Это встревожило ее.

По возвращении с очередного перекура он услышал голос Айгель:

– Амир, присядь, пожалуйста, возле меня.

Амир был несколько взбудоражен, весь его внешний вид, так старательно замаскированный в начале его прихода, теперь был очевиден.

– Садись, – повторила она, видя его колебания.

Амир выполнил ее просьбу.

– Что случилось? Только не говори мне, что все нормально, – сказала она и выжидательно уставилась на него.

– Вы смотрите двумя глазами, это что-то новое, – пытаюсь перевести все в шутку и сменить тему, сказал Амир.

– Двоение не прошло, если ты об этом, но стало менее резким. Что позволяет мне с искажением, но все же смотреть обоими глазами, ты отвлекся, – напомнила Геля брату.

Амир тяжело вздохнул и тихо сказал:

– Приближается сороковой день после смерти мамули и Камилочки, как только мы проведем его, ночью я должен вылететь домой. У меня обратный билет на четвертое сентября. Я вот думаю, может, мне стоит сдать его и остаться еще на недельку. Как вы думаете?

Пережив такую потерю, Айгель с ужасом подумала о предстоящем расставании еще и с братом. Ей больше не хотелось отпускать от себя никого из родных ей людей, и без того поредевших числом. Сама мысль об этом причиняла ей душевную боль. Но жизнь продолжалась, и нельзя было своими страхами и привязанностями ломать судьбы других. Наоборот, теперь она должна была максимально заботиться о том, чтобы Амир, Айгерим и Эрбол как можно быстрее вернулись к нормальному течению их жизни.

– Я думаю, что тебе нужно лететь домой и выходить на работу. Ведь ты и так задержался. Руководство клиники и без того, наверное, тебя потеряло и готовит тебе взбучку.

– А как же вы? – в запальчивости спросил Амир.

– А что я? Со мной теперь все будет хорошо. Ты даже не переживай об этом. Я приняла решение выжить. Мне нужно поднять на ноги Даану. Я не могу ее сейчас оставить, за меня не волнуйся. Думаю, и Эрбол и Айка вскоре научатся жить без мамы и Арлен, и я помогу им в этом. Ты не волнуйся.

– Я не за них волнуюсь. За вас. Знаете, эжешка, раньше я даже не знал страха за жизни родных, мне казалось, что мамочка и вы все, и уж тем более Арлеша, ведь она самая маленькая среди нас, – Амир проглотил ком в горле и продолжил, – была маленькой...

У Айгель навернулись слезы на глаза. Сделав глубокий вдох, она на несколько секунд задержала дыхание, сдерживая слезы. Ей это удалось.

– Амир, она и останется маленькой, и пока мы будем помнить ее улыбку, смех, взгляд и жизнь, малышонок будет жить с нами, в наших душах, в нашей памяти, – сказала Геля тихим голосом, – что же касается мамы... я думаю, глядя на нас с небес, она больше всего хотела бы, чтобы мы не сломались, и как она нас учила, стойко и достойно перенесли свалившееся на нас горе. Ей бы не хотелось видеть своих детей слабыми, раздавленными болью утраты, потерявшимися в жизни. Мне кажется, ей будет больно от этого. Мы должны найти в себе силы не просто выстоять, а отныне жить так, чтобы люди, окружающие нас и знавшие маму, могли сказать: «Какой удивительной она была женщиной, какой мудрой матерью наша Женечка была, если воспитала детей такими стойкими и сплоченными, несгибаемыми перед горем и испытаниями судьбы, гордыми, как она сама. Посмотрите, как они живут, словно Женечка и не умерла вовсе, а продолжает жить и направлять их в нужном русле житейских будней. Все осталось таким, каким было при жизни Жени. Она все-таки великая мать и мудрейшая из женщин!»

Айгель перевела дыхание и, взглянув на брата, увидела, как он взволнован.

– Вы думаете, у нас это получится? – с надеждой в голосе спросил Амир.

– Я знаю, мы должны это сделать. Ради мамы, ради Арлен. Чтоб им было не больно за нас.

Минут пять брат и сестра сидели молча, не проронив ни слова. Затянувшуюся паузу прервал Амир.

– Одиннадцать лет своей жизни я провел в Америке, вдали от всех: мамулечки, вас, Арлеши, Эрбола и Айки. Я не увидел, как постарела мама, как повзрослели мои сестренки, превратившись в красивых женщин, я не наблюдал, как мужал мой брат. Я все упустил, эжешка, и мне больно от этого. Стоила ли Америка и поиски лучшей жизни такой жертвы? Как бы я хотел все повернуть вспять, – с тяжелым вздохом произнес он.

– Я хочу вернуться назад, переехать в Кыргызстан. Здесь моя родина, все мои родные, друзья детства и юности, здесь моя земля, и здесь остаетесь вы...

Голос его сорвался. Амир замолчал, справляясь с нахлынувшим волнением.

– Не терзай свою душу. Много лет назад мамулечка согласилась на твой отъезд, веря, что там ее ребенку будет лучше, чем здесь в стране вечных революций. Зная, как она была привязана к нам – детям, ты должен понимать, насколько тяжело ей далось расставание с тобой. Но она нашла в себе силы ради твоего будущего. И ты уехал. И когда ты в телефонных разговорах убеждал маму, что тебе повезло, и ты нашел свое место, где тебе и твоей семье комфортно, как радовалась мамулечка за тебя, гордая правильностью некогда принятого ею решения, хотя она так нуждалась в твоём присутствии, как любящая мать в своем ребенке. Для нее разлука с тобой была настоящей душевной жертвой. Пожалуйста, Амир, не делай так, чтобы она стала напрасной. Если ты хочешь, чтобы ее незримый дух гордился и дальше, добейся того, чтобы там, вдали от нас, где теперь твой дом и твое небо, ты был настолько счастлив, как того хотела мамулечка. И помни, от лучшего не бегут, а твоим детям там будет лучше. А мы... нам все же легче, чем тебе, потому что

нас здесь трое, и хотя малышонка не стало, она незримо в наших рядах и мы по-прежнему в едином кулаке. А ты там все-таки один. Нам легче, мы вместе переживем боль утраты. Я за тебя волнуюсь.

Амир с нежностью посмотрел на сестру и улыбнулся.

– За меня не переживайте, если я буду знать, что у вас – моих родных, здесь все хорошо, то и мне там будет легко. Только поправляйтесь, пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы встать на ноги. Если для этого нужна операция, то ее нужно сделать, но только в Москве, не здесь. Пообещайте мне это.

– Обещаю.

– Спасибо, эжешка, за понимание, – сказал Амир и поднялся, чтобы выйти на улицу.

– Ты хочешь снова курить?

– Да, а что?

– Очень много куришь, не повреди свое здоровье, я волнуюсь за тебя.

– Не переживайте, эжешка, вот прилечу домой и сразу же брошу.

– Обещаешь? – лукаво улыбнувшись, уточнила Геля.

– Постараюсь, – рассмеявшись, ответил брат и вышел из палаты.

Айгель посмотрела на дочь. Она мирно спала.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОЛГОФУ

Чем больше Айгель читала заключение компьютерного исследования дочери, тем больше в ней закипал гнев. В конце концов, не выдержав, она громко возмутилась:

– Да что это с нами происходит, словно заговоренные мы, совсем, что ли, врачей не осталось в стране? Одни бездари и шарлатаны?

Амир уже успел прочитать заключение и сидел молча, понимая уместность слов сестры.

– Как они могли прозевать переломы позвонков в поясничном и крестцовом отделах. Поднять ее на ноги и заставить ходить, когда ей требуется строгий постельный режим, а если бы ее парализовало? Все это время, с момента поступления, ребенок жаловался на сильные боли в спине, хромота нарастала, появились чувствительные нарушения в ягодичной области и ноге, сам ребенок об этом говорил им. У нее развернутая клиника ушиба головного мозга, а ее поднимают на пятый день, и на двенадцатые сутки выписывают домой? Что же он за врач-то такой, если элементарной диагностики сделать не может! Пусть он ответит перед Богом!

– Все обойдется, эжешка, не волнуйтесь вы так, – с участием произнес Амир.

Айгель заплакала. Молча, без рыданий и слов. Гнев сменился на отчаяние и страх за возможность тяжелых последствий в здоровье дочери.

«Господи, прошу тебя, не откажи нам в участии своем, помоги в излечении дочери. Пусть ее здоровье восстановится полностью, и хромота пройдет бесследно. Господи, помоги!» – мысленно взмолилась она Богу.

В момент ее гневных реплик проснулась Даана и теперь молча лежала, раздумывая над словами Гели. Ей мама уже сказала, что в сентябре она в школу пойти не сможет, только в октябре. Но Даана и сама чувствовала, что, ни ходить, ни стоять толком не может, усиливаются боли в спине и ноге, кружится голова и темнеет в глазах.

«А сейчас и вовсе, – думала девушка, – если перелом, я точно до середины октября не пойду в школу». Она помнила, как два года назад, поломав пяточную кость, два месяца лежала дома.

В горле запершило. Даана откашлялась.

Айгель обратила на нее внимание и сказала:

– Все, солнышко, теперь ты будешь лежать рядом со мной как минимум три месяца, а может, и четыре придется. Вставать нельзя, так же, как и я, будешь ходить в судно или в памперсы.

– Нет, я осторожно буду ходить в туалет, – умоляющим тоном произнесла Даана.

– Об этом не может быть и речи. Ты хочешь остаться хромоножкой на всю свою жизнь? А может случиться так, что совсем не будешь ходить, не приведи, Господи! Солнышко, давай без хныканий, ты думаешь, мне этого хочется? Ты думаешь, у нас есть выбор? К сожалению, его у нас с тобой нет.

– А школа? Как я буду учиться?

– Я позвоню куратору и завучу, поставлю их в известность о постигшем нас горе. Должны пойти на встречу. Ведь причина такая уважительная, такая страшная. Раньше декабря, наверное, не получится посещать школу.

– А если директор не согласится? – спросила Даана, слезы застыли на ее ресницах.

– Тогда останешься по состоянию здоровья на следующий год. Возьмем академический отпуск.

– Я не хочу быть второгодницей.

– Второгодницы, доча, это те, кто, не осилив учебу, оставлен на повторное переучивание. Ты же не занималась еще ни одного дня в школе. Это называется «учебный отпуск».

– Я не хочу в учебный отпуск, – совсем расстроившись, дрожащим голосом произнесла Даана.

– Даня, – обратился к ней Амир, единственный кто называл ее так, – солнышко, может, еще все обойдется, и месяца через три ты пойдешь в школу, только для этого надо сейчас полежать, вообще не вставая. И получить правильное лечение для головы. Поняла?

– Поняла, – ответила Даана.

– А как я теперь вас буду обнимать и целовать? – спросила она, обращая взор к маме.

– Ты будешь присылать мне воздушные поцелуи, и я тебе тоже, – ответила Геля, ласково глядя на дочь.

С того дня прошло немало времени. Уже прошли сорокодневные поминки, и Амир вот уже больше десяти дней, как улетел назад в Америку.

Айгель было больно осознавать, что совсем еще недавно сплоченная, дружная и могущественная в своем единстве семья, где хранительницей очага и мира была ее мама, такая мудрая, такая добрая и такая веселая, разрушена. Все, что осталось от этого очага в сердцах и душах ее любимых сестры и братьев, были руины, уродливые обломки, торчащие в жизни. У всех четверых, оставшихся в живых, были сломлены судьбы, словно кто-то на стыке царствия земного с царствием небесным своей могущественной рукой подрубил большую часть ствола семейного древа их жизни, обломав все крупные ветви, несущие соки листьям. Оставшиеся нетронутые топором волокна израненного ствола были пока не в силах удерживать его и продолжали тянуть соки из корней, чтобы дать новые побеги. Несоизмеримо глубокой оказалась рана. Слишком мало прошло времени.

Дни тянулись монотонно. Внутримышечные уколы, капельницы, температура, боли. Единственным разнообразием были повторные плевральные пункции из-за беспрестанно накапливающейся жидкости. Теперь причиной этой беды стала ее обездвиженность. Отеки нарастали не только в легких, но и на ногах из-за развившейся сердечной недостаточности. Шли шестидесятые сутки ее пребывания в этой клинике, словно целая жизнь, вместившая в себя и радость осознания, что все живы, и горечь утраты самых дорогих сердцу людей, и изнуряющую физическую боль и душевные страдания, иссушившие все соки жизни. И эти, ставшие чуть ли не рейдовыми пункции

плевральной полости, уже перевалившие по счету цифру «пять», так же были частью этих дней. Теперь при виде очередного пульмонолога с катетером в руках Геля просто плакала. Она больше не сопротивлялась им ни мысленно, ни словесно, принимая эту процедуру как неизбежный факт и восстанавливаясь с каждым последним разом все медленнее и медленнее. На очередном обходе палатный врач намекнул ей, что более они держать ее здесь не намерены, так как от операции Геля отказалась, а для сращения таких сложных и чреватых осложнениями переломов позвоночного столба необходимо длительное время, возможно, больше семи-восьми месяцев, а может, даже и года. Ее одышка и сердечные дела – забота врачей другого отделения, и ей нужно переводиться в пульмонологию или же кардиологию.

– Но ее состояние, ее одышка, температура? – возмутился Эрбол.

На это Амангельды ответил:

– Я понимаю, но такова воля профессора и потом, она действительно должна лежать по профилю осложнений. Поговорите с пульмонологами, мы ее переведем.

Они обсуждали ее дальнейшее пребывание так, словно решался вопрос перекантовки малоценного груза. Это задело ее.

– Я поеду домой, – твердо сказала она, – завтра можете готовить выписку. Я не пойду больше ни в какую больницу, уколы могут мне делать и дома, а пункции тоже не проблема, всегда найдется доктор, готовый выполнить эту процедуру в домашних условиях за достойные деньги.

Посмотрев на врача, она добавила:

– Я понимаю, что ты птица подневольная, и у тебя есть команда твоего шефа, готовь меня к выписке.

Амангельды несколько неловко потоптался на месте, опустив голову, и спросил:

– Может, сегодня еще раз сделаем вам рентген лег-

ких и ультразвук сердца? В наших-то стенах это организовать будет проще, чем у вас дома. Тем более, одышка опять выросла, да и консультация пульмонолога не была бы лишней, все-таки уже пятьдесят шесть дней вы принимаете антибиотики без перерыва, да и гормоны надо бы уже снижать.

– Было бы хорошо, – сказал Эрбол, – вызови на консультацию кардиолога и торакалиста. И давай прямо сейчас сделаем ей рентген.

– Хорошо, я тогда сделаю назначения и подам заявку на консультацию.

– Может быть, все-таки в пульмонологию переведемся, боюсь я забирать вас домой, вдруг какое осложнение, что будем делать, здесь всегда есть врачи, которые помогут, да и реанимация рядом в случае чего.

– Я поеду домой! Я устала, пожалейте меня, отвезите домой, нужно вылежать время, и если суждено мне подняться, то я и дома поднимусь, а если нет, на то воля Бога, и больничные стены не спасут, как с Арлен получится.

– Хорошо, посмотрим, что скажут легочники.

– Что бы они не сказали, я поеду домой.

Результаты рентгена были плачевными. Уровень жидкости быстро поднимался.

– Это может быть бесконечно, – изучив снимки, заметил пульмонолог, – это ведь вторичное выпотевание за счет обездвиженности тела, если бы она могла хотя бы набок переворачиваться, ситуация была бы не столь плачевна. А так... чем больше мы проникаем в полость плевры, тем больше угроза нагноения легкого. Мы же своим вторжением постоянно создаем ворота для инфекции. Даже не знаю, что посоветовать. Это уже какая пункция будет?

– Шестая, причем интервалы между ними становятся все короче и короче, – обреченно ответила Геля.

– Вот видите? – сказал Канат, – с момента последней пункции сколько дней прошло?

– Четыре, – ответила Геля.

Глядя на Эрбола, Канат произнес:

– Я, конечно, могу поставить катетер, мне не жалко труда, мне ее жалко.

– А что делать, ведь одышка нарастает, видишь, как тяжело и часто она дышит? – напомнил Эрбол, – я даже боюсь забирать ее домой. Может, к вам переведем?

– Ну, во-первых, она тяжелая и основной профиль не наш, поэтому вряд ли ее госпитализируют в отделение, Во-вторых, пунктировать ее можно и дома. Да вот еще что, я просмотрел ее историю болезни, она у вас получает пятьдесят пять дней антибиотиков, это же немыслимо? Антибиотики больше десяти, ну максимум, пятнадцати дней, не назначают. Вы полностью уничтожили ее иммунитет. Сопrotивляемость организма отсутствует, поэтому он не борется против инфекций и не дай бог сейчас подцепить кому-либо из вас малейшую бактерию или вирус, вы погубите ее. У нее давно наступило привыкание к антибиотикам любой группы, посмотри, на фоне самых сильных препаратов она дает повышение температуры до тридцати восьми. Это уже плохой показатель.

– Не я же назначил их, такие же врачи, как и ты, – возмутился Эрбол. – И что теперь ты предлагаешь?

– Отменить все антибиотики и снижать гормоны в течение месяца, пока полностью не снимите ее с них. Поговори с нейротравматологами, занимающимися именно травмами позвоночника, здесь же отделение нейрохирургии. Местные врачи больше профилируются по головному мозгу, да по межпозвоночным грыжам. В четвертой же больнице есть хорошие спецы. Чем раньше вы начнете ее переворачивать, тем быстрее начнется борьба с плевритом, тем лучше будет для ее легких. Забирай ее домой, если что, я на связи, всегда подъеду. Дайте ей отдых от лекарств. Ты сам подумай, столько времени ежедневно

по несколько уколов в день, плюс капельницы, плюс горсти таблеток. Дайте ей отдохнуть. Оставьте обезболивающее и сердечное, что там ей назначили, и пусть делает передышку.

– А с ней ничего не случится, если все отменим? – с недоверием в голосе спросил Эрбол.

– Если не отмените, обязательно что-нибудь случится, – сказал многозначительно Канат.

Так Айгель оказалась дома без уколов, без кучи таблеток. Уповая только на Бога.

В день выписки ей сделали повторную компьютерную томографию позвоночного столба, и Эрбол, взяв снимки, на следующий день повез их вместе со снимками Дааны в четвертую городскую больницу на консультацию к нейротравматологам.

Айгель с надеждой ожидала его возвращения. Их с Дааной положили в одной спальне, чтобы было не скучно. Нужно отметить, что дом, куда она так торопилась, причинил ей много тяжелых воспоминаний. Каждый уголок ее квартиры, каждая вещь напоминали былые счастливые дни и годы, когда живые мама, сестренка, племянница и подруга миллион раз бывали здесь, ночевали, шутили, смеялись, строили планы на будущее, встречали и провожали праздники, собирались за общим столом. Все напоминало Айгель о них, родных, любимых и покинувших ее людях, причиняя невероятную боль и страдания. В палате ей было как-то проще, но здесь все дышало их духом, смехом, везде присутствовал незримый образ тетя Жени, Арлен, Камиллы. Она даже не представляла, как это будет мучительно и жестоко. Душа Гели, начавшая учиться смирению, по-новому выразила свой протест против их смерти. Новые потоки слез залили все естество Айгель. Вердикт травматологов был ясен и четок в прогнозах.

– Возможно, она обойдется без операции, это покажет время, когда она начнет вставать на ноги. Лежать на спине ей придется еще четыре месяца. С середины января, если движения в ногах восстановятся, то можно в корсете начать ее переворачивать налево и на правый бок, по десять минут три раза в день. Через месяц, если будет положительная динамика, начнем ее активизировать, увеличив повороты тела до часа и, может, до двух по нескольку раз в день. Еще через месяц начнем поднимать, сначала по пять-семь минут в день, постепенно увеличивая в течение месяца до двух-трех часов. А там и побежит!

Конечно, лежать еще пять месяцев обездвиженной было тягостным для Айгель, но возможность того, что можно обойтись без операции и восстановиться в движении, принесло не только радость больной душе Гели, но прибавило сил и веры на добрый исход. С Дааной дела обстояли так: ей была предписана полная обездвиженность еще месяц, затем активизация движений в течение месяца и полный объем подвижности в положении стоя, разумеется, в жестком корсете. Однако садиться ей разрешалось лишь через четыре месяца, после контрольного компьютерного исследования.

В отличие от мамы, Даану прогноз расстроил достаточно серьезно.

– Это что же я и в январе не пойду в школу? – чуть не плача, спросила она.

– Конечно, а как ты себе это представляешь, долго стоять ты не сможешь, минут по двадцать-двадцать пять, потом надо будет полежать. Сидеть ты еще месяц после этого не будешь, хорошо, если в марте сядешь. Но ты не расстраивайся, я поговорю с учителями и попрошу, чтобы ты занималась дома и сдавала модули за первое полугодие. Писать будешь лежа на животе. Хоть какие-то

оценки зарабатывать будем, нам главное первое полугодие закрыть, а там уже через раз будешь посещать уроки. Такой вариант тебя устроит?

– А они согласятся меня аттестовать дома?

– Куда они денутся, мы их очень попросим.

На том и остановились. Дни шли своим чередом, мелькая календарными листами. Одышка держалась, но не нарастала. Одна знакомая доктор, делясь своим личным опытом, порекомендовала ей в связи с одышкой начать прием кардиопротектора. Что Айгель и испробовала. После двух недель от начала приема результаты превзошли все ожидания, одышка значительно уменьшилась, отеки на ногах перестали нарастать, со временем мочегонные сбили и оставшиеся отеки. Стабилизировался пульс, теперь доходя до семидесяти четырех ударов в минуту против бывших пятидесяти восьми-шестидесяти ударов. И все бы было неплохо, если бы не неизбывная тоска и всепоглощающее чувство вины, однажды овладевшее ее разумом и уже ни на минуту не отпускавшее ее. Так ее дни и проходили в слезах и казни. Чтобы не доставлять неудобств родным и друзьям, дежурившим возле нее, и не терзать и без того надорванную душу дочери, она старалась выплескивать свою боль по ночам, когда оставалась наедине со своим горем без свидетелей, никому не мешая. Благо ее бессонница была не заразна, и в соседней комнате мирно спал тот, кто заступил на дежурство в этот день, не ведая ни о беззвучных слезах, омывающих ее подушку, ни о тяжелых вздохах сожаления, идущих из самых глубин ее сердца. Так прошел еще один месяц. За окном стоял ноябрь. Осень задалась дождливой, сочувствуя ее горю, природа плакала вместе с ней, роняя свои слезы на ее окно. Случилось хорошее событие: Даана начала ходить по квартире, что сразу принесло Айгель свои положительные моменты. Теперь судном для оправления

нужды заведовала ее дочь. Конечно, это все равно несло в себе унижительный дискомфорт, но все же было намного легче морально, чем раньше, когда приходилось просить сестру и подруг. Еще через полмесяца Даана взяла на себя все обязанности по уходу за мамой. Теперь она делала все внутримышечные уколы, кормила с ложечки Айгель, подавала воду и приносила таблетки. Брат Эрбол, Айгерим, Марина и Алена продолжали дежурить возле Гели по очереди, но теперь их обязанность состояла лишь в приготовлении пищи.

В один из дней ее посетил духовный наставник, много лет друживший с тетей Женей и Айгель – Курманбек молдо. Геля очень уважала этого человека, всегда советовалась, если в душе возникали сомнения или сумятица. Так и в этот раз она была рада встрече с ним. Словно увидев тень матери, при его появлении Айгель, не справившись с нахлынувшими чувствами, разрыдалась, с надеждой глядя на него, как на спасителя.

Ей так сильно захотелось выговориться, поделиться своими страхами и сомнениями, как будто он мог избавить ее от них.

Курманбек сидел рядом с ее кроватью и молча вздыхал.

– Я не знаю, как мне быть дальше, я понимаю, что должна жить, как бы тяжело мне не было, чтобы вылечить дочь, не дай бог ей на всю жизнь остаться хромоногой или с пожизненными головными болями, одна мысль об этом изводит меня, еще больше раня мое сердце, я понимаю умом, что должна выстоять в этом горе, чтобы поднять дочь, пока она не выйдет замуж и не обзаведется своей семьей, что это мой долг матери, но душа моя не слушает разума, она словно задыхается, как рыба на безводье, сердце обливается кровью от осознания вины в гибели моих родных. Я потеряла всякий смысл жизни, я потеряла саму жизнь...

– Айгель, – медленно произнося слова, начал Курманбек, с жалостью глядя на нее, сеточка морщинок вокруг его глаз была увлажнена слезами, – я понимаю, как тебе тяжело и больно. Но ты никак не хочешь понять одну истину – в нашей жизни, в судьбе каждого человека все события предопределяются волею Аллаха, и ты в том не исключение, и твоя мама, и Арлен, и Камилла тоже. Так решил Бог, что именно в этот день, в этот час и в эту минуту, на этом участке дороги срок их жизни закончится. Не была бы ты за рулем, был бы кто-то другой, пусть Арлен или Амир, все равно это случилось бы. И исход был бы таким же. И ты прошла бы через эти потери в любом случае.

– Возможно! – всхлипывая, сказала Айгель, – но я не казнила бы себя за то, что была за рулем, и не терзалась бы в сомнениях, что если бы кто-то другой вел машину, или ехал бы по иной дороге, этой трагедии могло бы и не быть!

Курманбек молчал, подыскивая слова, способные дойти до самых глубин ее сознания.

– Я же говорю, что это был несчастный случай, и кто бы ни был за рулем, это несчастье было уже предопределено свыше, – наконец-то проговорил он.

– Но была я, не кто-то другой, а именно я! Мне бы тоже хотелось, как Айгерим или братьям, оплакивать свою невосполнимую утрату, но Бог лишил меня этого, решив, что данного испытания горем мне будет мало, я непременно должна была стать убийцей матери, сестры, племянницы и подруги. Если все по его воле, почему он позволил этому случиться? Почему он не забрал меня вместе с ними? Ведь это было бы справедливо. Кого Он карал той аварией – маму? Арлен? Аню? Или меня? Если я всему причина, почему он забрал их, а не меня? А если он карал кого-то из них, то почему убийцей стала я?

– Айгель, ты говоришь совсем неверные слова, нельзя так! Я устал тебе говорить, что ты не убийца, ты не виновна в случившемся, это был несчастный случай, ваши судьбы были определены намного раньше этого дня, когда произошла авария. И определил их Аллах. И не тебе судить, почему Он так решил! Значит, эжешка и Арлен, и остальные уже выполнили свою миссию в этом мире, возложенную на них Богом. Пришло их время, и они покинули нас. Ты, видимо, еще не отработала возложенные на тебя Господом задачи, твое время еще не пришло. Поэтому Аллах оставил тебя в живых и подвергает этому суровому испытанию. Возможно, Он любит тебя, если испытывает на прочность и верность, возможно, у Него свои планы на тебя и твою дочь. Подумай об этом. Ты читаешь молитвы во имя искупления грехов твоей мамы, сестры и племянницы, те, что я тебе давал два месяца назад?

– Читаю, каждый день по две тысячи раз, как вы и сказали, – утирая слезы, ответила Геля.

– Вот и хорошо, не бросай молитвы, их душам уже ничего не нужно кроме этих молитв. Только так ты можешь помочь облегчить им свою участь в том мире. Каждый из людей в чем-то да грешен, я тоже не исключение, хотя и стараюсь жить праведно, как предписано Богом. Твои мама, сестра и Камилла покинули телесный мир и уже не могут отмолить своих грехов и ошибок, но ты можешь сделать это за них! В Коране говорится, если у человека при жизни был хотя бы один поступок, отмеченный Богом как праведный, понимаешь, хотя бы один, и после его ухода из жизни кто-нибудь прочтет семьдесят тысяч раз молитву, испрашивая у Аллаха прощения его грехов, то Бог обязательно услышит обращенные к Нему слова. И простит грехи тому, за кого молятся, и отправит его душу в рай. Не это ли великая милость Бога?! А у эже и Арлен сколько было добрых поступков, помыслов и

деяний, даже если и были какие-то ошибки в их жизни? Молись за их души, молись беспрестанно и Бог услышит тебя и обязательно подарит им место в раю. Может быть, в этом и есть причина того, что он сохранил тебе жизнь. Подумай над этим. Все мы смертны, и каждый умрет, когда придет на то воля Божья. Каждый человек любой веры, праведник и даже грешник, мечтает после смерти попасть в рай, но не каждый туда попадет. Более того, тех, кто заслужит эту милость, гораздо меньше тех, кого ждет ад. В том мире нам не нужны будут материальные блага, единственное, чего мы будем жаждать – это милости Божьей, так помоги своим родным получить ее. Моли Аллаха об этом в любую доступную для тебя минуту. Это есть наилучшее исполнение своего долга перед ними.

Айгель успокоилась. В душе появилось не то, чтобы умиротворение, но облегчение. Она увидела цель, ради которой стоило продолжать жить, как бы не было ей мучительно трудно и больно.

– А если я семьдесят тысяч раз за каждого из них прочту эту молитву, они попадут в рай?

– Конечно. Если на то будет воля Аллаха, они обязательно будут в раю.

– А если его воли не будет?

– В Коране написано, что Аллах услышит каждого, кто с искренней верой в его могущество, волю и милосердие будет молиться Ему, и обязательно исполнит просьбу молящегося. Будь чиста в своей вере в Него, и никогда больше не произноси неправильных и ненужных слов. Все в его воле! Аллах Велик!

– Спасибо, – сказала Айгель, – вы мне помогли. Мне стало легче на душе. Я буду молиться за маму, за Арлен, за Аню, за Камиллу.

– Пророк Мухаммад сказал, что молитвы тяжелобольного, обреченного или ущемленного жизнью человека,

Аллах услышит в первую очередь. А ты сейчас именно в этом положении, молись, и Он обязательно явит тебе свое участие! Да будет благословенна Аллахом твоя просьба!

– Спасибо!

– У тебя все еще будет хорошо, – сказал он с теплом в голосе, в его серовато-зеленых глазах, всегда таких не по возрасту молодых и улыбочивых, сейчас была тихая печаль.

Айгель посмотрела прямо в них, он не отвел взгляда.

– У меня уже не будет никогда хорошо. Мое «хорошо» закончилось там, на той дороге, в той аварии, – сказала Геля и, грустно улыбнувшись, опустила глаза, потом, подумав, добавила:

– Говорят, если человек искренне раскается в своих грехах, то он может вернуться в самое счастливое время своей жизни и навсегда остаться там. Правда ли это?

– Не знаю, я такого не слышал. В Коране об этом ничего не сказано. А я человек божий, верю только тому, что говорит Аллах.

Позже Айгель часто будет вспоминать этот разговор с Курманбеком молдо. В самые трудные минуты ее душевного разлада слова духовного наставника не раз помогут ей поступить правильно. В тот день она сказала ему:

– Мне очень больно, там, глубоко возле сердца, но это не физическая боль.

– Это значит, что ты жива, – ответил молдо, – ведь жизнь – это не только, когда у тебя работают руки и ноги, и дееспособен желудок, и видят глаза. В первую очередь, это способность твоей души сострадать, сопереживать и сожалеть, испытывать чувство счастья в радости и печали в горе. Быть живой – это значит чувствовать боль своей души. Теперь ты знаешь, что она у тебя есть.

– Такой ценой узнать ее существование... несоразмерно большая цена...

– Так и душа бесценна. Сегодня каждый орган человека при пересадке имеет свою цену, любой из них мож-

но купить за деньги. Но душу невозможно получить как товар, это подарок Бога, и человеку он не принадлежит. Она дается ему во временное пользование, одновременно как бесценный подарок и как тяжелый груз, все зависит от того, как ты к ней отнесешься: как к святыне, сохранив ее первозданную чистоту, или как к неприкаянной собственности, осквернив ее...

Приближался Новый год, декабрь в этом году выдался снежным и холодным, от первого дня наступления, и сегодня, двадцать второго числа, достигнув своего пика, словно сама земля этим заснеженным холодом пыталась заморозить боль в душе Айгель.

– Мама, дядя Эрбол уже поехал в больницу показать результаты вчерашней томографии? – спросила Даана.

– Уже должен быть там. А что?

– Не дождусь того момента, когда вы начнете переворачиваться набок. Может, уже позвоните ему?

– Так ведь он должен мне помочь надеть корсет и репликаторы, чтобы потом перевернуть меня набок. Так что нам все равно его дожидаться надо.

– Возле нас сегодня будет он дежурить?

– Да.

– Это хорошо.

– Почему?

– Дядя Эрбол вкусно готовит спагетти.

– А может, он приготовит другое блюдо?

– Мы попросим его, чтобы он сделал именно спагетти.

Хорошо?

– Хорошо.

Вечером этого дня Айгель уже несколько раз лежала то на одном, то на другом боку. Одышка при этом усиливалась, как и боли в позвоночнике, особенно в верхнем грудном отделе, создавая ощущение раздробленности.

Последние снимки показали, что зарастание осколков позвонков идет очень плохо, за последние два месяца почти не было особой консолидации мест переломов, и все же был и прогресс, она начала двигаться. К этому моменту движения в ногах и руке полностью восстановились и, несмотря на атрофию мышц ног, они все-таки двигались. И в жизни Дааны были свои успехи. Вот уже месяц учителя давали домашние задания ей и по результатам самостоятельных работ и модулей аттестовали, закрывая первое полугодие. Айгель гордилась дочерью, самостоятельно, без помощи учителей осваивающей такой огромный учебный материал. Не все, конечно, было гладко, но все же она многие параграфы почти по всем предметам освоила на твердую четверку. В душе Айгель жила глубокая благодарность всем учителям за их поддержку. Низкий им за это поклон.

Молитвы, которыми жила теперь Айгель, занимали ее голову достаточное время, но не все. И в эти свободные от молитв и надежд минуты боль утраты, как и не покинувшее ее чувство вины, съедали ее изнутри, как черви.

Однажды в разговоре с Аленой Геля сказала:

– Невозможно спрятать то, что у тебя на сердце...

Раньше, до этой трагедии, было проще, можно было все свалить на Бога, а теперь все надо нести самой, ибо невозможно договориться со своей душой. Разумом я понимаю, что все произошло против моей воли и желания, и мне бы смириться с тем, что речь идет о несчастном случае. Но сердце терзается сомнениями...

Я знала, что мне будет тяжело, но даже понятия не имела, насколько это тяжело. Дабы не ранить сестру и брата, и не травмировать дочь, я пытаюсь... я делаю вид, что слушаю их, участвую в беседах, даю советы. Помогаю, когда они опускают руки и теряют надежду, внушаю им, что все будет хорошо, нужно только пережить этот

черный год, который закончится для нас не тогда, когда наступит тридцать первое декабря в полночь, а лишь летом, после годовщины мамы и Арлен. И я вижу, что они окрыляются и с новой надеждой и силами продолжают жить и работать. Пытаюсь хотя бы так помочь им.

Но я не могу помочь себе обрести успокоение и веру в светлое завтра. И дело не в том, что я уже в течение пяти месяцев прикована к постели. И не могу самостоятельно обслужить себя даже в элементарных действиях, не могу без чьей-либо помощи сходить на судно. Я говорю о другом состоянии, знаешь, меня гложет осознание того, что я отсутствую в настоящем времени, отсутствую здесь среди живых, рядом с дочерью, родными и подругами, понимаешь... я осталась там, на той дороге, в той аварии.

– Гелечка, ну что ты говоришь? – с болью в сердце сказала Алена, – ты пугаешь меня. Это пройдет, каждая рана затягивается, нужно только время. Потерпи.

– Нет у меня этого времени. И раны, такие глубокие в сердце, уже никогда не зарубцуются, постоянно кровоточа. Но если и произойдет чудо, то рубец будет настолько уродливым, что чудовищно изменит мой внутренний мир. Не хочу!

– Геля, ну о чем ты говоришь? – чуть не плача, произнесла Алена, – как мне тебе помочь?

– Все мое существование стало дорогой на Голгофу, она состоит в том, чтобы каяться, ночью и днем просить прощение у убитых мною. Ты знаешь, я очень боюсь наступления Нового года, мое сердце одержимо ужасом от одной мысли, что мои родные будут сидеть за столом, пить, есть и говорить пожелания. И мне некуда от этого деваться. Не могу же я запретить им дышать и жить дальше, и отмечать Новый год, да и не послушают они меня. И я не могу нагнетать обстановку своими горестными рыданиями и запретами.

– Конечно, не можешь. Ты не должна запрещать своим родным жить дальше, а это значит, и Новой год встречать, и дни рождения праздновать.

– Но я могу не участвовать в этом?

– Не можешь. Они смотрят на тебя как на старшую, верят тебе, опираются на тебя, а ты что, хочешь возвеличить смерть, запрещая им жить дальше? Пойми, они не терзаются, как ты сомнениями, и это ведь хорошо, что все, что случилось, упало на твои плечи, а не их. Ты сильная, я знаю тебя, как бы тяжело не было, ты выдержишь! А что было бы с ними? Так что мы и Новый год встретим, и весну будем поджидать на пороге.

Айгель долгим изучающим взглядом посмотрела на подругу. Алене как-то стало даже неуютно.

– В чем дело? – спросила она несколько недоуменно.

Айгель опустила глаза, потом вновь посмотрев на нее, произнесла:

– Я хотела сказать тебе огромное спасибо за все, что ты для меня сделала и делаешь.

– Да ну, брось, это уже совсем ненужные слова, – смутившись, ответила подруга.

– Не перебивай, за эти долгие полгода не было ни одного дня, чтобы ты не стояла рядом со мной, чтобы ты не приносила мне продукты и лекарства наравне с моей сестрой и братом. Выносила судно из-под меня и кормила с ложки, и то, что сделала для моей дочери и делаешь теперь, больше, чем просто участие. Спасибо тебе огромное, и пусть Бог будет свидетелем моих слов. Да хранит тебя Он во всем, везде и всегда. Не было ни одной просьбы, какой бы сложности она не была, не исполненной тобой. Даже родные не всегда могли исполнить их, оспаривая правоту и целесообразность, но не ты, низкий тебе поклон за это. Вот встану на ноги и поклонюсь. Пусть Бог благословит тебя!

– Гель, ты совсем смутила меня. Сейчас расплачусь, – сказала взволнованно Алена, с выступившими на глазах слезами, – давай лучше попьем чаю с конфетами. Я принесла твои любимые трюфели.

– Давай, – сказала Айгель, с нежностью глядя на подругу.

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Алена была права. Жизнь продолжалась, имея на это свои законные права. Айгель поднялась на ноги. Она еще не могла ходить, но уже стояла – сначала на коленях, потом и вовсе встала на стопы, поддерживаемая с двух сторон родными. Спустя три дня она сделала свои первые шаги по комнате. И хотя продолжительность их была не больше трех-четырёх минут в день, это уже был огромный прогресс в ее судьбе. И ни усилившиеся боли и головокружение, ни даже чувство «ватности» в непослушных ногах, подкашивающихся в коленях, и дрожь в теле не могли ее больше удерживать в постели. Нараставшая нагрузка по две-три минуты в день, к концу января она достигла грандиозных успехов, увеличив время стояния до получаса. Более того, пусть неуклюже, опираясь о стенку и руку дочери, тяжелыми шагами неуверенно, как слон на льду, Геля все же перемещалась по квартире, заново открывая для себя магию пешего хода. И хотя все остальные потребности она выполняла лежа в постели, но и это было громадной победой для нее и ее родных. Каждый день, независимо от графика дежурств, которые продолжали вести по-прежнему Айгерим и Эрбол, Алена в обеденный перерыв неизменно прибегала к подруге, дабы приготовить ей свежую еду. Чаще всего это были фаршированные перцы. Видимо, кто-то сказал ей, что сладкая паприка богата калием, столь необходимым

сердцу Айгель. Особенно теперь, когда возросли физические нагрузки.

Жизнь Гели стала обретать плановый характер. С утра моцион и завтрак из творога и молока. С обязательным участием сметаны, которым так щедро Эрбол сдобривал сырки. Потом в течение часа Айгель молилась для искупления возможных прижизненных грехов своей мамы, сестры и подруги. Потом молилась за свои грехи, пытаясь облегчить свою душу. Потом начиналась получасовая прогулка по квартире, отнимавшая очень много физических сил, после которой она час приходила в себя, успокаивая боль в позвоночнике. Потом снова наступало время молитвы, и следовал обед, и снова прогулка, и снова отдых. Никогда раньше ей не удавалось уснуть днем, теперь же она словно после тяжелой физической работы отключалась крепким двухчасовым сном. Ей снились тревожные сюжеты. Зато ночью бессонница возвращалась на свое место, давая ей возможность заниматься копанием в душе и самобичеванием. Это было ее законное время, когда не нужно было притворяться сильной и волевой, сумевшей выжить после той аварии. Она могла беззвучно плакать и казнить себя снова и снова. А утром приветствовать родных добрым словом и благословлять их на светлый день. Так и тянулось время ее существования, срывая календарные листки один за другим.

Наступил февраль. В один из вечеров во время дежурства Эрбола Геля сказала ему:

– Нужно вплотную заняться оградой, посети все фирмы, оговори расценки, посмотри образцы.

– А что так торопиться? Земля мерзлая, даже при желании мы не сможем установить ограду, ведь надо залить фундамент, – выражая протест, сказал Эрбол.

– Я понимаю, но ведь ее надо изготовить, для этого тебе понадобится время, нам нужно хотя бы к середине

марта установить ее. Потому что будем сажать деревья, а это нужно сделать до появления почек. Чтобы успели приняться и к открытию памятника выпустить листочки, а если повезет, то и зацвести.

– Какие деревья вы хотите посадить?

– Я советовалась с Курманбеком молдо, он порекомендовал фруктовые деревья. Мама очень любила цветущую яблоню и вишню. С учетом безводья на месте могилы, наверное, будем сажать дикую вишню и яблоню или сливу, она тоже красиво цветет. Если мы посадим их в конце марта, то в мае они дадут цвет, как раз к открытию памятника получится.

– А вы хотите открытие памятника сделать отдельно от проведения годовщины?

– Да. На годовщину мы всех соберем в кафе в обеденное время. На кладбище никто не поедет кроме нас, детей. А на открытие памятника мы организуем доставку людей на могилу к маме. Чтобы они видели, что их не забыли, помнят и любят не только дети. Мы издадим книгу об их жизни, снимем небольшой, минут на тридцать, фильм и проведем поминки. Эрбол, ты должен сделать самую лучшую ограду для мамы и Арлен, пусть их последний дом будет красивым, это последнее, что мы еще можем сделать для них кроме поминания.

– Я знаю, эжешка, я сам об этом думал и даже набросал эскизы, – сказал Эрбол. – После того, как я определюсь с фирмой, мы с вами окончательно решим, каков должен быть дизайн ограды и оформим заказ. Пусть варят ее. А памятник из чего будем делать? Есть гранит, есть габбро, о мраморе я не говорю...

– Самый лучший камень габбро?

– Да, но и самый дорогой.

– Ничего, пусть у них будет самое лучшее...

– Так и сделаем.

– Если к середине апреля мы установим ограду, памятник, а в марте посадим деревья, к апрелю они уже приживутся, а после двадцатого числа мы можем начать рассаживать цветы.

Дай Бог нам сил провести достойно открытие в мае. И тогда нам останется годовщина их смерти, к которой и начнем готовиться с конца июня. Июль будет тяжелым и горьким. Дай нам Бог благополучно пройти его, исполнив свой долг перед мамой, Арлен и Камиллочкой.

– Исполним, эжешка, куда мы денемся? – с тяжелым вздохом сказал Эрбол и вышел из комнаты.

С середины февраля Даана начала ходить в школу. Сидеть ей пока не разрешалось, добираться до школы она могла только лежа на заднем сиденье машины. Поэтому было решено, что Эрбол будет увозить и привозить ее по очереди с Игорем. Первые две недели Даана посещала по два урока, стоя у парты, на которую поставили стул, чтобы ей было удобно писать. Учителя и одноклассники приняли это с пониманием и поддержкой. С третьей недели стала посещать четыре из восьми уроков, к концу марта она стала присутствовать на всех уроках. Так как врачи позволили ей садиться по двадцать-тридцать минут в день, а затем и более. Выбрав оптимальный для себя вариант, Даана теперь стояла на первых трех уроках, сидела на четвертом и вновь стояла на последних трех. В начале апреля она уже полностью вошла в учебную колею и сидела на всех занятиях. Одно оставалось тягостным для сердца Айгель, правая нога дочери заметно хромала. Неоднократные курсы лечения в течение всего этого времени не дали положительных результатов. Оставалось надеяться на время и реабилитацию. В конце февраля, когда Айгель уже могла самостоятельно передвигаться по квартире и даже кушать, стоя у окна, так как широкий подоконник на кухне выполнял для нее

роль удобного столика, и это стало излюбленным местом, позволявшим ей сочетать процесс трапезы с лицемерием улицы. Зима продолжала лютовать, не убавляя морозы и снегопады. В один из субботних дней, впервые после ее долгих уговоров и просьб, Айгель повезли на могилу к матери и сестре. Алена с Игорем и Марина сопровождали ее. Эрбол, Айгерим и Арман, уже не единожды посетившие могилу матери и Арлен, восприняли эту поездку спокойно. Но Айгель в глубине души трепетала от страха, за день готовя себя к встрече с родными. Машина Игоря была просторней, чем джип Эрбола, и Айгель лежа расположилась на заднем сиденье его автомобиля. По мере приближения к кладбищу сердце Гели забило так часто, что возникло ощущение, что оно готово выскочить, пробив грудную клетку. Ее сильно подташнивало. Геля считала пульс, он зашкаливал за сто десять. Она приняла нужное лекарство. На душе было тяжело, хотелось выть волком. Ком, подкативший к горлу, душил, выплескивая из нее слезы. Она не сдержалась, прорываясь рыданиями.

«Господи! Я даже в кошмарном сне не предвидела, что вот так буду торопиться на кладбище, чтобы встретиться с мамой и Арлен. Господи, за что же мне это?! Неужели, это и есть моя судьба, предписанная Тобой, горькая участь, уготованная для меня? Что же такого я могла сделать, чтобы заслужить такую кару?» – мысленно всю дорогу спрашивала она Бога.

– Вот и приехали, – сказал Игорь, останавливая машину.

Айгель уже не могла успокоиться, надрывно причитая, она попыталась перевернуться на живот, но обессиленная не смогла даже пошевелиться. Тело не слушалось ее. Алена, заметив это, поднялась в салон и, поддерживая подругу, помогла ей сползти на пол. Встав на четвереньки и только потом, пятясь задом, Айгель спустилась на

заснеженную землю. Ноги не слушались ее. Алена взяла Гелю под руку и, пытаясь взять ее вес на себя, слегка наклонила подругу. Возникла резкая боль в спине, эхом отдававшаяся во всем позвоночнике. Айгель сморщилась и, зажмурив глаза, постояла несколько минут в вынужденном положении. Постепенно боль отпустила, заодно оживив и ноги. Она сделала первый шаг и, осторожно ступая, направилась к двум холмикам земли, последним пристанищам ее мамы, малышонка и Камиллочка. Все стояли молча, не проронив и слова, и только громкие рыдания Айгель разрывали печальную тишину этого места.

– Мамочка, родная моя, любимая, сестреночка моя золотая, простите меня, пожалуйста, – надрываясь болью, молила в слезах Айгель, – простите меня, если можете. Господи, как же ты допустил это! Мое место здесь рядом с ними, за что ты так со мной? Мамулечка моя золотая, ненаглядная моя мамочка, закатилось солнце мое, ой, закатилось, как же мне быть-то теперь? Малышонок мой, Арлешенька, солнышко мое, радость моя, как же я без тебя-то теперь? Простите меня, если можете, простите.

Айгель опустилась на колени и, обреченно склонив голову перед могилами, тихо всхлипывала.

Алена подбежала, пытаясь поднять ее.

– Оставьте меня здесь, наедине с ними, хоть на несколько минут. Не трогайте меня. Пожалуйста, – взмолилась она сквозь слезы, обращаясь к брату и сестре.

– Пойдемте, здесь недалеко, вон виднеется могила папы, проведем его, – сказал Эрбол всем присутствующим тоном, не терпящим отказа. Все направились за ним.

– Родные мои, мамулечка, – обливаясь слезами, обратилась Геля, – Арлешенька, Камиллочка, разве здесь вы должны были лежать, разве холодная земля ваш дом, разве не рядом с вами должна я быть, почему вы меня бросили? Я хочу к вам, если бы не Даана, я уже давно

светла бы счеты с жизнью, мне так плохо без вас, родные мои, любимые мои, если я виновата перед вами, простите меня, простите. Я должна поднять дочь, довести ее хотя бы до замужества, и потом, став свободной, буду вольна в своем выборе... И тогда мы встретимся. Я вас так сильно люблю, мне вас так не хватает, мне так страшно! Мамулечка моя, кто же теперь будет надеждой и советчицей мне? Малышоночек мой, кто же теперь будет опорой мне, освещающая жизнь?

Геля сидела на ветру, на заснеженном холме, горе придавило в безграничной печали. Слезы кончились, застыв на ветру. Погладив мерзлую землю, она тихо произнесла:

– Время быстро пролетит. Только подниму на ноги дочь. Простите. Прощайте. Я люблю вас и всегда буду любить. Простите меня.

Первыми к ней подошли Алена и Айгерим и помогли встать с колен.

– Эжешка, вы будете читать Коран? – спросила ее Айка.

Она отрицательно покачала головой.

– Сначала ты прочти, я немного соберусь с мыслями, – устало сказала она тихим голосом.

Все, кроме Айгель и Дааны, расселись на корточки вокруг могил, Айгерим прочла молитву.

– Омин! – сказала Айка.

– Омин, – повторили все.

Айгерим вопросительно посмотрела на сестру.

Геля сосредоточилась и начала читать Коран. Вечерело. Мороз начал крепчать, все засобирались домой.

– До встречи, – сказала напоследок Айгель своим родным, чьим домом стали эти могильные холмы и, поклонившись им настолько, насколько ей позволял переломанный позвоночник, она отправилась к машине. Всю обратную дорогу домой она не проронила ни слова. Но

и слез больше не было. Впервые за последние месяцы ей удалось уснуть в полночь. Перед рассветом она проснулась от чувства прикосновения к своему лицу. Резко открыв глаза, огляделась по сторонам, никого не было, но чувство присутствия чего-то или кого-то незримого не покинуло ее. Интуитивно определила, что это нечто сидит рядом с ее кроватью, на расстоянии вытянутой руки. Каждая волосинка на теле зашевелилась от нахлынувшего на нее страха. Но мозг был ясным.

«Надо помолиться», – решила она и начала читать молитвы, все подряд, какие только пришли на память. Спустя полчаса чувство инородного присутствия исчезло. В соседней комнате закрипела кровать. Эрбол ворочался. Айгель сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и начала сползать с кровати на пол, чтобы подняться на ноги. Она прошла к выключателю. Вспыхнула лампочка, озарив всю спальню. Никого не было. За окном начинало светать. На часах было семь минут шестого. Айгель оставила зажженным свет и вернулась в кровать. Включив телевизор и убрав звук, чтобы не разбудить брата и дочь, она, не вникая в суть фильма, стала смотреть картину в ожидании рассвета.

На протяжении всего следующего дня она думала о ночном происшествии, пытаясь определить, кем же был ночной гость.

«Наверное, это была мамочка или Арлен», – решила Геля и, одобрив свои выводы, успокоилась. Больше такого с ней не случалось.

Подготовка к открытию памятника шла полным ходом. В десятых числах апреля была установлена ограда. Выполненная по специальному дизайну, она выглядела роскошно. Мастера приступили к изготовлению памятника. Материалом для него было выбрано черное габбро. Посаженные за две недели до установки ограды фрукто-

вые деревья прижились, выпустив почки. На двух вишнях даже появились намеки на листочки. Типография уже отпечатала книжечки с историями жизни тетя Жени, Арлен и Камилочки. Айгель просила Марину, Любу и Алену заказывать поминальную службу для Анечки и раздавать сладости детям. Еще в ноябре она созвонилась с сыном Анны, попросила прощение за гибель их мамы. Долго плакала потом.

Наступил май. Открытие памятника было назначено на пятнадцатое число. За день до открытия из Америки прилетел Амир. В назначенный час приглашенные люди собрались у дома тетя Жени. Это была суббота. Рассевшись по машинам и микроавтобусам, взятым для этой цели, все поехали на кладбище. Церемония продолжалась час и завершилась чтением Корана приглашенным для этих целей молдо. Затем все поехали в кафе на поминальный обед, где снова читались молитвы, был показ короткометражного фильма и всем присутствующим розданы книжечки. Уже вечером в доме мамы собрались Эрбол, Амир, Айгель, Айгерим, Арман, Алена с Игорем и Марина, чтобы помянуть родных за маминым столом.

Эрбол прочитал Коран.

– Теперь будем готовиться к годовщине их смерти, – так, между прочим, заметила Айгерим.

– Не сейчас. Это будет в июле. Вот в десятых числах и начнем готовиться, – сказал Эрбол.

– Что будем делать с квартирой мамы? – спросил Амир.

– Это родительский дом. И он дорог нам, но за этот год в нем случилось столько горя. Сначала похороны мамы и Ками, спустя двадцать пять дней – похороны Арлеши, думаю, не стоит держать его как память, – начал высказывать свои мысли Эрбол, – или вы думаете иначе? – обратился он к Айгель.

Она молчала, думая о чем-то своем. Потом тяжело вздохнув, произнесла:

– Ты прав, не стоит его беречь. Теперь он стал для нас лишь напоминанием о горе. Будем продавать его. Ты переоформил его на себя?

– Да, – коротко ответил Эрбол.

– После годовщины выставляй на продажу. Мне будет спокойнее, если каждый из вас возьмет свою долю и решит сам, что ему делать. Но у Эрбола есть хорошее предложение. Воспользуйтесь им.

– Что за предложение? – уточнил Амир.

– Начать семейный бизнес. Что-то общее, что-то большое. Назовем это – семейный капитал.

– Я не против, если это реально. А кто будет заниматься им? Я снова уеду домой, – спросил Амир.

– Эрбол. Он старший из мужчин, ему и вести это дело, – сказала Геля, потом посмотрела на сестру и спросила:

– Ты, Аечка, что думаешь по этому поводу?

– Если вы так решили, то я согласна.

– Мама оставила всем нам прощальное письмо. Свои наставления и заветы. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас зачитал его вслух.

– Давайте я, – сказал Эрбол, протягивая руку.

Взяв записную книжку своей матери, где тетя Женя написала свои мысли, он начал читать. Обращение на трех страничках начиналось так:

«Родные мои и любимые мои детки, – дальше шло перечисление имен всех детей, невесток, – я благодарна Богу, что он подарил мне таких прекрасных детей. Я вас всех сильно люблю, со всеми вашими детьми – моими внуками и внучками... – дальше шло ее завещание по имуществу. Письмо заканчивалось обращением:

– Моя большая просьба к вам, будьте сплоченными в едином кулаке, как пять пальцев одной руки. Уважайте

и берегите друг друга. Любите и цените то, что дорого каждому из вас. Пусть горе и потеря, пришедшие в наш дом, не разъединят вас, а, наоборот, сплотят в единое целое. Помните, если болит один палец, то болит вся рука!

Эрбол, прошу тебя, помни, что ты единственный мужчина рядом с девочками, Амир далеко. Береги девочек. Я поручаю их тебе! Они женщины слабые и хрупкие и нуждаются в твоей поддержке, внимании и любви. Будь им опорой. Берегите Айгель. Она ваш стержень! Я вас очень, очень сильно люблю и обнимаю каждого отдельно и всех вместе взятых. Мама».

Все молча плакали. Здесь не было скупых мужских слез и безудержных женских. Слезы двух братьев и двух сестер стекали по лицу и капали на стол, образуя на клеенке лужицы. Горе было общим, боль была общей и слезы тоже. Братья встали из-за стола первыми и вышли в подъезд покурить. Девочки остались на местах. Безутешное горе, окутавшее их, терзало душу, истекающую слезами. Спустя какое-то время Айка спросила сестру:

– Значит, мама чувствовала, что скоро произойдет что-то плохое. Может она думала, что умрет?

– Она написала для нас весь обряд ее похорон, вплоть до того, как ее обмыть в момент смерти, освободить квартиру, где брать юрту и что стелить внутри нее, какое кошого – занавеску для себя приготовила. Мамуля просчитала даже, сколько покупать продуктов на поминальные столы в день похорон, и на семь дней, и на сорок дней, и даже на годовщину. Какую жертвенную скотину резать, – Айгель разрыдалась.

Все сидели молча, не зная, как найти нужные слова утешения.

Опираясь лбом о правую руку, Геля посидела с закрытыми глазами несколько минут, пытаясь совладать со слезами. Ей это удалось.

– Она чувствовала, что покинет нас, но мамуля даже не представляла, как это произойдет. Она ведь не могла допустить даже мысли о том, что смерть заберет еще и Арлен с Ками, и что смерть поджидает ее в аварии, а за рулем будет ее дочь, повинная в их смерти. И не только их, – обливаясь новой волной слез и ненависти к себе, прерывистым голосом проговорила Геля.

Айгерим принесла ей воды.

– Попейте, эжешка, станет легче, – сказала она, протягивая ей бокал с водой. Айгель отпила немного, взяв себя в руки.

– Она всегда была опорой нам, прикрывала наши спины, и, бросаясь навстречу испытаниям судьбы, укрывала нас собой, принимая все удары на себя. Какой я была глупой и бесчувственной, если не почувствовала этой ее боли и то, что она готовится к уходу. Как я могла не понять ее душевное смятение? Как? – утирая нахлынувшие слезы, тихо спросила она.

– Я тоже не ведала об этом, хотя была рядом. Мы все были, – Айка не досказала своей мысли, голос сорвался. Она перевела дыхание и добавила: – Что теперь об этом говорить. Надо жить дальше. Вы у меня есть, я есть у вас.

– Мы все есть у тебя, Геля, ты не одинока в этом горе, – сказала Марина, взглянув на Алену.

– Гелечека, возьми себя в руки, ты же сильная, мы все равняемся на тебя, – со скорбным выражением лица произнесла Алена.

Игорь молча встал и вышел в подъезд, присоединяясь к Эрболу и Амиру.

В обычных серых буднях среди слез и печали прошли май и июнь. Лето было в разгаре, город кипел от жары и духоты. У большинства горожан был отпускной период. Но для детей тетя Жени накал активности только наступил. Шла подготовка к годовщине. Были распределены

все обязанности по подготовке этой церемонии между детьми, включая Айгель. К этому моменту она уже активно перемещалась самостоятельно, и хотя физические нагрузки были ей еще не подвластны, но организаторская деятельность была вполне по плечу. В один из дней, возвращаясь с Аленой на машине Игоря, в завязавшемся разговоре Геля сказала:

– Ты знаешь, если вдруг со мной что-то случится, я бы хотела, чтобы ты стала опекуном моей дочери. Это решение не является недоверием к моей горячо любимой сестре или братьям. Нет, думаю, они правильно поймут. После горя у каждого будет свой период восстановления. Кому-то понадобятся месяцы, кому-то годы, а кто-то так же, как я, совсем не оправится. Им будет не до нее. Я не говорю, что потери не ранят твое сердце, но ты сильная и не дашь в обиду мою дочь. Не перебивай меня. Я собираюсь жить долго и счастливо, но если вдруг... помни мою просьбу. Не бросай Айгерим, попытайся заменить меня. Пусть одиночество и страхи не сломают ей жизнь. Братья, они выстоят, в этом я не сомневаюсь. Пообещай мне, что ты выполнишь мою просьбу.

– Гель, ты что-то совсем не в те дебри поехала, – вставил Игорь, не зная, как реагировать на ее слова.

– Пообещай, – требовала Айгель, лежа на заднем сиденье машины.

– Я поняла тебя, – ответила Алена, – мне неприятно слышать эти слова, но я понимаю тебя. Обещаю выполнить все, что ты попросила.

– Спасибо. Мы больше не вернемся к этой теме, но мне нужно знать, что ты исполнишь мою просьбу.

– Обещаю, – еще раз сказала Алена.

– Мне кажется, что Бог оставил мне дополнительное время, чтобы я исполнила свой долг перед мамой, Арлен, Анной и Камиллой. Сделала то, что делаю. Осмыслила и

осознала свою прежнюю жизнь, пересмотрела приоритеты и познала свою душу. И научилась общаться с Аллахом, вымаливая у Него прощения за свои ошибки.

– Ты не права. Он оставил тебя в живых, чтобы ты смогла вырастить дочь, видеть рождение ее детей. Быть опорой своей сестре и братьям. Так же, как теть Женя, оберегать их от невзгод и боли. Вот почему Бог оставил тебя в живых! – твердым уверенным голосом сказала Алена, в душе расстроившись таким настроением подруги, – и будь добра, живи и выполняй возложенные на тебя теть Женей задачи. Не обманывай ее надежд!

Айгель ничего не ответила. Алена имела право на собственное мнение, но у нее было свое.

Время быстро летит, весна сменяется летом, потом приходит черед осени. Так и в жизни Айгель наступил август. Были позади волнения и тревоги по проведению годовщины, она видела, что раны в сердцах родных постепенно рубцуются, в душе, опаленной горем, постепенно всходят побеги новых надежд. Эрбол уверенно стоял на ногах, она за него не тревожилась. Амир тоже научился жить в прежнем объеме трудовых будней и житейских достижений. И за него ее душа была спокойна.

«У братьев есть работа, семьи, цели и надежды, они смогут идти дальше по жизни самостоятельно без меня, – размышляла Айгель, – дальнейшее в их жизни от меня не зависит».

Аечка перешла на новую работу, коллектив принял ее хорошо. Вскоре после годовщины она познакомилась с достойным человеком, и вроде бы у них начали складываться серьезные отношения.

«Господи, благослови мою сестренку! – молилась она каждый вечер, обращаясь к Аллаху, – дай ей семейного счастья, она так заслуживает этого, пройдя много испы-

таний достойно. Даруй ей чувство умиротворения в душе и благослови ее на процветание!»

Дааночка вылечилась, перестав хромать и избавившись от головных болей. Благополучно окончив десятый класс, теперь отдыхала на каникулах. В сентябре ее ждал последний школьный учебный одиннадцатый год. Она вытянулась ростом, превратилась в красивую стройную девушку. Но не это было главным в ней. Она повзрослела. В ее больших глазах жила тихая печаль, появившаяся после трагедии и такого тяжелого для всех года, но сквозь нее уже стали пробиваться пока еще редкие, но входящие в полную мощь лучики радости.

«Твои глаза еще засияют надеждой, и в душе твоей поселится счастье. Я знаю это!» – мысленно разговаривала с дочерью Айгель, со стороны наблюдая за ней.

Как-то в пятничный день, вернувшись из школы, Даана попросила ее прогуляться. Айгель согласилась. Гуляя по скверу, они вели непринужденную беседу на разные темы.

– Вы часто говорили Эрбол байкешке и Айгерим эжешке, когда им приходилось туго и они жаловались вам на судьбу, что после того, как мы проведем годовщину тайэнешке, Арлен эжешке и Ками, наш черный год закончится, и тогда в их жизни, как и в нашей, наступят перемены. И они должны быть хорошими. Потому что после такого испытания Бог обязательно, если они достойно прошли его, дает людям добро. Мамуль, мы же достойно прошли это испытание?

– Конечно, доченька. Каждый из нас прожил этот год трудно, но как полагалось перед Богом. Мы не замарали памяти тайэнешки, и твоей тети, и твоей сестренки. Мы выжили и продолжаем жить. Конечно, были моменты разногласий по некоторым вопросам, но мы всегда находили компромиссы и принимали верное, общее для всех

решение. Мы, я имею в виду всех нас, остались едины и чисты душой. Так, как хотела тайэнешка.

– Вам было очень тяжело, – заметила Даана.

– Всем было тяжело. И тебе тоже. Но ты справилась. Неплохо окончила учебный год, наверстав упущенное время и знания. Я горжусь тобой!

– Правда?! – прильнув к матери, спросила Даана.

– Конечно, солнышко. Я очень горжусь! Ты выросла хорошей дочерью, доброй, послушной и жалостливой. Не каждой матери дается такое счастье. Бог оказал мне эту милость. Мы с тобой едины не только по плоти, но в первую очередь по духу! Не это ли повод для гордости. Я благодарна Богу, что Он позволил мне быть именно твоей мамой. И за то, что он не отнял тебя у меня в тот день. Слава Аллаху! Спасибо за это, Господи!

– Я так люблю вас, мамочка! – переполнившись чувством любви, восторженно произнесла Даана, в резком порыве обнимая Айгель.

– И я тебя, солнышко! Больше всего на свете! Ты самое лучшее и светлое, что мне удалось сделать за свою жизнь. Храни тебя Аллах!

Приближался сентябрь. Даана готовилась к школе, закупаая канцтовары, к которым всегда очень трепетно относилась. Эрбол слетал в Турцию на месячную стажировку по своей специальности и теперь готовился на двухнедельные курсы в Москву, Амир раз в три дня звонил Айгель, узнавая о ее самочувствии и новостях из Бишкека, жизнь Айгерим налаживалась. Возможно, в скором времени ее ждало замужество. В душе Айгель боль уже не так властвовала, терзая ее. Но рана оставалась открытой, рубца не было. И все же несмотря на опустошенность и непреодолимое душевное одиночество, она была спокойна, смирившись с реальностью. Это был четверг, как она называла, день мамы и Арлен. С рассвета она

купалась, проводя обряд омовения, и затем долго молилась, потом пекла что-нибудь, посвящая дух пищи своим усопшим родным и близким и снова читала молитвы. Так было каждый четверг в течение всего этого долгого периода горя. Но сегодня она решила собрать за своим столом всех родных и подруг. Совершив обряд очищения, она прочитала все должные молитвы и, попросив благословения для отца и мамы, сестренки Арлен и племянницы Ками, для Ани в том мире, где их души сейчас пребывали, она обратилась к Богу с мольбой за живых сестру и племянницу, и дочь, и братьев, и их детей. Потом, поднявшись с колен, возблагодарила Бога за то, что имеется, и за то, что будет хорошего в будущем. И пошла готовить еду для гостей. Вечером за ее столом собрались родные и близкие, все те, кто был рядом с ней в этот трудный год. Она наготовила много еды. Все было вкусно. Впервые за долгие месяцы за столом раздавался смех. Она с любовью смотрела на каждого, словно заново открывала их для себя. Гости разъехались поздно, ближе к ночи. Айгель помогла Даане прибраться со стола и только потом легла отдыхать. Впервые за все это время на душе было умиротворение.

«Спасибо Тебе, Господи, за мир в душе, который я теперь обрела, за то, что сберег для меня доченьку, благословил на светлый день сестру и братьев, и моих друзей. За то, что позволил мне исполнить свой долг перед памятью мамы и сестры, племянницы и подруги. За то, что дал мне время понять себя, и свою любовь к Тебе, прости мне мои ошибки и прегрешения, и неправильные слова, обращенные к тебе в тягостную минуту потери. Я во всем этом каюсь. Спасибо, что Ты вел меня этой трудной дорогой осознания Твоего величия и милосердия! И дал мне время для покаяния. Прости, что, не довольствуясь данным Тобой, хочу попросить еще с великой надеждой в душе милости и щедрости по отношению к моим родным,

и не откажи в счастье моей дочери Дааночке. Храни ее! Спасибо, Господи!»

Ей снился хороший сон:

Это был берег широкой реки. «Теплые ключи», – решила Геля. Стояла середина весны. Айка и Арлен раскладывали привезенные с собой лепешки и салаты, сладости на скатерти, расстеленной прямо на зеленой сочной траве. Теть Женя возлежала на стеганом ватном одеяле рядом, под деревом.

Даана, Ками и Алия бегали неподалеку от них, играя в догонялки. Все смеялись над шутками Арлен. Алюка визжала от восторга, бегая за старшими сестрами. Глаза Айгерим, полные любви и счастья, неустанно следили за дочерью, столь бурно выказывающей свое довольство. Айгель несколько в стороне от импровизированного стола разводила огонь в небольшом мангале. Рядом лежали насаженные на шампуры промаринованные куски мяса.

– Ну что, эжешка, я разливаю пиво? – спросила ее Арлен.

– Разливай. Я сейчас присоединюсь, вот только огонь несколько убавлю, не то мясо сгорит. А оно должно томиться на углях и в дыму.

– Дайте мне попить чего-нибудь, – попросила Камилла, подбегая к Арлен.

– Сок налить или фанту будешь? – спросила она дочь.

– Лучше фанту.

– И мне тоже, – просила, подойдя к ним, Алюка.

День был солнечный. Голубизна неба была настолько яркой, что казалась окрашенной искусственно. Ни одного белого пятнышка не было на небосводе. Молодая зелень травы в горах была сочной, а молодые листочки на деревьях еще не познали сжигающего жара солнца, так что место это выглядело райским.

– Правда, здесь здорово? – подойдя к маме, тихо сказала Даана.

– Правда, солнышко. Здесь очень красиво.

– Мама, смотрите, какой счастливой выглядит тайэнешка, и тетя Арлен с тетей Айгерим кажутся очень довольными.

Айгель посмотрела на тетю Женю. Она возлежала на правом боку лицом к дочерям, накрыв половину головы и лица широкополой шляпой, защищаясь от лучей яркого солнца. Она улыбалась широко, довольная всем происходящим.

– Мама, садитесь уже, – расставляя керамические бокалы, наполненные холодным пивом, сказала Арлен, – эжешка, пиво согревается. Пойдемте, выпьем понемногу и потом опять уйдете к своим шашлыкам.

– Иду, разливай давай.

– Да я уже разлила давно.

Айгель наконец-то оторвалась от мангала и направилась к импровизированному столу.

– Ну что, мамулечка, тост за вами, – сказала она, беря в руки ломтик копченой горбуши и протягивая маме.

– Что мне сказать, детки, – начала тетя Женя, держа в руке бокал с холодным пивом, – хорошо, что мы сегодня вырвались сюда на природу, такая погода замечательная. Я всех вас очень люблю и хочу пожелать вам семейного счастья, Арлешенька, дай Бог тебе благополучно закончить докторскую диссертацию и защититься. Карьерного тебе роста и женского счастья. Камиллочка, родная моя и любимая внученька, много мы с тобой вложили сил и труда, чтобы твои ножки побежали быстро, как у других детей, сколько боли тебе пришлось испытать, чтобы вот так, как сегодня, играть в догонялки, дай Бог тебе крепкого здоровья, и чтобы теперь ты научилась красиво ходить и говорить. Чтобы ты была умницей, маминой по-

мощницей. Пусть все, о чем ты мечтаешь, исполнится. Айгерим, ты живешь со мной, ты всегда была самой хрупкой и беззащитной, мое сердце всегда волновалось за тебя больше, чем за других детей. Теперь вот и ты сидишь рядом, такая взрослая, такая красивая, одного только тебе не хватает, любящего, верного, надежного мужа, чтобы ты была за ним как за каменной стеной. Пусть Аллах будет милостив к тебе и даст чистой преданной любви самого любящего мужчины. Семейного тебе счастья, доченька! А ты, Алюка, расти большой, здоровой, мы все тебя очень любим. Айгель, ты старшая из детей. Много на тебя возложено. Но я знаю, ты справишься с любой ответственностью. Ты каждому из детей будешь опорой. В случае чего, ты заменишь меня. Береги себя. Я люблю тебя как дочь, советуюсь как с подругой, уважаю как человека. Я горжусь тобой. Ты молода, не забывай о себе, устраивай свою жизнь. О тебе, Дааночка, хочу сказать отдельно, ты выросла умной и доброй, как твоя мама, и будешь ей такой дочерью, как она для меня, поэтому я думаю, что твоя мама тоже гордится тобой, потому что я лично очень горжусь тем, что ты моя внучка. Я всех вас люблю, детки, дай нам Бог, почаще, вот так, как сегодня, выезжать на природу.

Все чокнулись бокалами.

– Я хотела бы сделать небольшую вставку, – сказала Айгель, – мамулечка, мы вас очень любим. Спасибо, что вы нас вырастили, дали каждому образование, не унижали, не укоряли за свои неоправданные надежды, если такие были, не читали диктаторских нравоучений, обращались с нами всегда на равных, понимали и во всем поддерживали нас. Матерью стать может любая женщина, много ума не надо, но быть подругой своим дочерям, причем незаменимой, это удел не каждой матери. Нам так повезло с вами. Я даже не представляю, как бы я жила

без вас, настолько я завишу от вашего слова, внимания, поощрения и советов. И думаю, девочки не исключение. За вас, мамуль! Все хорошее, что делаю в своей жизни, только благодаря вам и ради вас! Мне так хочется, чтобы вы гордились мною! Мнение других мне не столь важно, но ваше, мамулечка, особенное!

– Ну, спасибо за это, – сказала, улыбаясь, тетя Женя, слова дочери тронули ее сердце.

– Ура, – крикнула Айгель.

– Ура, – закричали все.

– Вы тут посидите, косточки всем промойте и мне в том числе, – с наигранным лукавством глядя на них, заговорщически прошептала Геля, – а я пока пойду и приготовлю шашлыки. Ну, дети, кто мне поможет?

– Я, – закричала Даана,

– И я, – поднимая руку, как ученица за партой, весело воскликнула Ками.

– И мы, – не менее громко и звонко прокричала Айгерим, держа за руку Алюку.

– О, сколько сразу помощников нашлось. Ну, пойдете, помогайте, – добродушно сказала Айгель, направляясь к мангалу.

Через полчаса колдовства дружного коллектива шашлычников первая партия шампуров направилась к столу.

– Снимайте мясо с палочек на лепешки, освобождайте их для следующей партии шашлыка, – сказала Айгель, раскладывая горячую дюжину шампуров с мясом в центр скатерти.

– Ура, – закричала Аяна, – шашлыки пришли, Даана, пошли кушать, – сказала она, зазывая сестру, неподалеку собиравшую мелкие полевые цветы.

Алюка, привычная во всем подражать старшим сестрам, и в этот раз повторила призыв Камиллы:

– Ура, Даана, иди кушать, быстро, я кому говорю?
– Тоже мне командир нашелся, – шутя, осадила ее Арлен. Все рассмеялись. Шашлыки вышли на славу.

– Ну, кто пойдет нанизывать мясо на шампуры? – поинтересовалась Геля.

Все, сытно наевшись первой партией, возлежали вокруг скатерти, разложив под себя пледы. Энтузиастов на зов Айгель не нашлось.

– Интересно, как понимать ваше молчание? – любопытствовала Геля.

Все, словно по договоренности, одновременно рассмеялись.

– С вами все понятно, значит, надо идти мне, – печально констатировала Айгель и стала подниматься с места.

– Эжешка, давайте полежим, отдохнем, а позже все вместе быстро сделаем, – выступила с рациональным предложением Арлен.

– Да, Айгель, ложись, отдыхай пока, – деланно невинным тоном поддержала тетя Женя.

– Ну, раз мама говорит, слушаюсь. Двигайся, Айка, – сказала с иронией в голосе Геля, опускаясь рядом с сестрой.

– Давайте споем, – предложила Арлен.

– Давайте, – поддержала ее Айгерим, – начинай.

– Почему я, ты же у нас певунья.

– Споем «Пусть бегут неуклюже», – предложила Алюка маме.

– Споем, – сказала Айка дочери, – запевай.

– Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам, – совсем не в лад запела Алия.

Айгерим подхватила песню и поддержала дочь. Присоединились Арлен, Айгель, потом и тетя Женя, а следом и девочки. Всем было весело и хотелось, чтобы этот

миг тянулся долго. Было перепето множество песен, от самых лиричных до самых патриотичных. Устав от вокала, первыми бросили эту затею тетя Женя и Айгель, через двадцать минут клан слушателей пополнили Арлен и Даана. Еще некоторое время стойко держались исполнителя Айгерим и Алюка. Ками сошла с фишиша предпоследней.

– Теперь бы поспать, – лениво потягиваясь, сказала Арлен.

– Спи, кто тебе мешает. Вон мамуля уже полчаса, как спит. Даже разноголосое пение не разбудило ее, – заметила Айгель.

– Я тогда посплю, а вы шашлыки пока приготовьте с Айкой и девочками, – хитро улыбаясь, сказала Арлен.

– Вот всегда она так, эжешка, я посплю, а вы готовьте, – передразнила Айгерим сестру, вызвав ее смех.

– Нет, ну на самом деле, ты ведь спать не хочешь, а я хочу, – оправдываясь, заметила Арлен.

– Ладно, спи, – сказала милостиво Айгерим, – я помогу эжешке.

Айгель проснулась. За окном рассвело. На душе от приснившегося сна было хорошо.

«Какое время было хорошее! – подумала она, – счастливое было время! Все казалось, что это будет вечно: мама, Арлен, природа. В действительности рай – это то место, где тебе хорошо, умиротворение на душе. Рай лежал у маминых ног, а я не сберегла его», – возникшее чувство горечи там, около сердца, вновь ввергло ее в печаль.

«Годовщина проведена, что же теперь мне делать? Был какой-то смысл и тот закончился», – констатировала факт своей свободы от цели, помыслов и действий Айгель.

«Нужно работать. Но не хочется. Ничего не хочется. А жить как-то надо. Что же делать. Как хочется вернуться в тот сон, остаться бы там навсегда с мамой, Арлен, Камиллочкой, Аней, когда все живы и нет этой проклятой аварии...», – продолжала размышлять Айгель.

Родились стихи:

О, как спасенья я ищу
Теперь, когда жизнь стала адом...
Я образ их в себе держу,
Как будто удержу их рядом.

* * *

А мне предстояло жить.
Вернее, не жить, а выжить.
Так покарал меня Бог
За все грехи мои в жизни.
За самый главный мой грех.
Свершила его не по воле...
Я погубила их всех.
Горе мне горе...
Мне бы забыть тот миг,
Но только глаза закрою,
Я слышу пронзительный крик
Мамы с сестрою...

* * *

Жизнь моя делится теперь на: «до и после...»
Когда сменила смоль седая просесть.
Когда с утра была счастливой и задорной,
А к вечеру уже кружили вороны
Над тем, что оставалось от меня...

* * *

Горе, огромное горе,
Как черное небо
Свалилось на плечи мои,
Море, целое море
Слез и печали
Капля за каплей
Из недр души истекли.
И обезводили нивы
Былых ощущений,
Чувств и надежд.
Нет меня больше.
Лишь брненное тело
Влачит дни свои,
Прячась в складках одежд.

Наступил рассвет. Айгель встала, искупалась, надела чистые одежды и пошла молиться.

– Господи благодарю за все добро, которое ты позволил мне сделать, и прости меня за зло, которое я совершила! – сказала она тихо, – в моей душе так и не прошла тьма...

Во имя Аллаха милостивого и милосердного! – начала Айгель, дальше она прочла суры «Фатиха», «Ихлас», «Йаасин», раскаялась в грехах, о которых предполагала, и о которых даже не подозревала. Прочла Коран, молитву «Ганжул Арии» и попросила лучшей доли для мамы, отца, сестры, племянницы и подруги.

– Прости меня, Господи! – сказала она, поднимаясь с колен, – за то, что я не держала обязательный намаз раньше и не держу его теперь по состоянию здоровья. Прости!

– Доброе утро, мамулечка, – сказала Даана, проходя мимо ее комнаты.

– Доброе утро, солнышко! – приветствовала она дочь, – хотела бы попросить у тебя прощение за те моменты, когда была несправедлива к тебе, причинила обиды. Прости меня, пожалуйста.

– Мам, что это с вами? Вы меня пугаете? О каких обидах вы говорите? Не было никаких обид. Я вас очень люблю. Это я, наверное, вас много раз расстраивала? Вам нужно прощать меня.

– Мне не за что прощать тебя, я благодарна Богу за такую дочь, как ты! Пусть Он услышит мои слова и благословит тебя, солнышко мое.

Даана остановилась и, подозрительно глядя на нее, спросила:

– Мамуль, у вас точно все в порядке? Ничего не болит? Может, я чем-то обидела вас? Извините меня.

– О чем ты говоришь, доченька? – грустно улыбнувшись, сказала Айгель, – всегда нужно уметь и успеть попросить прощения, если чувствуешь за собой вину. Даже, если ты будешь жить сто лет. Лучше попросить прощения вовремя.

Как говорят мудрецы: всегда живи так, словно это последний день твоей жизни, даже, если проживешь долгие годы.

– И что, мы теперь будем жить так, как они велют? – с улыбкой глядя на мать, сказала Даана.

– Да. Это лучше, чем жить не покаявшись. Душе легче становится.

– А-а, – с легкой иронией произнесла Даана, – тогда пойду, умоюсь, чтобы чистым ртом поцеловать вас и покаяться.

– Иди, умойся, – сказала со вздохом Айгель, – но сначала поставь чайник на огонь. Завтракать будем.

ОБРЕТЕНИЕ ПОКОЯ

– Алло, слушаю, – раздалось в трубке.

– Никита, ты?

– Да. Тетя Айгель, вы?

– Да, – ответила Айгель и рассмеялась, – мама дома?

Позови.

– Сейчас. Ма-ма, – крикнул он в пространство, – тебя зовут к телефону.

– Кто? – раздалось в трубке из глубины комнат.

– Тетя Геля.

Спустя три минуты раздался голос Алены:

– Привет, Гель, как твои дела?

– Спасибо, нормально.

– Что врачи говорят, когда садиться начнешь? Эрбол возил вчера снимки на консилиум?

– Нет, не успел. Сегодня, наверное, повезет. А ты сегодня ко мне заглянешь?

– Не знаю, а что, надо?

– Мне машина нужна. Хочу, чтобы мы с тобой съездили на кладбище проведать моих.

– Так мы же во вторник были? Три дня назад, – напомнила Алена подруге.

– Я не забыла. Хочу еще раз съездить к ним. Поговорить хочу.

– А Эрбол...

– Не хочу, чтобы они знали об этом, – перебивая подругу, сказала Геля, – он ругается, говорит, нагрузки на спину даю. И вообще занят он, да и Айке отпрашиваться, сама знаешь, какой у нее шеф вредный, по поводу и без повода прессует ее. Особенно теперь, после трагедии, она ведь не может ездить в командировки, ребенок маленький, раньше мама смотрела за Алюкой, а теперь... А ты все же сама себе хозяйка.

– Пусть оставляет тебе или мне, – предложила Алена.

– Я не по этому поводу звоню, – напомнила ей Айгель.

– Да, без проблем, Геля. Подъеду на служебке. Игорь уехал в Казахстан.

– Спасибо. Буду ждать.

– К четверем, – определилась по времени Алена.

– Спасибо!

– Не за что. Жди.

Позавтракав, Даана убежала на курсы английского языка. Геля послонялась по квартире, не зная, чем себя занять. Вытащила фотоальбомы и начала рассматривать фотографии. Вся ее жизнь с пятилетнего возраста до момента трагедии была запечатлена в этих трех альбомах. Здесь были фиксированы счастливые годы ее студенчества, свадебные фотографии и более поздние, где присутствовали ее родные и близкие, но она уже овдовела. Одна фотография была особенно ей дорога. Это были восьмидесятые. В старой родительской квартире, у книжного шкафа стояли, обнявшись, три сестры за спиной у родителей. Отец болел. Отеки под глазами на осунувшемся лице говорили об этом. Мама с усталым видом, но молодая и красивая, сидя рядом с отцом, улыбалась. Все были живы и молоды, и юны. Геля погладила ладонью снимок, поднесла к губам и поцеловала. Она хорошо помнила тот день. Это была дата ее двадцатилетия.

– Какими мы были счастливыми, вся жизнь была впереди. Столько надежд. Столько стремлений.

Во время просмотра третьего альбома ее взгляд остановился на цветной фотокарточке, запечатлевшей ее вместе с мамой, сестрами и племянницами, восседавшими за щедро накрытым новогодним столом, до трагедии оставалось полгода...

Все держали бокалы с шампанским и улыбались. Счастливые лица, светящиеся глаза говорили о том, что им, таким родным и таким любимым, было хорошо вместе. А впрочем, по-другому они и не могли. У Айгель вернулись на глаза слезы. Она с нежностью поцеловала

образы мамы, сестренки, племянницы, с трепетом погладила их пальцами.

– Родные мои, любимые мои, простите меня.

Слезы упали на снимок, образовав лужицы. Айгель протерла их рукой и еще раз коснулась губами. Она легла, приложив фотографию к груди, полежала так с закрытыми глазами, пытаясь унять боль и слезы.

– Простите меня, – шептала она, – простите, что не смогла избежать той аварии. Простите, что я осталась жива.

Она не помнила, когда уснула. Ей снились хорошие сны, где все было живым и счастливым.

Разбудил ее звонок домофона. Она не сразу поднялась с постели.

– Алло, – подала она голос в трубку домофона.

– Мама, вы почему не открываете, уже двадцать минут звоню? И сотовый не берете почему? – взволнованно проговорила Даана.

Геля открыла входную дверь и пошла в ванную.

Вошла Даана, с ходу начав выговаривать свои тревожные замечания по поводу такого долгого молчания мамы.

– Мамуль, о чем только я не подумала. Может плохо вам стало или ... – замялась девушка, не зная, как выразить свои страхи.

– Да что могло со мной случиться. Я уснула. Извини.

– Вы опять плакали, вон лицо опухшее и глаза тоже.

– Я же говорю тебе, что уснула, вот глаза и опухли, – разубеждая дочь, сказала Айгель.

Даана с недоверием покачала головой.

– Совсем себя не бережете, подумали бы хоть обо мне.

Геля ничего не ответила. В три часа дня приехала Алена. – Заседание суда отложено, так что я освободилась пораньше. Что, поехали?

– Да, мы с Дааной уже готовы. По пути у цветочного магазина остановишься цветы купить?

– У любого магазина?

– Без разницы. Хочу взять розы маме и ромашки Арлен, она их любила.

Пока купили цветы, пришлось поискать ромашки, когда добрались до кладбища, уже шел пятый час.

– Здравствуйте, мои родные, – сказала Айгель, раскладывая цветы на могилах родных, – как вы тут? Очень скучаю, так мне одиноко без вас. Вчера звонил Амир, у него все хорошо. Работает. Поклон вам передавал. У Эрбола тоже вроде налажено в жизни.

Айгерим вышла на новую работу, я же вам в прошлый раз говорила, приняли ее там хорошо, дружелюбно. И на личном фронте вроде бы есть тенденция к замужеству. Грядет свадьба. Не знаю, правильно ли поступаю, мамуль, но я ее благословила. Мне так сложно бывает порой решать возникающие проблемы, касающиеся нашей семьи. Как вы только справлялись со своими детьми, с их женами и мужьями. Как вам удавалось держать нас всех в одном кулаке и объединить настолько, что мы даже думали одинаково. У меня так не выходит. У всех нас свой характер со своими достоинствами и недостатками. Я благодарна моим братьям и сестре за то, что они выходили меня, но не могу в знак благодарности слепо соглашаться с их неверными выводами или действиями. И в эти минуты мне так не хватает вас, чтобы получить совет, как правильно поступить. Я никогда не смогу быть такой, как вы, как бы ни старалась. Я так люблю вас! Малышенок, вышла твоя монография в свет. Поздравляю. Многие микробиологи теперь будут пользоваться ею для новых открытий в науке. И они всегда будут ссылаться на тебя, на твой опыт и твои знания. Плохо, конечно, что сама не участвуешь в триумфальном шествии твоих трудов, но ты, наверное, незримо для нас всех видишь это. Я в этом не сомневаюсь. Даана пойдет по твоим стопам. Она продолжит твое дело. Обещаю. Пусть Бог будет милостив к вам в вашем мире. Я молю Господа, чтобы он не жалел своих благ для вас. Мы, все оставшиеся здесь, любим

вас и помним. И всегда будем любить! Прощайте и простите меня.

Айгель поднялась с колен. Поклонилась. И пошла за ограду.

На обратной дороге домой все молчали, не проронив и слова.

Уже у подъезда Айгель предложила:

– Знаешь, Ален, давай возьмем вина.

– Давай. Ты с Дааной поднимайся пока, а я схожу в супермаркет. Солнышко, тебе мороженое взять? – поинтересовалась она у Дааны.

– Возьмите, если можно.

– Ставьте чай, я скоро.

Несмотря на наступление вечера, прохлады не было. Духота угнетала.

После бокала красного вина Айгель совсем разморило.

– Ты не против того, если я прилягу, что-то спина ноет сильно? – спросила Геля подругу.

– Конечно, нет. Так она и не проходит, боль?

– Там же грыжи сплошные, так что должно болеть. Это теперь уже навсегда. Знаешь, физические страдания меня беспокоят меньше всего. Страх, что считаю себя повинной в смерти родных, вот, что меня мучает, не давая ни минуты передышки. Внутри меня тьма. Она поглотила однажды меня и не отпустила назад.

– Это хорошо, что тьма, – как-то по-философски заметила Алена.

– Почему? – удивилась Геля.

– Потому что тьма живая! А живое значит не бездна, не пустота. Когда человек во тьме, перемены возможны. Причем они не только возможны, но и приходят, как воздух. Ты сильная, у тебя все получится. Знаешь, на ристалище бегут все, но лишь один добегают, Ты из тех, кто добегают. Не сомневайся в себе, потому что и другие могут засомневаться. Не давай им такого повода.

– Я не уверена... Я точно знаю, что не смогу добежать до финиша.

– Сердце дарит нам жизнь, а мы его даже не видим. Запомни, победы рождаются у нас в груди, здесь, – сказала Алена, приложив свою ладонь к ее сердцу, – ты дочь своей матери, у тебя сильные гены, ты сможешь победить это горе. Не склоняй перед ним голову, за тобой стоят братья, сестра, дети. Все они смотрят на тебя, все ждут твоей поддержки и верят в то, что у них есть опора в твоём лице. Ты не принадлежишь себе и не имеешь морального права сдать без боя. Дерись с этой тьмой за себя, за сестру, за дочь, в конце концов. Встряхнись наконец-то, Геля! Кем ты была раньше, и что ты сделала, это уже не важно. Важно, кто ты сейчас!

Айгель благодарно улыбнулась подруге. В ее взгляде, обращенном к Алене, были тепло и нежность.

– Спасибо за веру! – сказала она тихо.

– Мы еще повоюем! – с некоторой бравадой произнесла Алена.

Айгель понимала, что подруга пытается изо всех сил вытащить ее из этой черной глубокой ямы судьбы, куда она упала в июле прошлого года, но выхода она не видела. Слишком бескрайней и бездонной она оказалась.

– Все встанет на свои места, как и положено, – успокаивая ее, сказала Геля, – нужно только время. А его у меня хоть отбавляй.

Неожиданно пришли горестные мысли:

«Моя жизнь закончилась до того, как вышел отмеренный мне срок! И душа моя теперь Алтарь неизбывной печали».

– Это верно, – заметила она вслух.

– Что верно? – не поняла подруга.

– Все, что сказано, за это и выпьем, – подытоживая разговор, сказала Айгель.

Ночью ей снился тот же сон:

Они с Айгерим и девочками нанизывали мясо на шампуры, Арлен и тетя Женя лежали в тени дерева и наблюдали за ними, о чем-то тихо переговариваясь.

– А мы видим, что вы уже не спите, – громко заметила им Айка.

– И даже слышим, как обсуждаете нас, – сказала Айгель.

– Делать нам больше нечего, как обсуждать вас, правда, мам?

– Верно, мы говорим о своем, – подала голос тетя Женя.

– Эжешка, скоро будет готово? – крикнула Арлен, садясь.

– Ты прямо, как лягушка из «Дюймовочки», поели, а теперь поспим, поспали, а теперь поедим, – сыронизировала Айка.

– Нет, там было еще, не хочу учиться, а хочу замуж. Так вот, я тоже хочу замуж! – весело сказала Арлен.

Все рассмеялись.

– А куда ты денешь своего? И где я найду тебе сейчас нового жениха? – наигранно расстроилась Айка.

– Это уже твои проблемы. Вот так вот, – парировала Арлен.

– Эжешка, что будем делать? Где мы ей сейчас здесь жениха возьмем? Ей шашлыки приготовь, и еще замуж подавай.

– Почему ей? – деланно удивилась Арлен, – нас здесь двое. Мама, они вас игнорируют, нет, вы представляете, каково?

– Ой, простите, мы не знали, что мамулечке тоже жених надобен. В «Дюймовочке» было несколько иначе, только одной из лягушек требовалась пара, – извиняющимся тоном сказала Айгель.

– Айка, вечно ты все путаешь, – словно ругая её, продолжала шутить Айгель.

– Вот такая вот я. Извините, исправлюсь, начну прямо с сегодняшнего дня исправляться.

– Тайэнешка, а вы что, замуж хотите? – искренне удивляясь желанию бабушки, спросила Ками.

– Нет, она уже старая, – смеясь над словами Камиллы, закричала Алюка.

– Как старая? – сделал обиженное лицо, чуть не плача, спросила тетя Женя, – я молодая совсем еще, я тоже замуж хочу, что, только твоей маме можно замуж идти?

– Но моя же мама молодая, а вы уже старая, вам не надо замуж. Вы уже бабушка. Вас никто не захочет полюбить.

– Как никто не захочет, – вмешалась Геля, – ты что говоришь про мою маму, нет, ты слышишь, Арлен, что говорит Айкина дочь?

– Слышу, – придав голосу строгости, ответила Арлен.

– Ну, правильно говорит Алюка, – вступилась за дочку Айгерим, – тайэнешка же старенькая уже, а я молодая.

– И вы тоже уже старая, – не на шутку обидевшись, глядя на Айгель, сказала Алия.

– Да, вот я старая, а тайэнешка молодая еще.

Теть Женя лежала и улыбалась шутливой перебранке детей и внуков.

Видя, что Алюка не на шутку разошлась, она искренне рассмеявшись, сказала:

– Ну, все, хватит шутить. Алюка права. Старенькая я уже, никто меня замуж не возьмет. Я сама не пойду замуж, буду жить с внученькой и доченькой, да?

– Да, – сказала Алия, победоносно глядя на своих теток и Камиллу.

Подросли шашлыки. Все расселись и, разлив по бокалам напитки, приступили к очередной трапезе на природе.

– На чем вы, эжешка, мариновали мясо, – поинтересовалась Арлен.

– На минеральной воде и кинзы с баданом добавила.

– М-м, так это, наверное, специи придали такой необычный вкус?

– Да, они. Ой, хорошо сидим, да, мамуля? – спросила Айгель, попивая свое пиво, сохранившее прохладность, хотя лед уже полностью растаял в бутылках.

– Хороший сегодня день!

Они еще часа два шутили, пели песни. Дети играли в догонялки. Домой возвращались в приподнятом настроении...

Что-то разбудило ее. Невидимая рука погладила ее лицо. Геля явно ощутила чье-то присутствие у себя в спальне. Но страха, в отличие от прошлого раза, не было. Наоборот, какое-то умиротворение на душе, такое долгожданное, такое уютное. Ей почему-то захотелось поздороваться.

– Я приветствую тебя, – сказала она тихо своему незримому гостю, – не знаю, кто ты? Но верю, что не со злом ты пришел. Еще вчера я подумала бы, что ты душа моей мамы, но сегодня чувствую, что это не так. Мира тебе!

В ответ была тишина. Ее озарила мысль: «это Ангел пришел за мной».

– Мне снился такой хороший сон, если бы он мог повториться, и если бы только я могла навсегда остаться в нем, если бы только... – сказала она.

За окном была полная луна, чей свет, проникая в окно сквозь тюль, ярко освещал ее спальню. Геля никого не видела, но странное чувство присутствия не покидало ее.

– Помолись за меня Богу! – попросила она негромко и, закрыв глаза, стала ждать сновидений.

«Странный сон, все продолжается и продолжается», – подумала она, вновь оказавшись на природе с родными, на той же поляне, в тот же солнечный и счастливый день. Какая-то часть ее сознания, еще не успевшая полностью окунуться в забытие, констатировала этот факт.

– Мамуль, – обратилась она к тете Жене, – вы знаете, этот сон мне снится уже в третий раз? К чему бы это?

– Какой сон? – уточнила тетя Женья, не поняв слов дочери.

– Тот, в котором я сейчас пребываю, – неуверенно пояснила Айгель.

Сестры в недоумении посмотрели на нее.

– Ты, наверное, перегрелась у костра, да еще на солнце, приляг, отдохни. Здесь в тени дерева так хорошо, так прохладно, легкий ветерок обдувает.

– Так это не сон? – всерьез удивилась Геля.

Теть Женя настороженно посмотрела на дочь.

– Арлен, дай место для Айгель, пусть отдохнет, – сказала она.

– Эжешка, ложитесь здесь, – ответила малышонок, поднимаясь с места.

– Нет, лежи, я не хочу, – запротестовала Айгель, потом оглядевшись вокруг, спросила настороженно, – так это все взаправду?

– Доченька, ты меня пугаешь. Хватит шутить, – попросила ее теть Женя.

– Какое счастье, что это не сон! Спасибо, Господи! Спасибо!

Айгель подскочила к маме и расцеловала ее со словами:

– Спасибо, Господи! Мамулечка, так вы все живы?

– Не смешно, – переходя на серьезный тон, сказала теть Женя, – ты все-таки перегрелась. Тебе, наверное, пока ты нанизывала мясо на шампуры, приснился сон?

– Я так счастлива! Мамулечка, я так вас всех люблю. Малышонок, я так тебя люблю! Спасибо, Господи!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

– Мне очень жаль, – сказала, опуская глаза, врач реанимации, – мы сделали все, что могли. К сожалению, травмы были не совместимы с жизнью. Примите наши соболезнования.

Эрбол стоял, как будто его оглушило. Айка закричала:

– Попробуйте еще, вы же реанимация. Сделайте что-нибудь, ну хоть что-нибудь, – переходя на рыдания, умоляла она доктора.

Амир обнял Айгерим крепко-крепко. Слезы выступили на его глазах, ком душил горло.

– Тише, – сказал Эрбол, утирая слезы – там Арлен и мама услышат. Палата рядом находится, все слышно. Возьмите себя в руки.

Айгерим закрыла рот руками и тихо плакала. Арлен уже разрешили на несколько минут сидеть на кровати, несмотря на то, что легкое головокружение еще оставалось. Все-таки ушиб тяжелой степени и гематома в лобной области так быстро не проходят. После выписки ей еще предстояло почти полгода реабилитации. Но это уже были мелочи. Теть Женю после операции уже перевели в палату, у нее была обширная гематома в левой височной области, переломы плеча, головки бедренной кости, множественные ушибы мягких тканей живота, в том числе и селезенки, и хотя состояние было стабильным, все же она была еще очень слаба. Шли всего лишь девятые сутки после операции. Но динамика здесь была явно положительной. Даану уже перевели в палату и готовили к выписке домой. Ушиб головного мозга средней степени, ссадины и ушибы мягких тканей спины и живота, компрессионный перелом пятого поясничного позвонка позволяли выписать ее на двадцать пятый день для дальнейшего лечения дома. Однако Даана упростила своего доктора остаться в палате еще на три-четыре дня рядом с

Камиллой, которую вот уже как три дня перевели из реанимации. Палатный врач пошел ей навстречу. Ками сильно пострадала при аварии: переломы трех ребер, перелом нижней челюсти, закрытый перелом затылочной кости, ушиб головного мозга тяжелой степени, ушибы мягких тканей лица. Врачи не верили, что ребенок выживет, операция была сложнейшей и продолжалась больше восьми часов. И все-таки, Камилла выжила. После двенадцати дней в реанимации ее перевели в палату. Стойкий оловянный солдатик, всю свою жизнь борющийся за право жить, победил и на этот раз! И хотя она была еще очень тяжелой и слабой, жизнь полным ходом входила в нее. Камилле было легче переносить тяготы послеоперационного периода рядом с Дааной, которая всячески пыталась ее поддержать. Все это время Алена – подруга Айгель, была сначала рядом с Дааной, теперь она ухаживала и за Камиллочкой.

– Даана, подойди сюда, – жалобным голосом еле проговорила Ками, пересиливая боль от перелома нижней челюсти. И хотя хирурги все скрепили ей, боль была еще острой. Каждые три часа ее обезболивали.

– Да, Ками, что сделать? – спросила, подходя к ее кровати Даана и глядя тоненькую руку сестренки, – чем я могу помочь?

– Камиллочка, девочка моя, что, укол попросить? – спросила участливо Алена.

– Да, – пересохшими губами тихо ответила девочка.

– Сейчас, я уже иду, – сказала Алена, направляясь к выходу из палаты.

Пришла медсестра со шприцом и сделала внутримышечную инъекцию.

– Скоро пройдет, потерпи, – сказала она девочке и вышла.

– Пить, – попросила Камилла.

Алена осторожно вложила ей в рот конец длинной трубочки, через которую Ками пила.

– Расскажи мне что-нибудь, Даана, – попросила Камилла.

– Что именно ты хочешь услышать?

– Что-нибудь интересное.

– Я почитаю тебе книгу. Она про девочку-подростка, которая имела такую большую душу и волю, что смогла победить зло в лице своих врагов. Хочешь?

– Да, – глухим голосом ответила Камилла.

Даана взяла первую книгу из трилогии Скотта Вестерфельда «Уродина».

– Тетя Алена, вы не могли бы подкатить мою кровать к Ками, чтобы она меня видела.

– Конечно, могу, кровати же на колесиках. Сейчас. Вот так пойдет?

– Пойдет. Ками ты меня хорошо видишь?

– Да.

И Даана начала читать вслух. Нужно отметить, что Даане еще четыре месяца нельзя было садиться и полтора месяца предстояло соблюдать дома постельный режим.

Айгерим плакала у дверей реанимации. Эрбол и Амир с родственниками решали, как быть с мамой и Арлен. Сообщать ли им о смерти Айгель.

– Это убьет их. Тогда потери будут еще большие. Женечка совсем слаба. Она не перенесет известия о смерти дочери. От Арлен тоже нужно пока скрыть, – сказала Майрам.

– Что теперь будет с Дааной? Как ей сообщить об этом? – угрюмо куря сигарету, дрожащим голосом произнес Амир.

– Ей ничего не надо говорить. Пусть пройдет время, – сказал Эмиль, – эжешка поправится, сама как-нибудь объяснит внучке, хотя, ... – он тяжело вздохнул, – как это скрыть от нее, даже не знаю?

– Скажем, что везем Айгель эжешку на операцию в четвертую больницу. Другого варианта я просто не вижу, – сказал глухо Эрбол, – агашка прав, мы не можем теперь говорить им о случившемся. Надо взять себя в руки, всем без исключения и не подавать вида ни маме, ни Арлен, ни Даане.

– Кто возле детей дежурит? – уточнил агашка.

– Эжешкина близкая подруга Алена, – ответил Эрбол, – надо предупредить врачей, чтобы ненароком не проговорились маме.

Вечером того дня Алена звонила Марине.

– Алло, – сказала она глухим заплаканным голосом, – Марин, ты?

– Да, Ален, ты такая расстроенная? Что-то случилось?

– Случилось, – срываясь на плач, произнесла Алена, – Гели не стало...

– Не может этого быть! – невольно вырвалось у Марины, в трубке зависла тишина. Потом раздались рыдания.

Подруги плакали без слов, не успокаивая друг друга. Первой взяла себя в руки Марина.

– Остальные знают об этом? – спросила она, имея в виду своих подруг.

– Любе я только что позвонила. Катя и Гульнара еще не в курсе, позвони им ты. Ее сейчас привезут домой. Подъезжайте сюда. Я с Айгерим и тетками Гели уже у нее дома. Во дворе устанавливают юрту. Даже не верится, что я это говорю тебе, – вновь сорвалась на рыдания Алена и, не совладав с собой, отключилась. Марина еще долго слушала короткие гудки, раздающиеся в трубке, не способная осмыслить случившееся. Через час все Гелины подруги стояли, обнявшись, и горько плакали. Тело Айгель должны были привезти с минуты на минуту. В белой юрте развешивали занавеску – кошого, последнее пристанище Гели в этом мире.

Дабы не вызывать подозрений у теть Жени и Арлен, было решено оставить дежурить возле них Амира. Тем более, что вчера рядом с ними была Айгерим. Эрбол еще вчера вечером сообщил теть Жене, что Айгель находится в реанимации, и что скорее всего ее переведут в четвертую больницу для оперативного вмешательства вертебрологов, специализирующихся на операциях позвоночника. А так как у Айгель был перелом шейных позвонков, то лечиться ей предстояло именно там. С некоторыми сомнениями, но теть Женя все-таки приняла эту версию. Наверное, этому поспособствовало еще и то, что ей давали большие дозы седатиков и транквилизаторов. Сознание теть Жени было смазанным, не воспринимающим всех нюансов реальности. И Слава Богу! Иначе, как бы они ее убедили.

Прошел год со дня смерти Гели. На ее могилу были возложены любимые цветы – желтые розы. Теть Женя сидела прямо на земле, утирая беспрестанно текущие слезы. Арлен, Айгерим стояли за ее спиной и молча плакали.

– Дааночка окончила школу. Сдала ОРТ и сейчас сдает экзамены в Медицинскую академию. Хочет стать оперирующим кардиологом. У Амира все хорошо на работе, дома. Эрбол открыл свой медицинский центр. Айгерим выходит замуж через месяц. Арлешенька защитила докторскую диссертацию и собирается поехать в Японию по контракту на год. Будет читать лекции студентам университета. Я тоже держусь, хотя сил и не остается, но пока Дааночку не определю в жизни, буду рядом с ней. Ты не волнуйся за нее. Она у тебя молодец. Умная девочка, сердобольная. Иногда думаю, что бы я без нее делала. Во всем мне помогает. Она как-то сразу повзрослела после твоей смерти, все за меня волнуется. Крепитесь, слез не показывает. Но я-то знаю, какво ей. Слышишь ли ты меня, доченька?

Теть Женя утерла слезы, сделала глубокий вдох и медленный ступенчатый выдох. Перестала плакать. Сосредоточилась и начала читать Коран.

Все сказали:

– Омин!

Девочки с двух сторон подхватили тетю Женю под руки и подняли с земли.

– Прощай, балам, до следующей встречи, – сказала глухим голосом тетя Женя и, выйдя за ограду, направилась к машине.

С тех пор, как Геля пребывала в мире, где миг земной телесной жизни растянут на вечность, в душе ее царило умиротворение. В ином мире, к которому она теперь принадлежала, Айгель пребывала в окружении своих родных на природе, в весенний солнечный день, где они готовили шашлыки и пели песни. Тот самый, в котором она была так счастлива.

В момент, когда тетя Женя в своем мире у ее могилы прочла молитву и попрощалась с ней, чья-то неведомая и сильная воля увлекла ее взор вдаль, куда-то вверх, далеко за пределы этого дня, года и мира. В ее душе появилось чувство радости, даже восторга и, не осознавая причину этого чувства, Айгель улыбнулась. Вдруг перед ее взором появилось видение: образы матери и сестер сизым дымком где-то высоко в небе показались у могильного холмика. Это почему-то не удивило ее, наоборот, обрадовало: они пришли к ней в гости, проведать. Геля незримым взглядом, способным проходить через границы миров, видела их прощание. И хотя тела у нее уже не было, но душа, полная любви к своим близким, была жива по-прежнему, хоть и находилась теперь в ином измерении.

«Храни вас Аллах! – сказала она мысленно вслед своим родным, которые по ее ощущениям были рядом здесь и где-то еще. Она безотрывно смотрела на небо, пока видение полностью не исчезло в безоблачной голубизне.

– Храни вас Аллах, – сказала она уже вслух, потом добавила, – берегите мою дочь! Я вас всех люблю!»

Я приду к вам каплями дождей,
Я приду цветеньем трав весной,
Солнечным лучом средь будних дней,
Первым снегом раннею зимою.
Ведь ничто не умирает на земле,
Чтобы стать никчемной пустотою.
Так и я, всегда в кромешной мгле
Буду освещать ваш путь звездою.
В ней теперь живет душа моя,
Подними глаза при лунном свете:
Небо в звездах, средь которых я –
Та из звезд, что ярче всех вам светит.

* * *

Алена сидела на скамеечке у могилы Гели. Она уже возложила белые розы на могильный холм, и теперь, молча утирая слезы, смотрела на Айгель, навсегда запечатленной в черном камне. Лицо Гели выражало умиротворение. Она улыбалась лишь уголками губ.

– Я знаю, ты где-то там, за пределами видимости этого мира. Я помню, как ты говорила мне, что ад и рай существуют независимо от нашей веры или неверия в них, так же, как неоспоримо существует Бог. И я верю в то, что ты пребываешь в раю. Да хранит тебя Аллах, моя Айгель.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Близкие люди.....	3
Знаковая встреча.....	3
Хорошо забытое старое.....	20
Подруги.....	35
Айгерим.....	45
Паутинабудней.....	50
Начало перемен.....	58
Ожидание.....	85
Эрбол.....	100
Сюрпризы.....	113
Вторжение темной воли.....	134
На пороге испытаний.....	146
За гранью реальности.....	187

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Отдаешь навсегда.....	219
Обманутые надежды.....	219
Ад только начинается.....	266
В опале Бога.....	307
За пределами возможностей.....	335
Горечь потери.....	363
Поминальная трапеза.....	384
Смысл жизни.....	402
Восхождение на Голгофу.....	424
Исполнение долга.....	443
Обретение покоя.....	469
Вместо эпилога.....	479

Гулмира Кожокеева

ПО ТУ СТОРОНУ СУДЬБЫ

Повесть

Редактор *А. Марченко*

Корректор *Э. Кыштобаева*

Художник *М. Кадыров*

Компьютерная верстка *Н. Жуманалиев*

Формат 60x84_{1/16}. Объем 30,5 п.л.
Заказ № 13. Тираж 200.

г. Бишкек,
Издательство «Бийиктик Плюс»,
ул. Ю. Абдырахманова, 170 а
Тел.: 66-17-25